ЧЕРЕЗ ВСЮ ВОЙНУ

М. Паджев

М. Паджев

ЧЕРЕЗ ВСЮ ВОЙНУ

Издание второе

Издательство политической литературы
Москва · 1976

9(С)27
П12

П $\frac{10604—094}{079(02)—76}$ БЗ—24—3—75

О книге и ее авторе

Более трех десятилетий, вместивших грандиознейшие события, отделяют нас от Великой Отечественной войны, но не поблекли, не стерлись в памяти, не позабылись эти четыре героических года. Война продолжает жить в нас, в наших воспоминаниях, в судьбах людей, в книгах и обелисках, во всем, к чему прикоснулась она, где оставила свой след. И поныне для тех, кто был на фронте и кто родился уже после того, как отгремели бои, военное прошлое — пора величайших испытаний, невероятного драматизма и беспримерного героизма. Великое не должно быть забыто. Потому так ценно каждое новое свидетельство о нем, так волнующа каждая новая страница, внесенная в историю Великой Отечественной войны и ее бойцами, и ее летописцами.

Огромна была эта война, и все написанное о ней не может восстановить полностью картину грозных 1941—1945 годов. Еще появится немало книг, еще будет написано о том, что хранила до поры до времени память фронтовиков или документы архивов. Вот и эта книга ждала своего часа. Она первая в своем роде. Эта книга о пограничниках на войне. В советской литературе нередко пишется о пограничниках — о том, как они охраняли советскую границу в предвоенные годы, и о том, как встретили начало войны, как сражались с вероломным врагом, вторгшимся на нашу землю в памятное июньское утро 1941 года. Но еще не было книги, в которой бы рассказывалось, что делали советские пограничники все долгих четыре года войны.

Бойцы границы первыми отразили напор фашистских завоевателей. Они первыми оказались под обстрелом танковых и моторизованных полчищ врага. Раньше всех они вступились за честь, свободу и независимость своей Родины. Первыми жертвами войны и первыми ее героями были советские пограничники. Тридцать минут отвел гитлеровский генеральный штаб на уничтожение советских пограничных застав. Но этот расчет оказался несостоятельным.

Вместе с частями Советской Армии пограничники не только героически сражались в приграничных боях, но и стойко дрались с ненавистными захватчиками под Минском и Ленинградом, у Киева и Одессы, под Москвой, Сталинградом и Курском, в Заполярье и Крыму. Они участвовали в освобождении советской земли и земель других стран на завершающем этапе войны. В великую освободительную миссию Советской Армии в

Польше, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Германии пограничники внесли свою лепту.

В годы Великой Отечественной войны на пограничниках лежала и еще одна особой важности и сложности задача: вместе с органами государственной безопасности и военной контрразведки они, составляя основной костяк частей по охране войскового тыла, вели напряженную, невиданную по масштабам борьбу с вражеской агентурой. Благодаря им врагу не удалось создать в нашей прифронтовой полосе своего подполья. Пограничники сделали все, чтобы обезопасить тыл наших армий. А когда война покатилась на запад, бойцы в зеленых фуражках включились в борьбу с прислужниками врага, оставшимися на освобожденной территории, с буржуазно-националистическим отребьем, а также бандами «Вервольф» — последней надеждой рушившегося фашистского режима. Пограничники охраняли здание инженерного училища в Карлсхорсте, где был подписан акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, они несли охрану Потсдамской конференции, на которой был вынесен окончательный приговор фашизму.

Обо всем этом и о многом другом рассказывается в книге «Через всю войну», посвященной главным образом боевым делам бойцов и командиров 94-го погранотряда, переименованного в ходе войны в 92-й пограничный полк, в составе которого автору довелось сражаться с немецко-фашистскими захватчиками. Пограничники 94-го отряда действовали в первые месяцы войны на Украине, в полосе Юго-Западного фронта, где в ту пору находился и я в качестве начальника оперативного отдела штаба этого фронта. Когда в середине июля 1941 года между Киевским укрепрайоном и Фастовом образовалась семидесятикилометровая брешь, в которую устремились ударные танковые соединения фашистского генерала Клейста, командование Юго-Западного фронта, не располагая необходимыми силами и средствами, бросило на закрытие этой бреши пограничников и бойцов внутренних войск НКВД. Этого для обороны семидесятикилометрового участка фронта было явно недостаточно. Но положение оказалось безвыходным. Среди тех, кто встал на пути фашистских танков, были пограничники 94-го отряда, оказавшиеся на самом острие фашистского танкового клина. Был там и автор книги, в то время начальник заставы. Нет, пограничники не разбили полнокровные танковые части врага, наносившие таранный удар. Но они задержали движение вражеской группировки на один день. Такие и подобные столкновения давали нам в ту пору драгоценный выигрыш времени для создания возможностей лучшего отпора врагу.

В сентябре 1941 года пограничники 94-го отряда помогли пробиться сквозь кольцо окружения частям 26-й армии. У города Лубны они на трое суток приковали к себе крупные силы врага. Для организации боя командованием Юго-Западного фронта был послан туда генерал Алексеев. В своей книге «Так начиналась война» я написал об этом: «Генерал полагал, что сюда прорвались лишь слабые передовые части противника и поэтому решил атаковать первым. А перед его небольшим отрядом оказались крупные силы танковой армии Клейста. Враг, конечно, отбил атаку, потом двинул танки. А в отряде Алексеева ни одного противотанкового орудия. Однако отряд не отступил. Бойцы и командиры дрались яростно...» И это был не последний случай, когда пограничники вставали на пути фашистских танков.

Книга М. Г. Паджева — это суровая правда о минувшем. Она написана человеком, который прошел через всю войну. Автор сам олицетворение пограничника на войне. Его волю и мужество, как волю и мужество его боевых товарищей, не сломили никакие испытания. Духовная стойкость бойцов в зеленых фуражках успешно прошла проверку огнем.

Больше десяти лет писал Михаил Григорьевич Паджев свою книгу, намного дольше, чем шла война. Почти все эти годы он был прикован к постели из-за контузии, полученной на фронте. Восстанавливая факт за фактом, вспоминая имя за именем, ведя переписку с друзьями, работая в архивах, он писал упорно, потому что не мог допустить, чтобы канул в безвестность героический подвиг его боевых товарищей, о которых не сообщалось в сводках Совинформбюро и даже не было написано боевых донесений.

Книга «Через всю войну» — это гимн бойцам-чекистам, их беззаветной преданности социалистической Родине, идеям коммунизма. Только человек, многое переживший и испытавший на войне, пробывший на ней с первого до последнего часа, мог написать такие строки: «Они хотели стереть нас с лица земли огнем, пытались раздавить гусеницами танков, жаждали смять, опрокинуть, заставить навсегда замолчать, признать их силу, превосходство. Но не они, а мы едем через тридцать лет по этим местам. Их нет. Не мы, а они были смяты, опрокинуты, раздавлены, стерты с лица земли. Пережив самые неимоверные испытания, мы дотла испепелили в справедливой борьбе фашистское чудовище.

Глядел я на эти поля и села, что остались в памяти, как осколки в земле, и думал. Думал о том, что как ни тяжела была война, как ни велики были страдания народа, как ни долог был

наш путь к победе, как ни жива до сих пор в сердце боль о погибших, пропавших без вести, а вспоминается былое с гордостью. Тем, кто прошел по многотрудным фронтовым дорогам от первого дня войны до последнего, есть чем гордиться. Мы верили в нашу победу с первых минут. Верили тогда, когда в наших руках оставалась последняя граната, а в винтовке последний патрон.

Нет, не только горечь поражений вкусили мы. Мы познали и радость побед. И победы начались не только тогда, когда мы погнали гитлеровские войска от Москвы, от Сталинграда, от Курска, когда победно прошли через всю Европу. Победа закладывалась с первого ответного выстрела на границе, с первого ответного броска гранаты, с первого свалившегося замертво от нашего огня фашиста, с первого подбитого танка врага».

Победа над фашизмом, 30-летие которой наш народ и все прогрессивное человечество отметили в 1975 году, была не только победой нашего общественного и государственного строя, нашей экономики. Это была победа коммунистической идеологии, породившей невиданную стойкость и самоотверженность советских людей, победа нашего духа. Именно такими были на войне и такими запечатлены на страницах книги герои советской границы, с первой и до последней минуты делавшие все, чтобы отстоять свободу и независимость нашей Советской Родины.

Маршал Советского Союза
И. БАГРАМЯН

Май 1975 года

Застава в горах

В октябре 1939 года 94-й пограничный отряд, где я был начальником заставы, принял под охрану новый участок государственной границы в Прикарпатье. Это случилось после того, как Красная Армия, завершив свой освободительный поход и взяв под защиту от гитлеровской агрессии в начавшейся второй мировой войне братские белорусский и украинский народы, проживавшие в Западной Белоруссии и Западной Украине, вышла на новые рубежи.

Участок границы, который поручили охранять нашему погранотряду, считался очень трудным. Это были глухие места Карпат с немногочисленными дорогами, пролегавшими в основном через Ужокский, Верецкий и Вышковский перевалы. Дороги вели во Львов, Винницу, Стрый, Тернополь, Бердичев. На правом фланге, где проходила граница с оккупированной фашистами Польшей, заставы стояли на реке Сан. Далее государственный рубеж шел по горным хребтам, за которыми лежала хортистская Венгрия. Тут было большинство застав отряда, в том числе и наша, десятая.

О десятой заставе говорили тогда как о труднодоступной. И действительно, добраться до нее было нелегко, особенно зимой. Весной, летом и осенью путь был легче: машиной до села Кривки, а там пешком или на лошади до высоты, расположенной выше уровня моря на 902 метра, где и стояла застава.

Мы занимали двухэтажный деревянный дом бывшей польской стражницы, рядом с ним была конюшня. Уже обветшавшие постройки окаймлял густой еловый лес. Граница пролегала всего в двухстах метрах, и заставский двор хорошо просматривался от водораздела, по которому проходил государственный рубеж. В тихие ночи сюда доносились голоса пограничной стражи сопредельной стороны.

Пограничники размещались в трех небольших комнатах на первом этаже. Здесь же находились столовая и кухня. В коридоре на втором этаже проводили боевой расчет, остальную часть этажа занимали канцелярия, помещение дежурного и две комнатушки для начсостава. В здании заставы хранилось снаряжение и полугодовой запас продовольствия. Электричества и радио не было. Освещалось помещение фонарями «летучая мышь». На границу выходили с керосиновыми следовыми фонарями. Единственное средство общения с внешним миром — телефонная связь со штабом комендатуры через почтовое

отделение в селе Матков. Один раз в месяц, и то только летом, в Кривку приезжала кинопередвижка.

В ту зиму погода в Карпатах была неустойчивой. То мели метели, то наступали оттепели. После мокрого, липкого снега вдруг все сковывал мороз, кружила вьюга. Покрытые белым ковром склоны гор почти каждый день обволакивал туман. Не стихал ветер. Он рвался через перевалы, наметая сугробы, ломая в лесу деревья. Пограничники возвращались с границы промерзшие, измученные. От сырости и холода одежда превращалась в ледяные негнущиеся панцири. А сушить ее было негде: сушилку и баню мы только начали строить. Так и развешивали в казарме мокрые заледенелые шинели и плащи.

Однажды, когда подходил к концу первый месяц моего пребывания на заставе, я, вернувшись с границы, застал в канцелярии незнакомого человека.

— Младший политрук Скляр,— представился он, легко поднявшись со стула,— назначен к вам заместителем по политчасти.

С виду политрук больше походил на командира. Его отменной выправке можно было позавидовать. Но вот он улыбнулся, и на смугловатых щеках проглянул легкий румянец, возникли две ямочки — ни дать ни взять добрый, застенчивый молодой человек.

— В отряде и в комендатуре вам наверняка говорили, что застава, на которую вы назначены, трудная, а я не могу похвастаться покладистым характером,— заметил я суховато.

— Я думаю, мы с вами сработаемся,— мягко отозвался младший политрук.

Не знаю, что подумал обо мне мой будущий заместитель, но я отметил, что, пожалуй, людям политрук придется по душе.

Мы обошли с политруком помещения заставы.

— Да, тесновато,— заметил он, когда мы поднялись на второй этаж.

Я показал комнату, которую раньше занимал его предшественник.

— Напротив живу я.

— А не возражаете,— обратился ко мне Скляр, и улыбка снова украсила его худощавое, обтянутое смуглой кожей лицо,— если мы с вами будем жить вместе, а здесь оборудуем Ленинскую комнату?

— Ну что ж, мысль дельная,— согласился я.— Давайте попробуем.

Так началась наша совместная служба с Максимом Антоновичем Скляром. Исключительно спокойный, внимательный,

сердечный, Максим очень скоро стал признанным комиссаром заставы. Как-то ладно у него все получалось. Он не ждал, когда его попросят, сам приходил к людям на помощь, умел предупредить беду, все вовремя увидеть, заметить. Можно было только благодарить судьбу, что на заставу прибыл такой политработник. Не все удержалось в памяти, многие эпизоды и случаи забыты, но один из них запомнился. Мы прорубали просеку в лесу. Часть древесины необходимо было куда-нибудь вывезти. Попросили об этом крестьян. Скоро срубленный лес оказался рядом с их хатами. Тут-то и нагрянул лесничий. В районную прокуратуру поступил акт о незаконной вырубке леса. Просматривая очередную почту, я нашел письмо, в котором мне предлагалось явиться к прокурору. В этот момент и вошел в канцелярию Максим.

— О чем задумались? — спросил он, как всегда, весело.— Может, лучше пойдем в столовую? Сегодня повар приготовил гуся.

— Боюсь, как бы из меня гуся не сделали,— мрачновато отозвался я и протянул Скляру бумагу.— Прочитай-ка.

Максим пробежал письмо.

— Стоит ли из-за этого морить себя голодом? Пойдемте, остынет гусь.

За обедом он рассказал, что раньше узнал обо всем и уже съездил в район. Был у секретаря райкома партии, ходил к прокурору и доказал, что все сделано нами в интересах охраны границы. Секретарь райкома и прокурор согласились с доводами и прекратили это дело.

Максиму шел тогда двадцать четвертый год. Родом он был из сибирского села Исиль-Куль Омской области. Рано остался без отца, подростком начал трудиться в колхозе. Окончил Петергофское пограничное военно-политическое училище имени К. Е. Ворошилова. Там вступил в партию. Все свои силы Скляр отдавал беспокойной пограничной службе, работе с людьми. Помогая мне во всем и везде, он, казалось, не знал усталости, радовался любому успеху, искренне переживал неудачи.

Мы многое успели сделать. Построили склад, сушилку, баню. Значительно усилили границу в инженерном отношении: протянули вдоль нее проволочный забор, прорубили в лесу просеки, сделали на легкодоступных направлениях завалы. Был создан и оборонительный район, заработала на участке заставы телефонная связь. Думалось, стали мы прочно, надолго. Всего несколько месяцев назад был заключен пакт о ненападении между СССР и Германией. Огромные хозяйственные и

культурные успехи страны, рост благосостояния советских людей настраивали на бодрый, оптимистический лад. Газеты, письма, поступавшие пограничникам из родных мест, доносили уверенное биение пульса огромного государства.

С высоты сегодняшнего дня особенно хорошо видно, как много делалось Коммунистической партией и Советским правительством для дальнейшего подъема всех отраслей народного хозяйства, укрепления обороноспособности страны, постоянной готовности к отражению империалистической агрессии. Принимались энергичные меры по увеличению нашего военно-экономического потенциала, создавались крупные государственные резервы, во все возраставших количествах выпускались вооружение, боевая техника, боеприпасы, росла численность армии и флота, совершенствовалась организационная структура Красной Армии. Помнится, газета «Красная звезда» отводила целые страницы сообщениям о тактических учениях, писала о маршевой подготовке, новых чертах современного военного искусства, форсировании водных преград, действиях механизированных войск. Немало появлялось снимков, на которых рядом с бойцами и командирами можно было видеть работников Наркомата обороны, представителей высшего командного состава Красной Армии. Чувствовалось, старшие начальники часто бывают в войсках, интересуются боевой готовностью РККА.

И граница жила напряженной жизнью. Не проходило дня, чтобы на заставе не объявлялась тревога. Иногда они случались по три-четыре раза за ночь. Среди задержанных были агенты иностранных разведок, бандиты из организации украинских националистов, контрабандисты. Помню, в конце февраля или в начале марта 1940 года пограничный наряд задержал нарушителя, пытавшегося прорваться из-за кордона. Это был отлично тренированный лыжник, и пограничники немало попотели, пока настигли его. У неизвестного были изъяты документы, в которых содержались сведения, весьма пригодившиеся органам госбезопасности. Путь лазутчика лежал во Львов, где он должен был встретиться с представителями антисоветского подполья.

Приходилось нам в то время вести работу и с местным населением. Отношение гуцулов к Советской власти было исключительно доброжелательным. Однако кое-кто пытался ввести в заблуждение крестьян, рассказывая всяческие небылицы о коллективизации. Каждую неделю в сельсовете или школе собирался народ, и кто-нибудь из нас — я, Скляр или члены партии братья Алексей и Николай Хретинины, командиры отделе-

ний сержанты Иван Беляев и Василий Борисов — выступали перед гуцулами с обзором текущих международных и внутренних событий. Рассказывали о жизни колхозной деревни. Усилия наши не пропали напрасно. Постепенно с жителями сел у нас установились самые тесные дружеские контакты. Многие из гуцулов помогали нам в охране границы.

Как-то после подобной беседы я возвращался из села Ивашковцы на заставу. За околицей меня окликнули:

— Товарищ начальник, подождите, хочу вам что-то сказать.

Ко мне подошел житель села Ивашковцы Михаил Осовский, которого односельчане величали Михасем. За сорок лет жизни он успел немало повидать. Тяжело жилось малоземельному крестьянину в буржуазной Польше. Вроде и небольшая семья была у Михаила Ивановича, а прокормить, обуть, одеть ее он не мог. В поисках заработка вынужден был уехать за границу, добрался до Франции, но и там не нашлось работы. Тогда отправился Михаил Осовский в Америку, а потом в Канаду. Однако и в хваленом Новом свете оказалось, что хрен редьки не слаще.

Три года Осовский прожил на чужбине, но не разбогател. Едва собрал денег на обратную дорогу. Вернулся в родное село, в свой дом. По-прежнему стал обрабатывать скудный надел земли — сажал картофель, сеял овес. Иногда удавалось устроиться на вырубку леса. В общем, кое-как перебивался. Однако нужда заставила Осовского искать и «побочный» заработок. И приловчился он ходить через польско-венгерскую границу. Туда скупщику Берко носил так называемую «матку» — головню на колосьях ржи, из которой изготовлялось дефицитное лекарство. Взамен получал различные товары. Бывало, когонибудь и проводил через границу. Так и пошла о нем слава на всю округу как об опытном «ходоке» и проводнике. Мы тоже стали присматриваться к Осовскому, и однажды после очередного «вояжа» за кордон пограничники задержали его. Мне пришлось побеседовать с Осовским, и он дал слово, что советскую границу больше никогда нарушать не будет.

Сейчас он нерешительно переминался с ноги на ногу:

— Старшина начальник, вот какое дело... В воскресенье я был в Борине на базаре. Там ко мне подошел один прежний приятель и сказал, не хочу ли я подзаработать. Приезжай, говорит, в следующее воскресенье сюда пораньше, мы обо всем договоримся. Дело для тебя привычное, кое-кого проводишь через границу. Вначале я хотел отказаться, но потом решил: если откажусь, они найдут другого, и вы не будете знать, где и

когда они пойдут. И я согласился на эту встречу. Как мне быть, старшина начальник?

— Ну что ж, Михась, спасибо за предупреждение. На базар езжай, а мы что-нибудь придумаем.

К этому времени я уже хорошо знал местность на участке заставы и мог предложить, где лучше всего организовать задержание нарушителей границы, о которых сообщил Осовский. Комендант погрануччастка, получив все необходимые данные, согласился с моим мнением. Местом встречи с нарушителями наметили поляну, находившуюся в лесном массиве между речками Стрый и Кривчанкой. К условленному времени здесь расположились пограничники. Около двух часов ночи из леса на поляну вышел человек. Внимательно осмотрелся, послушал, махнул кому-то рукой. Появилась группа людей. Когда она оказалась на середине поляны, раздался окрик: «Стой на месте!» В ответ прозвучали выстрелы. Тотчас в небо взвились ракеты. Бандиты продолжали стрелять, пытаясь добраться до леса. Но их везде встречали огнем. В общем, деваться им было некуда. Восемь человек сдались. Двоих убили в перестрелке. Мы подобрали карту-схему с нанесенным на ней расположением наших воинских частей, узлов и линий связи. Были изъяты также золотые вещи и монеты на сумму 350 тысяч рублей. В то время уже шло формирование дивизии «СС — Галиция». И группа шла за кордон, неся с собой золото на финансирование этого преступного войска.

Так бывший «ходок» и контрабандист Михаил Осовский стал нашим надежным помощником в охране границы. А после войны он организовал колхоз в селе Ивашковцы, стал первым его председателем.

Вскоре после нового, 1941 года Максим удивил меня признанием.

— Ну, начальник,— сказал он, хитровато щурясь,— женюсь.

От неожиданности я не знал, что сказать.

— Кто она?

Скляр улыбнулся:

— Учительница Матковской средней школы Альбертина Жанновна де Вальер.

Вспомнилась стройная девушка с большими черными глазами, первая встреча с которой у меня произошла еще в феврале. По служебным делам я тогда был в Маткове и там узнал о приезде новых учительниц. Войдя в хату, где их поселили, я увидел за столом трех девушек. Попросил предъявить паспорта и проверил необходимые служебные отметки. Так мы познакомились. Валентина Ковалева, Клавдия Яковенко и Альбертина

де Вальер приехали сюда на работу после окончания Харьковского педагогического училища.

Условились со Скляром о дне, когда он сможет побывать в райцентре Борине и зарегистрировать брак. Свадьбу сыграли в очередное воскресенье. В комнатушке, где мы жили с политруком, собралось шесть человек: Альбертина, две ее подруги, Максим и мы со старшиной заставы Вершининым. Пили чай, пели песни, слушали любимые пластинки: Лемешева, Утесова, Шульженко.

А в Карпаты пришла весна. В горах еще лежал снег, но небо было уже голубым, теплым, и с каждым днем все ярче светило солнце. Зашумели первой талой водой ручьи. Звонкая капель по утрам бодрила часовых.

Наступление весны, как обычно, принесло новые хлопоты. На этот раз их было особенно много. Мир, по существу, уже был объят пожаром войны. Английская авиация бомбила итальянскую восточную Африку. Шли бои на итало-греческом фронте. В сводках германского командования сообщалось об успешных действиях немецкой авиации в Северной Шотландии и на Шетландских островах. Продолжалась война в Китае. Газеты сообщали об эвакуации немцев из Белграда, отъезде из Югославии немецких и итальянских корреспондентов.

Мы тоже чувствовали дыхание войны. В поисках убежища через границу шли люди, не желавшие жить под фашистским сапогом. Это была массовая эмиграция чехов, словаков, евреев. Перебежчики буквально наводняли заставы. Ежедневно задерживалось по двадцать и более человек, а на фильтрационном пункте отряда в иные дни число их доходило до нескольких тысяч.

Однажды в первой половине апреля пограничники привели на заставу сразу восемнадцать перебежчиков. Это были молодые чехи и словаки — парни и девушки, в основном студенты. Одеты пестро: кто в студенческой форме, кто в плаще, кто в пальто. Настроены они были весело, оживленно разговаривали между собой и с пограничниками заставы.

Опросив задержанных, установили, что все они являются жителями чехословацкого города Прешова, учащимися одной студенческой группы. Всей группой решили уйти в Советский Союз. На вопрос: «Что вас вынудило оставить родной дом?» — все отвечали одинаково: в Советском Союзе нет безработицы, значит, и для них найдется работа. А главное, они не хотят жить при фашистском новом порядке в оккупированной немцами стране. Не успели мы закончить оформление этой группы и отконвоировать ее в комендатуру, как пожаловали новые

пришельцы. На сей раз это были студенты и рабочие из чехословацкого города Кошице.

Обстановка на границе усложнялась. Приготовления к боевым действиям чувствовались во всем. На сопредельной стороне появились дополнительные армейские посты наблюдения. В село Латорку прибыл взвод пехоты противника. Вскоре в близлежащей роще стали производить какие-то работы: стучали топоры, слышался шум падающих деревьев. От церкви в Латорке был протянут в рощу телефонный кабель. Потом прибыли еще два взвода регулярных войск. Наряды докладывали, что по ночам у самой границы солдаты роют окопы. Окопы, щели, ходы сообщения были отрыты всего в пяти-шести метрах от пограничных столбов. Ко второй половине мая три усиленных взвода и вражеская стражница полностью оборудовали позиции. В окопах круглосуточно дежурили пулеметчики.

Обо всем этом мы информировали коменданта капитана Щербакова. В свою очередь он сообщил, что армейские подразделения противника появились и против участков других застав, там тоже отрыты окопы, установлены пулеметы. Комендант распорядился усилить наблюдение за наиболее опасными направлениями, а в ночное время для охраны заставы кроме часовых выставлять станкопулеметный расчет.

Изменилось и отношение к нам пограничной стражи. Если раньше при встрече стражники отдавали честь даже нашим бойцам, то теперь они или отворачивались, или нагловато улыбались, показывая на пулеметы. Помню, наряды стали докладывать, что солдаты пускают через границу собаку. Пограничники спрашивали, неужели мы не в силах пресечь подобную наглость. В конце концов капитан Щербаков разрешил принять меры. К месту, где «забавлялись» солдаты, выслали ворошиловских стрелков — командира отделения сержанта Федора Худякова и рядового Сергея Виноградова. Едва собака оказалась на нашей территории — прогремел выстрел. У пса еле хватило сил переползти через линию границы обратно. Поднялся шум. Вражеские вояки выскочили из окопов, кричали, угрожали оружием. Однако наряд ничем не обнаруживал себя.

И еще один эпизод запомнился мне. С разрешения коменданта мы провели ночное занятие на стрельбище. Отрабатывалась тема «Отражение нападения на заставу». Сюда же приурочили боевое гранатометание. Пулеметчикам и стрелкам без нормы отпустили холостых патронов и осветительных ракет. Эффект от занятий превзошел все ожидания. Приняв взрывы гранат и осветительные ракеты за артиллерийскую подготовку, а отчаянную стрельбу станковых и ручных пулеметов за

наше наступление, вражеская рота и стражники бежали. Нам был заявлен протест. Но так как следов «артподготовки» и других признаков «наступления» обнаружить не удалось, то на этом инцидент был исчерпан.

Страна наша стояла на пороге первомайского праздника. Мы, пограничники, охранявшие ее покой на западных рубежах, тоже готовились отметить день пролетарской солидарности. Политрук Скляр со своими помощниками украшал здание заставы. Развешивали плакаты и лозунги, корпели над праздничным номером стенной газеты. Но мы не забывали о нашей главной задаче — надежном прикрытии рубежей Родины. Старшина Вершинин с группой бойцов проверял связь, сигнализационные устройства, приводил в порядок заграждения, контрольно-следовую полосу и оборонительные сооружения. Так уж водится у воинов границы: накануне революционных праздников и других знаменательных дат граница охраняется с удвоенной бдительностью, максимальным напряжением. Так было в ту пору. Так заведено и сейчас.

В ночь на 1 Мая наряды уходили на границу каждый час. Около двух часов ночи дежурный по заставе сержант Беляев доложил, что в районе двенадцатого пограничного знака задержан нарушитель границы. Не успели нарушителя доставить на заставу, как был задержан еще один, на этот раз женщина.

Время неумолимо стирает многое из нашей памяти, и, к сожалению, запамятовал я имя и фамилию задержанного. Помню лишь, что был он строен, подвижен, чуть выше среднего роста, на вопросы отвечал охотно, с улыбкой. Черты лица его казались мне знакомыми. Приглядываясь к задержанному, я силился вспомнить, где мне уже приходилось видеть этого человека. Мое внимание привлек его левый глаз: он был как-то странно неподвижен. И я спросил, что у него с глазом.

— Он у меня искусственный,— ничуть не смущаясь, ответил задержанный и при этом снова улыбнулся, словно хотел сказать: «Неужели вы еще не узнали меня?»

И тут я наконец вспомнил, как в начале апреля на участке заставы появился майор из Дрогобыча. С ним был и этот человек. Когда стемнело, мы трое пошли к границе. Долго лежали рядом, прислушивались. Потом человек с искусственным глазом сказал:

— Ну, я пошел.

— Ни пуха ни пера вам. До встречи,— отозвался майор.

Часа два мы лежали с майором, прижавшись к земле, прислушиваясь, как там, на той стороне. Все было тихо. Потом в лесу начало сереть. Майор сказал:

— Все хорошо, пошли на заставу.

Это было тогда. А сейчас, кем бы ни оказался задержанный, раз он перешел границу, нужно было оформить необходимые документы. Я заполнил протокол опроса и приказал дежурному по заставе сержанту Беляеву увести мужчину в помещение, где у нас обычно содержались нарушители границы.

Второго нарушителя, женщину, привел политрук Скляр. Войдя в канцелярию, он доложил:

— Задержанная доставлена на заставу, вот ее приданое,— и поставил на стол небольшой черный чемоданчик, до краев наполненный денежными знаками сопредельного государства.

— Да, богатую невесту привел ты, Максим,— заметил я, рассматривая содержимое чемоданчика.

На стене канцелярии размеренно и однообразно стучали «ходики». Стрелки приближались к трем часам ночи.

— Иди к Альбертине, а то она тревожится за тебя. Да не забудь, что тебе завтра в обоих селах выступать с докладом о первомайском празднике.

Скляр, однако, еще некоторое время стоял в нерешительности.

— Хорошо,— наконец сказал он,— подчиняюсь, иду спать.

Набросав вопросы, которые нужно было задать задержанной, я приказал дежурному привести ее.

Женщина вошла легкой, быстрой походкой и с удовольствием села на предложенный мною стул. Пока она располагалась, я успел рассмотреть ее. Это была стройная брюнетка с очень красивыми чертами лица. Черные, почти смоляные, глаза светились задорным блеском. На вид женщине было не более двадцати пяти — двадцати семи лет. Держалась она спокойно, уверенно.

Я задал первый вопрос:

— Ваши фамилия, имя, отчество?

— Болего Марго,— ответила она, и я уловил легкий украинский акцент.

— Расскажите, через какие населенные пункты вы шли к границе и что вам встретилось на этом пути?

Женщина перечислила города и села, через которые проходила, а также указала, где видела войска, военную технику. Так по порядку по всему пути до пограничного села Латорки.

— И вас нигде не задержали?

— Нет,— ответила она,— я женщина, у меня были деньги. Притом в пасхальные дни разрешается свободное передвижение по стране. В Латорку на молебен в церковь шел народ из

ближайших деревень. Вот и мы заодно с богомольцами пришли туда.

— Вы сказали «мы». Кто был еще с вами?

— От Ужгорода меня сопровождал мужчина. Когда мы миновали Латорку и лесом вышли к границе, он сказал: «Идите теперь прямо. Как почувствуете под ногами мягкую почву — это вы уже на советской земле». Ну а потом меня задержали ваши пограничники. Думаю, и его тоже.

— Этот чемодан ваш?

— Мой.

— А деньги в нем тоже ваши?

— Безусловно, мои. Я ведь содержала ресторан. Это дневная выручка.

— Судя по ней, ресторан процветал. Почему же вы бросили все и пришли к нам?

Наступила пауза. Наверное, она обдумывала, как лучше все объяснить мне.

— Понимаете, ресторан у меня был небольшой, но его посещала изысканная публика. Много постоянных посетителей, среди них — военные. Я близко познакомилась с одним полковником венгерской армии. Он чаще других заглядывал в ресторан. Однажды он сообщил, что мною интересуется военная контрразведка. Наш разговор состоялся как раз накануне пасхальных дней. А тут прибыл товарищ, с которым я шла к вам. Мы обсудили создавшееся положение и решили воспользоваться праздниками. Как видите, это нам удалось.

Осведомленность женщины о количестве вражеских войск, сосредоточенных вдоль границы, и в некоторых других вопросах была удивительной. Она сообщила, что гитлеровцы готовятся напасть на Советский Союз, и назвала дату нападения — от семнадцатого до двадцать пятого мая.

Может возникнуть вопрос: могла ли задержанная сообщать такие сведения начальнику пограничной заставы? В обычной обстановке, наверное, нет. Но женщина хорошо знала, что, выполнив свою основную задачу, она уходила в тыл. А застава оставалась на самом передовом рубеже, на который вот-вот обрушится пламя военного пожара. Видимо, потому она и рассказала кое-что из того, что предназначалось соответствующим лицам. Не беру на себя смелость утверждать, точно ли Марго назвала тогда свою фамилию, как не могу вспомнить имени ее спутника и того майора, что приезжал с ним на заставу. Если суждено еще жить этим людям и они прочитают эти строки, пусть вспомнят заставу у села Кривка и все, что тогда там произошло.

Видимо, дата 17—25 мая была принята высшим командованием к сведению. Сразу после первомайского праздника части прикрытия выделили на наиболее угрожаемые направления свои подразделения. 3 или 4 мая к нам на заставу прибыли три армейских командира. Командир стрелкового батальона, уже пожилой человек с седеющими висками, развернул карту и показал мне, где должна быть занята оборона. Утром он и сопровождавшие его танкист и артиллерист обошли будущий оборонительный район. А еще через день танковый взвод и артиллерийская батарея заняли позиции в лощине за селом Кривка. Стрелковые роты расположились по высоте между селами Хусня и Ивашковцы. Ускоренными темпами возводились оборонительные сооружения. Работы были закончены ко второй половине мая.

В памяти навсегда остался образ командира батальона — мужественного, вдумчивого, умудренного жизнью человека. Он неплохо разбирался в обстановке тех дней. Вопросов в ту пору возникало немало. Вражеская авиация буквально висела над границей. Не было дня, чтобы вдоль нашей территории не пролетали чужие самолеты. Подчас они спускались до бреющего полета. А чем можно объяснить, что к границе подтягивались неприятельские войска? В первых числах июня стало известно, что началось отселение чиновников из пограничных районов в глубь страны. Это не просто выселяли «неблагонадежных», как поначалу думали мы. Отселяли всех, а власть передавалась военной администрации.

Командир батальона, как мне казалось, понимал неизбежность военного конфликта. Как-то он даже сказал мне об этом. Но судьбе было угодно разлучить нас за неделю до начала войны.

Наступило последнее предвоенное воскресенье. Стоял теплый и тихий день. В такие дни далеко видно в Карпатах. Мы сидели с комбатом на скамье у заставы. Он попросил показать ему линию границы. Как-то так получилось, что все это время он был слишком занят и не смог побывать на ней. Мы вышли с заставы и оказались у небольшого каменного столба, в центре которого был высечен крест.

— Польско-венгерский погранзнак,— пояснил я.

Там, за границей, виднелось село Латорка с посеревшей от времени деревянной церковью и домами, крытыми красной черепицей. Вокруг проглядывали сдавленные межами полоски земли, а рядом, у самой границы, извилистой линией шли траншеи и ходы сообщения. Солдаты дремали в окопах. Легкий ветерок едва шевелил листву.

— Как перед грозой,— заметил комбат, и мне показалось, что лицо его посерело.

Вернувшись на заставу, мы прошли в канцелярию. Зазвонил телефон. Просили подойти командира батальона. Закончив разговор, он сказал:

— Ну что ж, друзья, настало время нам расставаться. Получен приказ убыть на маневры.

Армейский батальон и приданные ему подразделения ушли с границы. Вскоре на заставу приехал инструктор политотдела отряда старший политрук Николай Исаевич Толчинский. Его приезд был очень кстати. Пограничники задавали множество вопросов, на которые мы со Скляром подчас ответить затруднялись.

События между тем час от часу становились тревожней.

В ночь на 17 июня в районе Ломжи на Белостокском направлении пограничники задержали восемь вооруженных диверсантов. Среди них были белополяки, владевшие русским языком, украинские буржуазные националисты, сынки русских белогвардейцев. Возглавлял группу немец, хорошо знавший русский язык. Диверсанты были одеты в форму чекистов, командиров и политработников Красной Армии, имели хорошо оформленные фиктивные документы. Задержанным было дано задание с началом войны выйти в район города Барановичи и приступить к активным действиям: портить телефонную связь; ракетами и другими способами указывать немецким самолетам сосредоточение наших войск, военной техники, а также аэродромы; сеять панику, убивать чекистов, работников милиции, советских командиров и политработников; распространять ложные слухи. Диверсанты подтвердили, что к нападению на Советский Союз у немцев все готово: войска находятся на исходных рубежах и ждут только сигнала, танки — в укрытиях, артиллерия — на огневых позициях, горючее и боеприпасы в большом количестве спрятаны в лесах.

18 июня пограничники соседней заставы нашего отряда задержали двух венгерских офицеров, которые сообщили, что военное нападение на СССР следует ожидать от 20 до 27 июня.

20 июня на участке четвертой комендатуры отряда у местечка Лавочное перешли границу три венгерских солдата, заявившие, что их часть подготовилась к вторжению на территорию Советского Союза.

Однако в нашей жизни мало что изменилось. По-прежнему высылались наряды на границу, регулярно проходили занятия по боевой и политической подготовке, вечерами в Ленинской комнате собирались пограничники поиграть в домино, шашки.

Политрук Скляр и старший политрук Толчинский беседовали с бойцами, партийно-комсомольским активом, занимались художественной самодеятельностью, помогали выпускать стенную и сатирическую газеты.

Обычным днем была и суббота 21 июня 1941 года. Утром, когда еще не высохла роса на траве, мы с командиром отделения служебных собак сержантом Зайцевым возвращались на заставу. Нарушений границы за прошедшую ночь да и предыдущие не было. Отмечалась только необычная тишина на той стороне. Еще несколько дней назад солдаты покинули окопы и отошли в тыл.

По служебным делам в этот день я ездил в Кривку. Вернулся на заставу во второй половине дня. Пограничники мылись в бане, гладили выходное обмундирование, пришивали подворотнички. Большинство бойцов собралось во дворе заставы. Командир станкопулеметного отделения сержант Иван Беляев играл на гармошке. Максим Скляр и секретарь комсомольской организации рядовой Геннадий Вьюгов сидели неподалеку, обсуждая, как лучше провести очередной выходной день. Толчинский инструктировал агитаторов. Созвонившись с соседями и комендантом, я стал составлять план охраны границы на предстоящие сутки.

К вечеру во двор высыпала вся застава. Через раскрытое окно канцелярии было видно, как Толчинский о чем-то говорил с бойцами. Разговор шел оживленный, временами доносился смех. Потом вновь запела гармошка. К заставе подходили девушки — дочери сельских активистов. За ними стайкой приближались подростки. Вскоре на поляне перед заставой закружились пары.

В эту последнюю предвоенную ночь приказ на охрану границы пограничным нарядам отдавал я. На участке по-прежнему было спокойно. Наряды докладывали, что за линией границы все тихо. В три часа ночи на дежурство заступил Максим.

Оставался всего один час до начала наступления немецких войск на нашу страну. В штабе отряда уже было известно о том, что нападение начнется в четыре часа утра. Об этом, ссылаясь на показания немецкого перебежчика, задержанного на участке Владимир-Волынского отряда, сообщил начальнику штаба отряда майору Врублевскому дежурный по управлению Украинского пограничного округа из Львова. В момент получения из штаба округа этой информации и распоряжения о приведении застав и подразделений в боевую готовность начальник отряда майор Босый находился на участке пятой комендатуры.

День первый — день пятый

Теперь известно, что 21 июня Гитлер направил Хорти письмо, в котором сообщал о начале войны против СССР и благодарил за мероприятия на венгеро-советской границе. Эти мероприятия, по его мнению, создавали безопасность немецкой армии от фланговых ударов и сковывали Советские Вооруженные Силы. Однако в письме не было прямого приглашения вступить в войну. В планы немецкого командования не входило немедленное участие Венгрии в боевых операциях. По политическим соображениям Гитлер считал целесообразным заставить венгерские правящие круги «бороться» за право воевать против «большевистской России». В этом случае Германия могла не брать на себя обязательств относительно будущих территориальных компенсаций Венгрии. Только на второй день после нападения Германии на СССР правительство Венгрии было «приглашено» принять участие в войне против Советского Союза. Этим и объясняется, что на участке 94-го пограничного отряда, большинство застав которого располагалось на границе с хортистской Венгрией, в первые дни войны противник не предпринял активных действий, хотя его войска были сосредоточены на дорогах Ужокского, Верецкого и Вышковского перевалов. Только спустя пять суток, когда немцы уже рвались ко Львову и Минску, венгерские войска перешли границу.

В то июньское утро 1941 года командование отряда узнало о вторжении немецко-фашистских войск в нашу страну по телефонному звонку из штаба округа. Вот что рассказал о первых минутах войны бывший начальник штаба 94-го погранотряда полковник запаса Федор Иванович Врублевский: «После получения информации из округа о задержании на участке Владимир-Волынского отряда немецкого солдата, назвавшего час гитлеровского наступления, а также доклада из четвертой комендатуры о переходе на нашу сторону венгерских солдат я отдал распоряжение привести заставы и подразделения в боевую готовность, а сам продолжал находиться в рабочем кабинете. В 4.30 в абсолютной тишине раздался резкий телефонный звонок. Меня вызывал из Львова дежурный по штабу пограничных войск округа. Он сообщил, что на участке Перемышльского пограничного отряда фашисты после сильной артиллерийской подготовки перешли в наступление. Аналогичная обстановка и на участке Владимир-Волынского отряда. Через некоторое время, когда поступили дополнительные сведения,

стало ясно, что это не провокация на участке двух пограничных отрядов — это начало войны. Мне не удалось связаться с начальником отряда. Телефонная линия с пятой комендатурой уже не работала. Поэтому первые распоряжения заставам пришлось отдать мне. Я приказал комендантам участков поднять заставы в ружье, занять оборонительные районы, сжечь на заставах служебные документы, эвакуировать в штаб отряда семьи командного состава».

После того как были отданы эти распоряжения, майор Врублевский доложил об обстановке на участке отряда в штаб 13-го стрелкового корпуса. В свою очередь начальник оперативного отдела штаба корпуса информировал Врублевского о том, что к Вышковскому перевалу выдвигается один полк из дивизии Ткаченко и что саперы приступили к минированию дорог близ Ужокского перевала. К исходу 22 июня семьи командного состава прибыли в штаб отряда и ночью на автомашинах и по железной дороге были направлены частью в Волочисск, на старую границу, а частью через Станислав в Запорожье.

Утром 24 июня на участке пятой комендатуры противник обстрелял пост, возглавляемый лейтенантом Николаем Иудиным. По приказу начальника заставы старшего лейтенанта Григория Шарыгина группа Иудина после перестрелки отошла. Объединенными усилиями заставы и поста попытка противника перейти границу была отбита.

А вражеская авиация продолжала бомбить приграничные города и села, делала время от времени налеты на отдельные заставы и подразделения отряда. 24 июня пришлось вступить в бой с фашистскими стервятниками и пограничникам нашей заставы. Помню, только что взошло солнце и на траве заискрилась роса. Из-за гор накатился тягучий гул моторов. Вскоре над заставой проплыли вражеские бомбардировщики. Их прикрывало несколько истребителей. Три из них отделились и начали пикировать на заставу. Мы открыли по самолетам огонь. Навстречу вражеским машинам потянулись трассы бронебойно-зажигательных пуль. Сделав разворот, фашистские самолеты поспешили уйти от огня и бросились догонять своих.

В тот же день в селе Сможе бойцы резервной заставы нашей комендатуры, которыми командовал лейтенант Александр Титков, сбили самолет противника. Один «хейнкель» записали на свой счет и пограничники шестой заставы, где начальником был лейтенант Владимир Тростянский. Вот характерный документ того времени: «26.6.41 г. в 14.00 на участке 4 пограничной комендатуры появилось 6 немецких самолетов. Старший лей-

тенант Ребрик лично сбил один самолет, упавший в 400 метрах от линии государственной границы на сопредельной территории. Всего пограничники отряда уничтожили четыре вражеских самолета».

С началом военных действий связь штаба отряда и штабов комендатур с заставами стала неустойчивой. Бандиты из организации украинских националистов перерезали провода, повреждали телефонные узлы. Это мешало своевременно передавать необходимые распоряжения, уточнять обстановку на отдельных участках. Однако, несмотря на это, заставы готовы были встретить врага во всеоружии. Расчеты станковых пулеметов заняли блиндажи. Стрелки и ручные пулеметчики изготовились к бою в траншеях. Боезапас из складов перенесли в оборонительные районы. Начальники застав находились на командных пунктах. Все было готово к отпору врага.

Весть о начале войны застала меня дома. Когда появился Скляр и, тряхнув меня за плечо, сказал: «Кажется, началось», я понял, что случилось что-то серьезное. Обычно я не надевал клинок, стоявший в углу комнаты. На этот раз и его прихватил с собой. Связисты уже опробовали телефон на командном пункте в подвале заставы. Пулеметчики и стрелки заняли траншеи. В пять утра позвонил капитан Щербаков. Комендант распорядился вскрыть секретный пакет, стянуть с границы наряды, направить в отряд для эвакуации жену младшего политрука Скляра. Я доложил, что застава заняла оборонительный район, но противника не видно.

— На других участках такая же картина,— заметил комендант,— но это ничего не значит, будьте готовы к отпору, об изменениях в обстановке докладывайте немедленно.

Сразу после разговора я вскрыл засургученный печатями конверт и нашел в нем документ, в котором излагалось, что следовало делать на случай начала войны. Заставе, в частности, предписывалось трое суток удерживать государственную границу, затем с подходом частей Красной Армии отойти в глубь нашей территории к городу Стрый. Познакомив с содержимым пакета политрука Скляра, я сказал:

— Ну, Максим, начнем выполнять, что нам предписано.

И открыв сейф, где хранились документы, заранее собранные в небольшие брезентовые мешки, и лежали бутылки с бензином, приказал старшине Вершинину, пограничникам Хретинину и Вьюгову вынести документы во двор и сложить в железную бочку, что стояла между заставой и конюшней. Затем Вьюгов облил мешки бензином, я зажег спичку и бросил в бочку.

— Вот и нет больше никаких кондуитов,— заметил Хретинин, как показалось мне, с сожалением.

— Да, новая жизнь начинается,— неопределенно протянул Вьюгов.

Я прервал разговор, обратившись к Вершинину:

— Готовьте подводы, старшина. Все имущество заставы отправьте в комендатуру.

Потом, еще раз взглянув на полыхавший в бочке костер, повернулся к Скляру.

— Собирай Альбертину, поедет с обозом.

Но уезжать молодая женщина не хотела. Она убеждала нас оставить ее на заставе санитаркой. Пришлось доказывать, что приказ есть приказ. Наконец Альбертина села на одну из подвод.

Помню, я сказал:

— Скоро мы опять встретимся, это будет продолжаться недолго.

Она заплакала.

— А если скоро не кончится?

Как могли, мы успокоили Альбертину. Нам и в самом деле казалось, что наступление немцев у Перемышля и Владимир-Волынского быстро приостановят, повторится Хасан или Халхин-Гол и враг будет изгнан не только с нашей земли, но и с оккупированных им территорий. С надеждой на скорую встречу мы и расстались.

В полдень стало известно о выступлении по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова. Оставив в окопах дежурных пулеметчиков, я собрал пограничников на митинг. Первым выступил Толчинский. Невысокий, ладно скроенный политрук, успевший за эти дни понравиться пограничникам своей общительностью и жизнерадостностью, говорил с подъемом:

— Поклянемся же, товарищи, что мы не посрамим пограничной чести и ни на шаг не отступим от границы. А если потребуется, отдадим жизнь за нашу советскую землю!

Потом выступали другие. Бойцы давали клятву не отступить, тут же писали записки о верности Родине и вкладывали их в медальоны. Старшина заставы Михаил Вершинин зачитал заявления о приеме в партию. Их написали сержант Иван Беляев, пограничники Георгий Лючев, Геннадий Вьюгов. Их примеру последовало около двадцати человек. 22 июня дважды на заставе проходило партийное собрание с одинаковой повесткой дня — прием в партию. Последующие события, однако, не по-

зволили партийной комиссии при политотделе отряда рассмотреть поданные в день начала войны заявления. Многие из бойцов героически погибли, так и не получив партийных билетов.

Я часто думаю о том, как высок был боевой дух пограничников. И не только тех, кто уже прослужил на границе значительный срок и познал нашу тревожную службу, неоднократно вступал в схватки с нарушителями государственной границы, но и молодых пограничников, по сути, еще вчерашних школьников, рабочих, колхозников. Им было немногим более восемнадцати лет, а на границе они прослужили всего несколько месяцев. Однако все были полны решимости вступить в бой с врагом, какими бы силами тот ни располагал. Каждый из бойцов сознавал, что за его спиной колхозные поля, заводы, города и села любимой Родины.

Прошло совсем немного времени, как застава была поднята по боевой тревоге и пограничники узнали о начале войны, а как изменились они. Посуровели лица молодых пограничников Василия Белина, Петра Елисеева, Аркадия Крюкова, Василия Хренова, Геннадия Будько и многих других. Они только что пришли с охраны границы. Но никто из них и словом не обмолвился об усталости. Куда девалась их мальчишеская робость, застенчивость, неуверенность в себе. Главное чувство, которое овладело всеми бойцами заставы,— ответственность за судьбу Родины.

Уже после войны нашлись документы, свидетельствовавшие о том, как вступали в бой и встречали врага пограничники соседних с нами отрядов. Вот что писал в донесении начальник штаба 93-го погранотряда (наш правофланговый сосед) майор Целиков: «С 22 по 26 июня 1941 года отряд продолжал охранять и оборонять 177-километровый участок границы. Противник на охраняемом участке активных боевых действий не проявлял. В ночь на 27 июня по приказу отряд отошел от границы, так как противник на участке 92-го пограничного отряда глубоко вклинился на нашу территорию. Впоследствии, прикрывая отход 72-й стрелковой дивизии, отряд вел тяжелые бои. Вторая пограничная комендатура при поддержке полковой артиллерии в районе местечка Устрики-Дальние отбила атаку 15 танков противника и обеспечила отход дивизии на следующий оборонительный рубеж к старой границе».

Обстановка на участке нашего левофлангового соседа — 95-го пограничного отряда: «С 22 по 26 июня на участке отряда спокойно. Наблюдаются полеты отдельных разведывательных самолетов противника. 23 июня начальник поста Ипатов задер-

жал в районе села Горчотки четырех немецких офицеров, сброшенных на парашютах с самолета.

2 июля 1941 года все подразделения отряда вошли в оперативное подчинение командования 12-й армии и, взаимодействуя с частями 44-й горнострелковой дивизии, отходят к старой границе».

К вечеру 26 июня по приказу командира 13-го стрелкового корпуса генерал-майора Н. К. Кириллова и наш 94-й погранотряд, так и не войдя в соприкосновение с противником, стал отходить от границы. К исходу 27 июня отряд сосредоточился на рубеже реки Стрый у станции Синевудско-Верхнее.

Не получили приказа об отходе лишь две заставы, наша, десятая, и соседняя, девятая — застава лейтенанта Титова. Скорее всего, это случилось из-за неисправности линии связи. 24 июня мы в последний раз говорили с другим соседом — начальником одиннадцатой заставы лейтенантом Аникиным.

— Как дела, дружище? — спросил я Петра.

— Пока все в порядке,— отозвался Аникин,— тихо. Не знаешь, как у Титова?

— И у него все в порядке, да там вряд ли пойдут — нет перевала...

На этом разговор прервался, трубка замолкла. Попробовали вызвать почтовое отделение в селе Маткове, но сигнал по линии не проходил. Утром следующего дня на заставе появились Валентина Ковалева и Клавдия Яковенко. Девушки рассказали, что ночью в Маткове побывала группа вооруженных людей и повредила на почте коммутатор. Учительницы просили оставить их на заставе. Ковалевой и Яковенко выдали санитарные сумки. Толчинский, Скляр и я собрались на совет. После долгих раздумий было решено выслать конную разведку на соседние заставы — к Аникину и Титову. Но тут отозвался Титов.

— Я включился в вашу сторожевую линию,— сказал Титов.— Не знаешь, почему молчит комендатура? Что слышно от Аникина?

Я сказал о последнем разговоре с Аникиным, о том, что случилось в Маткове, и мы договорились время от времени позванивать друг другу. Вскоре вернулись разведчики из села Климец от Аникина. Они сообщили, что здание заставы покинуто, повсюду видны следы поспешного отхода. Что бы это могло значить? Мы ломали голову, но не могли прийти ни к какому выводу.

Оказавшись словно на необитаемом острове, мы ничего не знали о дальнейшем ходе войны, о том, как складывалась обстановка на нашем участке границы. Почему не подходят к гра-

нице части Красной Армии? Почему не дает знать о себе комендатура?

Штаб комендатуры упрямо молчал. Мы терялись в догадках, продолжая охранять границу, которую уже стеречь не было никакого смысла: государственный рубеж был оголен на сотни километров.

Почти обычная жизнь шла у нас, только занятия не проводились да пограничники не собирались вечерами в Ленинской комнате. Зато Скляр, Толчинский, коммунисты Шляхтин, Вьюгов и братья Хретинины все время были среди людей. Они вели с пограничниками беседы, рассказывали о гражданской войне, об эпизодах из боевой жизни пограничных войск, а порой просто читали книгу Н. Островского «Как закалялась сталь». Мы были уверены в бойцах, знали, что, если придется принять бой, они не дрогнут, будут драться с врагом не щадя жизни.

Наконец, на третий день было решено послать в комендатуру конную группу. Она вернулась 28 июня, с трудом прорвавшись сквозь многочисленные засады банд. Пограничники привезли приказ помощника начальника штаба отряда по боевой подготовке капитана Норова, посланного майором Врублевским на розыск «забытых» застав. Этим приказом нам предлагалось прибыть в местечко Синевудско-Верхнее, где сосредоточился наш отряд. В приказ просто не верилось. Зачем покидать границу, если на нас никто не нападает? И в случае боевых действий тут легче задержать врага. У нас отличный опорный пункт, впереди проволочный забор в три ряда кольев, позади оборонительный район, созданный батальоном Красной Армии. Неужели все это нужно оставить врагу, даже не увидев его?

Вызвали по телефону лейтенанта Титова и сообщили ему о приказе. Он тоже не мог поначалу взять ничего в толк, но потом все же уяснил, что с границы придется уходить. С Толчинским и Скляром мы договорились, что приказ об отходе объявит старший политрук. Едва Толчинский кончил говорить, как послышались возгласы:

— А почему отходить?

— Будем стоять до последнего!

Пришлось охладить пыл. Волнение мало-помалу улеглось. Пограничники стали расходиться. Старшина Вершинин раздавал консервы и галеты, вскрывал ящики с боеприпасами. Все это бойцы укладывали в вещевые мешки. На повозках устанавливали пулеметы.

Вечерело. Мы были готовы к маршу, но время выхода, о котором договорились с Титовым, еще не настало. Пограничники молча сидели во дворе заставы. Томительно тянулись послед-

ние минуты. Наконец я приказал людям построиться. Вперед выдвинулись кавалеристы со Скляром. За ними выехали повозки с пулеметами. В повозках же находились учительницы с санитарными сумками. Поодаль выстроились во главе с сержантом Зайцевым вожатые со своими служебными собаками. Стрелковые отделения стали в колонну одно за другим. Сержант Беляев зажег дымовые шашки. В небо поползли белорыжие клубы дыма. Они обволокли стоявший впереди лес и по просеке перебрались на ту сторону границы. Вскоре такое же облако поднялось у села Хусни, где стояла застава Титова.

Застучали колеса повозок. Колонна тронулась. Прощай, застава!

Мы оставляли обжитые, ставшие родными места. Каждый сознавал, что теряет не только свой второй дом с простыми солдатскими заботами и радостями, но и нечто большее, связанное с судьбой Родины. Тяжело отходить без боя. Сколько раз нарушался сон бойцов, они поднимались по тревоге для отражения воображаемого нападения противника на заставу, сколько раз занимали оборонительный район, готовые во всеоружии встретить непрошеных гостей! И вот уходят, оставляя врагу родную заставу и участок государственной границы, охраняемый доселе столь тщательно, даже не увидев врага. Пограничники шли понурившись, молчали. Тучи поднимались у горизонта. Темно-синие, с багровыми подпалинами, они ползли тяжело, тревожно, переваливая через горные вершины, словно клубы дыма от невидимого пожарища. Густело небо. Землю обволакивали сумерки.

Не прошли мы и километра, как из лощин и кустарников потянулись к нам люди. Шли активисты сел — наши друзья и верные помощники. Они шли, чтобы проститься с нами, узнать, как им быть дальше. Вот группа из села Кривка: председатель сельского Совета Чабалько, с ним Мельничин, Полупан, Хлипнич, Бурмило. А вот ивашковцы: Осовский, Ильницкий.

— Говори, начальник, идти с вами или оставаться?

— Оставайтесь, друзья, и будьте до конца честными. Вы поверили нам в первые дни становления Советской власти, верьте и теперь: мы вернемся.

С девятой заставой мы соединились у моста в селе Маткове и после недолгого привала, построившись в сводную колонну, продолжали путь. Со старшим политруком Толчинским я шел во главе колонны. Впереди слышался приглушенный стук копыт. Там двигался конный дозор. В темноте иногда вспыхивали слабые огоньки — это подковы, ударяясь о булыжник, высекали

синеватые искры. Неожиданно повеяло сыростью. Послышался шум воды. Мы приближались к реке Стрый.

К утру наша колонна подошла к селу Сможе. На опушке сосновой рощи сквозь утренний туман виднелось хорошо знакомое двухэтажное деревянное здание штаба комендатуры. На улицах села было безлюдно. Во дворе комендатуры валялась бумага, стопками лежали книги, высились кипы постовой одежды, горы простыней и одеял.

— Да, дела,— произнес кто-то из пограничников.— Сколько добра зря пропадает.

Но разговор не поддержали.

Вскоре мы оказались в широкой лощине, где маячили на дороге три автомашины. Подойдя ближе, увидели на одной из них установленный в кузове спаренный станковый пулемет для стрельбы по воздушным целям. В кабине сидел начальник штаба комендатуры капитан Гладких. Еще на двух машинах располагались пограничники одиннадцатой заставы вместе с лейтенантом Аникиным. Завидев нас, капитан Гладких выскочил из кабины и приказал развернуться:

— Вы, Паджев, вправо, а вы, Титов, влево — занимайте оборону!

Капитану Гладких шел в ту пору сороковой год. Он был несколько грузноват, медлителен, прибыл на границу из внутренних войск НКВД. Пограничная служба для него была делом новым; он мог иногда отдать распоряжение, которое начальникам застав казалось не лучшим. Но старший есть старший. Так и на этот раз. Мы подчинились приказу, в котором не видели особого смысла.

Мы развернули с Титовым свои заставы и заняли оборону. Повозки и коней спрятали в кустарнике. Время было полуденное. Солнце жгло немилосердно. После бессонной ночи многие не выдерживали и тут же засыпали. Сон одолел и меня. Проснулся, когда жара уже спадала. Пограничники вскрывали банки с консервами, курили. Капитан Гладких приказал строить людей.

Вечером вошли в город Сколе. Чистый, утопающий в зелени городок притих. Лесопильный завод не работал. Остановилась электростанция. В здании штаба отряда, обнесенном металлической изгородью, не было заметно признаков жизни. Ветер разносил по двору бумаги. Ударяясь о стены, глухо постукивали ставни.

До станции Синевудско-Верхнее добрались поздним вечером. Близ железнодорожного туннеля дымил бронепоезд. Подразделения отряда располагались на высоте, поросшей сосня-

ком. Здесь же стояли повозки, табунками паслись кони, повсюду сидели и лежали бойцы. Мы разыскали свою комендатуру. Никто не знал, надолго ли мы тут остановились. Будем отходить или наступать? Какова обстановка на фронте? Где немцы?

Над лощиной лениво плыл туман. Затих людской гомон. Мрак сплошной пеленой окутал все вокруг. Лишь где-то вдали слышались затяжные вздохи бомбежки.

Боевое крещение

Вот уже сколько лет прошло со дня нашего боевого крещения, а память удерживает каждую подробность первого столкновения с противником. Не раз приходилось встречаться с теми, кто участвовал в том бою. И они вспоминали о первой схватке с врагом, словно она была только вчера. Удалось вновь побывать и на том месте, где все тогда произошло. Годы, конечно, сделали свое. Нет больше круглого, как блюдце, водохранилища. Исчезла электростанция. Пропала насыпь железной дороги, проходившей по берегу Оравы. И железнодорожного моста, что стоял у села Корыстышева, тоже нет. Неизменными остались только горы да поросший кустарником полуостров, где встречаются реки Орава и Опар.

Наверное, лучше всего начать рассказ о том первом бое со строк документа: «В 1.00 от командира 13 стрелкового корпуса получен новый приказ: силами 2, 3 и 4 пограничных комендатур занять прежний участок границы». Сегодня это может вызвать удивление. Когда немецкие войска были уже у Львова и Минска, мы должны были вновь возвратиться на государственный рубеж. Но так было.

Около двух часов ночи меня разыскал связной из штаба отряда.

— Вас и политрука заставы срочно вызывает майор Врублевский.

В штабной палатке уже находился наш комендант капитан Щербаков. Он стоял у входа, а за складным походным столом на небольшом зеленом ящике для штабных документов сидел Врублевский. Откуда-то сверху падал яркий свет электрического фонаря, отчего тени на лице начальника штаба отряда казались глубокими и резкими. С момента начала войны я впервые видел его. Изменился он мало. Та же черная бородка клинышком. Шрам на щеке под глазом — результат автомо-

бильной аварии. Тот же суровый, проницательный взгляд. Неторопливые, выверенные движения. Серую коверкотовую гимнастерку, ладно облегавшую его широкую, почти квадратную грудь, украшали знак «Почетный чекист» и медаль «XX лет РККА».

Мы доложили о прибытии.

— Очень хорошо,— сказал Врублевский,— как настроение у пограничников?

Я сказал, что бойцы заставы готовы выполнить любой приказ; единственное, что гнетет их,— это отход от границы без боя.

— Ну вот и хорошо,— улыбнулся Врублевский и разгладил ладонью лежавшую перед ним карту,— получено сообщение, что части Красной Армии перешли в наступление. Нам приказано занять прежний участок государственной границы. Ваша застава пойдет первой. Двигаетесь через город Сколе и село Тухольку до места дислокации штаба комендатуры. Там ожидаете подхода остальных застав.

Врублевский немного помедлил, скользнул взглядом по карте и обратился к капитану Щербакову:

— Выделите в распоряжение лейтенанта Паджева три автомашины. Выступаете через тридцать минут.

Полученный приказ пограничники заставы восприняли с нескрываемой радостью. Все расценили его как начало решительного наступления Красной Армии. Особенно бойцы гордились тем, что командование отряда доверило выступить первыми личному составу десятой заставы.

— Ну вот и снова домой,— заметил пограничник Хретинин.— Зря, братцы, роптали. Наш оборонительный район еще сослужит нам добрую службу.

Не мешкая, мы забрались в автомашины и двинулись к границе. Рано утром уже были в Сколе. А затем, отъехав от города километров шесть, достигли окраины села Корыстышева. И тут где-то впереди глухо ударили горные пушки. Видимо, они уже были пристреляны по дороге. Несколько разрывов один за другим ковырнули булыжник в сотне метров от головной машины. Мы дали задний ход и, свернув за выступ горы, остановились.

Внезапный артиллерийский огонь обескуражил нас. До конечного пункта нашего пути села Сможе оставалось еще около двадцати пяти километров, а противник уже вынуждал нас приостановиться. Мы решили не лезть напролом, а получше осмотреться. Неожиданно услышали голоса, слова команд, но из-за шума воды сливающихся здесь рек не сразу поняли,

свои это или чужие. Если свои, то почему нам ничего об этом не сказали. Если чужие, значит, мы угодили в ловушку.

Прислушиваемся и начинаем разбирать:

— Тре-мя... и-нами... беглый... огонь!

Фыркают мины. Так бьют наши 82-миллиметровые минометы. Переглядываемся со Скляром и осторожно, кустами, начинаем пробираться туда, откуда доносились голоса. За узкоколейкой, неподалеку от электростанции, пятеро красноармейцев в касках суетятся у миномета. От пртивника их скрывает высотка, поросшая ельником.

— Кто такие? — спросил я сержанта.— С кем ведете бой?

— А вы кто? — вопросом на вопрос ответил он.

Оказалось, бой против подразделения немецко-венгерских войск вела рота одного из полков 13-го стрелкового корпуса. Сержант направил нас к командиру.

Лет тридцати старший лейтенант, раскрасневшийся от возбуждения, встретил поначалу настороженно, но, узнав, кто мы и как сюда попали, стал отвечать на вопросы дружелюбно и охотно. Его «командный пункт», если можно так назвать неглубокий свежевырытый окопчик, где он располагался полусидя, находился на скатах небольшой высотки. Объяснив, что нам необходимо выйти к границе, я поинтересовался, что из себя представляет противник, обстрелявший из пушек наши машины, а сейчас, как видно, ведущий огонь по боевым порядкам роты, есть ли у старшего лейтенанта с кем-нибудь связь и как вообще он тут оказался со своими людьми.

Командир роты выслушал меня и сказал:

— Вот что, пограничники, связи я ни с кем не имею. В эту катавасию попал случайно. Отходил с зимних квартир из села Славского, где рота несла караульную службу, да заночевал здесь, в Корыстышеве. А с рассветом завязалась перестрелка. Вот уже около двух часов ведем бой, лишился почти всех командиров взводов и отделений, а что из себя представляет противник, какими он располагает силами, по правде говоря, до сих пор не знаю. Вокруг лес. Заросли. Впереди узкая лощина. Ни черта не видно, откуда и кто стреляет.

Стало ясно: противник, силы которого неизвестны, опередил нас. Мы предложили командиру роты, потерявшему управление из-за гибели почти всех командиров, прекратить бой и перейти в резерв. Застава тем временем выйдет на рубеж атаки. Пусть атаку поддержит минометный расчет. Вскоре пограничники сменили в окопах красноармейцев. С нашей стороны огонь прекратился. Стали наблюдать за противником, его огневыми точками.

Впереди текла быстрая, но мелководная река Орава. Вдоль берегов ее высились горы, покрытые могучим хвойным лесом. Цепляясь за камни у самого берега, деревья как бы взбирались по склонам к вершинам, образуя глубокую узкую лощину. На правой стороне реки, пересекая ее в нескольких местах, проходила насыпь шоссейной дороги. Виднелись мосты, до ближайшего из которых было метров семьсот — восемьсот. Слева по лощине километрах в трех проглядывали редкие крыши домов какого-то селения. Оттуда и били артиллерия и минометы. Судя по звуку выстрелов, огонь вели три горные пушки и два миномета среднего калибра. Чуть ближе слышался стук тяжелого пулемета. Пулеметная трескотня раздавалась и от шоссе, но огневые точки там пока обнаружить не удалось. Беспорядочно бухали винтовки. Эхо так разносило по горам звуки выстрелов, что казалось, будто стрельба идет со всех направлений. Установили, что перед нами не менее пехотной роты противника, усиленной огневыми средствами.

Показалось солнце. Пробившись сквозь туман, висевший над бурлящим потоком, его лучи скользнули по вершинам елей, окрасив все вокруг в теплые розовые тона. Мы изготовились к атаке, намереваясь под прикрытием тумана незаметно сблизиться с противником. По моей команде пограничники, как один, поднялись в рост и дружно с криками «ура!» ринулись вперед. Это было ошибкой. Надо было атаковать молча, до поры до времени не выдавая себя. Но так действовать нас учили в мирное время. Стремительный бросок заставы почти сразу был остановлен сильным ружейно-пулеметным огнем. Бойцы залегли. Правее меня за бугром торопливо устанавливали ручной пулемет пограничники Фирсов и Макаров. Левее, в кустарнике, рассредоточивалось отделение сержанта Худякова.

Заработали станковые пулеметы. Командиры пулеметных отделений сержанты Беляев и Смолянец сосредоточили огонь по мосту и шоссейной дороге, откуда слышалась наиболее частая стрельба. Постепенно наш огонь становился все организованнее. На пулеметные очереди и винтовочные выстрелы противника пограничники отвечали дружными залпами.

Поблизости кто-то торопливо бил трассирующими. Оказалось, это снайпер Сергеев пулю за пулей посылал в сторону моста. Он указывал цель. Я тоже положил на ладонь самозарядную винтовку, сделал несколько выстрелов и только тут увидел, как прямо от воды натягивается и обрывается огненная нить. Так вот откуда палит по нас вражеский пулеметчик. Он лежит прямо в воде и снизу вверх обстреливает нашу цепь.

Приказываю сосредоточить огонь по опоре, от которой замечена трасса. Вскоре пулемет замолк.

Противник не выдерживает нашего интенсивного и меткого огня и отходит к селению. Подаю сигнал. Пограничники во главе со Скляром устремляются вперед. За ними поднимаются остальные. Нас хорошо поддерживают минометчики. И вдруг, перекрывая шум боя, раздается протяжный, полный мольбы крик:

— Бра-а-ты, не стреляйте! Бра-аты-ы-ы...

Лежа на перекате реки, к нам простирал руки раненый пулеметчик. Всего минуту назад этот солдат прижимал нас к земле, и только волею случая никто не был убит человеком, лишь сейчас, перед угрозой смерти, вспомнившим слово «брат».

Мы замешкались, чем незамедлительно воспользовался противник. «Жвик-жвик-жвик!» — проносится близкая пулеметная очередь. Посвист пуль выводит нас из минутного оцепенения и бездействия. Чувства чувствами, а надо думать, как выбить врага и дать возможность подразделениям отряда выйти к границе.

Укрываясь в лесу, за кучами щебня на дороге, в придорожных кюветах, противник стремится остановить нас. Кажется, простреливается каждый метр. Особенно сильный огонь справа, от бетонной водоотводной трубы, проложенной под шоссе. Оттуда кинжальным огнем во фланг бьет вражеский пулемет. Мы едва отбегаем в сторону, как длинная очередь врезается в камень и пули, отрикошетив, с визгом летят вверх.

Сквозь кусты вижу, как ко мне пробирается политрук Скляр.

— Разрешите фугануть в трубу пару гранат? — кричит он.

Не успеваю сообразить, как Максим намерен это сделать, а он уже исчез. Слышен только его голос:

— Лючев! Вьюгов! Ефимов!

Вслед за политруком пограничники ползут к шоссейной дороге.

— Стой! Стой! — кричу я, поняв, что Скляр решил возглавить группу. Но он уже не слышит меня.

Бойцы ловко подползли к дороге и, перевалившись через небольшой бугорок, скрылись в кювете. Минометчики тоже перенесли огонь на дорогу. С сухим треском там рвутся мины. От разрывов в воздухе висит сумеречный туман. Кто-то вскакивает, перебегает ближе к шоссе. Не пойму, то ли Скляр, то ли кто-то из бойцов. Рядом с трубой взметнулась земля. Потом еще взрыв ручной гранаты. Горловину трубы заволакивает дымом. Пулемет замолкает.

По лощине в одиночку и группами удирают вражеские солдаты. Мелькает в кустах знакомая фигура Максима. Он возбужден, его лицо мокро от пота, из-под фуражки на лоб спадает прядь волос. Пограничников все больше и больше охватывал азарт боя.

На подступах к селу противник вновь остановил нас. На этот раз он засел в подвалах домов, закрепился на склонах прилегающих к селу высот. Принимаю решение частью сил обойти населенный пункт. Передаю командование заставой Скляру, а сам с группой бойцов углубляюсь в лес. Но что это? Там, где дорога, зажатая рекой, идет по крутому обрыву, движется целая вражеская колонна — человек триста, впереди артиллерия. В упряжках четверки белых откормленных лошадей. Что делать? Нас в десять раз меньше. Приказываю установить станковый пулемет. Была не была. Рядом ложатся ручные пулеметчики, изготовились и стрелки.

— С рассеиванием по фронту, прицел три — огонь!

Захлебываясь, дробно стучит наш «максим». К его стуку добавляется треск легких пулеметов и винтовок. В колонне противника замешательство. Кто-то из бойцов кричит: «Бей гадов! Ни черта они нам не сделают!» Станкопулеметчики пропускают всю ленту. С визгом вскакивают на дыбы кони, мечутся люди. Услышав нашу стрельбу, минометчики тоже ударили по колонне. Внезапность налета и меткий огонь сделали свое дело. Бросив на дороге две пушки и убитых, противник в смятении бежал.

Осталось выбить тех, кто засел в домах. Поднимаемся в атаку. Нас поддерживают пограничники во главе с политруком Скляром. Вскоре первые уже достигли утопающих в зелени хат. Слышатся отдельные выстрелы. Потом все затихает. Пограничники ведут пленных. Наперебой докладывают, кто взял офицера, кто капрала, кто солдат. Появляется Скляр. Его серый прорезиненный плащ забрызган грязью. На лице копоть, ссадины. Мы смотрим друг на друга, еще не веря, что выиграли бой, и устало валимся на землю. Шутка сказать, с момента, как по нас ударили вражеские пушки, прошло ни много ни мало семь часов.

Подошел командир роты. Стали решать, что делать дальше. Продвигаться или ждать подхода остальных застав? Выяснилось: среди пограничников заставы нет даже раненых, зато боезапас на исходе. Посоветовавшись, решили обо всем донести в штаб отряда, а самим занять здесь оборону. Донесение вручили Андрею Ермакову, старшему из шоферов, и отправили машины в тыл.

Противник нас больше не беспокоил. Пограничники лежали в цепи, обсуждая подробности минувшего столкновения. Кто-то мечтательно сказал:

— Вот вернутся машины, привезут патроны и гранаты и часа через три на заставе обедать будем.

— До заставы еще далековато,— вмешался командир отделения сержант Смолянец.— Пожалуй, и к ночи не доберемся.

Все, однако, сходились в одном: к границе обязательно выйдем. Мы с Максимом тоже прикидывали, сумеем ли к вечеру оказаться на своей заставе. О другом думать не хотелось. Еще бы: выиграть бой и даже не иметь раненых!

От приятных раздумий нас отвлек шум моторов. Из-за поворота показались автомашины с пограничниками. К нам прибыла поддержка. Появились начальник штаба комендатуры капитан Гладких, начальник оперативного поста старший лейтенант Стряпунин, начальник заставы лейтенант Аникин.

— Ну как, орлы, настроение? — спросил капитан Гладких.— Дали жару? Только я не вижу, чтобы здесь шел бой.

Он оглядел бойцов заставы и только тут заметил окровавленные бинты на раненых красноармейцах, стоявших чуть поодаль от пограничников. Вид раненых смутил капитана. Без прежней шутливости он сказал:

— Получайте, лейтенант Паджев, боеприпасы, сейчас прибудут остальные заставы.

Вскоре появились на корпусном броневичке майор Врублевский, батальонный комиссар Авдюхин и представитель штаба 13-го стрелкового корпуса. Внимательно оглядев пограничников и красноармейцев, представитель штаба корпуса спросил:

— Кто здесь старший?

Гладких посмотрел на меня: дескать, ты тут воевал, ты и докладывай, но потом, одернув гимнастерку, приложил руку к козырьку фуражки:

— Начальник штаба третьей комендатуры капитан Гладких. Противник отбит. Есть пленные. Застава потерь не имеет.

Следом за Гладких доложил командир армейской роты.

Врублевский приказал привести пленных.

Пока шел допрос, в район боя подошли остальные заставы. Командование решило: роту и часть застав оставить во втором эшелоне, а нашей заставе и заставе лейтенанта Аникина продолжать наступление. Мы с Аникиным построили людей. Развернуть заставы в цепь в узкой лощине не представлялось возможным. Кому-то нужно было идти по дороге.

— Твои люди устали,— сказал Аникин,— вот и идите по дороге.

Сначала противник не подавал никаких признаков жизни, но потом стал сдерживать нас на выгодных для него рубежах. Временами, однако, огонь прекращался, и тогда казалось, что это были последние выстрелы и уже ничто не сможет нарушить устоявшейся тишины. Возможно, это, а возможно, вера в удачу притупили нашу бдительность. К тому же очередная пауза и в самом деле затянулась. Мы шли неторопливо, спокойно поглядывая на густые заросли, плотной стеной тянувшиеся вдоль дороги. Впереди шли сержант Худяков, пулеметчик Фирсов и я. В ста метрах сзади держалось отделение Худякова. Дальше, поотстав, продвигались пограничники с политруком Скляром.

Мы миновали уже не один поворот, как вдруг где-то впереди со склона горы раздалась автоматная очередь. Только тут мы увидели прямо перед собой за кучей щебня ствол вражеского пулемета. Неожиданная стрельба, по-видимому, отвлекла внимание пулеметчика, и эта заминка спасла нас. Сержант Худяков вырвал из сумки гранату и метнул ее в камни. Застучал пулемет Фирсова. Вражеский пулеметчик так и не ответил.

Но тут из леса на дорогу между нами и остальными пограничниками выбежала группа вражеских солдат. Это было настолько неожиданно, что я на мгновение растерялся, не зная, что предпринять. Слышу стук кованых сапог, учащенное дыхание бегущих. Еще секунда, и они захватят нас. Мы с Худяковым бросаемся к обочине. А Фирсов, повернувшись лицом к солдатам, прямо с рук открыл по ним огонь из пулемета. Ошеломленные, солдаты бросились наутек.

Неожиданно пулемет Фирсова умолк. В магазине кончились патроны. Пограничник резко отвел рукоятку назад, потом двинул вперед, нажал на спуск, но бесполезно — пулемет молчал. Поняв, что с пулеметом что-то случилось, вражеские солдаты бросились к Фирсову. Но он не растерялся и хладнокровно стрелял из нагана в одного, другого, третьего. Затем установил своего «дегтярева» на дороге, снял пустой магазин, поставил заряженный, но не успел изготовиться к стрельбе, как раздалась длинная очередь...

Вражеские солдаты опять показываются на дороге. Мы открываем огонь, нам вторят подоспевшие бойцы заставы. Вместе с Худяковым подползаем к Фирсову. Гимнастерка его вся в бурых пятнах. Мы поднимаем пограничника и выносим его из зоны огня.

Гибель товарища заставила посуроветь лица бойцов. Противник пытался сбить нас с дороги, но это у него не получилось. Застава лейтенанта Аникина вышла во фланг вражескому подразделению. Группа пограничников, в числе которых был и заместитель политрука Аркадий Углицких, атаковала его с фронта. Потом врага преследовали пограничники оперативного поста старшего лейтенанта Стряпунина. Фашистские солдаты поспешно отошли к границе и бежали за Верецкий перевал.

Так закончился этот бой. «Выполняя приказ,— говорится в одном из документов,— 10 и 11 заставы в районе села Корыстышева вступили в бой с пехотным батальоном противника. Бой длился с 4.00 до 18.00. Враг отступил, оставив свыше 40 убитых. Заставы захватили 3 орудия, 5 станковых и 6 ручных пулеметов, военное имущество. В плен взято 11 солдат противника. Потери десятой и одиннадцатой пограничных застав в этом бою: убит — 1, ранен — 1».

Сегодня хорошо видно, как мало значил для судеб войны наш первый бой у села Корыстышева. Это был бой местного значения. Вокруг нас дрались целые армии. Именно там, севернее и южнее, разворачивались невиданные доселе напряженные и драматические сражения, в которых участвовали десятки и сотни тысяч людей. Но для пограничников заставы и отряда это было первое серьезное испытание, и они вышли из него с честью. Уже здесь, у границы, бойцы показали, что они умеют драться с врагом и побеждать его. Их преданность Родине, стремление во что бы то ни стало разбить вторгнувшихся в пределы Советской страны немецко-фашистских захватчиков были доказаны мужеством и храбростью. Не без гордости вспоминают об этом бое. Когда к концу войны мне вновь пришлось оказаться в этих местах, жители близлежащих сел вспоминали, как драпали отсюда фашисты через Верецкий перевал в июне 1941 года.

...Снова подошла автоколонна. Представитель штаба 13-го стрелкового корпуса распорядился посадить всех на машины и начать отход. Теперь мы уже знали: на остальных участках фронта дела складывались не в нашу пользу. К машинам подцепили трофейные пушки. Оставались у Корыстышева для прикрытия отхода отряда наша десятая и одиннадцатая заставы лейтенанта Аникина. Старшим группы был капитан Гладких.

Через некоторое время подошли автомашины и за пограничниками заставы лейтенанта Аникина. Капитан Гладких сказал мне:

— За вами транспорт подойдет позже.

Темнело. Где-то за горным хребтом будоражили округу взрывы, и глухое эхо от них долетало сюда. У нас стояла первозданная тишина. В эту тишину как-то исподволь вкрался стук конских копыт. Это подходил наш обоз. На пароконных повозках сидели старшина Вершинин и учительницы Ковалева и Яковенко. Я приказал кормить бойцов. Пограничники устало брели к повозкам, где были установлены термосы с едой.

Темнота стала гуще. По-прежнему лишь далекий, стертый расстоянием гул взрывов нарушал тишину. Машины не подходили. Освещая ракетами местность, дежурные пулеметчики изредка обстреливали дорогу. Им никто не отвечал.

Сквозь полудремоту я почувствовал, как наступил рассвет. Открыл глаза. Багровый край солнца выплыл из-за горы и словно оплавил снизу обугленно-черные тучи. Верхняя кромка их еще сливалась с ночным небом. Послышался надсадный гул. Наконец из-за туч вывалились немецкие бомбардировщики. Самолеты шли клиньями прямо над нами. Вскоре небо озарилось огненными сполохами, донеслись громовые удары. Рокоча, они пришли и сюда, в горную лощину. Черные столбы дыма поднялись выше гор.

— Бомбят Стрыйский аэродром,— сказал Скляр.— Что будем делать?

— Отходить.

Командиры отделений построили бойцов. Угрюмо опустив головы, пограничники проходили мимо влажной черной земли на могильном холме, под которым навсегда остался лежать пулеметчик Иван Фирсов. Нет, это не от усталости, не от полусуточного боя и не от бессонной ночи хмурились они. А оттого, что снова, несмотря на то что враг отброшен за линию границы, они идут в глубь страны. У повозок пограничники замедлили шаг. Максим Скляр стал перед строем.

— Вы сделали все, что могли, товарищи. Вы разгромили вражеский батальон. Противник отброшен от границы. Но обстоятельства вынуждают нас отойти. Придет время, мы снова вернемся сюда.

Целый день мы шли лесной горной дорогой. Уже темнело, когда застава оказалась у города Стрыя. Город горел. На аэродроме что-то рвалось, слышались редкие выстрелы. Выслали на разведку кавалеристов во главе со Скляром. Вскоре они вернулись.

— Надо торопиться, на этой стороне наших войск нет. Мост сейчас взорвут саперы.

Мы поднялись. Поднялось и наше тыловое охранение — отделение сержанта Худякова, находившееся в полукилометре от ядра заставы. Только мы перешли мост, как подъехал мотоцикл. Командир, сидевший в коляске, крикнул:

— Скорее, взрываем!

Мы стали объяснять, что на том берегу осталось еще одно отделение, но он махнул рукой:

— Поздно!

Почти тотчас раздался взрыв. Воздух наполнился запахом горелого тола.

Почему-то в ту минуту не хотелось думать, что Худякову не удастся переправиться через реку. Все хорошо знали сержанта. Он был смекалистым и расторопным командиром. Никто так виртуозно не работал на спортивных снарядах, как он, никто не стрелял лучше него, никто не мог так сноровисто собраться по тревоге и без устали преследовать нарушителей границы. Пограничники уважали Худякова за сметку, решительность, смелость. «С Худяковым не пропадешь,— говорили о нем бойцы.— Он найдет выход из любого положения».

Так думал тогда и я.

Растянувшись цепочкой, пограничники брели по полю вдоль дороги. В июне рано наступают рассветы. И вскоре небо стало светлеть. Неожиданно путь нам преградил глубокий овраг. Свернули к дороге, по которой следовала одна из наших воинских частей. Мы вклинились в какое-то подразделение. Ритм движения нарушился.

— Эй, кто такие, почему врезались в колонну? — услышал я.

— Не волнуйтесь, обойдем овраги и сойдем с дороги.

— Сделайте это побыстрее,— снова раздался голос командира. Он показался знакомым. Я замедлил шаг, ожидая человека, шумевшего на нас. Им оказался тот самый командир батальона, что перед началом войны находился в обороне на участке нашей заставы. Все бойцы и командиры батальона были одеты в новое обмундирование и снаряжение, словно шли на парад.

— Здравствуйте, лейтенант,— суховато ответил командир батальона, все еще сердясь за то, что мы нарушили строй.

— Вы меня не узнаете, товарищ капитан? Я начальник погранзаставы из Кривки.

Он посмотрел на меня удивленно. Потом его взгляд скользнул по моему лицу, гимнастерке, и глаза комбата подобрели. Он улыбнулся, сказал приветливо:

— Вот ведь какая встреча! Как вы здесь оказались?

— Наверно, так же, как и вы,— обрадовался я неожиданной встрече,— прикрываем отход частей корпуса.

— Мы тоже,— заметил он,— три дня идем в арьергарде. Когда и где станем, не знаю. Пока шагаем без единого выстрела.

Я рассказал, что и мы с границы отошли без боя, однако боевое крещение застава уже получила у села Корыстышева.

— Ну и как? — с интересом спросил капитан.

— Да вроде ничего, потрепали вражеский батальон.

— Сколько потеряли своих?

— Погиб ручной пулеметчик, да одного ранило.

— И это все? — удивился комбат.

— Да.

— Для начала неплохо,— сказал капитан.— Когда мы были на участке вашей заставы, я убедился, что пограничники в боевом отношении подготовлены хорошо.

Сказав это, капитан замолчал. Дальше шли молча. Какие-то думы тяготили комбата. Неожиданно впереди послышался смех. Пограничники смешались с бойцами одной из рот. Тут и там мелькают зеленые фуражки.

Неожиданно возле нас появился майор на коне.

— Почему замедлили движение? — строго спросил он.— Откуда эти люди в фуражках?

Командир батальона, поглощенный своими мыслями, не сразу понял, что эти слова обращены к нему.

Я подал команду, и застава сошла с дороги. Майору пояснил, что, обходя овраг, был вынужден вклиниться в походную колонну батальона.

В это время головные подразделения полка вошли в лес. Майор пришпорил коня и поскакал вперед. На опушке леса он снова преградил нам путь.

— Вот что, лейтенант, здесь, на опушке, разверните свою заставу, прикроете нас.

Попытка объяснить, что мы выполняем приказ своего командования, на майора не возымела действия.

— Я здесь старший командир!

Пришлось рассредоточить заставу по опушке леса. Мимо прошли пулеметная рота и полковая артиллерия на конной тяге. Колонна полка скрылась в лесу. Стало тихо-тихо. Только где-то далеко на северо-западе небо то и дело озаряли огненные вспышки. Там шел бой.

Переждав несколько часов и не встретив противника, застава двинулась дальше. Поток людей, повозок, машин остался в стороне. Однако мы все время чувствовали близость этого людского водоворота, уходившего на восток.

К старой границе

К вечеру 1 июля штабы корпуса и отряда, а также часть подразделений вышли к Днестру и сосредоточились в лесу вблизи города Галича. Утром следующего дня туда прибыли все заставы. А к полудню и наша десятая. После боев и почти десятидневного марша под бомбежками пограничники отряда наконец обрели непродолжительный отдых. Лесная прохлада, тишина, аромат застоявшихся трав как-то сразу сняли усталость. Люди ожили. Впервые за время отхода от границы бойцы получили горячий обед, завтрак и ужин.

Из политотдела принесли газеты. Последние вести с фронта вызвали оживленное обсуждение. Говорили в основном о том, долго ли еще придется отступать и где наконец дадут врагу решительный отпор. Многие считали, что это произойдет на старой границе. Ведь там, на линии рек Горыни, Збруча, городов Шепетовки, Мозыря, Проскурова, Каменец-Подольского, находятся мощные оборонительные сооружения — железобетонные доты, артиллерийские погреба с механизированной подачей боеприпасов, подземные электростанции, системы для подачи воды, казематы для отдыха. Мы все это видели своими глазами, когда служили на старой границе. Где же, как не здесь, лучше всего остановить наступление гитлеровцев?

Наш отдых и размышления были прерваны автоматной стрельбой. Среди белого дня немцы выбросили парашютный десант. Сначала раздалась одна очередь, а затем, как бы вторя ей, затрещали десятки автоматов. Поначалу мы подумали, что это командование решило проверить нашу боеготовность, но пули со свистом пролетали над головами. Команда «К бою!» окончательно стряхнула благодушие.

Группа немецких десантников, не предполагая, что в лесу сосредоточились значительные силы, обстреляла штабные палатки, а другая устремилась к Днестру, намереваясь захватить мост у Галича. Ликвидировать первую группу командование отряда поручило нашей комендатуре. Капитан Щербаков развернул заставы в цепь, и мы устремились в поле. Остальные были брошены на ликвидацию автоматчиков, пытавшихся прорваться к мосту. Десант уничтожили.

Когда мы вернулись в лес, то увидели колонну автомашин на дороге. Впереди стояли черная «эмка» начальника отряда и штабной «пикап» с радиостанцией. Палаток, где только что находились офицеры штаба корпуса, уже не было. Видимо,

пока мы ликвидировали гитлеровских парашютистов, произошли события, заставившие штаб корпуса сняться с места. Капитан Щербаков доложил о ликвидации десанта майору Врублевскому. Вернувшись от него, он собрал начальников застав.

— Немцы захватили Львов. С часу на час они могут быть в Галиче,— объявил он. —Комендатуре приказано двигаться по маршруту Монастыриск — Гусятин — Ярмолинцы — Проскуров. Отход отряда обеспечивает десятая застава. Она прикроет дорогу от Галича у моста. Сниметесь,— добавил Щербаков, обращаясь ко мне,— с наступлением темноты.

От Галича части корпуса шли параллельными дорогами через Тарнополь и Монастыриск. С теми, кто отходил на Тарнополь, успела проскочить на машинах и часть пограничников вместе с начальником отряда майором Босым. Остальные двинулись на Монастыриск. В Галиче оставался лишь саперный взвод и пограничники под командованием начальника отделения штаба отряда старшего лейтенанта Михаила Ивановича Наумова.

Мы заняли оборону по обе стороны дороги у моста и, ничем не выдавая себя, вели наблюдение за утопавшим в зелени городом. Часам к девяти вечера на том берегу послышался гул моторов немецких броневиков и автомашин, завязалась ожесточенная перестрелка. В самый разгар ее раздался сильный взрыв, мост рухнул. Затем стрельба постепенно стихла. Галич занимали подразделения врага. В вечерней тишине были отчетливо слышны лязг гусениц, скрип тормозов, чужая речь. То тут, то там вспыхивали огни фар, электрических фонарей. Наконец все угомонилось.

Ночной мрак все плотнее окутывал землю. Застава покинула занимаемый рубеж.

Еще засветло были отправлены повозки, матковские учительницы и пограничники первого года службы с политруком Скляром. Со мной оставалось человек тридцать — тридцать пять наиболее выносливых и подготовленных бойцов. Так мы и двинулись за теми подразделениями отряда, что отходили через Монастыриск на Гусятин и Проскуров. Поздно вечером догнали на дороге какую-то артиллерийскую часть. Тягачи и тракторы шли без света, таща на прицепах орудия различного калибра. Колонна растянулась по дороге больше чем на километр. У многих орудий не было расчетов, только водитель тягача или тракторист. Стоявший на обочине проселка комбриг поторапливал своих бойцов, стремясь ускорить движение и заставить колонну следовать на сокращенных дистанциях.

Когда поравнялись с комбригом, он подозвал меня:

— Послушайте, лейтенант, ведь ваши бойцы устали?

— Устали, товарищ комбриг, от границы идем пешком.

— Тогда рассадите-ка их по два-три человека на орудия, и будем двигаться вместе.

Такое предложение нас вполне устраивало. Пограничники разместились на орудиях, и мы проехали за ночь около сорока километров. А утром простились с нашими попутчиками и параллельной проселочной дорогой продолжали движение на восток.

Под вечер оказались где-то между Гусятином и Проскуровом, в населенном пункте, расположенном в глубокой и круглой, как чаша, лощине. Там повстречали местного райвоенкома — майора, который был одновременно и начальником гарнизона.

— Следуйте на западную окраину города и займите там оборону у дороги,— распорядился он.

Я повторил полученное приказание, только попросил помочь накормить людей.

— Своей кухни у нас нет, бойцы давно уже ничего не ели.

Майор подозвал старшину и распорядился:

— Отведите людей в столовую.

В городской столовой нас накормили как следует. Пограничники наполнили водой фляги, прихватили с собой кое-что из еды. Оставив обоз и связных у дома, где был расположен штаб гарнизона, я повел бойцов туда, откуда мы только что пришли. На окраине городка по обе стороны дороги уже были кем-то вырыты окопы. В них застава и заняла оборону.

Оглядевшись, я заметил позади нас, в саду у крайней хаты, орудие. Со Скляром пошли туда. Переговорили с артиллеристами, выяснили, что это как раз та артиллерийская часть, которую мы недавно сопровождали. Около двух часов ночи меня разыскали связные и передали распоряжение майора-военкома прибыть в штаб.

— Одному или всей заставе? —уточнил я у связных.

— Всей заставой.

— Хорошо, пройдите по окопам, разбудите людей. Командирам отделений передайте, чтобы строили личный состав немедленно.

Вскоре мы уже были у штаба. В большой просторной комнате сидело несколько командиров-артиллеристов, среди них знакомый комбриг.

— Через час мы отходим,— сказал он, кивнув нам головой.— Часть орудий и тракторов придется подорвать. Горючего нет, снарядов тоже. Оставить технику врагу не можем.

Комбриг назвал по фамилии нескольких командиров и приказал им начать отход. Потом повернулся к нам.

— Подойдите к столу, пограничники.

— Вас также прошу подписать этот акт,— протянул он нам уже составленный документ.

В акте перечислялись номера и калибры орудий, марки тракторов, указывались обстоятельства и место их уничтожения. Далее шли подписи. Последней стояла подпись местного райвоенкома. Расписались и мы со Скляром.

На пригорке за селом стояли приготовленные к уничтожению тракторы и орудия. Все вышли на улицу. Комбриг подал сигнал. Один за другим последовали взрывы. Пригорок заволокло пылью и дымом. Когда дым рассеялся, мы увидели искореженные пушки и тракторы. При острейшей нехватке техники она иногда уничтожалась собственными руками. Иного выхода не было.

Между тем гитлеровцы приближались к Бердичеву и Житомиру. Отдельные разведывательные подразделения врага перерезали дороги, идущие на Станислав, Винницу и Проскуров. То там, то здесь заставы и комендатуры нашего отряда вступали с противником в ожесточенные схватки.

Особенно серьезное столкновение произошло близ Монастыриска, между реками Днестр и Золотая Липа. Здесь, на перепутье дорог, находился один из мостов через Днестр, который спешили захватить гитлеровцы. На совершенно открытой местности завязала бой с врагом прикрывавшая походную колонну отряда пятая комендатура. Противник намного превосходил пограничников в живой силе и технике. У него были бронетранспортеры и танки. Заставы дрались лишь стрелковым оружием да гранатами, но нанесли врагу серьезный урон. Чтобы овладеть мостом, гитлеровцам потребовалось значительное время.

Хорошо помню начало этого боя. Двигаясь следом за отрядом, застава к вечеру оказалась у небольшого населенного пункта. Тут укрывался от бомбежки какой-то армейский госпиталь. С начальником госпиталя майором медицинской службы было человек тринадцать — пятнадцать обслуживающего персонала. Мы заночевали в селе, а наутро майор предложил ехать вместе.

Еще до восхода солнца наша колонна миновала несколько больших и малых сел и спустилась к Днестру. По широкой долине дорога сбегала к потемневшему от времени, но еще прочному деревянному мосту. Тут мы увидели кучи щебня. За ними в неглубоких окопчиках залегли пограничники со станко-

выми пулеметами. Я увидел лейтенанта Алексея Фролова, с которым в свое время служил на одной комендатуре. Фролов смотрел на проходящие машины воспаленными глазами. Фуражки на нем не было, на непокрытой голове выделялись седые виски. Заметив меня, он что-то крикнул. Но из-за шума моторов трудно было разобрать его слова.

«Пограничники оказали отчаянное сопротивление, несколько раз бросались в контратаку, однако, не имея противотанковых средств, вынуждены были отступить,— говорится в одном из документов.— 5 пограничная комендатура под командованием капитана Терентьева Г. С. отрезана. Точных данных о ней нет».

Бывший начальник штаба пятой комендатуры полковник в отставке Михаил Петрович Артюхин, скончавшийся в 1971 году, вспоминал об этом бое:

— Как только отряд покинул Галич, противник все время пытался прижать нас к реке. У моста через Днестр, близ его притока Золотая Липа, гитлеровцам удалось обойти наши фланги. Комендатура приняла бой. Комендант капитан Терентьев собрал вместе станкопулеметные отделения и назначил командовать пулеметчиками начальника семнадцатой заставы лейтенанта Алексея Алексеевича Фролова. Именно на группу Фролова пришелся основной удар. Пулеметчики дрались отчаянно и положили немало фашистов у берега реки. Благодаря их мужеству основным силам комендатуры удалось пробить брешь в боевых порядках противника, вырваться из кольца и соединиться с отрядом. Лейтенант Фролов и бывшие с ним пограничники погибли. Не вышел из этого боя и капитан Терентьев. Но пятая комендатура продолжала сражаться с врагом еще много дней и недель.

Прошли годы с той последней моей встречи с лейтенантом Фроловым. И вот в Центральном архиве пограничных войск я как бы вновь свиделся с ним, когда перелистывал пожелтевшие от времени страницы его личного дела. С фотокарточки, вложенной в дело, смотрело на меня простое русское лицо. Взгляд серых глаз был строг и спокоен. Проста и пряма была биография Фролова. Пограничную службу он начал рядовым в Славутском пограничном отряде. Окончил школу младших командиров. Стал старшиной заставы, потом помощником начальника и начальником заставы. Это был человек, никогда не пасовавший перед трудностями, отличавшийся бесстрашием. Вспоминаю, как незадолго до начала войны, когда мы оказались на сборах в Москве, к нам приехал начальник пограничных войск генерал Соколов. Он подвел итоги учебы за неде-

лю, а потом спросил, как мы поживаем, каково наше настроение. Мы не очень были довольны отдельными занятиями, рассчитанными на неопытных, начинающих службу пограничников. Воспользовавшись этой беседой, Фролов с присущей ему прямотой заметил:

— Товарищ генерал, что же тут играют с нами в пограничников? Мы же не бойцы первого года службы и не курсанты училища. Некоторые из нас уже по десятку лет прослужили на границе. Как лежать в наряде, передвигаться в дозоре — эту науку мы ежедневно проходим на границе. Пусть нас здесь подучат тому, чему не могут научить в отряде. Покажут новую боевую технику, прочитают лекции о некоторых вопросах тактики современного боя, расскажут о методах разведывательной работы. А заодно неплохо было бы посмотреть Москву, сходить в музеи, театры. Ведь в столице многие из нас не были уже много лет.

Начальник войск внимательно выслушал Фролова, поблагодарил за дельные замечания. В расписание наших занятий были внесены существенные изменения. Таким оставался коммунист Фролов до последней минуты жизни. Он сознательно шел на самопожертвование, спасая жизнь своим товарищам по комендатуре. Лейтенант Фролов сражался в бою до последнего патрона, пока билось его сердце. Пусть знают об этом его жена Анастасия Андреевна, его земляки из деревни Филино Ивановской области, где он родился и вырос.

Известны и подробности героической схватки капитана Терентьева и бойцов его комендатуры с немецко-фашистскими захватчиками. Пограничники бились до последнего и все погибли, прорывая кольцо окружения. Это было похоже на коменданта Терентьева. Не так часто, но мне приходилось встречаться с капитаном Терентьевым в бытность службы на пятой комендатуре. Общение с ним оставило самые добрые воспоминания о нем как о серьезном командире, умелом организаторе охраны границы, чутком наставнике пограничников. Навсегда врезалось в память его мужественное, загорелое, почти бронзовое, лицо, стройная худощавая фигура, словно высушенная жаркими ветрами и палящим солнцем пустыни. Так оно и было. Много лет капитан Терентьев служил на туркменской границе. За его плечами была гражданская война, борьба с басмачеством. Коммунист Терентьев был беспредельно предан народу, партии, воинскому долгу.

Жена капитана Терентьева Мария Леонидовна сейчас живет в Ташкенте. Выросли его дочери Гертруда и Олимпиада. Олимпиада навестила меня летом 1968 года.

— Я была вот такой же,— показала она на свою дочь, с которой вместе приехала,— когда утром 22 июня 1941 года отец пришел домой и сказал, что немцы напали на нас. Я выглянула в окно, но, кроме высоких гор, поросших елями, ничего не увидела. Вскоре подошла грузовая машина. В ней уже сидели женщины и дети. Отец посадил нас в машину и попрощался с нами. Утром мы прибыли в Станислав. Навстречу по дорогам к фронту шли красноармейцы, двигались танки, орудия.

Миновав пулеметный заслон пятой комендатуры во главе с лейтенантом Фроловым, мы через несколько часов подъехали к реке Збруч. На крутом холме лежал в зелени фруктовых садов город Гусятин. Среди разбросанных повсюду домов ослепительно белели стены церкви. Гусятин — старая граница. Именно здесь, как мы предполагали, должны были дать отпор врагу отошедшие с границы части Красной Армии.

Город еще спал. Но по ту сторону Збруча виднелись фигурки бойцов в зеленых фуражках. На большой каменной арке перед мостом алел лозунг: «Социализм сотрет все границы капитализма». Сразу за мостом лежали ручные пулеметчики. А поодаль несколько пограничников во главе с лейтенантом рыли окопы перед зданием заставы. Это была одна из тех застав, что оставались на старом рубеже для поддержания режима в пограничной зоне.

Госпиталь уходил на Винницу, дальше нам было не по пути. Пограничники сошли с машин. Я направился к лейтенанту. Представились друг другу. Он сказал:

— Все идут на Проскуров. Наверно, и вам туда?

Я подтвердил. Потом поинтересовался, не заприметил ли он среди проходивших политрука, три повозки с пограничниками и двумя молодыми женщинами.

— Проходили вчера поздно вечером, после них больше никого не было.

Во дворе заставы на костре дымился котел. Лейтенант предложил позавтракать. Мы не стали отказываться.

Лейтенант понравился мне. Был он молод, строен, одет в черную кожаную куртку, перетянутую ремнями из кавалерийского снаряжения.

— Давно ли командуете заставой?

— Призвали с началом войны.

Мы поговорили о положении на фронте, потом я заметил:

— Там, за Збручем, наших войск нет, мы отходим последними, присоединяйтесь к нам, пойдем вместе.

— Нет,— покачал головой лейтенант,— не получил приказа на отход.

— Какой же смысл оставаться? У вас всего двенадцать бойцов да один ручной пулемет, что вы тут сможете сделать?

Но лейтенант опять покачал головой.

— Нет, не пойду, приказа не получал.

После войны я вновь побывал в Гусятине. Рассказывали, что в начале июля 1941 года у моста через Збруч произошла жаркая схватка. На целые сутки задержали пограничники мотоколонну врага. Потом пограничников поддержала какая-то армейская часть. Так и не прошли тут немцы. Пришлось им искать обходные пути.

Кто же был встреченный нами у моста через Збруч лейтенант? Кто те, что оставались с ним и выполнили свой долг до конца?

В Центральном архиве погранвойск дали такую справку: «Из документов установлено, что в 1941 году в местечке Гусятин дислоцировалась 22 пограничная застава 22 пограничного отряда и управление 4 погранкомендатуры этого же отряда. На 22 пограничной заставе проходили службу 17 человек, в том числе: лейтенант Чиженков Николай Иванович — начальник заставы и младший политрук Баранов Сергей Антонович — зам. начальника заставы по политчасти. На заставе служили: Танковский Алексей Васильевич — старшина, Сенаторов Константин Михайлович — командир отделения, Иванов Константин Дмитриевич — командир отделения, Назаров Аркадий Яковлевич — ручной пулеметчик, Бриньков Иван Егорович — ручной пулеметчик, Хорун Емельян Афанасьевич — повар, Темерин Анатолий Иванович — стрелок, Шибайкин Алексей Иванович — стрелок, Пономарев Семен Пантелеевич — стрелок, Каршин Сергей Григорьевич — стрелок, Нужный Афанасий Пантелеевич — стрелок, Рожков Николай Тимофеевич — стрелок, Скрытников Григорий Афанасьевич — стрелок, Косинов Поликарп Лукьянович — стрелок, Рыженко Михаил Ефимович — стрелок. Кто из них погиб, а кто остался в живых — установить невозможно, так как документов 22-го погранотряда за июнь 1941 года и последующий период не сохранилось. Сведений о месте рождения и месте жительства пограничников перед призывом на военную службу в списке нет. В личном деле лейтенанта Чиженкова Н. И. содержатся данные, что он рождения 1913 года, уроженец г. Новоузенска Новоузенского района Саратовской области. Семейный. Жена Чиженкова (девичья фамилия Кашина) Анна Васильевна, рождения 1916 года, уроженка г. Новоузенска, и дочь Людмила, рождения 1939 года».

Большего поначалу узнать не удалось. И вдруг в канун двадцать пятой годовщины нашей победы над фашистской Германией получаю письмо. «К вам обращаются красные следопыты Гусятинской восьмилетней школы. Мы родились и живем в селе, где до 1939 года проходила государственная граница нашей страны. Здесь несли нелегкую службу воины-чекисты. Много волнующих рассказов об этих мужественных людях хранят старожилы. Пройдут десятилетия, а память о славных подвигах пограничников сохранится в сердцах людей. Нас особенно волнуют события 1941 года. Известно, что 5 июля 1941 года группа пограничников приняла на себя первый удар фашистских солдат. Пограничники сражались самоотверженно, до конца остались верны воинской присяге».

Пионеры писали, что ведут розыск пограничников Гусятинской погранзаставы, что нашли в городе Новоузенске сестру начальника заставы Е. И. Дубцову, а в городе Хмельницке — жену Н. И. Чиженкова Анну Васильевну. Анна Васильевна Чиженкова написала пионерам о жизни и геройской гибели мужа. Оказалось, что Чиженков погиб при спасении полкового знамени в 1941 году где-то между Винницей и Киевом. На последнем письме Н. И. Чиженкова, датированном 26 июля 1941 года, значится адрес: «Действующая Красная Армия Юго-Западного фронта, п/п 505, команда «Т», 22 погранотряд НКВД УССР». Пионеры просили также уточнить фамилию одного из бойцов двадцать второй заставы. Он им известен как Тетерин, а в списках бойцов значится Темерин.

Пошел повторный запрос в Центральный архив пограничных войск, на который ответили так: «На ваше письмо сообщаем, что в книге учета личного состава 22-го Волочисского погранотряда за 1940—1941 гг. значится: «Тетерин Анатолий Иванович, стрелок 22 погранзаставы». Фамилия «Тетерин» написана неразборчиво, можно прочитать и как «Темерин». Произвести уточнение фамилии Тетерина А. И. не можем, так как других документов по учету личного состава 22-го погранотряда в архиве нет».

Казалось, что новых сведений о пограничниках двадцать второй заставы не поступит. И вдруг кто-то позвонил в мою квартиру. Я открыл дверь. У порога стоял среднего роста худощавый мужчина лет пятидесяти.

— Здравствуйте,— сказал он.

Я ответил на приветствие.

— Вы меня не узнаете? — спросил мужчина.

— Нет,— ответил я, всматриваясь в его загорелое, мужественное лицо,— мы с вами где-то встречались?

— Да. Помните июль сорок первого года, заставу в Гусятине? Я бывший пограничник этой заставы Косинов Поликарп Лукьянович.

Косинов оказался в Москве проездом, времени у него было очень мало. Конечно, лица его я не помнил, слишком коротким было наше пребывание на гусятинской заставе, да и говорить тогда пришлось только с начальником, как теперь известно, лейтенантом Чиженковым. Но Поликарп Лукьянович запомнил меня и сейчас узнал. Живет он в селе Ново-Макарове на воронежской земле, работает кузнецом в колхозной мастерской, дважды награжден медалью «За трудовую доблесть». О заставе и о себе он поведал следующее:

— В пограничные войска меня призвали в 1937 году. Вначале я проходил службу на пограничной заставе в Гусятине. В октябре 1939 года меня перевели в 92-й пограничный отряд инструктором розыскной собаки на пограничную заставу в городе Перемышле. Я имел много задержаний нарушителей государственной границы. В 1940 году у меня истек срок службы, но в воздухе, как говорится, пахло грозой. И вместе с другими пограничниками, подлежащими демобилизации, меня направили на усиление старой границы. Так снова оказался в Гусятине на 22-й пограничной заставе. Здесь и застала война. Через нашу заставу отходили части Красной Армии. К началу июля прошли все. Мы остались одни на старом рубеже. В одну из ночей начальник заставы лейтенант Чиженков выставил меня с одним пограничником часовыми у моста. Ночью мы услышали, как кто-то в темноте крадется к нам. Я окликнул неизвестных, в ответ раздались автоматные очереди. Мы также открыли огонь. Двое нападавших, одетых в гражданскую одежду, оказались убитыми. Это случилось как раз накануне того, как прошла через Гусятин ваша застава. Мы заняли оборону у моста. И когда гитлеровцы попытались с ходу прорваться через мост, встретили их дружным огнем. Образовалась пробка, и мы тут здорово лупили гитлеровских вояк. Пришлось им развертываться у реки. Как раз в это время на помощь заставе подошла какая-то армейская часть. Совместными усилиями мы несколько раз отбивали атаки фашистов. На второй день они обрушили на нас массированный огонь артиллерии, вызвали самолеты. Но и это не помогло. Тогда, нащупав брод, гитлеровцы стали переправляться через реку ниже по течению. Мы получили приказ отойти в направлении Винницы. В каком-то небольшом городке недалеко от Винницы сосредоточивался наш 22-й пограничный отряд. С гусятинской пограничной заставы нас было только трое: Хорун, Рожков и я. И снова были

бои. В одном из них погиб Рожков. Мы оказались в окружении. Пробились к своим вместе с капитаном Дмитрием Поляковым. Потом меня зачислили старшиной роты в 97-й погранполк. В бою под Харьковом в 1942 году был тяжело контужен. Вот и все,— закончил Косинов.

Лейтенанта Чиженкова и младшего политрука Баранова Косинов видел в последний раз в бою у моста через Збруч. Не знал и я тогда, что навсегда расставался с этим мужественным человеком, вступившим со своей заставой в неравную схватку с врагом. Да если б и знал, что мог сделать? Мы тоже не отходили без приказа. А каждый выигранный у противника день, пусть даже ценою самопожертвования, способствовал организации отпора врагу на новых рубежах.

В местечке Ярмолинцы мы догнали пограничников, отходивших вместе со Скляром. Здесь, в саду или перелеске, бойцы пережидали дневную жару. Старшина Вершинин с поваром Михайловым варили на костре в больших чугунах яйца.

— Откуда взяли столько яиц? — строго спросил я Вершинина, подозревая, что кто-то решился выпросить их у местных жителей.

Скляр объяснил, что разрешил вскрыть стоявший неподалеку магазин, который уже не принадлежал никому. В магазине ничего, кроме яиц, не оказалось. Вот и взяли их, чтобы накормить бойцов. Не пропадать же добру.

Почему-то именно в Ярмолинцах мне бросилось в глаза, как похудели, почернели, осунулись пограничники, как не походили они в своих просоленных, выжженных солнцем гимнастерках на тех беззаботных, веселых кавалеров, что кружились в последний предвоенный вечер во дворе заставы с кривскими и ивашковскими девчатами. Между прошлым и настоящим пролегла грань, которую уже нельзя было ничем стереть.

Снова в путь. Пограничники идут сосредоточенные, суровые. Дорога пролегает вблизи бывших укрепленных районов. Ни души. Черными пустыми глазницами смотрят бойницы железобетонных дотов. Не видно ни орудий, ни пулеметов, ни тех, кто должен был, одетый в камень и железо, держать здесь под обстрелом каждый метр земли.

— Куда же все делось? — заметил кто-то из бойцов, служивших здесь до 1939 года.

— Вот тебе и старая граница, а говорили — дальше отступать не будем.

Сержант Смолянец успокаивает:

— Проскуров тоже старая граница. Может, там занята оборона.

Мы шли с политруком молча, не вмешиваясь в неожиданно вспыхнувший разговор. Полтора года назад, когда мы служили на старой границе, она казалась нам неприступной крепостью. Бойцы и командиры бывали в подразделениях укрепрайонов и многое видели своими глазами. Теперь ничего этого не было. После того как граница передвинулась на запад, укрепленные районы были демонтированы и законсервированы в связи со строительством их на новой границе. Вслед за вероломным вторжением гитлеровских войск старые укрепрайоны стали спешно приводиться в боевое состояние, но достигнуть былой их мощи, к сожалению, не удалось.

— Да,— сказал я Скляру,— картина невеселая, но надо подбодрить людей. Может, мы чего-то не знаем.

Скляр пошел вдоль колонны.

— Что приуныли, орлы? — послышался его голос.— Доты пусты — не беда, был бы боевой дух крепок. А ну вспомним, как мы дрались у границы! Кто драпал: мы или они?

Темнело. Где-то на северо-востоке небо озаряли вспышки широких молний. Противник опять что-то бомбил. Но гул взрывов до нас не доходил. Слышался лишь скрип песка под колесами наших повозок да приглушенный разговор политрука с бойцами.

К 7 июля большинство подразделений отряда сосредоточилось в районе железнодорожной станции Проскуров. Предполагалось из Проскурова отряд перебросить железнодорожным транспортом через Староконстантинов на Казатин. Однако к этому времени немцы подошли к Бердичеву. Находившийся в Проскурове начальник штаба Украинского пограничного округа полковник Рогатин изменил первоначальный план и приказал отходить через Жмеринку, Винницу и Казатин до города Сквиры. Те, кто успел погрузиться в эшелоны, направлялись туда по железной дороге, другие, главным образом штаб отряда и штабные подразделения, перебрасывались автотранспортом. Отдельные заставы, для которых машин не хватило, шли в пункт сосредоточения проселочными дорогами.

К Проскурову мы подошли поздно вечером после очередной бомбежки. Железнодорожные пути были до отказа забиты переполненными воинскими эшелонами. Люди сидели на подножках, в тамбурах, на крышах вагонов. Остановив пограничников у станции, я со связными стал пробираться через железнодорожные пути. С трудом отыскал эшелон с пограничниками. Там увидел капитана Щербакова.

— Ну как, прибыли? — не дав мне доложить, спросил комендант.— Все в порядке?

— Так точно,— отозвался я и добавил: — Только вот повозка вышла из строя да тяжеловато нести пулемет на себе. Еще с десяток человек потерли ноги. Кроме того, с нами две матковские учительницы. В общем человек пятнадцать, как говорят, небоеспособных.

Не знаю, как Гавриил Иванович относился к другим начальникам застав, но ко мне — с большим доверием и отцовской добротой. Хоть и непродолжительна была наша совместная служба — Щербаков принял комендатуру лишь в начале 1941 года,— я верил в него, его командирский талант, спокойствие, рассудительность. Между нами было полное взаимопонимание. Вот и тогда комендант понял, что напрасно жаловаться я бы не стал.

— Давайте сюда тех, кому трудно идти, да побыстрей, а с остальными следуйте через Староконстантинов в Сквиру.

Я перебежал полотно железной дороги и быстро собрал людей, которых надо было отправить с эшелоном. Политрук Скляр повел их на станцию.

— Оставайся с ними! — крикнул я Максиму вслед.

Двинулись в путь и мы. Незаметно отмерили километров десять, возможно, больше. Неожиданно колонна остановилась.

— Начальника в голову! — передали по рядам.

Поперек дороги стоял мотоцикл с коляской, а возле прохаживались три человека. Один из патрульных, очевидно старший, нетерпеливо спросил:

— Ну где он, ваш начальник?

Я представился.

— В Староконстантинов нельзя — там немцы,— сказал он,— направляйтесь в Казатин.

— А как туда попасть?

— Возвращайтесь назад, доберетесь до Хмельника, а там спросите.

Чтобы сократить путь, мы свернули с дороги на гороховое поле и взяли нужный азимут по компасу. Так шли около часу, пока не оказались на каком-то проселке. Двигаться дальше было рискованно. Компас компасом, а кто мог сказать, где сейчас противник. Да и люди устали, буквально засыпали на ходу. И я решил переждать ночь в поле. Выставили часовых, и вскоре все заснули мертвецким сном. Только мне не спалось. Лежа на спине, я всматривался в усеянное звездами почти дегтярное небо и размышлял о том, как далеко мы оказались от границы не по своей воле. Не прошло и получаса, как послышался знакомый гул немецких бомбардировщиков. Над Проскуровом повисли спущенные с самолетов парашюты с осветительными ра-

кетами. Захлопали зенитки. Но их слабый звук заглушили бомбовые разрывы. К небу вскинулись огненные столбы. Все вокруг осветилось слабым сумеречным светом. Ухающие глухие раскаты доносились довольно долго. Под этот гул я незаметно уснул.

Проснувшись, понял, что давно рассвело. Стояла поразительная тишина. Пограничники лежали неподвижно, даже часовые уткнулись лицом в землю. Неприятный холодок кольнул сердце: неужели что-то случилось? Я стал тормошить Вершинина, который ближе всех лежал ко мне. Михаил что-то пробормотал и тяжело разомкнул веки. У меня отлегло от сердца: подкосила людей усталость.

Нужно скорее уходить с открытого места, не дай бог налетят самолеты. Но кони с трудом становятся на ноги. Вершинин делает соломенные жгуты, и кавалеристы начинают растирать мускулы наших лошадей.

Проселок вывел нас к берегу тихой, заросшей осокой речки. По ней мы добрались до города Хмельника — зеленого курортного местечка. Здесь располагался какой-то армейский штаб. На одной из улиц нас задержали и, спросив, как мы тут оказались, посоветовали убраться поскорее. Кроме полевого караула, войск в Хмельнике не было.

Где-то на полпути к Казатину, идя вдалеке от основных дорог, мы набрели на тихое село. Я решил дать отдохнуть людям. Жители радушно встретили нас: накормили, напоили, а женщины принялись стирать белье и портянки. Впервые после отхода от границы я прикоснулся бритвой к лицу и сбрил уже довольно сильно отросшую бороду. К вечеру председатель колхоза, пятидесятилетний крепкий мужчина, распорядился забить барана. Прямо под деревьями были накрыты столы. Нас угощали мясом, жареной картошкой, квасом, молоком, ряженкой. Вместе с нами за столом сидели старики, женщины, дети. Всех интересовало, как дела на фронте, где немцы. Мы отвечали, что идем от самой границы, что делается в мире, не знаем, вчера немцы были в Староконстантинове и Бердичеве, в Хмельнике пока наши.

— А как, пустят германца дальше? — спросил особенно древний старик.— И много ли там наших супротив него?

Ответил председатель колхоза. Он сказал, что немцев мы били еще в 1918 году и если они придут сюда, то пойдем партизанить, как и тогда, в революцию.

Поздним вечером мы покинули наше пристанище и всю ночь шли то полем, то дорогой, то оврагами, пока наконец не увидели очертания города. По всей окраине его тянулись траншеи. Тут

же были установлены орудия. Кое-где зарытые в землю по башню виднелись танки. Перед нами был Казатин. Нас остановили патрульные и, проверив документы, рассказали, как добраться до Сквиры.

Утром 11 июля застава прибыла в Сквиру. Небольшой городок буквально утопал в садах. У огромного пруда мы отыскали свою комендатуру. Группа бойцов вместе со Скляром, следовавшая из Проскурова эшелоном, была уже здесь. Тут же находились наши санитарки — матковские учительницы. Максим доложил мне, что капитан Гладких приказал отправить девушек с попутными машинами в Киев. Но возникло затруднение: во время бомбежки эшелона в Проскурове сгорели их документы вместе с другим вещами. Кто поверит в Киеве, что они учительницы? Время-то военное.

— Вот до твоего приезда я и оставил их пока в хате.

— Хорошо,— отозвался я,— подумаем, как быть дальше.

Клавдия Яковенко и Валентина Ковалева, видно, почувствовали, что разговор идет о них, и подошли к нам.

— Мы от вас никуда не поедем,— заявили они,— с самой границы идем с заставой, а тут, когда стало тихо, вы нас хотите куда-то отправить.

Я сказал девушкам, что пусть они дадут мне сначала передохнуть с дороги, а потом уж разберемся, что к чему.

— Тут и разбираться нечего, мы от вас никуда ни на шаг,— бойко заявила Яковенко.

На что я ответил:

— Вы должны понять, девчата, что сам я решить вопрос о вашей дальнейшей судьбе не могу. Это дело командования.

Вскоре я доложил майору Врублевскому о прибытии заставы, заодно спросил, как быть с учительницами.

— Они невоеннообязанные, оставить в отряде мы их не можем,— заметил Врублевский.— Насчет документов — проще. Напишите со Скляром, при каких обстоятельствах сгорели они, дадим девушкам справки.

Со справками и денежным аттестатом, который я выписал в финансовой части за свой счет на месяц, я и вернулся к Клаве и Валентине. Как не хотелось им расставаться с пограничниками заставы, с которыми они шли от самой границы! Но что было делать. В Киев уходили отрядные автомашины. С ними и отправили учительниц.

После войны, разыскивая Ковалеву и Яковенко, я получил ответ из Новопсковского отделения милиции: «Сообщаем, что гражданка Ковалева Валентина Сергеевна, 1918 года рождения, на территории района не проживает. В 1945 году Ковалева В. С.

работала учительницей в школе с. Березовки всего 4 месяца. После чего выехала в неизвестном направлении. В областном адресном бюро МВД Луганской области и Новопсковском паспортном столе прописанной или выписанной не значится». О Клавдии Яковенко тоже не удалось получить каких-либо сведений. Куда забросило ее военное лихолетье?

Только проводили девушек, как поступило новое распоряжение: направить в формируемый при штабе отряда кавалерийский эскадрон старшину Вершинина и всех кавалеристов заставы. Туда же передали строевых и обозных коней. Подобные распоряжения получили все заставы. Командование отряда создавало подвижной резерв на случай каких-либо осложнений. Мера была разумной. Но положение застав, оставшихся без транспортных средств, ухудшалось. Наши хозяйственники работали по старинке. Когда мы стояли на месте, они нас снабжали более или менее сносно. Но стоило только заставам рассредоточиться или начать совершать марш, как всякая связь с тылами прекращалась.

Глядя на удалявшегося вместе с кавалеристами старшину Вершинина, я вспомнил день, когда он впервые прибыл на заставу. Было это в ноябре 1940 года. В канцелярию ввалился пограничник, с лихой кавалерийской выправкой. Не скрою, первая встреча с Вершининым огорчила меня. Всем своим видом новый старшина хотел подчеркнуть, что он человек независимый. Далекая от уставной барашковая шапка-кубанка, с зеленым верхом и с двумя перекрещивающимися белыми лентами, покоилась на его голове. Длинная до пят шинель во многих местах была окантована зеленым сукном. От множества пуговиц, начищенных до невероятного блеска, рябило в глазах. Гусар, да и только. Словно не замечая его пестрого наряда, я сказал:

— Коль вас прислали на заставу, то до вечера располагайте собой, знакомьтесь с людьми, а потом обо всем потолкуем.

На боевом расчете я представил личному составу нового старшину и приказал временно исполнявшему его обязанности сержанту сдать Вершинину хозяйство заставы. Вершинин доложил о принятии всех дел, и мы поговорили с ним по душам. Оказалось, что он горьковчанин, из села Воротынец, родился в 1918 году. В селе оставались мать и отец. В погранвойсках служит третий год.

— Знайте, товарищ старшина,— заметил я тоном, не допускавшим возражений,— вы мой заместитель по хозяйству и помощник по обучению и воспитанию пограничников. Вам придется подчас оставаться на заставе за старшего и самостоятельно решать разные вопросы. А кому много дано, с того много и

спрашивается. Давайте нашу совместную работу начнем с того, что вы припрячете свою кубанку до увольнения в запас. Наденьте положенный головной убор, приведите шинель в порядок. Утром мы снова встретимся, будем знакомиться с участком границы.

Поначалу у нас случались кое-какие недоразумения. Однако уже вскоре Михаил Вершинин стал настоящим хозяйственником и моим помощником. Исключительно храбро действовал он в первые дни войны. И вот судьбе было угодно в местечке Сквира разлучить нас. В 1942 году, уже будучи командиром взвода, Михаил Вершинин пал геройской смертью при наступлении на Обоянь.

Вечером заставы и подразделения отряда построили и нам объявили, что по решению командования фронтом мы направляемся на охрану тыла 26-й армии. Выступил комиссар Авдюхин.

— Хотя на полях сражений много фашистских захватчиков нашли себе могилу,— сказал он,— враг пока силен. Он продолжает лезть, бросая в бой все новые и новые силы. Везде идут тяжелые и напряженные бои. На нас командование возлагает ответственную задачу: навести порядок во фронтовом тылу. Противник использует любую возможность, чтобы причинить нам урон. Он засылает шпионов, провокаторов, которые распространяют ложные слухи, сеют панику, совершают диверсии. Наша задача — выкорчевать эту нечисть.

Тут же объявили, что отряду предоставляется пятидневный отдых. Это сообщение всех обрадовало. Пограничники изрядно измотались за эти дни. С 22 июня по 10 июля 1941 года, ведя большие и малые бои, прикрывая отход частей 13-го стрелкового корпуса, мы прошли от Карпат до Сквиры около семисот километров.

В Сквире находились и пограничники 93-го отряда, охранявшего государственную границу севернее нас. Здесь же сосредоточивались подразделения 6-го и 16-го мотострелковых полков войск НКВД, а также подразделения 92-го погранотряда. Думалось тогда — об этом свидетельствовала и поставленная нам задача,— что на фронте предвидится упрочение нашего положения.

Вспоминает бывший начальник 93-го погранотряда генерал-майор в отставке В. А. Абызов: «Пограничные отряды — 92-й, 93-й, 94-й — после отхода с границы в июле 1941 года вышли на рубеж Житомир — Казатин — Михайловский хутор и были объединены в один сводный заградительный отряд. Из Бровар под Киевом, где находился штаб пограничных войск Украинского

округа, я получил радиотелеграмму от полковника Рогатина, в которой сообщалось, что я назначаюсь командиром этого отряда. Мой штаб дислоцировался в Сквире. Сводный отряд по мере сосредоточения выдвигался: на охрану тыла 5-й армии — 92-й погранотряд и 16-й мотострелковый полк НКВД и на охрану тыла 26-й армии — 94-й погранотряд и 6-й мотострелковый полк НКВД. Таким образом, на участке Казатин — Фастов выдвигались для несения заградительной службы вышеуказанные части. 93-й пограничный отряд, которым я продолжал одновременно командовать, оставался в Сквире и составлял резерв командира сводного отряда».

На острие танкового клина

В песчаном карьере недалеко от села Попельня, что на Житомирщине, шел обычный рабочий день. Экскаватор ковш за ковшом набирал песок и загружал им подходившие автомашины. Вдруг верхний слой земли с края карьера пополз. Обнажилась старая траншея. К ногам рабочих упала ржавая граната. Механик Федоренко остановил экскаватор.

Председатель сельского Совета бывший фронтовик капитан запаса Григорий Иванович Панчук немедленно сообщил об этом в Попельнянский районный военкомат. Военный комиссар подполковник Владимир Алексеевич Голентовский вместе с начальником 4-го отделения подполковником Павлом Ивановичем Палием спешно выехали к месту работ. Начались раскопки. На поверхность земли были извлечены останки восьми погибших воинов, три гранаты, две винтовки, три обоймы патронов, три противогаза, предметы одежды и обуви, плащ-палатка, два планшета с ремнями офицерского снаряжения, красноармейская звездочка, зеленая петлица с двумя кубиками.

Вскоре мне пришло письмо от секретаря парторганизации колхоза имени Мичурина Попельнянского района Ольги Ивановны Беспаль: «Обнаружены останки пограничников, что обороняли наше село в 1941 году. Мы решили перезахоронить погибших. Очень просим вас приехать к нам и принять участие в перезахоронении».

Вечером 11 июля 1970 года я выехал в Попельню. Там меня встретил майор запаса Иван Евграфович Качелуба, которого я знал уже много лет. До войны он тоже был начальником пограничной заставы в соседнем 95-м пограничном отряде. Прошел по фронтовым дорогам с первого до последнего дня. После

войны продолжал службу, затем вышел на пенсию и поселился в Попельне.

Так через много лет я снова оказался в тех местах, где держал оборону на подступах к Киеву наш 94-й пограничный отряд.

Утро 12 июля, как и тогда, 29 лет назад, было душным и жарким. В этот день на высоту Кругляк, где обнаружили старую траншею с останками героев-пограничников, пришли попельняне. Они собрались на открытие обелиска павшим воинам-пограничникам 94-го погранотряда. В утреннем мареве с высоты виднелась опушка леса, откуда 14 июля 1941 года на нас двинулись танки врага. Как море колышется желтое пшеничное поле. Где-то здесь проходил противотанковый ров. У него надолго застряли немецкие танки из 9-й танковой дивизии фашистского генерала Клейста.

На гранитном обелиске высечены слова: «Безумству храбрых поем мы славу — воинам 94-го пограничного отряда, павшим 14 июля 1941 г. в бою за советскую Родину.

В честь 25-летия победы от колхозников Попельни».

И вспомнилось все, как тогда было.

Обстановка на фронте резко изменилась. Перегруппировав силы, противник вновь нанес удар. 8 июля был захвачен Бердичев. 9 июля немецкие танки ворвались в Житомир. 11 июля передовые части 13-й танковой дивизии вышли на реку Ирпень, по берегу которой проходил передний край Киевского укрепленного района. В результате неожиданного глубокого прорыва немецких войск создалось опасное положение на подступах к Киеву. Между войсками 5-й армии, оборонявшей Коростенский укрепленный район, и войсками, прикрывавшими Киев, образовался так называемый житомирский коридор шириной до семидесяти километров, не прикрытый нашими войсками. В эту брешь и устремились танковые и моторизованные дивизии генерала Клейста. Поэтому нам не удалось использовать время, предоставленное на отдых. Отряду был отдан новый приказ.

Вот что пишет об этих днях Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян в своей книге «Город-воин на Днепре»: «Генерал Кирпонос с горечью констатировал, что для ликвидации прорвавшихся к Киеву дивизий врага в распоряжении командования фронтом ничего пока нет. Лишь через два-три дня к Киеву начнут подходить переданные Ставкой из резерва две стрелковые дивизии, которые составят новый, 27-й стрелковый корпус. Несколько позднее должен прибыть из Северо-Кавказского военного округа 64-й стрелковый корпус, состоя-

щий тоже из двух дивизий. Генерал предложил использовать 27-й стрелковый корпус — для заполнения разрыва, образовавшегося между 5-й армией и Киевским укрепленным районом, а 64-й стрелковый корпус — юго-западнее Киева. Кирпонос заметил, что более конкретное решение о вводе в сражение этих корпусов он примет после их прибытия. Тогда можно будет подумать о том, как зажать в клещи прорвавшиеся к Киеву танковые и моторизованные дивизии противника.

Кирпонос выразил явную обеспокоенность боеспособностью прибывших из резерва дивизий. Из докладов старших офицеров, ездивших принимать эти дивизии, он узнал весьма неутешительные сведения. Обе дивизии 64-го стрелкового корпуса были недоукомплектованы вооружением, конной тягой для артиллерии и транспортными средствами вообще. Части и штабы дивизий еще не сколочены и не представляют монолитного войскового организма. Особенно плохо обстояло дело с управлением: дивизии были слабо обеспечены средствами связи. Положение в дивизиях 27-го стрелкового корпуса еще менее отрадное. Лишь одно радовало командующего: ему доложили, что люди хотя, что называется, и пороху не нюхали, но настроены по-боевому.

Из решения командующего фронтом вытекало, что для закрытия бреши, образовавшейся между Киевским укрепрайоном и войсками 6-й армии к западу от Фастова, на рубеже Скрагилевка — Сушанка — Корнин — Скочище выдвигается сводный отряд погранвойск. Этих сил на 70 километров явно было недостаточно, но других сил в распоряжении командования фронтом не было».

Лишь много лет спустя, прочитав эти строки, я понял, почему наш пограничный отряд оказался на самом острие фашистского танкового клина. А тогда, накануне тяжелого и жестокого испытания, никто из нас не знал, сколь ответственную задачу возложило на плечи бойцов и командиров отряда командование Юго-Западного фронта.

Буквально накануне боя нам зачитали приказ, в котором говорилось, что начальник отряда майор Босый переводится в вышестоящий штаб, а на его место прибывает майор Иванов. В этой ситуации вся ответственность за выполнение столь сложной, непомерно тяжелой боевой задачи легла на плечи начальника штаба отряда майора Врублевского. В ночь с 12 на 13 июля его вызвал начальник сводного отряда полковник В. А. Абызов и вручил мандат № 5 от 13 июля 1941 года, подписанный начальником охраны войскового тыла 26-й армии замнаркома НКГБ УССР майором госбезопасности Тка-

ченко и им, Абызовым, начальником сводного заградительного отряда. Вручив мандат, полковник Абызов поставил майору Врублевскому задачу: выдвинуться к станции Попельня и занять оборону.

«Вернувшись от полковника Абызова, — вспоминает Ф. М. Врублевский,— я приказал подготовить людей к совершению марша на станцию Попельня. В моем распоряжении были вторая, третья и четвертая комендатуры и часть застав пятой комендатуры. Остальные подразделения отряда еще подходили. Для быстрейшего прибытия в указанный район был организован комбинированный марш с использованием узкоколейной железной дороги. Начальник отряда со своим резервом и тыловыми службами убыл из Сквиры в населенный пункт Шамраевку — двадцать километров восточнее».

Ночью 12 июля меня и Скляра вызвали в штаб комендатуры. Коменданта капитана Щербакова, контуженного во время бомбежки на станции Проскуров, замещал капитан Гладких.

— Немедленно поднимите заставу,— сказал он, когда мы доложили о прибытии,— и выдвигайтесь к реке Ростовице в боевое охранение. С рассветом прикроете узкоколейную дорогу из Сквиры в Попельню.

Ночь выдалась темной. Дорогу едва было видно. Присматриваясь к колонне пограничников, покидавшей Сквиру, я невольно подумал о том, что ряды заставы со времени отхода от границы заметно поредели. Тогда нас было шестьдесят с лишним человек, теперь — не более сорока. Нет Ивана Фирсова, отстало под Стрыем отделение сержанта Худякова. В Синевудско-Верхнем отправлены в тыл вожатые служебных собак со своими овчарками, в Сквире ушли кавалеристы вместе со старшиной Вершининым и станкопулеметчики, которыми командовал сержант Смолянец, направленные в распоряжение начальника штаба охраны тыла 26-й армии.

Двигаясь походной колонной, пограничники заставы тихо переговаривались.

— Александр, а Александр, не знаешь, куда идем? — услышал я голос пограничника Ердакова.

— Ты лучше об этом Михайлова спроси, он отрядное начальство вчера обедом кормил,— вполголоса ответил Ердаков.

Но в этот момент кто-то в темноте оступился, чертыхнулся, и разговор затих.

Так отшагали мы километров пятнадцать и оказались у небольшой возвышенности. Здесь узкоколейка вплотную подхо-

дила к шоссе. Установили станковый пулемет у дороги, а ручные пулеметчики заняли позиции на высоте. Мы со Скляром расположились в центре. Ночь выдалась душной. Не спалось.

— Вроде пока все идет нормально,— заметил Скляр,— больных нет, в бою у границы трусов не оказалось, к бомбежкам мало-помалу люди привыкли.

— Да,— согласился я,— боевые потери — только один человек, а путь был неблизкий и непростой.

Начало светать. Из-за горизонта выплыло солнце. Кроваво-желтый диск его, какой-то необычно большой, опалил ярким багрянцем светлеющий небосвод. Ночью в потемках на незнакомой местности мы не смогли отыскать речку Ростовицу. Извилистой лентой блестела она всего в километре от нас. На том берегу виднелось село. Поле ржи и проса, луговина, болотце, кустарник отделяли нас от реки. Мы перебрались поближе к берегу и залегли. Теперь узкоколейка и шоссе были чуть позади и левее нас.

Тишину утра нарушил паровозный гудок. Из Сквиры показался локомотив с вагончиками, в которых находились пограничники отряда. Чах-чах-чах — проследовал он мимо нас. Немного погодя поезд вновь появился у переезда. Теперь он возвращался в Сквиру с пустыми вагонами. Как только состав скрылся в посадках, на дороге показалась пешая колонна пограничников. Впереди шел помощник начальника штаба нашей комендатуры капитан Рыков. Он послал к нам связного с распоряжением покинуть занимаемый рубеж.

Стало известно, что подразделения отряда перебрасываются к станции Попельня. Прошли грузовик с боеприпасами, санитарка, «эмка» начальника штаба и комиссара отряда, а затем проследовало несколько автомашин с бойцами внутренних войск НКВД с прицепленными к машинам пушками.

Так поездом, на автомашинах, пешком пограничники отряда добрались до Попельни и расположились в садах неподалеку от вокзала. Тут же на привокзальной площади, рядом с длинными, крытыми свежим дерном погребами, отдыхали бойцы НКВД. По виду они отличались от нас. На них были новенькие, чистые гимнастерки, их пулеметы покоились в чехлах, на которых проступали следы заводской смазки. К исходу дня майор Врублевский и батальонный комиссар Авдюхин собрали начальников и политруков застав и объявили, что отряд и подразделения НКВД согласно приказу командира сводного заградотряда должны создать узел обороны у станции Попельня.

Так мы оказались на заросшей молодым сосняком высоте, именуемой местными жителями Кругляком. Возвышенность и в самом деле походила на огромное блюдце, опрокинутое вверх дном. Один край его упирался в Житомирское шоссе, другой стороной оно спускалось к лесу и речке с болотистыми берегами. Глубокий подковообразный противотанковый ров, вырытый до нашего прихода, охватывал высоту полукругом.

Отряд прикрывал почти двадцатикилометровый участок. На правом фланге заняли позиции пограничники второй и пятой комендатур под командованием капитана Бурцева. На левом расположились бойцы четвертой комендатуры во главе с капитаном Андриановым и наша третья комендатура, которой командовал капитан Гладких. На долю десятой заставы выпадал трехкилометровый участок, упиравшийся в железнодорожное полотно. По соседству с нами окапывались бойцы подразделений 6-го мотополка внутренних войск НКВД.

Наиболее плотной оборона была в центре, где проходило Житомирское шоссе. Немцы предпочитали наступать по дорогам. И командование отряда учитывало это. Комендатуру капитана Андрианова здесь поддерживали три 76-миллиметровые пушки и два танка БТ-7 из мотополка НКВД. Еще один танк, на башне которого виднелось «Учебный», стоял чуть поодаль, в лесочке. Из-за недостатка боеприпасов возможности поддерживавшей нас боевой техники были ограничены. Танкисты имели всего по три снаряда на пушку. Восемьдесят снарядов было у артиллеристов. Артбатареей командовал капитан Юдин.

Однако это нас не смущало. Из приказа, отданного майором Врублевским, следовало, что нам придется вести борьбу с авиадесантом противника. О прорыве немецких войск на этом направлении ни нам, ни командованию отряда не было известно. Проведя рекогносцировку местности, майор Врублевский убыл в расположение командного пункта отряда на станцию Попельня. Пограничники приступили к оборонительным работам.

Незаметно подкрались сумерки. Бойцы укладывались спать прямо у своих окопов. Кое-кто снял сапоги, большинство же ложилось не раздеваясь, сунув под голову противогаз или скатку. Бодрствовали лишь выставленные у противотанкового рва полевые караулы.

Мы присели со Скляром у невысокой сосны. Над темневшим вдали лесом то и дело взлетали ракеты. Их сумеречный свет озарял верхушки деревьев. Кто пускал ракеты — свои или немцы, мы не знали. Со стороны Бердичева доносилась глухая канонада — отзвук бомбовых взрывов. Поднятый заревом пожа-

рища край неба свидетельствовал о непрекращавшейся там жестокой схватке.

Максим вспомнил Альбертину. Было известно, что немцы разбомбили эшелон с семьями пограничников. Правда, никто не мог сказать, чьи это были семьи, из какого отряда, но это мало что меняло. Переживали многие командиры. Как мог, я успокоил Скляра, сказав, что Альбертина уехала давно и, наверное, уже добралась до своих родных.

Потом мы перешли к нашим нынешним делам.

— Вот что, Максим,— сказал я.— Ты оставайся здесь, а я схожу к капитану Андрианову. Все же он поближе к начальству, может, что и узнаю.

До января 1941 года капитан Андрианов командовал нашей комендатурой, потом его перевели комендантом на четвертую. Исключительно спокойный, рассудительный, наш бывший комендант был из тех, с кем можно было всегда поделиться, посоветоваться.

Я нашел капитана в лесу у небольшого котлована, рядом с которым окопались пограничники резервной заставы. Капитан сидел задумавшись. Его сильные пальцы мяли недокуренную папиросу. Начальник штаба комендатуры, сухощавый, быстрый в движениях старший лейтенант Андряков, о чем-то тихо переговаривался со старшим политруком Левандовским, заместителем Андрианова по политчасти.

— А, Паджев,— узнав меня, протянул руку Андрианов,— рассказывай, что слышно у вас.

— Пока все тихо,— отозвался я, присаживаясь рядом,— вот только что-то гремит впереди да ракеты над лесом не поймешь чьи — свои или чужие.

— В лесу немцы,— пояснил Андрианов и нахмурился.— Час назад мы задержали местного жителя. Шел в Попельню. Говорит, все впереди забито фашистскими войсками.

В котлован спрыгнул лейтенант Сазонов. Видимо, Андрианов вызвал Михаила до моего прихода. Не успел тот доложить, как комендант поставил ему задачу:

— Ну-ка, Сазонов, подберите человек восемь крепких, сноровистых пограничников, посмотрим, что делается впереди. Только поскорее, недалек рассвет.

Подумав, Сазонов ответил:

— Лучше, чем отделение сержанта Моисеенко, подобрать трудно.

Андрианов затоптал окурок.

— Хорошо, готовьте отделение Моисеенко. Через десять минут я жду людей здесь.

На командном пункте появились фельдшер нашей комендатуры Павел Бойко и начальник резервной заставы лейтенант Александр Титков. Как и я, они решили проведать бывшего своего начальника, на чей опыт полагались, кому верили. Но вот к командному пункту подошли пограничники. Андрианов направился к ним. Я узнал голос сержанта Моисеенко, докладывавшего о готовности бойцов к выполнению боевой задачи.

Сержант Моисеенко был в моем подчинении, когда я еще командовал учебной ротой в Славутском пограничном отряде. Потом мы вместе прибыли в 94-й. На Моисеенко действительно можно было положиться. Несколько медлительный и спокойный на первый взгляд, он был незаменим в любом деле — решителен, энергичен, ловок. После того как наш 94-й погранотряд перестанет существовать, мы пройдем с Моисеенко одними дорогами до самого последнего дня войны, и я не раз смогу убедиться, что на Моисеенко можно положиться в самых, казалось, сложных ситуациях.

Капитан Андрианов вернулся к нам:

— Я тоже иду. В случае чего поддержите...— и растворился в темноте.

Много лет спустя полковник запаса А. Л. Андрианов прислал мне письмо, в котором описал и бой под Попельней, и то, как тогда ходил в разведку. «Была на редкость темная ночь,— писал он,— луну заволокли тучи, мы с трудом различали силуэты дозорных. Держались шоссейной дороги, видневшейся в темноте. Когда наша разведгруппа достигла окраины ближайшего села, Моисеенко доложил: «В селе танки». Я приказал развернуть отделение, а сам выдвинулся вперед. С дозорными вошел в село. На улицах стояли танки, бронетранспортеры, автомашины, пушки. У домов, в садах спали немецкие пехотинцы. Кое-где виднелись часовые. Многих усилий стоило, чтобы не полоснуть очередью из автомата по спящим фашистам. Но наделать переполох было легко, труднее вернуться без шума со столь ценными разведданными. Продвигаясь дальше и дальше, мы обнаруживали все большее и большее скопление вражеской боевой техники и войск. Ничем не обнаружив себя, мы вернулись в расположение своей обороны».

Так написал А. Л. Андрианов после войны. А тогда, возвратившись из разведки, он объявил нам:

— В селах и в лесу танки. Много бронемашин и бронетранспортеров с пехотой. Пахнет не одним полком. Давайте-ка, друзья, поднимать людей.

Передать эти сведения командованию отряда капитан Андрианов, однако, не смог. Проводных средств связи со штабом

отряда не было, а писать донесение было уже поздно: занималось утро.

Перелеском я направился к своей заставе. Прижавшись друг к другу, повсюду спали пограничники. Я почти машинально шел по высоте от одного подразделения к другому, не в силах сбросить охватившего меня оцепенения.

Скляр ожидал меня. Он сидел, облокотившись на чей-то вещмешок.

— Ну как? — задал он вопрос, видимо догадавшись по моему озабоченному виду, что вернулся я не с очень добрыми вестями.

— Впереди немецкие танки, много пехоты,— хмуро отозвался я.

— Откуда известно?

— Капитан Андрианов ходил в разведку. Давай, Максим, будить бойцов.

Пограничники вставали быстро. Кое-кто по привычке делал зарядку. Другие вскрывали консервные банки. Сквозь молодой сосняк пробились первые лучи солнца. Оно всходило позади нас из-за высоты, прогоняя сумеречные тени с пшеничного поля и леса, где сосредоточились немцы. Это были последние минуты тишины.

Не успели мы привести себя в порядок, как донесся заунывный гул мотора немецкого самолета. Неуклюжий, горбоносый, с паучьими крестами на фюзеляже, он вынырнул из-за леса и прошелся над нашей обороной. Потом летчик пустил зеленые ракеты, самолет лег на крыло и отвалил в сторону. Тотчас из-за опушки леса на дорогу выскочили фашистские мотоциклисты. До них было километр-полтора. С десяток машин приближалось к нам. Так прошло несколько минут. Расстояние до мотоциклистов сокращалось. Находившиеся ближе к дороге станкопулеметчики соседней заставы, которыми командовали сержанты Цыпышев и Лебедев, открыли огонь.

Треск пулеметных очередей взбудоражил утреннюю тишину. Звуки выстрелов сразу привлекли к себе внимание всей обороны. Заговорили пулеметы сержантов Ивана Беляева и Павла Новикова. Потом застрочили остальные. Шквал огня примерно десяти станковых и двадцати ручных пулеметов нарушил стройное движение фашистов. Несколько мотоциклистов были скошены, остальные, побросав мотоциклы, искали спасения в пшеничном поле.

Эта первая встреча с врагом была столь скоротечна, что многие пограничники, разбуженные выстрелами, не успели даже одеться. Так, без гимнастерок, босые, в трусах и майках,

они занимали свои окопы. Над обороной вновь повисла тишина.

Наступили минуты ожидания.

Наконец из леса послышался шум моторов. Немного погодя на дороге показались два танка.

— К бою! — передали по цепи чью-то команду.

Все всматривались в клубы пыли, вздымавшиеся за идущими немецкими танками. На дорогу выползли бронетранспортеры, автомашины с пехотой. Немецкие солдаты сидели вдоль бортов, поблескивая касками. Колонна все больше вытягивалась по шоссе вслед за танками, а они, громыхая и лязгая все сильнее, с каждой секундой приближались к нам.

Лежавший неподалеку от меня лейтенант Петр Титов крикнул:

— Вот наглецы, прут как на параде, словно у себя дома. А ну, Заплатин, посторонись,— потеснил он первого номера станкового пулемета.

Сжав деревянные рукоятки «максима», Титов, подавшись вперед, почти прильнул головой к планке прицела и с каким-то остервенением нажал на гашетку. Длинная очередь, направленная в головную машину, взбудоражила округу. К танкам, машинам с разных сторон потянулись трассы бронебойно-зажигательных пуль. Работали все пулеметы от левого до правого фланга. Пулеметчики не жалели патронов. Но танки шли. Наш огонь не приносил им вреда.

И тут из песчаного карьера ударила батарея мотополка НКВД. Это вступил в бой с фашистскими танками капитан Юдин. Головная машина, словно натолкнувшись на невидимую преграду, вздрогнула, остановилась, из нее повалили клубы дыма. Стал и второй танк. Движение на дороге застопорилось. Потом задний танк начал разворачиваться. Немецкие танкисты пытались отбуксировать подбитую машину. Но это им не удалось. Снова ударили наши пушки и пулеметы. А из леса с высоты, ведя огонь на ходу, на фашистов устремился один из БТ. Мы видели, как немцы стали поспешно отходить.

Так вступили в схватку с передовыми частями 9-й танковой дивизии фашистского генерала Клейста шестьсот пограничников и примерно столько же бойцов войск НКВД, поддерживаемые тремя орудиями и двумя легкими танками.

Кто этого не видел, не сможет представить, с какой самоотверженностью пограничники встретили немецкие танки огнем из винтовок и пулеметов, старательно целились, норовя попасть в смотровую щель танка или в ствол орудия, страстно желая остановить двигавшуюся по дороге технику. В мирное

время мы, командиры, учили их стрелять по щелям и амбразурам. И сейчас они хладнокровно повторяли то, что когда-то делали на стрельбищах и полигонах. Лица бойцов были сосредоточенны. Пулеметчики и стрелки бесстрашно поливали огнем наглого, самоуверенного врага.

Метко разила броневики и танки противника батарея капитана Юдина. Артиллеристы накрепко заперли немцев на дороге. Фашистские танки и бронетранспортеры вынуждены были сойти с шоссе вправо и влево и расползтись вдоль всего участка обороны. Спустя некоторое время вражеские машины курсировали по всему полю, пытаясь преодолеть противотанковый ров.

Наконец гитлеровцам удалось разбить одно орудие и повредить учебный танк. Было выведено из строя и несколько наших пулеметных огневых точек. Напор врага нарастал. Только напротив нашей комендатуры сосредоточилось более пятидесяти вражеских танков и бронемашин. Расстояние до них местами доходило до двухсот метров. Враг был настолько близко, что даже сквозь сумеречную завесу из песка и пыли, поднятую разрывами снарядов, мы различали лица сидевших на бронетранспортерах солдат: воротники их мундиров были расстегнуты, рукава засучены по локоть, на касках белела свастика.

Как ни старались фашисты, но они не смогли сломить мужество защитников высоты Кругляк и прорваться к станции Попельня с ходу. Раздосадованные неудачей, гитлеровцы решили огнем стереть нас с лица земли. С новой силой ударила из леса артиллерия, беглым огнем били по обороне танки и бронемашины. Густо рвались снаряды, шипели и свистели осколки мин. Это была сплошная какофония: звон, свист, скрежет. Откуда-то летели комья земли. Ревели моторы машин, лязгали гусеницами танки. Черный смрад стелился над полем и ельником. Едко пахло пороховой гарью. Как во время затмения, солнце почернело, а потом и вовсе скрылось за дымом и пылью.

Сквозь грохот слышится голос капитана Гладких:

— Передайте капитану Юдину, пусть подбросит огоньку...

Но огонь батарейцев слабеет. Боезапас на исходе. Переползают от окопа к окопу фельдшер комендатуры Павел Бойко и его помощница Полина Титкова, жена начальника резервной заставы лейтенанта Титкова. Подхватывая то одного, то другого раненого, они переносят их в тыл подальше от этого ада. Там у двух невысоких мазанок, укрытых густыми кронами зеленых садов, медпункт отряда. Начальник медицинской службы капитан Великолуг с военфельдшерами Николаем Хабаровым, Михаилом Галушко и Константином Осиповым оказыва-

ли раненым первую медицинскую помощь, а затем отправляли их в медсанбат армии. Действовали наши медики бесстрашно, словно сами были застрахованы от пуль и осколков. В их распоряжении весь транспорт отряда, в том числе легковая машина батальонного комиссара Авдюхина.

К семи часам утра число раненых пограничников и бойцов из подразделений 6-го мотополка НКВД составило около ста человек. Бывшие железнодорожники Шеремет, Майорхис, Янцы и Шовкун вспоминают: «13 июля 1941 года вечером из Сквиры на станцию Попельня мы доставили последнюю группу пограничников. Старший их начальник в чине майора приказал нам никуда не отлучаться, стоять на станции, паровоз держать под парами. Рано утром началась стрельба. Уже в 4 часа к составу стали подходить раненые пограничники. К 7 часам они заполнили восемь вагонов».

А бой между тем продолжался, становясь с каждой минутой все жарче и ожесточенней. Сейчас трудно рассказать о всех перипетиях этой неравной схватки. Помнится, спустя несколько часов после начала боя гитлеровцы, убедившись, что им не удастся преодолеть противотанковый ров на танках и бронемашинах, стали сосредоточиваться у линии рва для пешей атаки. Автоматчики спрыгивали с бронетранспортеров и машин и, прячась в пшенице, занимали ров. Но только они пытались выбраться из него, как тотчас с новой силой вспыхивал наш ружейно-пулеметный огонь, не дававший фашистам буквально поднять головы. Мы видели, как они выносили под прикрытием брони танков своих убитых и раненых и отвозили их на бронетранспортерах обратно в лес.

Ближе всего ко мне располагалось станкопулеметное отделение сержанта Ивана Беляева. Меняя ленту за лентой, пулеметчики в каком-то яростном азарте били пытавшихся подняться фашистов. Через каждые четверть часа второй номер пограничник Будько выползал из окопа и заливал из фляжки воду в раскаленный кожух «максима».

— Ленту! — кричал Беляев, как только замолкал пулемет.

До сих пор стоит у меня в ушах эта единственная команда Беляева, которую он бросал каждый раз Будько, не успевавшему набивать патронами пулеметные ленты.

В какой-то момент по окопу станкопулеметчиков разом ударило несколько снарядов. Видимо, фашисты заприметили пулемет и свели огонь орудий нескольких танков в одну точку. Дым взрывов рассеялся. Там, где только что был пулемет, чернела развороченная земля, валялся изуродованный «максим», а рядом уткнулись в бруствер первый номер Иванов, сержант

Беляев и пулеметчик Будько. Так не стало заставского гармониста, одного из лучших командиров отделений заставы сержанта Ивана Беляева и его верных товарищей по оружию. Когда я теперь гляжу на фотографию, которую мне прислал из Саратовской области его сын, я, всматриваясь в лицо Ивана Беляева, вспоминаю тот бой и ту ярость, с какой Иван бил фашистов. Он был храбрым, бесстрашным бойцом, им могут гордиться его родные и близкие, особенно сын, который родился уже после его гибели, внучка Ивана, приезжавшая ко мне вместе с матерью.

Наши ряды, однако, редели. Убило станкопулеметчика Александра Белоусова. Настигла вражеская пуля расторопного и вездесущего связного начальника штаба комендатуры Алексея Сапигина. Контужен пограничник нашей заставы Петр Дмитриев. Снаряд разорвался и рядом с окопом капитана Гладких. С большим трудом капитан поднялся на ноги. На руках, словно скальпелем, содрана кожа, обильно сочится кровь. Но он кричит:

— По фашистским гадам — огонь!

А вслед команде чей-то голос:

— Капитана ранило, доктора сюда!

Из-за ельника появляются Бойко и Титкова. Короткими перебежками они приближаются к окопу начальника штаба комендатуры. Вот уже Полина бинтует капитану Гладких руки, затем Бойко уводит его в тыл.

От окопа к окопу пробирается заместитель коменданта по политчасти старший политрук Коровушкин. Слышится его неунывающий тенорок:

— Не робейте, хлопцы!

Появление старшего политрука словно прибавило сил. На огонь врага пограничники отвечали еще более яростным огнем.

Тем временем у противотанкового рва скопилась целая армада боевых машин. Они уже мешают друг другу. Огонь гитлеровцев был настолько плотен, что завеса из дыма и пыли, поднятая над высотой разрывами снарядов, не дает им вести прицельный огонь. Но ни один пограничник не покинул своего окопа, мы дрались все злее и злее.

Все же около полудня гитлеровцы нащупали танкопроходимое место. Танки и бронемашины фашистов стали огибать правый фланг обороны за лесом, где противотанкового рва не было. Вдоль берега реки Унавы они напрямик устремились к станции Попельня. Положение создалось критическое. Чтобы избежать окружения, майор Врублевский приказал заставам правого фланга отойти к станции. Для прикрытия отхода на

Житомирском шоссе были оставлены две заставы под командованием лейтенанта Георгия Пожарских и младшего лейтенанта Алексея Иванова. Их поддерживали единственно уцелевшее орудие из артбатареи капитана Юдина и учебный танк.

Пограничники во главе с лейтенантами Пожарских и Ивановым мужественно сдерживали связками ручных гранат натиск танков врага. Именно благодаря их беззаветной храбрости удалось выйти из боя и оторваться от противника заставам правого фланга. Пограничники погрузились в состав, стоявший на узкоколейной железной дороге, и убыли из Попельни в Шамраевку, где находились тылы отряда. Чтобы ускорить вывод из боя остальных застав и дать им возможность занять более выгодный рубеж обороны, майор Врублевский приказал подать на станцию и железнодорожный состав на широкой колее. После посадки бойцов эшелон направился в Фастов.

Вот что вспоминает о финале боя под Попельней А. Л. Андрианов: «К полудню для пограничников отряда положение создалось очень тяжелое. Фашистские танки и бронетранспортеры охватили наши фланги, а автоматчики сумели просочиться в лес. Кое-где завязались рукопашные схватки. В одной из них смертью героя погиб начальник резервной заставы лейтенант Михаил Сазонов. Не раз в расположении комендатуры появлялись майор Врублевский и начальник химической службы отряда старший лейтенант Салманов. Когда все возможности были исчерпаны, Врублевский приказал вывести заставы из боя. Я отдал распоряжение начальнику штаба комендатуры старшему лейтенанту Андрякову отвести заставы к станции, а сам с лейтенантом Чернышевым и группой бойцов остался прикрывать отход».

О том, что было дальше, рассказал бывший командир отделения 15-й заставы старший сержант Василий Александрович Лебедев:

— Наша застава занимала оборону в центре участка комендатуры. Часов около двенадцати стрельба неожиданно переместилась в тыл. Потом правофланговые заставы начали отходить в лес. Стрельба усилилась. С командного пункта прибежал связной нашей заставы Петров и сказал, что приказано отходить к станции. Сначала отошло отделение сержанта Сальникова, за ним еще одно отделение, потом отделение сержанта Хохлова. Мы тоже снялись с позиции и потянули пулемет к лесу. Но тут из песчаного карьера появился незнакомый майор и властно скомандовал: «Пулемет на прикрытие, оставаться на месте!» Я подал команду: «Пулемет к бою!» Пулеметчики Сергеев, Орехов, Коновалов снова установили «мак-

сим». Откуда-то появился политрук нашей заставы Разоренов. Его присутствие вселило в нас уверенность, спокойствие.

Майор Врублевский покидал Попельню одним из последних. В нескольких километрах южнее станции, в селе Парипсы, находился резерв отряда — первая комендатура, которой командовал капитан Иван Михайлович Середа. Туда и прибыл Врублевский. Середа доложил, что он получил приказ от представителя штаба сводного пограничного отряда майора Быстрецова прикрыть отход подразделений отряда у села Парипсы. Подтвердив этот приказ, Врублевский добавил, что на дороге у Попельни остался заслон во главе с лейтенантом Пожарских и младшим лейтенантом Ивановым. Затем группа Врублевского отошла к селу Строков.

Только к двум часам дня противник сломил наконец отчаянное сопротивление групп прикрытия и занял станцию Попельня. Бойцы заставы лейтенанта Пожарских и младшего лейтенанта Иванова, выполняя приказ, геройски погибли, но не отступили. Вместе с ними пали смертью храбрых в неравном бою и оставшиеся для прикрытия артиллеристы во главе со своим бесстрашным командиром капитаном Юдиным. Пока неизвестны подробности этой схватки горстки бойцов с танками генерала Клейста. Лишь житель села Попельня Н. Т. Шандюк, побывавший на высоте Кругляк 15 июля 1941 года, вспоминает: «Вместе с несколькими жителями мы пробрались на высоту, где героически сражались пограничники 14 июля 1941 года. В песчаном карьере лежали у разбитых орудий артиллеристы. В маленьких окопчиках, у которых догорали подбитые немецкие танки, оставались на своих местах пограничники. Все тогда говорили: как же столько человек могли сражаться с целой танковой армадой? А дня через два на высоте появились немецкие фоторепортеры. Они снимали тех, кто дрался здесь с таким мужеством».

Героев предали земле. Но не забыт совершенный ими подвиг. Навсегда обессмертили свои имена мой однокашник по Саратовскому пограничному училищу лейтенант Георгий Дмитриевич Пожарских, призванный в армию из деревни Орлово Свердловской области, чекист капитан Юдин, младший лейтенант Алексей Иванов и все те, кто был тогда вместе с ними.

Через много лет отыскался сын одного из бывших командиров 6-го мотострелкового полка НКВД офицер Советской Армии Николай Ключарев. У него хранится эвакуационное удостоверение, выданное его матери 23 июня 1941 года. Удостоверение подписано за начальника штаба полка капитаном Юдиным. Видимо, капитан Юдин служил в штабе полка, а под

Попельней командовал батареей. Капитан Ключарев также пал смертью храбрых в этом бою.

Мне не довелось увидеть окончание боя. В один из огневых налетов я был контужен. Пришел в себя уже где-то на железнодорожных путях. Я лежал на носилках, а передо мной возвышался товарный вагон с ранеными пограничниками. У дверей его, положив забинтованные руки на перекладину, стоял капитан Гладких. Чуть поодаль виднелась санитарная машина, возле нее, закинув за спину винтовку, прохаживался связной нашей заставы Александр Ердаков.

Я попытался подняться. Ердаков заметил это и подбежал ко мне. С его помощью я сделал несколько шагов к вагону. Капитан Гладких дотронулся до моих рук. Это был минутный проблеск в сознании, в течение которого я так и не смог разобраться, что происходит вокруг. Земля заходила под ногами, и Ердаков снова уложил меня на носилки. Очнулся уже в санитарной машине. Рядом сидел Ердаков. Мы подъехали к станции. Фельдшер Бойко и Ердаков помогли мне сойти на землю.

Неожиданно из-за станционного здания показался сильно возбужденный политрук Скляр с пограничниками заставы. Подойдя ко мне, Максим стал что-то говорить. Но я ничего не мог разобрать. Кричу: почему он здесь? Но голоса своего не услышал. Он показал на батальонного комиссара Авдюхина, который тоже в окружении пограничников появился у вокзала. Тут только до меня дошло, что мы отходим.

— Быстрее уводи людей,— махнул я рукой.

Нас с Ердаковым подобрал капитан Журба, начальник арттехслужбы отряда. На машине с боеприпасами мы догнали своих.

Немцы продолжали наступать вдоль железной дороги на Фастов. Одна из танковых колонн устремилась к селу Парипсы. Незадолго до этого в Парипсы прибыло шестьдесят пограничников вместе с начальником штаба пятой комендатуры Михаилом Артюхиным. Капитан Середа оставил в своем распоряжении эту группу, а своему заместителю по политчасти старшему политруку Павлу Колесниченко приказал возглавить отход первой комендатуры по дороге на Строков. О том, как развивались события в Парипсах, вспоминал М. П. Артюхин: «Нам стало известно, что немцы полностью овладели станцией и поселком Попельня. К этому времени старший политрук Колесниченко вместе с первой комендатурой находился уже километрах в пяти-шести от села. Тревожась за судьбу жителей, капитан Середа решил в Парипсах оборону не занимать, а дать

бой немцам на другом рубеже. Мы покинули село. Но не прошли и двух километров, как появились немецкие танки. Мы понимали, что впереди наши товарищи по отряду, поэтому нужно любой ценой задержать противника. Получив приказ от капитана Середы, я развернул пограничников в цепь. Мы залегли. По обе стороны дороги шли колхозные поля. Слева росла рожь, справа — просо. Пограничники мужественно вступили в бой с вражеской моторизованной колонной. Капитан Середа распорядился собрать ручные гранаты и связать их для борьбы с танками. Бойцы рвали нательные рубахи и связывали лоскутами гранаты. Расстояние, отделявшее нас от фашистских танков и бронетранспортеров, быстро сокращалось. Мы открыли огонь из пулеметов и винтовок, а политрук Кузьмин, пограничники Васильев, Басов и Иванов поползли навстречу танкам. Полетели связки гранат. Танки остановились. Тогда еще несколько бойцов поползли к бронированным машинам. Чтобы не подпустить их близко, фашисты били по пограничникам с места. Наш станковый пулемет отвечал огнем, не давая немецким автоматчикам на бронетранспортерах поднять головы. Но вот пулемет, за которым был сержант Михаил Дуничев, умолк. Капитан Середа сам лег за пулемет. Очередь за очередью посылал комендант по противнику. Он вел огонь до тех пор, пока окружившие его немецкие танки не выпустили две струи из танкового огнемета. Вспыхнула земля, загорелась трава. Нас осталось несколько человек. Сдерживать танковую лавину было уже нечем. Мы отползли в рожь. Она укрыла нас до вечера».

Когда в июле 1970 года я был приглашен в Попельню на открытие памятника пограничникам нашего отряда, мне рассказали, что после боя с фашистскими танками колхозники села Голубятин, убирая просо, обнаружили в поле убитого командира-пограничника и похоронили его. Это сообщение меня заинтересовало, и я попросил моего друга Ивана Качелубу поехать со мной в Голубятин. Нам повезло. Мы быстро нашли очевидца тех событий, Константина Ильича Понтелемчука. Вот что он вспомнил:

— Прошло, наверное, недели три со дня боя. Передовая от нашего села была уже далеко. Мы решили убрать просо с поля, на котором 14 июля 1941 года пограничники вели бой с гитлеровцами. Большая часть посевов была уничтожена гусеницами танков, но все же кое-что сохранилось. Метрах в шестистах от дороги косил я и вдруг увидел убитого человека. На голове у него была зеленая фуражка, на петлицах гимнастерки по две шпалы,— значит, майор.

Фамилии майора К. И. Понтелемчук не помнил. Захоронили погибшего у дороги, вблизи братской могилы, в которую еще раньше сложили павших пограничников.

Среди командиров подразделений, которые вели здесь бой, никого не было в звании майора. Из Попельни я уехал с вопросом: «Кто же этот майор?» Однажды, просматривая документальный фонд Музея пограничных войск, я прочитал запись о бое 3-й и 4-й погранкомендатур под командованием майора Быстрецова. В штабе 3-й и 4-й пограничных комендатур майора Быстрецова не было. Значит, это был, видимо, представитель штаба нашего или сводного отряда, о котором я мог по каким-либо причинам не знать. Чтобы проверить это предположение, написал в Ленинград бывшему коменданту 4-й погранкомендатуры Андрианову. Андрей Леонтьевич ответил: «Теперь о майоре Быстрецове. Имени и отчества его не помню. Знаю, что появился он в расположении нашей обороны под Попельней или до боя, или в ходе боя. Я обращался к нему как к представителю командования за разрешением на отход с этого оборонительного рубежа. Погиб он под Попельней, потому что мне была передана его шинель со знаками различия майора — две шпалы».

Начальник штаба нашего отряда Ф. И. Врублевский уточнил, что «накануне войны из отряда убыл начальник 1-го отделения майор Лирцман. Вместо него на эту должность по приказу округа был назначен другой товарищ. Но прибыть к нам он не успел, началась война, возможно, он появился где-то позже».

И вот среди архивных дел удалось обнаружить приказ: «На должность начальника первого отделения штаба 94-го пограничного отряда назначить майора Быстрова Сергея Васильевича». Сопоставляя рассказы участников событий тех дней с текстом приказа, следует прийти к выводу, что майор Быстрецов и майор Быстров — одно лицо. Именно он прибыл из Киева в Сквиру накануне боя в Попельне и был представителем штаба сводного заградотряда у полковника Абызова. Только участники тех событий неточно запомнили его фамилию из-за недолгого общения с ним.

От имени командира сводного отряда майор Быстров отдал приказ капитану Середе прикрыть отход основных сил. Из села Парипсы на КП сводного отряда в Сквиру майор Быстров, видимо, шел пешком, так как транспортных средств уже в нашем распоряжении не было, и в пути его догнали пограничники первой комендатуры во главе со старшим политруком Колесниченко и начальником штаба комендатуры Сыпкиным. Они прошли километров восемь, когда их настигли немецкие танки. Пограничники приняли бой на небольшой возвышенности.

— Бросая под танки связки гранат, огнем из винтовок и пулеметов мы сдерживали врага,— вспоминал об этом бое начальник второй заставы Дмитрий Бурдюгов.

Бой становился все ожесточенней. Враг наращивал силы, а у пограничников на исходе были гранаты и патроны. Тогда майор Быстров приказал оставить прикрытие, а остальным отойти в лес, что находился километрах в трех правее, на берегу реки. Но немногим это удалось. Не смог отойти и сам Быстров.

— Противник прорвал нашу оборону. Мы несли большие потери,— рассказывал Бурдюгов.— Погибли политрук Яков Нестерович Димур, политрук Тюрин, лейтенант Синокоп, заместитель коменданта старший политрук Колесниченко и многие другие наши боевые друзья. При отходе в лес были ранены начальник штаба комендатуры Сыпкин и политрук Тимошенко.

Да, большинство пограничников пало геройской смертью в этом неравном бою. И все-таки они заставили врага топтаться на месте и дали возможность основным силам отряда выйти к новому оборонительному рубежу.

Группа, которую возглавлял майор Врублевский, достигла северной окраины села Строков. Там пограничники встретили артиллерийский полк, отходивший на Белую Церковь. Сообщив командиру о задаче, выполняемой отрядом, Врублевский попросил помочь. Командир полка согласился и немедленно развернул батарею 76-миллиметровых пушек. Пушки открыли огонь по танкам противника. Это дало возможность задержать еще на некоторое время продвижение врага.

Встретив огневое сопротивление на рубеже реки Ростовицы, немцы приостановили наступление и для выяснения обстановки вызвали самолет-разведчик. С его помощью им удалось установить огневые позиции батареи. На батарею обрушился сосредоточенный артиллерийско-минометный огонь. Одно за другим орудия замолчали. Фашисты заняли Строков. Однако пошел сильный дождь, и от дальнейшего наступления гитлеровцы отказались.

Неожиданный дождь и наступившая темнота позволили пограничникам отряда отойти к Белой Церкви, где находился штаб 6-го стрелкового корпуса 26-й армии. Туда же направлялись и мы вместе с батальонным комиссаром Авдюхиным.

Рассказ об этом дне можно закончить выдержкой из документов. В одном из них говорится: «Потери отряда в бою под Попельней — свыше 100 человек убитыми и ранеными. Потери противника не менее 200 человек». Думается, однако, что немцы оплатили тот день более дорогой ценой. Никто не считал,

сколько было выведено из строя гитлеровской техники, уложено фашистов от высоты Кругляк до села Строков, нам было не до подсчетов. Перед нами стояла иная задача. И потому, что мы выполнили ее, там, в Святошине и Головневе, киевляне получили еще один день для возведения оборонительных рубежей, строительства баррикад, формирования бронепоездов, а командование 26-й армии — для подтягивания своих резервов.

Лишь те, кто побывал в этом пекле, знают, чтó это было. Нет, мы не разбили танковую дивизию врага. Мы лишь задержали движение вражеской группировки на один день. Но из таких отвоеванных у противника дней складывалось то, что сперва заставило топтаться, а потом забуксовать на месте гитлеровскую военную машину. 14 июля 1941 года пограничники, пришедшие с Карпатских гор, закрыли своей грудью путь фашистским танкам к столице Украины, заставив приостановиться 9-ю танковую дивизию Клейста.

С такой же самоотверженностью и бесстрашием дрались 14 июля 1941 года и пограничники 92-го и 93-го погранотрядов, также вставшие на пути танков генерала Клейста из 48-го моторизованного корпуса. Начальник сводного отряда полковник Абызов приказал командирам 92-го погранотряда и 16-го мотострелкового полка НКВД к исходу 13 июля занять рубеж Казатин — Ружен — Комсомольск и организовать службу по охране тыла 5-й армии. Однако утром 13 июля противник внезапно повернул свои танковые и моторизованные дивизии на юго-восток из района Житомира на Казатин и попытался обойти его восточнее. 16-й мотострелковый полк внутренних войск НКВД западнее села Котлярка был атакован танками противника и подвергся мощной бомбежке с воздуха. Воины полка дрались с врагом бесстрашно и даже наступали, но понесли большие потери и вынуждены были отойти вместе со своим командиром капитаном Бабичем в Фастов.

На поддержку полка полковник Абызов направил в Погребище 1-ю пограничную комендатуру 93-го отряда под командованием капитана Зиновия Осиповича Блюмина, 2-ю — во Вчераще и 5-ю — в Ружен. Эти комендатуры ввязались в бой с противником. Затем они были переподчинены начальнику 92-го Перемышльского пограничного отряда подполковнику Тарутину и продолжали сражаться совместно с этим отрядом.

3-я и 4-я комендатуры 93-го пограничного отряда прикрывали переправы через реку Ростовицу в Строкове и Поволоче, а затем их перебросили в Фурсы, где они приостановили продвижение противника. В дальнейшем 93-й погранотряд составлял резерв командира 6-го стрелкового корпуса и обеспечивал

стык между 159-м полком и 41-й стрелковой дивизией, оборонявшими Белую Церковь.

92-й пограничный отряд занял оборону у станции Жашков. 19 июля поступили данные, что где-то вблизи высадился авиадесант противника. Командование отряда получило приказ уничтожить его. Начальником отряда подполковником Тарутиным была с этой целью направлена в предполагаемый район высадки десанта группа пограничников под командованием капитана Барынина. У села Конела она встретила не десант, а передовые части 48-го механизированного корпуса противника, вступила в бой, уничтожила четыре танка. Но главное сражение произошло несколько позже у села Роги. Враг атаковал позиции 92-го отряда большой массой танков. В жестоком неравном бою пограничники бились до последней капли крови. Подполковник Тарутин, комиссар отряда Уткин сражались в боевых порядках войск и погибли геройски. Но и после гибели командования отряд продолжал сражаться под руководством майора Агейчика и старшего политрука Любичева, нанося урон врагу.

Вместе с частями 3-й воздушно-десантной бригады, Киевским артиллерийским училищем, 4-м мотострелковым полком внутренних войск НКВД дрался на переднем крае Киевского укрепрайона и 20-й Славутский Краснознаменный пограничный отряд, в котором я начинал свою службу. Вот что вспоминает о тех днях бывший политрук Семен Степанович Пантелеев: «Наш 20-й Краснознаменный погранотряд дислоцировался на «зоне», как после 1939 года называли старую государственную границу. После тяжелых боев на границе и обороны Житомира по приказу командования отряд занял новый рубеж в 14 километрах от Киева по берегу реки Ирпень. Вместе с нами оборонялись и пограничники Олявского и Ямпольского погранотрядов. Помнится, что оборонительные сооружения в этом районе сохранились со времен известных маневров Киевского особого военного округа. Командиром нашего отряда был майор Любченко, впоследствии отозванный в штаб партизанского движения, комиссаром — старший политрук Иванов, погибший в одном из боев. Насколько мне известно, противнику не удалось прорвать оборону ни на участке нашей комендатуры, ни на участке погранотряда. Пограничники держались стойко, сами неоднократно переходили в контратаки, нанося врагу ощутимые потери.

Хорошо мне запомнился военком нашей комендатуры политрук Петр Дудин. Он был одним из героев пограничников-дальневосточников, участвовал в боях у озера Хасан, за что

был награжден орденом Ленина, являлся депутатом Верховного Совета РСФСР. Обладая большой выдержкой и мужеством, он появлялся на самых жарких участках, подбадривая бойцов, воодушевляя их личным бесстрашием. К сожалению, не знаю ничего о его дальнейшей судьбе, говорят, он возглавил группу по выносу знамени из окружения, но больше никогда я о нем не слышал.

Убедившись в бесплодности своих планов и понеся значительные потери в живой силе и технике, враг откатился назад. Начался более «спокойный» период обороны. Между нами и немцами образовалась «нейтральная» зона. И вот по приказу вышестоящего командования в погранотряде сформировали разведгруппу по захвату «языков». Эта группа состояла из 50—60 добровольцев-пограничников. Командиром ее был старший лейтенант Киселев. Политруком назначили меня.

Наша группа существовала около 2 недель и действовала в районе Ирпеня и Ворзеня. В Ворзене в помещении детского санатория была наша база. Действовали мы путем налетов на немцев, занимавшихся главным образом грабежом местного населения. Наши действия прикрывал бронепоезд. Операции проводились успешно. Об одной из таких операций написал статью в газете «Известия» ее корреспондент В. Полторацкий. В Орловской областной библиотеке я разыскал тот номер газеты, датированный 31 июля 1941 года. Статья называлась «В поисках «языка»». В. Полторацкий написал ее с моих слов. Итоги этой операции — 11 убитых немцев, захвачено два «языка», оружие, имущество. Особенно отличились тогда лейтенант Алгебов, заместитель политрука Шишкин, пограничники Сафин и Зюзгин. Помню, в нашей группе был младший лейтенант Шапарь. Хорошо действовал и военфельдшер Бураков.

Запомнился последний день оборонительных боев. Опять на нашу долю выпала нелегкая задача прикрывать отход. На рассвете мы вошли в Киев. Не могу забыть, как жители Киева, до этого верившие, что Киев не будет сдан, увидев, что уходят пограничники, стали присоединяться к нам и с узелками, а то и без всего потянулись за нами к Днепру. Это значительно осложнило наше положение, но мы ничего не могли поделать.

За Днепром наступил самый тяжелый период — бои в окружении. Но и в этих неимоверно трудных условиях пограничники проявляли стойкость, мужество, сохраняли верность воинскому долгу. Нам приходилось выполнять самые различные задачи: прикрывать отход, ликвидировать засады врага, обеспечивать переправы, делать многое другое. На всю жизнь запомнились населенные пункты Барышевка, Борисполь, Пиря-

тин, Яготин, где были особенно жаркие бои. Как ни было тяжко, но я не слышал ни об одном случае, когда бы кто-нибудь из пограничников помышлял о сдаче в плен, хотя немцы буквально засыпали нас листовками с призывом сдаваться в плен».

Прошло более тридцати лет с тех пор, но люди сохранили в своей памяти подвиг пограничников. Помнят о нем жители Киева и Белой Церкви, Фастова и Казатина, больших и малых городов Украины, деревень и сел. В канун двадцатилетия победы над немецким фашизмом жители Попельнянского района в память о подвиге воинов нашего 94-го погранотряда, кто в тяжелую годину для нашей Родины мужественно и стойко защищал их землю, воздвигли недалеко от села Голубятин, у развилки дорог, обелиск, на котором написали: «Товарищ! Низко поклонись этим полям. Они окроплены кровью героев. Здесь 14 июля 1941 года в неравном бою с фашистскими танками пали смертью храбрых Герой Советского Союза капитан Середа, политрук Колесниченко и 152 бойца 94-го пограничного отряда».

И снова — бой

К исходу дня 14 июля 48-й моторизованный корпус противника продвинулся на юго-восток от Бердичева до́ двадцати километров, а 9-я танковая дивизия, наступавшая из района Попельни, утром 15 июля заняла город Сквиру. 13-я танковая дивизия подошла к Фастову. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Кирпонос приказал нанести удар по наступавшим немецким соединениям с трех сторон: из района Казатина на Житомир — силами 16-го механизированного корпуса, с рубежа Васильков на Фастов — 5-го кавалерийского корпуса, из Белой Церкви на Попельню — 6-го стрелкового корпуса. Однако с утра 16 июля командующий 26-й армией мог начать контрудар лишь силами малочисленных дивизий 6-го стрелкового корпуса.

Командир 6-го стрелкового корпуса генерал - майор И. И. Алексеев, в подчинение которого вошел наш 94-й пограничный отряд, решил наступать в направлении села Малое Половецкое и станции Попельня. Хорошо помню этот новый приказ. После тяжелого боя под Попельней мы всю ночь и весь следующий день без сна и отдыха шли по бездорожью и к исходу 15 июля сосредоточились в селах между Фастовом и Белой Церковью. Утром 16 июля пограничники приводили себя

в порядок, получали боеприпасы, а вечером нам стало известно, что войска Юго-Западного фронта переходят в наступление и нам предстоит выбить немцев из Попельни. Справа от нас должны были наступать 91-й и 93-й пограничные отряды, 16-й и 6-й мотострелковые полки НКВД. Левее — одна из дивизий 6-го стрелкового корпуса. Наше наступление поддерживал из села Ковалевка артиллерийский полк.

В ночь на 17 июля нас, то есть третью и четвертую комендатуры, а также очень малочисленные четвертую, седьмую, восьмую, двадцатую и первую резервную заставы построили в походную колонну. Началось сближение с противником. Всю ночь мы шли лощинами и перелесками, пока наконец, преодолев какую-то речушку, не вышли на ровное свекловичное поле западнее местечка Малое Половецкое. Наш правый сосед выдвинулся к селу Трилессы и там у небольшой рощи, неподалеку от железной дороги, с марша вступил в бой.

Пока мы развертывались, артиллерийский полк из села Ковалевка сделал несколько залпов. Немцы ответили массированным огнем. Наши батареи замолчали. В это время по дорогам из Попельни на Фастов и из Сквиры на Белую Церковь нескончаемым потоком двинулись немецкие войска. Мы лежали в глубоких бороздах, прикрытые высокой свекловичной ботвой, и ожидали подхода 169-й стрелковой дивизии, с которой вместе должны были выполнить поставленную боевую задачу.

А справа от нас все время шел бой. Бойцы и командиры 91-го и 93-го погранотрядов, 6-го и 16-го мотострелковых полков НКВД, некоторых частей 6-го стрелкового корпуса в районе Фастова и Белой Церкви оказали противнику отчаянное сопротивление, стойко удерживали занимаемые позиции, хотя и несли серьезные потери. Они контратаковали врага и отбросили его за шоссе Васильков — Белая Церковь. Немцы нанесли ответный удар. Бой продолжался с переменным успехом.

Не так давно меня разыскал подполковник в отставке Сергей Лукьянович Клейменов, с которым мы служили сначала в 20-м Славутском Краснознаменном пограничном отряде, затем в 94-м. Буквально за месяц до начала войны Сергея Лукьяновича перевели в 92-й погранотряд в Перемышль. Наши пути почти пересеклись у Фастова и Белой Церкви. Клейменов был здесь вместе с пограничниками маневренной группы.

— Когда мы прибыли в Фастов,— рассказывал С. Л. Клейменов,— там уже находились пограничники 91-го отряда. А через два дня подошли подразделения 6-го и 16-го полков внутренних войск НКВД. Бойцы рассказали о тяжелых боях под станцией Попельня и у села Котлярка. 17 июля нам приказали

наступать из Фастова в направлении Брусилова. Произошел исключительно тяжелый встречный бой. К вечеру мы отошли в Фастов. 19 июля немцы пытались ворваться в город, но безуспешно. Были открыты шлюзы на реке Унаве, и заполненные до краев водой глубокие овраги преградили путь фашистским танкам.

Все попытки противника прорвать нашу оборону терпели неудачу. Через несколько дней, стянув к Фастову значительные силы, гитлеровцы подвергли город такой бомбежке и обстрелу, что ночью в нем было светло, как днем. Мы получили приказ оставить Фастов и выйти к Василькову, где стоял наш бронепоезд. Огонь бронепоезда помог оторваться от наседавших на нас танков противника.

А мы, пограничники 94-го отряда, получили приказ прибыть в село Елисаветовка. В этом селе мы оказались не случайно. Встретив упорное сопротивление наших войск под Фастовом и Белой Церковью, гитлеровцы решили перерезать шоссейную и железную дороги, связывавшие эти города. Лучше всего это было сделать у станции Устиновка, к которой вел удобный проселок. Но на пути к Устиновке стояла Елисаветовка. Вот мы и получили приказ занять здесь оборону.

Проселочная дорога входила в Елисаветовку с северо-запада. В густых зарослях вишен особняком стояли две мазанки. Впереди них простиралось пшеничное поле. А позади, словно на вогнутой дуге, спрятались в садах глинобитные дома. Обойти Елисаветовку мешала глубокая балка, по которой текла река Каменка, прикрывавшая село с трех сторон. Заставы расположились по дуге у хат и вишневых посадок.

При въезде в село установили ложную батарею. Ее смастерили из осей телег, тонких бревен и фанерных щитов. Рядом отрыли окопы истребители танков — пограничники резервной заставы лейтенанта Алексея Фоменко. Их прикрывал расчет станкового пулемета, которым командовал сержант Мендрин.

Участок десятой заставы находился в центре обороны у хаты колхозника Дмитрия Ефимовича Павленко. Правее дома Павленко окапывались бойцы одиннадцатой заставы. Лейтенант Петр Аникин и его помощник младший политрук Николай Долбилов, переходя от одного пограничника к другому, подсказывали, где и как лучше отрыть окопы. Окапывались и пограничники девятой заставы, расположившиеся левее нас, близ свинарника и конюшни. Лейтенант Петр Титов установил на чердаке свинарника ручной пулемет, а сержант Иван Сазыкин с пулеметчиками Петром Злотниковым и Иваном Маркеловым рыли окоп у дверей конюшни. Неподалеку от них долбили зем-

лю политрук заставы одессит Михаил Эдельштейн и старшина Григорий Артемьев.

За девятой заставой вдоль балки заняла оборону резервная застава во главе с лейтенантом Александром Титковым. На самом фланге была двенадцатая застава под командованием младшего лейтенанта Тихомирова. Правее по дуге располагались заставы четвертой комендатуры. Ими командовал начальник штаба старший лейтенант Андряков. Капитан Андрианов был направлен офицером связи в штаб 6-го стрелкового корпуса.

Командный пункт отряда находился в восьмистах метрах позади, в глиняном карьере, где стоял единственный в селе дом с железной крышей — школа или сельсовет. Тут же были поставлены и четыре отрядные автомашины. Начальник связи комендатуры лейтенант Леонид Пономаренко провел от КП отряда телефонную линию. Затем в подсолнухах связисты отрыли небольшой котлован для командного пункта старшего политрука Коровушкина, принявшего после ранения капитана Гладких командование нашей комендатурой.

Мы занимались своими делами, когда из хаты вышли Дмитрий Ефимович Павленко, его жена, дочь и малолетние сыновья.

— Окапываетесь? — произнес старший Павленко и вздохнул.

— Приказано,— отозвался я, понимая, что наш приход не сулил ничего хорошего.

— Отступаете, стало быть,— вновь с укором произнес Дмитрий Ефимович и положил руку на плечо младшего сына.

— Отходим по приказу.

— Вы не обижайтесь, я ведь старый солдат, воевал в империалистическую, был ранен, на всю жизнь остался инвалидом. Понимаю, что такое война. Думал, может, беда минует нас, а вон нет, докатилась и сюда...

Утешить Павленко нам было нечем, и он ушел в дом. Остались его сыновья. С присущим детям любопытством они стали проворно лазать по садовым зарослям то к одному, то к другому бойцу. Мальчишки просили дать им гильзу или патрон, разрешить подержать оружие, щелкнуть затвором. Кто-то попросил их принести воды, и они наперегонки бросились к колодцу. Набрав ведро и взяв дома кружку, ребята обходили пограничников, предлагая напиться.

Опять появился старший Павленко. Сыновья стали помогать ему выносить из хаты домашнюю утварь в стоявший неподалеку небольшой погреб. Ребятишки бегали проворно. Новое

дело увлекло их, хотя вряд ли они хорошо понимали, зачем отец заставляет их таскать из дому вещи и посуду.

Пограничники продолжали рыть окопы. А по улице проходило стадо. Звенели колокольчики, лениво мычали коровы. Казалось, ничто не предвещало беды. Подошел Скляр, и мы уселись на скамейку возле павленковского дома, наслаждаясь этой обыденной деревенской картиной. Наблюдая, как бойцы штыками и лопатами оборудуют позиции, мы заговорили о событиях последнего времени. Уже середина июля, почти месяц, как началась война, а мы все идем в глубь страны, и нашему отходу пока не видно конца. Немцы прут и прут, хотя мы пытаемся задержать их на доверенных нам рубежах.

Максим вгорячах сказал:

— Все, Михаил, вроде бы ничего, могут наши люди драться с врагом, еще как могут, только вот боевой техники у нас маловато. Ведь от самой границы мы только раз и видели свои самолеты.

— Видно, берегут технику до поры до времени,— отозвался я и стал рассказывать Скляру, как в 1938 и 1939 годах видел парады на Красной площади. Это было, когда я приезжал в краткосрочный отпуск в Москву на праздники из пограничного училища. Моя сестра работала в Московском городском комитете партии, и ей удавалось доставать для меня пропуск на Красную площадь. Припомнил, как на гнедом скакуне из ворот Спасской башни выезжал нарком обороны К. Е. Ворошилов, как звучали фанфары и начинался парад. Стройными рядами проходили пехотинцы, лихо гарцевали кавалеристы, громыхали пулеметные тачанки, тягачи тянули артиллерию, проносились легкие танки, а потом с грохотом вываливались на площадь тяжелые танки КВ. Все было торжественно и величаво.

— Дай срок, Максим,— закончил я,— будет у нас и боевой техники вдосталь, и немцы покатятся назад, и мы вышвырнем их с нашей земли, как сделали это в бою у границы.

— Как хотелось бы это видеть скорей,— вздохнул Максим.— Я ведь хорошо, Михаил, понимаю, что фашисты заставили работать на себя промышленность почти всех стран Европы, а мы одни. Гитлеровцы начали внезапно, и их первоначальное преимущество понятно. Я и сам видел все, о чем ты говорил, и верю: настанет день, и мы заставим фашистов убраться восвояси. Только бы знать, когда этот день, наконец, придет...

Вечерело. Затихало село. К дому Павленко, оказавшемуся в центре обороны, стали подходить начальники застав и политруки. Вскоре появился майор Врублевский. Все вошли в хату.

Хозяин зажег керосиновую лампу без стекла и покинул нас. Сев за стол, Врублевский развернул потертую на сгибах карту и долго смотрел на нее, собираясь с мыслями.

— Ночью надо выслать разведку,— сказал он глуховато,— посмотреть, что делается вокруг. С разведчиками пойдет командир комендантского взвода лейтенант Селецкий. Боевое охранение выставить от каждой заставы. С рассветом продолжать оборонительные работы.

Врублевский умолк, закрыл глаза. До сих пор помню, как устало выглядел тогда начальник штаба. Из-за черной бороды лицо его казалось бледно-желтым, под глазами залегли темные круги. Он облокотился на стол и задремал. Это продолжалось несколько минут. Потом, выходя из оцепенения, Врублевский сказал:

— А теперь отдыхать, товарищи.

И ушел на командный пункт.

Мы продолжали сидеть в раздумье. Тускло мерцал, чадя, не прикрытый стеклом слабый огонек лампы. В горнице стоял полумрак. Неожиданно с северо-востока послышался тяжелый рокот. Кто-то выглянул за дверь.

— Что там?

— Бомбят Фастов.

Вскоре глухие взрывы донеслись и с юга. Очевидно, немецкая тяжелая артиллерия била по Белой Церкви.

— Нащупали штаб 6-го корпуса,— высказал свое мнение лейтенант Титков.

— Нащупали не нащупали, а земля от дождя разбухла, вот фрицы и жмут по дорогам. Фастов и Белую Церковь им не обойти,— возразил Эдельштейн.

Кто-то вздохнул, сказал неожиданно:

— Эх, хлопцы, сейчас бы на стол добрую миску полтавских галушек.

Последние дни мы питались прескверно, и упоминание о галушках вызвало оживление. Потом, прислушавшись к далеким раскатам, мы снова заговорили о наших нынешних делах, обстановке на фронте. Все сходились на том, что нам, видимо, предстоит тяжелое испытание. В Попельне нас было побольше, да и пулеметов мы имели около трех десятков. К тому же рядом сражались артиллеристы, три танка и подразделения 6-го полка НКВД. Теперь нас осталось не более трехсот человек, вооружение наше — два станковых и с десяток ручных пулеметов. Справа и слева своих никого.

— Вот что, друзья,— приподнялся политрук Николай Долбилов.— Что нам принесет утро, мы не знаем. Случится драть-

ся — легко село не отдадим, пусть даже немцев будет в десять раз больше. Только давайте всегда помнить друг о друге, и когда победим врага, вспомним о тех, кто не вернется с этой войны. И не оставим в беде наши семьи.

Все поддержали политрука и стали расходиться. Скляр, Аникин, Долбилов и я расположились у дома Павленко. Темное небо было усеяно зеленоватыми звездами. Мы долго сидели под вишнями, прислушиваясь к глухим раскатам, и тихонько разговаривали. Так незаметно задремали.

С первым проблеском зари все были на ногах. Наступило утро 18 июля 1941 года. Оно было хмурым, пасмурным. По-прежнему моросил дождь. Пограничники опять взялись за лопаты, продолжая оборудовать окопы. Те, у кого окоп был уже отрыт, проверяли оружие, снаряжали обоймы патронами, осматривали гранаты. Появились Врублевский и Авдюхин. Батальонный комиссар тоже осунулся, одежда была запылена, но глаза смотрели весело. Со свойственным ему душевным оптимизмом он обратился к бойцам, подбодрил их. Врублевский и Авдюхин обошли расположение нашей комендатуры и направились на правый фланг.

Вскоре послышался гул моторов. А через некоторое время показались немецкие бронемашины. Сначала из пшеницы были видны только их серые башни. Но вот колонна приблизилась. Впереди мотоциклисты, за ними две танкетки. А дальше броневики и автомашины с пехотой. Дождь размыл дорогу, и колонна двигалась медленно, отчего казалось, что немцы ехали совершенно спокойно, словно на их пути не могло быть никаких преград. Мотоциклисты все ближе и ближе подъезжали к селу. Четыреста, триста, двести метров. Команда «Огонь!». Почти в упор ударили от ворот конюшни пулеметчики девятой заставы Злотников и Маркелов. С чердака свинарника длинной очередью полоснул по фашистам сержант Сазыкин. Дал очередь и пулеметчик нашей заставы Илья Гуляев. Как у Попельни, передние мотоциклисты упали, словно скошенные. Остальные, бросив мотоциклы, удрали в посевы пшеницы.

Но танкетки продолжали ползти. Похожие на приземистых черепах с белыми крестами на боках, они уверенно направлялись в село. Мы вглядывались в мазанки у вишневых посадок, где засели в окопах лейтенант Фоменко и его бойцы. Задержат или не задержат они этих стальных черепах? Вот головная машина скрылась за домом. Неужели пропустили? Нет. Взрыв. Потом другой. Поползли вверх белые клубы дыма. Танкетки подбиты.

Бронемашины медленно разворачивают свои орудия. Сухой звенящий треск и фыркающий свист над головой. Трах! Трах! — рвутся снаряды в огороде за нами. Кто-то там ругается, испуганно кричит. Топот ног. Снова взрывы подымают землю, но теперь к ним добавляется глухой перестук пулеметов. По огородам в одиночку и группами бегут из села жители. Видно, все, кто был в хатах, ринулись в спасительный овраг. Ревут коровы, кричат гуси и куры. Вслушиваюсь в сумятицу звуков — опять гудят моторы. Кто-то кричит:

— Товарищ политрук, смотрите, смотрите вон туда, по полю движутся какие-то дуги.

И в самом деле, по пшеничному полю расползались автомашины с пехотой. Немцы сняли брезент, и теперь видны над бортами металлические каркасы. Трах! Взрывы прижимают нас к стенкам окопов. Пули и осколки прошивают крышу хаты Павленко. Звенят разбитые стекла. Ветер разносит пыль и соломенную труху. Слышны испуганные крики детей. Через раскрытую дверь видно, как жена Дмитрия Павленко с детьми бежит к погребу. Меня забрасывает землей. Пыль. Дым. Кто-то опять подает команду, но ее не разобрать. Воздух буравят снаряды. Еще мгновение, и один из них пробивает стену павленковского дома. Неожиданно к свисту снарядов и пуль примешивается урчание мин. С сухим треском они рвутся позади и впереди нас.

— Вот это кутерьма,— слышится голос политрука Эдельштейна.

Более часа немецкие минометы и артиллерия обрабатывали наши позиции. А тем временем, прикрываясь рослой пшеницей, фашистские автоматчики двинулись в атаку. Слышен дружный перехлест автоматов, колышется пшеница, долетают слова команд:

— Форвертс! Форвертс!

Замерли у пулемета Заплатин и Федоров. Глядит на пшеницу через прорезь прицела Гуляев. Рядом с ним политрук Скляр. Он что-то говорит Гуляеву, показывая рукой туда, откуда вот-вот появятся немцы. Проходит еще несколько секунд, и гитлеровцы выбегают из посевов.

— Огонь!

Захлебываясь, стучат пулеметы. Несколько гитлеровцев падают. Остальные, не обращая внимания на наш огонь, продолжают бежать вперед, строча на ходу.

— Гранатами бей их, гадов! — кричит комсорг комендатуры старшина Сергей Маслов. По цепи прокатывается команда:

— По противнику гранатами — огонь!

Землю и воздух потрясли взрывы. Но у наших окопов попрежнему рвутся мины. Мы под двойным обстрелом — минометчиков и немецких автоматчиков. Вражеский огонь не дает поднять головы. Положение угрожающее. Еще немного, и гитлеровцы ворвутся на наши позиции. Есть только один выход — рукопашная. Это понимают все. Понимает и старший политрук Коровушкин. Вижу, как он с десятком бойцов перебегает огородами.

— Ура-а!

Поднимается и лейтенант Аникин. Его смуглое лицо еще больше почернело, плотно сжатые губы перекосились, глаза горят лихорадочным блеском. Весь он как сжатая пружина. Впереди блестит штык винтовки, которую он держит наперевес. Я тоже примкнул штык к своей винтовке, поднялся. За мной вскакивают бойцы. Рядом, как всегда, Ердаков, за ним Макаров, тут же комсорг заставы Вьюгов, пограничники Лючев, Лушников, Кузьмин, Колесников, Дмитриев, Виноградов. Чуть в стороне устремились на немцев Скляр, Ефимов, Сергеев, Устюгов, Савченко, Сычев, Арбузов и еще несколько бойцов. А за ними поднялись пограничники Агафонов, Шляхтин, Смирнов, Ваньков, Кудряшов, Зыкин во главе со своим командиром сержантом Михайловым.

— Ура-а! — этот клич воедино сплетает наш порыв.

Фашисты не принимают рукопашного боя — бегут к стоянкам автомашин. Мины теперь рвутся где-то позади нас. Но потом гитлеровцы переносят огонь. Перед нами вырастает заградительный огневой вал. Мы вынуждены отойти к своим окопам.

Снова начался обстрел. И вновь гитлеровцы атаковали нас. И опять, чтобы выйти из-под двойного обстрела и сорвать вражескую атаку, мы поднялись врукопашную. Фашисты и на этот раз отступили, остановив нас отчаянным минометным огнем.

Об этом бое вспоминает пограничник нашей комендатуры Иван Беспалов: «В селе Елисаветовка оборона была хорошая. Несколько раз немцы после артиллерийской и минометной подготовки ходили в атаку. Они шли пьяные, в полный рост, лезли напролом. Мы их подпускали на близкое расстояние и отбивались, чем могли. Отбивать атаки, однако, мешало то, что фашисты и в это время не прекращали минометного огня. И тогда, чтобы отразить врага, мы шли врукопашную. Но немцы удирали раньше, чем их догоняли мы».

Итак, гитлеровцы не смогли овладеть селом, но они не оставили нас в покое. Очередной обстрел был настолько изнуряю-

щим, что казалось, его нам не перенести. С пронзительным визгом секли воздух осколки. Пули срезали подсолнухи, сдирали с вишневых веток кору. Пыль и дым заволокли все вокруг. Когда в обстреле наступила пауза и я выглянул из своего окопа, представшее перед глазами поразило меня. Подле нас стояли совершенно белые деревья, словно их неожиданно обтесала ловкая рука дровосека. Двор Павленко сплошь был изрыт воронками. Сотни пробоин изрешетили стены дома. Пристроившись за углом, Павел Бойко бинтовал окровавленного человека, но не закончил, сказал: «Скончался». Это был мой друг и сосед по заставе лейтенант Аникин. Рядом с ним лежало еще чье-то безжизненное тело — политрук Долбилов. Чуть поодаль приткнулся убитый начальник связи комендатуры лейтенант Пономаренко. У колодца, где только что стоял наш ручной пулемет, валялись расплющенная коробка с магазинами и бесформенный металл. Пулеметчик Гуляев и политрук Скляр лежали неподвижно.

Я выбрался из окопа, подбежал к Максиму. На сером плаще его темнела кровь. Лицо было бледным, глаза полуоткрыты. Откуда-то появились пограничники Вьюгов и Лючев. Они подняли безжизненное тело политрука и перенесли к дому. Сюда же положили Гуляева. Почти машинально я достал из кармана гимнастерки Скляра партийный билет, удостоверение личности, фотографию Альбертины и все это передал Вьюгову.

Закончив перевязывать раненых, к нам подошел Павел Бойко. Он осмотрел Скляра и Гуляева.

— Моя помощь им уже не нужна.

Потрясенный, я стоял в каком-то оцепенении, ничего не видя вокруг, кроме павших своих близких боевых друзей. Казалось, это просто страшный сон: стоит только открыть глаза, и все исчезнет. Но это была явь.

Противник между тем начал атаку на участке четвертой комендатуры. Там создалось критическое положение. Враг напирал, наседая на цепь пограничников все сильнее и сильнее. Бойцы едва отбивали натиск пьяной фашистской своры. Начальник штаба четвертой комендатуры старший лейтенант Андряков решил контратаковать врага. Помогая соседям, перешли в контратаку и заставы нашей комендатуры. Так мы поднялись врукопашную в третий раз. И враг снова бежал.

День постепенно угасал. Синий сумрак спускался на землю. Мало-помалу все стало затихать вокруг. Не сумев сломить нашего сопротивления, гитлеровцы от дальнейшего наступления отказались. Однако они оставались в поле на своих исходных рубежах. Фашисты напоминали о себе ракетами, которые то и

дело пускали со стоянок своих машин. Рассыпаясь на множество мелких искр, ракеты освещали истоптанное поле пшеницы зеленоватым призрачным светом. Где-то у Фастова и Белой Церкви тоже раздвигали темное небо желто-багровые снопы света, слышались тяжкие вздохи взрывов. Мы настороженно всматривались в пелену неожиданно опустившегося тумана — где-то там затаились немцы.

Глубокой ночью из Белой Церкви, из штаба 6-го стрелкового корпуса, в Елисаветовку прибыл капитан Андрианов. Он информировал начальника отряда о том, что части корпуса оставили город. Кто-то из командования приказал захоронить погибших пограничников. Прямо в огороде колхозника Дмитрия Павленко была отрыта братская могила.

Из штаба отряда прибыл связной. Он передал, что получен приказ двигаться к железной дороге между Фастовом и Белой Церковью. Лейтенант Тихомиров, политрук Эдельштейн и я построили пограничников комендатуры. Бойцы положили на плащ-палатку смертельно раненного младшего лейтенанта Данилова, и мы тронулись в путь. Дорога привела к оврагу, где находился командный пункт отряда. Неподалеку от кирпичного дома стояли застрявшие в грязи отрядные автомашины.

Вспоминая о бое в Елисаветовке, сын Дмитрия Ефимовича Павленко Владимир через много лет написал: «Хотя я был тогда мальчишкой, но помню, когда к нам в Елисаветовку пришли пограничники. Героически дрались с фашистами бойцы в зеленых фуражках. Вы стояли насмерть за наше село. Благодаря вашему мужеству нога фашистских гадов боялась вступить в Елисаветовку даже тогда, когда враг был уже под Киевом. Прежде чем заехать в село, гитлеровцы высылали моторизованную разведку. Вот какого вы им тогда нагнали страху. Жители села никогда не забудут этого боя и тех, кто пал смертью храбрых».

Да, подвиг, который совершили пограничники отряда в июльские дни 1941 года на дальних подступах к столице Украины Киеву, не забыт. По просьбе трудящихся Фастовского района, по решению Киевского областного Совета депутатов трудящихся 30 мая 1965 года на площади в селе Елисаветовке в центре нашей обороны установлен гранитный обелиск, на котором золотыми буквами написано:

«Вечная слава героям.

17—18 июля 1941 года в районе села Елисаветовка пограничники 94-го отряда вели героические бои против гитлеровских захватчиков.

Смертью храбрых пали: Аникин П. Т., Данилов В. А., Долбилов Н. Г., Ефимов, Жуков, Калмыков И. Д., Осадчий, Савченков М. А., Скляр М. А., Титов П. М., Титков А. В., Цветков.

Сооружен в память подвига советских пограничников».

На гранитной плите высечено двенадцать фамилий. Нет там имен Ильи Михайловича Гуляева, Леонида Петровича Горожанинова, Анатолия Ивановича Заплатина, Леонида Кирилловича Пономаренко и многих других, кто тоже пал в том бою.

Гранитный обелиск напоминает, что в тяжелую годину для нашей Родины небольшой отряд пограничников стоял здесь насмерть и не пропустил врага. Этот обелиск — свидетельство мужества и бесстрашия бойцов в зеленых фуражках, их беззаветной преданности своей Отчизне.

В Устиновском лесу

На рассвете 19 июля мы прибыли на небольшую железнодорожную станцию Устиновка. Утро выдалось хмурым, туманным, дождливым. Промокшие, голодные, измученные бессонным ночным маршем, пограничники садились прямо на каменный перрон станции и засыпали. Казалось, никакая сила не в состоянии заставить их подняться. Командование и работники штаба собрались в станционном здании. Начальник связи отряда капитан Ребристый пытался дозвониться по железнодорожной телефонной сети до штаба пограничного округа, но ему не отвечали. Однако он не терял надежды и продолжал вызывать Киев. В конце концов удалось соединиться с начальником штаба войск округа полковником Рогатиным. Но разговор прервался: в сеть вклинились немецкие телефонисты. Никаких конкретных указаний от Рогатина получить не удалось.

Легкий ветерок постепенно рассеял утренний туман. Стали видны редкие дома пристанционного поселка. На северо-востоке, примерно в двух километрах от станции, сквозь дымку проглянула опушка небольшого леса. Закричали первые петухи. А следом за петушиным криком тишину утра нарушил тягучий гул моторов вперемежку с мотоциклетным треском. Гул приближался — к станции двигались немцы.

Политрук Эдельштейн, младший лейтенант Тихомиров и я, растормошив командиров отделений, начали вместе с ними будить пограничников. На заставе бойцы вскакивали от самого легкого прикосновения. Поднять спящих с холодной цементной платформы было почти невозможно. Командиры отделе-

ний почти каждого человека ставили на ноги и трясли, пока тот не приходил в себя. Так одного за другим разбудили всех. Без суеты и шума пограничники построились в ожидании, что им прикажут делать дальше.

Было видно, как вдали по железнодорожному полотну от Фастова, скрежеща о рельсы гусеницами, ползли к Устиновке немецкие танки, а к переезду, скрытые от нас посадками, подъехали мотоциклисты. Воевать нам с гитлеровцами нечем: станковый пулемет без лент, у ручных пулеметчиков неполные магазины, у бойцов одна-две обоймы — все, что осталось после боя в Елисаветовке. Видимо, и командование понимало, что самое разумное — сохранить людей. Кто-то из штабных работников выбежал из здания станции и, показав в сторону леса рукой, скомандовал:

— Бегом, марш!

Перебежав через железнодорожное полотно, мы устремились к лесу. Это был небольшой лес, можно даже сказать, просматриваемый из конца в конец лесок, но все же это было укрытие. Опушку окаймляла канава, вдоль нее рос дубняк вперемежку с кустарником. Вдоль этих кустов и заняли заставы круговую оборону. Штаб отряда расположился в центре.

После вчерашнего боя, ночного марша, всего пережитого лес казался нам надежным убежищем. Немцев не видно, хотя со стороны Устиновки слышались их голоса. Видимо, там двигалась какая-то немецкая часть, с которой мы едва не столкнулись ночью, отходя из Елисаветовки. Потом шум движущейся колонны донесся с противоположной стороны. Мы оказались на скрещении дорог, по которым перемещались фашистские войска.

Время от времени немцы постреливали по лесу. Но, видимо, это были случайные выстрелы, и мы чувствовали себя в относительной безопасности. Нас все больше занимали мысли не о возможности новой стычки с врагом, а о том, как утолить голод. Вот уже шесть дней, как мы не пробовали горячей пищи. Трое последних суток питались вообще бог знает чем. Пограничники лежали или сидели в каком-то полусонном оцепенении.

К вечеру более крепкие физически бойцы и командиры стали говорить, что можно было бы рискнуть сходить в Устиновку, неподалеку от станции, и попытаться достать там продуктов. К этому в конце концов склонилось и командование. Когда совсем стемнело, группа добровольцев, в которую вошли воины всех застав, под командованием майора Врублевского отправилась в село. С помощью местных жителей они достали кое-что

из еды. На обратном пути наши «ходоки» столкнулись с немецкими часовыми. Завязалась перестрелка. Закончилась она, однако, благополучно. Не потеряв ни одного человека, группа возвратилась в лес.

Утолив голод, люди повеселели. Стали слышны голоса. Кто-то осторожно предупреждает:

— Тише, ребята...

Над ним смеются.

— Что мы, воры? Мы на своей земле. Пусть фашисты прячутся.

По голосу узнаю секретаря комсомольского бюро комендатуры Сергея Маслова.

— Больно ты смел, Серега,— вступил в разговор кто-то еще.— У них танки, а у нас, кроме винтовок да пулеметов, ничего нет.

Но Маслов и в самом деле раззадорился.

— Не понимаю, долго ли мы еще будем здесь торчать?

Хрустнула ветка. Чей-то спокойный голос произнес:

— И понимать нечего. Видите, что творится вокруг. Погубить людей напрасно — ума не надо, а вот сохранить их, выйти из окружения — это совсем иное дело. Мы еще должны отплатить за все гитлеровцам, мы обязаны их разбить.

Это говорил батальонный комиссар Николай Акимович Авдюхин. Он всегда так говорил — негромко, не повышая голоса, просто, убеждая собеседника не интонацией, не авторитетом старшего, а логикой, аргументами. С виду наш комиссар был не очень бравый. Небольшого роста, с легкими залысинами, мягкой, покачивающейся походкой, он скорее походил на гражданского человека, хотя прослужил в армии свыше двадцати лет. Но его любили и уважали. И прежде всего за то, что он всегда знал, когда и что нужно сказать людям, умел вовремя поддержать их, помочь им. Он был непринужден в разговоре, беседе, доступен, и это еще больше укрепляло его авторитет, вызывало к нему доверие.

Закончив разговор с Масловым, Авдюхин направился дальше. Видимо, батальонный комиссар хотел обойти расположение застав, поговорить с людьми, подбодрить их.

Все слабей и слабей рокотали моторы, затихали вокруг звуки. Ночь вступала в свои права. Но командованию отряда не спалось: предстояло решить, как быть дальше, куда выходить из окружения. Мнения единого не сложилось. Одни предлагали идти через Гребенки на Васильков и далее на Киев, другие советовали пробираться через Пинчуки к Обухову и Триполью. Наконец было решено для уточнения обстановки и выбора

маршрута движения создать разведывательные группы. Одну из них, куда входил помощник комиссара отряда по комсомольской работе Петр Латышев и несколько пограничников, возглавил майор Врублевский. Старшим другой назначили помощника начальника отделения штаба отряда капитана А. И. Алексо. С ним шло несколько командиров. Разведгруппы обнаружили броды через болото, лежавшее неподалеку от Устиновского леса, и наметили дальнейший маршрут выхода из окружения.

Утром из Устиновки донесся петушиный крик. Замычали коровы, залаяли собаки. Незаметно взошло солнце. Его лучи пробили крону деревьев и светлыми бликами легли на поляны. Высоко в небе послышался звенящий гул самолетов, он все усиливался, и вот уже клинья вражеских бомбардировщиков повисли над нами. Ожили, залязгали, зарычали дороги. Затрещало, загудело все вокруг: вражеские колонны шли нескончаемым потоком.

Звенели мухи в лесу, какие-то букашки оживленно ползали по траве. Не ведая ни о чем, старательно трудились муравьи. День казался неимоверно длинным. Наконец солнце нехотя спрятало свой красный диск за горизонт. Поля окутал вечерний мрак.

Наутро опять ожили дороги, забитые танками, артиллерией и мотопехотой противника. Но вот между колоннами образовался небольшой разрыв, и мы услышали непривычный для уха скрип: к лесу подъезжала телега. Правил лошадью невысокий мужчина, одетый в темную рубаху. Рядом с ним на повозке сидел паренек лет четырнадцати. Повозка свернула с дороги на поле. Мужчина снял косу, осмотрелся, потом взвалил на плечи мешок и опустил его на землю. К опушке подбежал паренек и кивнул головой в сторону мешка. Вскоре мешок с продуктами оказался у нас. Мы поняли, что на этих людей можно положиться. Кто-то из штабных работников переговорил с крестьянином и попросил забрать раненых, когда мы уйдем.

Устиновский лес мы оставили на третий или четвертый день. Под покровом темноты колонна в двести пятьдесят пограничников начала движение в тылу врага. Шли в кромешной темноте на восток, придерживаясь ориентиров, переданных разведчиками. Часа через три-четыре где-то между Гребенками и Пинчуками путь нам преградило болото. У берега ожидал младший лейтенант Илья Васильченко. Начальник отряда майор Босый спросил его, есть ли через болото брод.

— Да,— ответил Васильченко, но тут же добавил: — Где именно — не знаю. Капитан Алексо со старшим лейтенантом

Кухленко перешли болото, а место перехода не отметили, днем, может, я бы отыскал его, но в такой темноте...

Вскоре после того, как улегся гнев начальника отряда, нам было приказано связать по два снопа пшеницы, чтобы опираться на них при переходе через болото. Пока мы дергали жесткие стебли и вязали их, на горизонте пробилась светлая полоска зари. Тревожное, знобящее чувство испытал тогда каждый из нас. Не столько потому, что никто не знал, как встретит нас противоположный берег, сколько потому, что придется месить эту вонючую жижу. Подготовив снопы, пограничники медлили входить в болото.

Тогда к берегу подошел батальонный комиссар Авдюхин и со свойственным ему юмором заметил:

— А ну, орлы, перемахнем эту лужицу?

Авдюхин первым ступил в зыбкую прибрежную почву, поросшую осокой. За ним двинулись капитан Мирзиашвили и сержант Мендрин. Они прошли всего несколько шагов и увязли в трясине. Потом, опираясь на снопы, с трудом продвинулись еще немного вперед. Все поняли, что придется очень туго. Я плавал хорошо. Отличным пловцом был на заставе и астраханский рыбак пограничник Макаров. Но нашлось два человека на заставе, совсем не умевших держаться на воде. Их затащили в болото с большим трудом. Когда воды прибавилось, пограничники собрали поясные ремни и связали по нескольку снопов вместе. Не умевшие плавать взялись за эти своеобразные плотики, и пограничники поочередно тянули их. Чем дальше заходили мы в болото, тем все меньше становилось твердой земли под ногами. Потом и вовсе ноги перестали касаться грунта. Это были тяжелые минуты. Бойцы напрягали все силы, чтобы одолеть глубоководье. Люди почти ползли, одолевая последние метры в болотной жиже. Выбравшись на берег, они падали, обессилев, и, немного отдохнув, стягивали с себя черные, покрытые липкой грязью гимнастерки, выливали из сапог воду. Белье липло к телу, усиливая озноб. Чтобы согреться, бойцы прижимались друг к другу.

В эти минуты никто не думал об опасности. А она была близка. Рядом проходила шоссейная дорога из Белой Церкви на Киев. Задерживаться здесь было рискованно. Но сразу пересекать дорогу наши командиры не решились. Вперед выслали несколько бойцов с лейтенантом Фоменко. Неподалеку от шоссе пограничники набрели на немецкий полевой караул. Они сняли одного часового, но другой, обнаружив разведчиков, поднял стрельбу. Гитлеровцы на дороге зашевелились. В небо полетели ракеты, ударил пулемет, застрекотали автоматы.

Неожиданная пальба вывела нас из оцепенения. Стало ясно: придется пробиваться с боем. Однако пока фашисты не видели нас. Расположившиеся рядом пограничники четвертой комендатуры во главе с капитаном Андриановым неожиданно устремились по берегу болота на север. Я тоже поднял заставу. За нами, не отставая, последовали остальные пограничники комендатуры. Перемахнув через шоссе правее места, откуда слышалась стрельба, мы оказались у какого-то села. Словно из-под земли перед нами выросла высокая, худая фигура одного из работников штаба отряда капитана Мирзиашвили. В руках он держал карабин.

— Стой! Зачем паника?

Мы остановились.

— Построиться! — приказал капитан.

Пока пограничники строились, немцы обнаружили нас. Одновременно из сел Гребенки и Пинчуки они открыли огонь. Но нас укрыл густой туман. Благодаря ему нам удалось незаметно выйти из зоны обстрела. Гитлеровцы завязали перестрелку между собой, а мы, воспользовавшись этим, благополучно преодолели небольшую речушку, оказавшуюся на нашем пути, и добрались до спасительного кустарника. Взошло солнце. Впереди показались дома. На всякий случай капитан Мирзиашвили развернул нас в цепь. Но немцев в селе не оказалось. Зато жители словно ожидали нас. Взрослые и дети — все высыпали на улицу. Нам протягивали хлеб, сало, вареную картошку. Задерживаться, однако, было нельзя. Справа и слева уже слышался треск немецких мотоциклов.

Гитлеровцы, разобравшись, что под носом у них проскочило какое-то советское подразделение, решили догнать его. У насыпи железной дороги, что проходила в нескольких километрах от села, подвижная группа фашистов встретила нас пулеметным и автоматным огнем. Капитан Мирзиашвили приказал начальникам застав лейтенантам Рабовскому и Трушевскому смять вражеский заслон. Вместе с пограничниками своих застав Рабовский и Трушевский уничтожили врага. Но в короткой схватке погибли лейтенант Семен Рабовский и еще несколько пограничников.

Едва мы перевалили через насыпь узкоколейки, как снова ударили автоматы и пулеметы противника. На этот раз гитлеровцы засели в мелколесье. Мы уничтожили и этот заслон, но оставили на поле боя заместителя коменданта младшего политрука Николая Нестерова и многих других. Вражеская пуля сразила и нашего фельдшера Павла Бойко.

Теперь заставы двигались самостоятельно. Мелкими группами легче было просочиться сквозь вражеские заслоны. По посевам пшеницы, по оврагам, сторонясь дорог, пробирались и пограничники десятой заставы, пока на небольшой возвышенности между селами Григоровка и Матяшевка не встретили нескольких работников штаба отряда: Буланова, Королькова, Ребристого, Яковлева. С ними был майор Босый. Сюда же подходили и пограничники других застав.

Ярко светило солнце. От наших гимнастерок, не просохших за ночь после форсирования болота, шел пар. Из-за пригорка показалась колонна бойцов. Это были пограничники, которые еще в Сквире убыли в распоряжение замнаркома НКГБ УССР майора госбезопасности Ткаченко. Впереди колонны шагал майор Иванов — начальник штаба охраны тыла 26-й армии. Поражала исключительная дисциплина строя и отличная выправка бойцов. Иванов на ходу переговорил с начальником отряда майором Босым. Из дошедших фраз стало понятно, что майор Иванов с людьми следует в Мироновку для прикрытия каневских переправ через Днепр.

Много лет спустя из села Устиновка мне пришло письмо от Ивана Архиповича Кириченко, того возницы, что доставил нам в лес со своим сыном продукты и кого мы просили забрать раненых после нашего отхода. Вот что написал И. А. Кириченко: «В тот день, когда я привез пограничникам мешок с едой, меня попросили взять двух очень ослабевших от ран бойцов. Утром на подводе мы с сыном въехали в лес. Раненые находились в условленном месте. Мы положили их на повозку, прикрыли скошенной травой и привезли домой. Всего в нашем селе оказалось около десятка раненых пограничников. Всех их мы развезли по домам и спрятали».

Одного из тех, кто остался тогда в селе, удалось разыскать. Им оказался пограничник Вячеслав Владимирович Раевский.

— Я был очень слаб после перенесенной контузии 19 июля в селе Елисаветовка,— рассказал он.— Когда пришел в себя, то увидел военфельдшера комендатуры Михаила Даниловича Галушко. Он сделал мне укол, я вновь потерял сознание. Очнулся в каком-то доме. Как потом узнал, это был дом жителя села Устиновка И. А. Кириченко. Впоследствии я воевал в частях 2-го Белорусского фронта до дня нашей победы. В декабре 1946 года демобилизовался.

О судьбе другого раненого пограничника, командира отделения сержанта Андрея Венигдиктова, рассказывали в Устиновке, когда я наведался туда после войны. Тяжело раненного Венигдиктова местные жители укрыли от немецкой облавы.

Он долго лечился, а когда Красная Армия освободила село, ушел на фронт. Командовал взводом, погиб в бою при освобождении Будапешта. Кто еще был с Раевским и Венигдиктовым, что стало с ними — неизвестно.

Итак, между селами Григоровка и Матяшевка мы наконец оторвались от преследования и, как оказалось, вырвались из окружения. Приведя себя в порядок, пограничники построились в походную колонну. Майор Босый приказал доложить о количестве людей, и мы двинулись по берегу маленькой речушки на восток. Карт ни у меня, ни у других начальников застав не было, поэтому мы не знали, куда ведет эта речка. А она вела к Днепру, к известному своей трагедией в годы гражданской войны селу Триполью, находившемуся в пятидесяти километрах южнее Киева.

Туда мы пришли под вечер. Нам указали, где нужно занять временную оборону. Командование отряда снова попыталось связаться по местной телефонной линии со штабом пограничного округа. Нашей заставе приказали занять позиции на окраине Триполья, у дороги. Выставив наблюдателей, мы расположились у окраинного домика в саду.

Вечер стоял тихий, теплый. Слышался монотонный, убаюкивающий шум Днепра. После сытного ужина, которым нас накормили местные жители, пограничники пришли, как говорится, в себя. Наиболее бойкие Макаров и Хретинин начали выпытывать, куда пойдем дальше: за Днепр или в Киев? Чтобы уклониться от разговора, я заметил неопределенно, что «сверху» виднее, а наше дело — ждать новых распоряжений. Вместе с тем я понимал, что подчиненных надо как-то подбодрить. И тут мне вспомнилась прочитанная когда-то статья «Трипольская трагедия». В статье рассказывалось, как в июне 1919 года в селе, где мы сейчас находились, героически сражался с бандой атамана Зеленого партийно-комсомольский отряд. Бандитам удалось окружить горстку коммунистов и комсомольцев, но те не сдались. Неоднократно бросаясь в штыковую атаку, они сражались до последнего патрона. Захваченных в плен бандиты зверски замучили.

Я рассказал пограничникам о том, что произошло в Триполье более двадцати лет назад. Давний, но яркий подвиг тронул души людей. Бойцы начали обсуждать услышанное, а уроженец этих мест сержант Смолянец заметил:

— А ведь в 1938 году в Триполье установлен обелиск героям. Давайте, товарищ начальник, посмотрим на него.

Предложение было принято с восторгом. Пограничники единодушно решили отыскать обелиск. Возможно, несмотря на

ночь, мы бы сделали это, но тут появился связной из штаба отряда и передал, чтобы застава срочно прибыла на берег Днепра. Когда мы подбежали к откосу, то увидели небольшой пароход у причала, на который грузились пограничники. Вскоре и мы оказались на палубе. Почти бесшумно пароход отошел от берега и заскользил вниз по течению.

Ночь была темной, звездной. В полумраке слышался приглушенный ритмичный шум паровой машины. Кто-то спросил негромко:

— Куда это нас везут?

Ему ответили:

— На тот берег.

— Нет, хлопцы,— вмешался Макаров,— идем по фарватеру курсом на зюйд.

— Верно, шлепаем вдоль берега,— поддержали Макарова сразу несколько голосов.

Красавица река быстро несла свои мутноватые воды. Даже в темноте выделялся крутыми обрывами правый берег. Песчаные отмели левого почти сливались с водой. Там виднелись только густые заросли лозы. Ветер покачивал вершины деревьев, и они черными волнами набегали на воду, отчего казалось, что берег все время движется к нам. Пароход слегка покачивало. Качка убаюкивала.

Сколько времени мы плыли, не знаю. Проснулся я от сильного топота. Уже светало. Пароход стоял у берега. Пограничники, ночевавшие на палубе, сбегали по трапу. Вскоре сошли и мы. Построившись, поднялись в гору, миновали поле и оказались во дворе какой-то фабрики. Здесь уже обосновались пограничники тыловых подразделений отряда и маневренной группы. Спустя немного появились бойцы четвертой комендатуры вместе с капитаном Андриановым. Отряд сосредоточивался в городе Каневе. Со двора фабрики был виден железнодорожный мост через Днепр. Ниже по течению армейские саперы наводили понтонный.

На Днепровских переправах

Город Канев примостился на правом берегу Днепра. Внешне он походил на большое богатое село со множеством каменных строений. Чуть в стороне от города, на круче, покоилась могила великого сына украинского народа Тараса Шевченко. Памятник Шевченко был хорошо виден за много верст вокруг. По другую сторону города шла

железная дорога. Железнодорожный мост связывал оба берега реки.

Когда мы здесь появились, этот уголок Украины выглядел так, будто и не шла война. Во дворе фабрики неторопливо расхаживали люди в зеленых фуражках, чистые, аккуратные, словно только что сошедшие с плакатов. Это были пограничники маневренной группы и кавэскадрона, находившиеся все это время в резерве, так и не побывавшие в боях. Одни из них получали приказания, строились и уходили куда-то. Другие направлялись к походным кухням и принимались за завтрак. Грязные, заросшие, усталые, мы казались на их фоне пришельцами с другой планеты.

Пока мы счищали с себя грязь и умывались, объявился наш хозяйственник — заместитель коменданта по снабжению старший лейтенант Андрей Регеда, черноволосый, смуглолицый украинец лет тридцати пяти. С ним мы не виделись целых десять дней. Регеда радушно встретил нас и, показав на крайнюю кухню, весело сказал:

— Ну, хлопцы, подходите и ешьте вволю.

И стал объяснять, почему все эти дни он не мог найти нас: к Попельне проскочить запоздал, а потом и вовсе потерял комендатуру из виду. Рассказывая, как он пытался разыскать нас, Регеда смотрел то на одного, то на другого пограничника, словно искал кого-то.

— А где же старший политрук Коровушкин, капитан Гладких? Да и людей что-то маловато,— нерешительно проговорил он.— Не все подошли?

— Коровушкин и Гладких ранены и отправлены в тыл,— хмуро отозвался Тихомиров,— с ними еще, возможно, встретимся, а вот с другими...

Словно не веря, Регеда осторожно спросил:

— И Бойко?.. И Скляр?.. И Нестеров?..

— Да,— заметил Тихомиров, помрачнев еще больше,— и Бойко, и Скляр, и Нестеров...

Получив завтрак, бойцы отходили в сторонку, обсуждая свое нынешнее положение, делясь пережитым.

Вскоре тыловые подразделения отряда покинули Канев и через понтонный мост переправились на левый берег Днепра, в Леплявский лес, а начальников прибывших застав вызвали в штаб отряда. Там нам объявили, что части и соединения 26-й армии отбивают яростные атаки врага, пытающегося прорваться к переправам через Днепр в районах Ржищева и Канева. Войск в Каневе, кроме погранотряда, нет. Лишь небольшое подразделение НКВД охраняет железнодорожный мост. Нам

приказали занять оборону у Канева: город прикрывала маневренная группа совместно со второй комендатурой, мост — подразделение внутренних войск под командованием старшины Щербакова и резервная застава, возглавляемая секретарем комсомольского бюро старшиной Масловым. Третья и четвертая комендатуры, понесшие наибольшие потери в боях, должны перейти на левый берег Днепра.

Впервые за время отхода нас ожидала заранее подготовленная оборона. В песчаном грунте прямо у берега были вырыты окопы полного профиля, укрепленные ивовыми прутьями. Сверху тоже имелись покрытия — плетенные из жердей козырьки. Окопы для станковых пулеметов выглядели еще более солидно и походили на дзоты. Бревенчатые накаты надежно защищали людей от пуль и осколков.

Сразу у железнодорожного моста заняли окопы пограничники девятой заставы во главе с политруком Эдельштейном. Ближе к понтонному мосту расположились наша десятая и одиннадцатая заставы. Дальше занимал оборону младший лейтенант Тихомиров со своими бойцами. В районе понтонного моста обосновались пограничники четвертой комендатуры под командованием заместителя коменданта по политчасти старшего политрука Якова Потапенко. Капитан Андрианов вновь убыл, на этот раз в разведуправление 38-й армии. Левый фланг по берегу реки прикрывал кавэскадрон старшего лейтенанта Евстафьева. На нас была возложена задача охранять и оборонять мосты и обеспечивать порядок при передвижении через них частей Красной Армии.

Утром следующего дня к Каневу подошли три бронекатера Пинской военной флотилии. Они стали у небольших островов близ железнодорожного моста в излучине Днепра. На станцию прибыл бронепоезд. Другой бронепоезд находился в тылу, в Леплявском лесу. Через некоторое время в стыке между нашей и девятой заставами расположился взвод крупнокалиберных зенитных пулеметов. С воздуха переправу прикрывало звено истребителей.

Нигде нас не поддерживало столько огневых средств, как здесь, никогда еще так тщательно не были оборудованы наши окопы, траншеи и ходы сообщения. Перед нами лежал широкий водный рубеж. А впереди, за Каневом, были еще наши части. Правда, вражеская авиация беспрерывно бомбила станции снабжения 26-й армии — Лепляву и Золотоношу, однако нас и мосты фашисты не трогали. Видимо, они рассчитывали в будущем воспользоваться переправами.

Прошла неделя. Бойцы успели привыкнуть к новой для них

жизни. Они научились спать и есть в окопах, коротать в них досуг. Питаться мы стали вполне сносно. Каждый день старший лейтенант Регеда подвозил в термосах горячую пищу. К концу недели нам привезли даже газету. Правда, это была не центральная, а только армейская газета, но и ее мы прочитали с огромным интересом. Небольшой газетный листок переходил из рук в руки, из окопа в окоп. Его затерли до дыр.

Помню тот вечер. Солнце давно опустилось за горизонт, лишь у самого края неба багрянились облака. Ветерок пролетел над Днепром, взвихрил воду. Потом набежал на берег, прошумел в кустах, поднял сухую песчаную пыль, погнал ее к воде. Так повторилось несколько раз. Наконец ветер стих. Наступила ночь. Я ворочался с боку на бок на прогревшемся за день песке и вспоминал только прочитанное в газете: «В течение дня на ряде участков Западного направления противник, используя большое количество моторизованных войск и авиацию, не считаясь с огромными потерями, пытается развивать наступление против наших войск. Атаки немцев наталкиваются на упорное сопротивление частей Красной Армии. На Юго-Западном направлении немцы продолжают вводить в бой новые силы. Противодействуя врагу, наши части сдерживают наступление противника и наносят ему значительный урон».

Не одолев бессонницу, я решил проверить службу нашего охранения. В стрелковых отделениях все было в порядке, часовые докладывали четко, а вот у станкопулеметчиков сержанта Смолянца все спали. Я разбудил Смолянца и сделал ему необходимое внушение. Потом, выбравшись из траншеи, направился к понтонному мосту. Так, переходя от одного окопа к другому, я встретил утро 30 июля.

Розовело небо. Стояла абсолютная тишина. Вода в Днепре, казалось, остановилась. В серой дымке рассвета я увидел сидевшего на бруствере сержанта Михайлова. Присел рядом, и мы стали любоваться утренней рекой, всплесками проснувшейся рыбы. Незаметно над водой поплыл приглушенный урчащий гул. Мы не могли понять, что это. Потом в этот гул ворвался шум моторов трех наших «ястребков», вынырнувших из-за Леплявского леса. Стоявший по ту сторону моста бронепоезд заворочал башнями, направляя стволы орудий на дорогу, подходившую к городу. Туда же развернули пушки и бронекатера. Сержант Михайлов, я и подошедший к нам пограничник Макаров всматривались вдаль, но ничего, кроме клубящихся столбов пыли над дорогой, не видели. Тогда мы прошли к железнодорожному мосту и взобрались на него. Растянувшейся длинной колонной к Каневу двигались фаши-

стские войска: танки, бронетранспортеры, машины с пехотой. Гитлеровцы, по-видимому, не рассчитывали встретить тут серьезного сопротивления.

Как только голова колонны приблизилась к нашей обороне, воздух потрясли сильные взрывы. Всей мощью своих орудий обрушились на врага бронепоезда и катера Пинской флотилии, а из Леплявского леса через наши головы ударила по врагу тяжелая артиллерия. Дорогу заволокло гарью. Занялась пламенем пшеница, кругом стоял отчаянный треск и грохот. Гитлеровцы бросали горящие машины и танки. А орудия бронепоезда продолжали посылать снаряд за снарядом прямой наводкой. В орудийный гул врезалась пулеметная трескотня. Это пулеметчики маневренной группы расстреливали вражескую пехоту. Так продолжалось около часа. Не выдержав, противник стал поспешно отходить. Мне и сейчас, через годы, слышится перекрывающий гул артиллерийской канонады взволнованный голос сержанта Михайлова:

— Смотри, Макаров, смотрите все, как умеют драпать фашисты, когда на их пути становится равная сила!

Мы смотрели на дымящуюся, охваченную пламенем дорогу и думали: если бы у нас все время была такая артиллерийская поддержка, столько боеприпасов, если бы не только у Канева, а на каждом рубеже на пути фашистов вставал такой огневой заслон, никогда бы гитлеровцам не удалось занять ту территорию, которую они захватили в начале войны. В тот последний день июля у каневских мостов через Днепр мы отчетливо осознали, что мы можем бить фашистов.

Мощный огонь, которым встретили защитники Канева фашистских завоевателей, неудача при попытке овладеть городом и переправами с ходу, по-видимому, всполошили гитлеровское командование. Весь следующий день над нашей обороной висели вражеские самолеты-разведчики, пытаясь засечь артиллерийские позиции.

Однако бронепоезда — эти кочующие батареи — и бронекатера так искусно маневрировали и маскировались, что немцам не удалось обнаружить их. В первые дни боев за днепровские переправы они были неуязвимы для противника.

Утром 2 августа с немецкой педантичностью через нашу оборону полетели целые косяки «хейнкелей» и «юнкерсов». Сделав разворот, они обрушились на станцию Леплява и Леплявский лес. Бомбардировщики пикировали с воем и визгом. Над станцией поднялись песчаные смерчи. Летели обломки сосен. Беспрестанные взрывы корежили и ломали лес. Загорелись пристанционные постройки.

Дошла очередь и до нас. Вражеские самолеты, набрав высоту, стали пикировать на наши окопы. Было видно, как от самолетов отрывались бомбы. С диким, душераздирающим визгом они неслись к земле. От взрывов тряслись стенки окопов, и в них, как вода в половодье, ручьями плыл песок. Одна из бомб упала туда, где находились пулеметчики сержанта Смолянца. Сильный взрыв заглушил все вокруг. Новые взрывы. Тупая дробь крупнокалиберного пулемета. Огонь батарей бронепоезда. Все это слилось в единый гул. Наконец самолеты улетели. Я побежал к пулеметчикам. Бомба выворотила воронку метров пять в диаметре. Однако окоп не задела.

Справляюсь, все ли живы.

— Все, товарищ начальник,— доложил Алексей Хретинин,— и живы, и здоровы.

А на подступах к городу разворачивалось настоящее сражение. Пикирующие бомбардировщики бросали бомбы, потом крыло к крылу на бреющем полете проносились над нашими подразделениями, били из пушек и пулеметов. От дороги и прямо с поля надвигалась стальная лавина. Танки и бронетранспортеры неумолимо приближались, изрыгая из жерл орудий смертоносный огонь. Казалось, ничем нельзя остановить эту бронированную армаду. Но опять в бой вступили бронепоезда. Затем резкими, звенящими залпами ударили по танкам замаскированные у островов бронекатера. Губительный огонь заставил фашистские танки укрыться в лощине. Тогда из Леплявского леса полетели тяжелые снаряды дальнобойной артиллерии. Танки стали поспешно отходить.

Последующие три-четыре дня немцы не наступали. Но все это время продолжалась артиллерийская дуэль немецких и наших батарей. К исходу четвертого дня противник установил, что правее станции на западном берегу Днепра наших войск нет. Тогда гитлеровский батальон при поддержке десятка танков обошел станцию Канев, выбрался к реке и развил наступление по берегу, намереваясь срезать нашу предмостную оборону. Огонь бронепоездов и катеров, однако, заставил врага остановиться и окопаться примерно в двух километрах от моста. На следующий день фашисты вновь пытались продвинуться вперед, но опять потерпели неудачу.

Я пишу только о людях своего отряда и о том, что было на участке, где мы сражались. Понимаю, это — неполное освещение событий, происходивших в те дни на Днепре, на Юго-Западном направлении. Но из таких вот частных боевых эпизодов складывалась картина первых героических боев. Там, вдали от нас, шли не менее жаркие схватки. Через железнодо-

рожный и понтонный мосты все это время переправлялись части Красной Армии, везли боеприпасы, боевую технику. В первой половине августа советские войска, сражавшиеся под Киевом, повсюду накрепко сковывали превосходящие силы врага.

К середине августа в Леплявском лесу, где находился штаб 26-й армии, стали сосредоточиваться части Красной Армии. Помню, в одну из ночей на железнодорожном мосту были набиты доски, а утром по ним прошла танковая бригада — пятьдесят-шестьдесят средних и тяжелых танков. Через понтонный мост переправилось на тот берег кавалерийское соединение. Судя по всему, кавалеристы еще не бывали в боях. Они ехали мимо наших окопов, подтрунивая над нами.

— Эй, пограничники, что же вы проворонили границу, а теперь торчите на Днепре?

У них были сытые кони, за спиной карабины, в руках пики, на пиках маленькие флажки. Почти у каждого через плечо шла яркая красная лента, на которой виднелись отвечавшие боевому духу кавалеристов слова: «Дон — Берлин».

Танковая бригада и кавалеристы успешно отбили немецкий батальон от моста и гнали его километров двадцать, вплоть до Мироновки. Но наступление было приостановлено немецкой авиацией, которая подвергла танки и кавалерию бомбежке. Досталось и нам. Несколько часов продолжался налет. Гитлеровские летчики по-прежнему не трогали лишь железнодорожный мост. Однако одна бомба все же угодила в него. Наш бронепоезд лишился маневренности.

К исходу следующего дня по понтонному мосту отошли и остатки кавалерийского соединения. Рассказывали, что уцелевшие танки прорвались к Киеву. Перешли с того берега и пограничники отряда. Бронепоезд вошел на мост и вместе с мостом был подорван. Немцы заняли Канев. Это произошло 18 августа.

Теперь от противника нас отделяли только воды Днепра. С господствующего берега гитлеровцы легко просматривали линию наших траншей. Педантично, ровно в шесть утра, они начинали артиллерийский и минометный обстрел. В середине дня появлялась авиация. Сбросив бомбы, немецкие летчики снижались до бреющего полета и обстреливали нас из пулеметов. Мы отстреливались из винтовок. Взвод крупнокалиберных пулеметов отгонял фашистских стервятников. Тогда снова на нашем берегу начинали рваться снаряды и мины. К счастью, прямых попаданий почти не было.

Вскоре все подразделения отряда убыли в направлении Гельмязева. Остались у Канева лишь заставы третьей комен-

датуры да подразделение внутренних войск НКВД со старшиной Щербаковым. Эти дни особенно запомнились. Единственным представителем командования был старший лейтенант Регеда. Со старшиной Иваном Терновым он обычно на весь день уезжал на армейскую станцию снабжения в район Леплявского леса и появлялся снова с наступлением темноты. Но однажды Регеда угодил под налет вражеской авиации. Машина, на которой доставлялись продукты, была разбита, сам он ранен. Так мы и вовсе оказались без старшего начальника, да и еду теперь нужно было добывать самостоятельно. Выход, однако, был найден. После бомбежек и обстрелов в Днепре плавало много оглушенной рыбы, и бойцы собирали ее и варили на кухне подразделения внутренних войск.

23 августа наконец и нам пришла замена. Младший лейтенант Тихомиров, политрук Эдельштейн, старшина Маслов и я передали свои участки обороны армейской роте. Бойцы роты были одеты в новенькое, только что выданное со складов обмундирование. У каждого были целехоньки скатка, вещмешок, котелок, фляга, подсумок. Рота прибыла рано утром. Собравшись на командном пункте у Тихомирова возле насыпи железной дороги, мы, посоветовавшись, решили, что первыми отойдут старшина Маслов и старшина Щербаков со своими бойцами. За ними — политрук Эдельштейн и застава Тихомирова. Последними покинут берег пограничники нашей заставы.

Вначале все шло хорошо. Отходившие первыми заставы благополучно достигли опушки Леплявского леса. Мы тоже прошли по кустарнику километра полтора. Но вот показались открытые песчаные насыпи, и немцы обнаружили наше продвижение. Тотчас поднялась стрельба. Тяжелые фугасные снаряды, урча, пролетали над головами и рвались впереди нас. Один угодил прямо в цепь, попав между мной и пограничниками Дмитриевым и Ердаковым. Я подал команду: «Бегом, вперед!» Но снаряд продолжал по инерции ползти по песку вслед за нами. Прошло несколько мгновений, мы были уже за небольшим песчаным бугорком, поросшим кустарником, а взрыва все не было: немецкий снаряд не взорвался.

Остаток дня и ночь мы провели в лесу. Здесь нас разыскали хозяйственники отряда и помыли в походной бане. Впервые со дня отхода с границы сменили белье. Стало известно, что наш отряд переформировывается в 94-й пограничный полк. Командиром его назначен майор Врублевский, военкомом полка — батальонный комиссар Авдюхин, начальником штаба — майор Дейнего. Начальника отряда майора Босого отозвали в штаб охраны тыла 26-й армии.

Из нашей третьей комендатуры создали роту, командиром которой назначили капитана Рыкова, а его заместителем по политчасти — старшего политрука Майорова. Командирами взводов стали младший лейтенант Симонов из маневренной группы, командир хозяйственного взвода лейтенант Белоцерковский и я.

Наша рота прибыла в местечко Драбов, находившееся примерно в семидесяти километрах от каневских переправ. Там мне вручили мандат № 61 от 25 августа 1941 года. «Предъявитель сего,— говорилось в нем,— лейтенант Паджев Михаил Григорьевич 94-го пограничного полка НКВД по охране войскового тыла 26-й армии ЮЗФ имеет право: на проверку документов у всех военнослужащих, следующих в полосе действия 26-й армии, и гражданского населения, задерживать и проверять проходящий гужевой и автотранспорт, всех проходящих и проезжающих без соответствующих документов и передавать в органы НКВД или в свою часть. Всем партийным, советским учреждениям и организациям просьба оказывать содействие». Подписали мандат майор Врублевский, комиссар Авдюхин и майор Дейнего.

Так началась наша служба в тылу 26-й армии. 25 августа батальоны полка вышли на рубеж Хоцки — Гельмязево — Золотоноша, расположенных на шоссейной дороге, ведущей из Киева в Черкассы, километрах в пятидесяти восточнее Днепра. Для охраны отводился участок более ста километров. Штаб полка располагался в центре — в Драбове.

В войсковом тылу 26-й армии в это время особую активность проявляли шпионы-сигнальщики, действовавшие в основном в районах станций снабжения Золотоноша и Гребенка. Как только туда прибывали воинские эшелоны, об этом становилось известно противнику. Не успевали войска выгрузиться — появлялись немецкие бомбардировщики. Эшелоны приходили обычно ночью. Шпионы-сигнальщики наводили самолеты на цели ракетами. Урон от этого был довольно велик. Кроме того, агенты распространяли всевозможные слухи, сеяли панику.

Пограничники быстро освоились с задачами, которые возложило на них командование. При поддержке местных партийных и советских организаций, а также при активной помощи жителей сел мы ликвидировали немало разведывательных групп врага. Бойцы и командиры не знали сна и отдыха, выполняя свои новые обязанности. Они прочесывали леса, балки, поля, выходили на задание по каждому сигналу.

Однажды под вечер наш взвод оказался в небольшом селе где-то неподалеку от станции Гребенка. Весь день до этого мы прочесывали лес в поисках подозрительных лиц, и бойцы изрядно устали. Но не успели мы расположиться, как послышался гул моторов. Приближались немецкие самолеты. И в этот момент над станцией вспыхнула красная ракета, за ней другая. Воздух потрясли взрывы. Что-то загорелось в Гребенке. Небосвод озарился пламенем пожарища.

Всю ночь взвод искал шпионов-сигнальщиков. Пограничники прочесывали поля, перелески, спрашивали людей в селах, выясняя, нет ли посторонних. Но безрезультатно. Уже часов в десять утра мы подошли к какому-то селу, остановились у крайней хаты. Объявили привал. И тут подошла женщина и сказала:

— Товарищи, с утра я работала в городе, а когда возвращалась, увидела на дороге двух мужчин. Заметив меня, они скрылись в подсолнухах. Мне это показалось странным.

— Где вы заметили этих людей?

— Да вот там, за селом,— показала она рукой в сторону от дороги.

Женщина вывела нас проулком в поле. Пограничники быстро оцепили посевы подсолнуха и стали их прочесывать. Вскоре бойцы Писакин и Елисеев обнаружили двух мужчин, лежавших на земле. Те, однако, тоже заметили пограничников и бросились бежать. Пришлось открыть огонь. Неизвестные остановились.

Один был высок ростом, широкоплеч, с загоревшим, почти бронзовым, лицом, лет тридцати. Другой, наоборот, небольшого роста, щупл, можно сказать подросток. На вопрос, почему они оказались в подсолнухах, старший ответил, что зашли по нужде.

— Почему же бежали от бойцов?

— Да испугались,— отозвался мужчина.— Подумали, что это не красноармейцы, таких фуражек мы никогда не видели.

— А документы у вас есть?

— А как же.— И детина, засунув руку за пазуху, достал справку.

В бумаге значилось, что он и его сын эвакуируются в тыл страны.

— И это все?

— Все. Проклятый немец разбомбил наш эшелон, все документы сгорели.

Тут подошли пограничники Дмитриев и Макаров.

— Товарищ лейтенант, вот шли по их следу, смотрите, что нашли.

Дмитриев держал в руке пистолет системы «Вальтер», а Макаров — мешочек с патронами к нему.

— Это ваше?

— Что вы,— засуетился мужчина.— Зачем это нам?

Но как ни запирались задержанные, выдал их акцент. По справке они значились жителями Житомирской области, а разговаривали как гуцулы из Прикарпатья, уж их говор я знал хорошо. Вот акцент свой они никак не могли объяснить. Задержанных передали в соответствующие органы, где они сознались, что по заданию немцев пускали ракеты на станции. И действительно, после этого уже не вспыхивали в ночном небе ракеты над станцией Гребенка.

В короткий срок в тылу 26-й армии пограничники навели необходимый порядок.

Казалось, что наконец наступило затишье. Тем более что пришел приказ капитально устроиться со взводом на хуторе Коврай. Определили и участки, в пределах которых мы должны были организовать службу. Этот маленький хуторок, утопавший в зелени садов, разместился где-то в треугольнике городов Лубны, Гребенка, Золотоноша на берегу извилистой, с топкими берегами речушки. Колхозники радушно встретили нас. Пришли мы на хутор в теплый и тихий воскресный день. Во взвод как раз прибыло пополнение — пограничники некоторых застав четвертой комендатуры во главе со старшим сержантом Лебедевым. По такому случаю сельчане организовали в саду ужин, а так как большинство из них были женщины, то после ужина начались танцы. Теплота августовского дня, тишина, танцующие пары напомнили тот субботний вечер на заставе, когда Иван Беляев играл на гармошке, а утром Максим Скляр произнес то страшное слово — война. Теперь война вот уже больше месяца идет по нашей земле и успела унести и Максима Скляра, и Ивана Беляева, и многих наших однополчан. Люди продолжали веселиться, а я, как и тогда, в последний предвоенный вечер, ставил задачу нарядам, только теперь выходившим на охрану тыла 26-й армии.

Обстановка на фронте, однако, складывалась неблагоприятно. Противнику удалось форсировать Днепр у Кременчуга и Черкасс, а также обойти Киев с севера. Гитлеровские войска полукольцом охватывали находившиеся под Киевом наши армии. Мы ничего не знали об этом и продолжали нести службу. Но кое о чем все же можно было догадываться. По вечерам хорошо была слышна артиллерийская канонада в нашем глубоком тылу, полыхали там и зарева пожарищ. Нет, это не походило на бомбежки. Это был отзвук жестокого наземного боя. И как-то

пограничники Макаров и Дмитриев, улучив момент, спросили меня:

— Товарищ начальник, что-то уж больно сильная канонада в нашем тылу. Неужели немцы так непрерывно бомбят?

Вначале хотелось уклониться от ответа. Но потом я подумал, что если не скажу правды, то бойцы потеряют веру в меня как командира. И я высказал им свое предположение, что в нашем тылу идет бой.

— И мы тоже так думаем,— отозвался Макаров.— Вчера несли службу на дороге и хорошо слышали пулеметную трескотню. Так бьют пулеметы немецких танков.

Утром прибыл связной и передал приказ оставить село. Мы двинулись к Драбову. В лощинах лежал туман. Дорога, петляя по степи, уходила за розовую черту горизонта. Какие-то пичуги беззаботно щебетали в пыли у обочины. Мы шли, не зная, что ждет нас впереди.

До последнего патрона

7 сентября южнее Кременчуга немцы внезапно форсировали Днепр и крупными моторизованными и танковыми силами навалились на один из полков 297-й стрелковой дивизии 38-й армии. Противник рассек дивизию и устремился на север в направлении городов Хорол и Лубны. В этой обстановке нельзя было позволить врагу окружить костяк, главные силы Юго-Западного фронта. Однако в резерве командующего фронтом генерала Кирпоноса находились лишь две очень малочисленные, побывавшие в боях стрелковые дивизии 26-й армии. И они могли прибыть в назначенный район, по самым оптимистическим прогнозам, не раньше 14 сентября. К этому времени противник форсировал Днепр и в районе Черкасс. А передовые части из танковой группы генерала Гудериана, все больше охватывая войска фронта с севера, подошли к Конотопу и Ромнам.

8 сентября майор Врублевский получил из штаба 26-й армии приказ: «Срочно прикрыть угрожаемые направления по реке Оржица на Лубны». Полк был поднят по тревоге. Однако сосредоточить его на указанном рубеже оказалось делом непростым. Штабы батальонов получили распоряжение по радио. Дальше все зависело от расторопности пеших посыльных.

Ближе всего к штабу полка стоял наш батальон. Мы могли выйти к реке Оржице в установленный срок. Остальные два

батальона находились на значительном удалении от города Лубны, и рассчитывать на их скорую помощь не приходилось. Поначалу в город были переброшены лишь штабные подразделения и штаб полка. Из-за отсутствия транспорта оставались на месте в Драбове наши тыловые подразделения. Таким образом, полк оказался в трудном положении. Часть его находилась на марше, другая часть оставалась на прежних рубежах. Почти все продовольствие и боеприпасы были в Драбове. А тут еще стало известно, что немцы наступают не только с юго-запада в направлении реки Оржицы, но и с юга, от Хорола.

Получив приказ выйти к реке Оржице, подразделения батальона двинулись в путь. Туда направлялся и наш взвод. 9 сентября, во второй половине дня, мы прибыли на КП роты в местечко Лазарки. Командир роты капитан Рыков зачитал приказ, в котором говорилось, что рота должна занять оборону у села Савинцы на восточном берегу Оржицы и не допустить переправы противника через реку. Остаток дня и всю ночь, делая лишь короткие привалы, мы совершали марш. Утром вошли в Савинцы. Капитан Рыков приказал занять круговую оборону.

На разведку послали лейтенанта Симонова. Взяв у местных жителей лодку, Симонов переправился на другой берег Оржицы. Над водой висел густой туман. Было тихо. Вернулся Симонов часа через два и сообщил, что к реке подходят немцы. Мы подготовились к бою, однако противник не появился. Видимо, Симонов обнаружил передовые подразделения врага, которые переправляться через Оржицу не стали. К вечеру капитан Рыков собрал командиров взводов. В течение дня он пытался созвониться по местной телефонной линии со штабом батальона, но сделать это не удалось. Посоветовавшись, мы пришли к выводу, что выгоднее занять оборону у села Черевички, где находился мост через реку. Это и было сделано. Рота перебралась в Черевички.

Ночью ко мне пришел связной и передал, чтобы я срочно явился к капитану Рыкову.

— Вот что, лейтенант Паджев,— сказал он, протягивая мне сложенный вчетверо листок бумаги,— это донесение нужно доставить командиру батальона капитану Королькову. Здесь указано наше местоположение и где обнаружены немцы, прошу комбата дать указание, что делать дальше. Все понятно?

— Понятно, только где искать штаб батальона?

— Обшарьте все села вплоть до Лубен, не найдете штаб батальона — ищите штаб полка.

Взяв с собой пограничников Макарова и Волкова, я двинулся в путь. В одном из сел у председателя колхоза мы попросили лошадей. Он дал нам и проводника — паренька лет четырнадцати. Верхом за день мы объездили с десяток населенных пунктов и наконец в селе Нижние Булатицы узнали от местных жителей, что пограничники сосредоточиваются в городе Лубны.

Оставив лошадей и проводника, я, Макаров и Волков двинулись по дну глубокой балки, которая вела к городу. Около полуночи мы оказались на окраине Лубен. Постучали в крайний дом. На стук вышел мужчина и на вопрос, есть ли в городе пограничники, неопределенно пожал плечами. Потом, видимо привыкнув к темноте и увидев на нас зеленые фуражки, сказал более доброжелательно:

— Да, ваши есть в школе, идите туда.

По темным улицам мы двинулись в направлении, указанном хозяином дома. Примерно на полпути нас остановил властный окрик: «Стой! Пропуск!» По интонации, по тому, как были произнесены эти слова, стало понятно, что мы наткнулись на пограничников. Мы назвали себя и спросили, как найти штаб полка. Не ответив, патрульные приказали нам идти вперед. Через несколько кварталов показалось двухэтажное здание школы.

В помещении царил полумрак. Мерцала в длинном коридоре коптилка. Двери в классы были открыты, на школьных партах сидели и лежали пограничники, здесь же находились гражданские люди — советские и партийные работники города. Разыскав начальника штаба полка майора Дейнего, я вручил ему донесение командира роты. Майор попросил подождать. Минут через десять он вернулся и сказал, что меня вызывает командир полка. В небольшой комнате при свете керосиновой лампы сидели Врублевский, Авдюхин и незнакомый военный с четырьмя шпалами на черных петлицах. Это был райвоенком города Лубны полковник Перепелкин, выполнявший в ту пору обязанности командира боевого участка. В этой должности он пробыл недолго. После того как Лубны были заняты немцами, его отозвали в штаб армии. Дальнейшее руководство участком было возложено на майора Врублевского.

Взглянув на меня, Врублевский сказал:

— Передайте капитану Рыкову: пусть рота продолжает находиться на занятом рубеже. Взаимодействуйте с соседней ротой вашего батальона, которая располагается в селе Исковцы. Если обстановка изменится, вы получите необходимые указания.

Потом, обратившись к майору Дейнего, командир полка приказал выделить роте несколько ящиков бутылок с горючей смесью. Начальник арттехвооружения капитан Журба погрузил их на машину. Мы тоже забрались в кузов и двинулись в Черевички.

Обстановка на фронте между тем осложнялась. К исходу 13 сентября сплошной линии фронта уже не существовало. Разрывы между нашими армиями и корпусами быстро увеличивались, в них устремились вражеские соединения и части. 12 сентября немцы заняли Хорол.

Батальоны, которыми командовали капитан Бурцев и капитан Татьянин, находились еще в пути, а враг уже был на подходе к Лубнам.

— В Лубны мы прибыли под вечер,— рассказывал политрук Лавров,— штаб и политотдел полка расположились в школе. На утро нас подняли по тревоге. Командир полка майор Врублевский приказал нам выдвинуться на окраину города, в район двух деревянных мостов через реку Сулу, и занять там оборону. Находившийся поблизости железнодорожный мост обороняло подразделение внутренних войск НКВД. Комендантский взвод, связисты, штабные работники и политсостав полка немедленно убыли в указанный район. Часов в 6 утра на том берегу реки появились немецкие автомашины с пехотой и попытались с ходу прорваться через мосты. Мы встретили их сильным ружейно-пулеметным огнем. Гитлеровцы подались обратно за реку. Потом они начали обстреливать нас из минометов и артиллерии и вновь устремились к мостам. Пехоту мы задержали. А три танка проскочили через мосты и ворвались в город. Узнав о случившемся, майор Врублевский приказал дежурному по полку младшему политруку Сидоренко собрать всех, кто был в штабе,— писарей, связных батальонов и рот — и уничтожить танки.

Неподалеку от школы группа Сидоренко встретила эти танки. Пограничники забросали головную машину бутылками с горючей жидкостью. Однако идущие следом танки открыли пулеметный огонь, и приблизиться к ним не удалось. Немецкие танкисты тоже не решились действовать дальше без поддержки пехоты и отошли.

Сидоренко со своей группой выдвинулся к реке и закрепился там. Немецкие танки оседлали мост, а на том берегу сосредоточивались бронетранспортеры и машины с автоматчиками.

В то время на северо-восточной окраине города появился батальон капитана Бурцева. Бурцеву было приказано поддержать группу Сидоренко и выбить немцев с моста через Сулу.

Однако и гитлеровцы под прикрытием сильного артиллерийского огня попытались форсировать реку. «Батальон капитана Бурцева контратаковал противника, выбил из города его передовые подразделения,—говорится в одном из документов,— но неоднократные попытки атаковать немецкие танки на мосту успеха не имели. У пограничников отсутствовала артиллерия».

К исходу дня гитлеровцы подтянули в Засулье новые подразделения. Двенадцать танков и пехота навалились на батальон капитана Бурцева и группу младшего политрука Сидоренко. Пограничники сопротивлялись отчаянно, но силы были неравны. В этот момент в район табачной фабрики прибыл батальон капитана Татьянина. Командир полка с ходу ввел его в бой. Контратакуя фашистов, пограничники подожгли два танка, однако были остановлены огнем фашистов. Положение изменить не удалось. Под напором превосходящих сил противника батальоны отошли и к вечеру закрепились севернее Лубен.

Не смогли отойти лишь пограничники, которыми руководил младший политрук Сидоренко. Отрезанная от основных сил, горстка бойцов продолжала сражаться. Бойцам удалось поджечь еще один танк, но остальные, обойдя горящую машину, продолжали лезть вперед. В критический момент боя, когда были израсходованы все бутылки с горючей смесью, Сидоренко взял последний резервный ящик. Политрука заметили фашистские танкисты. Одна за другой по нему ударили пулеметные очереди. Несколько пуль попало в ящик. Сидоренко ранило в живот. От воспламенившихся бутылок на нем загорелась гимнастерка. Пограничник Юдин сорвал с политрука горящую одежду, перевязал ему рану. Фашисты лезли напролом. Сдерживать их уже нечем. Нет патронов, гранат, бутылок с зажигательной смесью. Обессилевший от потери крови, младший политрук Сидоренко приказал оставшимся в живых бойцам выйти из боя, а сам вместе с пограничником Юдиным остался прикрывать их отход.

— Очнулся я,— вспоминал Сидоренко,— в сарае близ какой-то мельницы. Рядом со мной лежали такие же, как я, раненые. Появились фашисты. Они погрузили нас в машины и увезли.

Пройдя через все ужасы гитлеровских концлагерей, младший политрук Сидоренко остался жив.

В общей сложности на Лубны наступала пехотная дивизия, которую поддерживало примерно полсотни танков. Фашисты обошли город и, по существу, окружили полк пограничников,

вставший на их пути. Так мы оказались в двойном кольце, ибо к исходу 15 сентября 17-я немецкая полевая армия и танковая группа генерала Клейста в районе города Лохвица соединились со 2-й танковой группой. В числе других частей Юго-Западного фронта оказались в этом мешке и пограничники 94-го погранотряда. Правда, тогда мы еще не знали об этом. Полку приказали оборонять город Лубны, и пограничники действовали, исходя из этой задачи. Майор Врублевский решил снять роты нашего батальона с рубежа реки Оржицы и прикрыть ими главные силы полка с востока.

К нам прискакал на коне оружейный мастер отряда сержант Астахов и передал, чтобы рота прибыла в село Новаки. Шли полями, придерживаясь дороги на Верхние Булатицы. Везде слышалась артиллерийская пальба. Чем ближе мы подходили к Верхним Булатицам, тем отчетливее доносилась стрельба. Неожиданно и вокруг нас стали рваться снаряды. Не успели мы укрыться в лесных посадках, как увидели идущие прямо на нас по пшеничному полю немецкие танки. Это было настолько неожиданно, что поначалу мы растерялись. Потом кому-то пришла спасительная мысль — поджечь поле. Под прикрытием огня и дыма мы ушли от преследования.

В селе Новаки нас уже ожидал помощник Авдюхина по комсомольской работе Петр Латышев, которого я знал еще по Славутскому отряду. Это был общительный, жизнерадостный человек лет двадцати семи. Латышев объяснил нам, что полк вынужден был оставить Лубны и теперь его батальоны окопались севернее города. Нашей роте приказано занять оборону у развилки дорог возле села Клепачи и прикрыть основные силы полка с востока.

— Почему с востока? — спросил Рыков.

— Немцы форсировали Сулу и оказались в нашем тылу,— ответил Петр.— Вот вы и станете на их пути. Выдвигаться к Клепачам надо немедленно.

Латышев рассказал, как добраться до места, и рота двинулась лесной дорогой к маячившей вдали высоте. Когда мы подошли к ней, то увидели распластавшую крылья ветряную мельницу. Чуть поодаль в сумерках проглядывало село. Это и были Клепачи.

Не успели мы начать окапываться, как донесся шум моторов. Все насторожились. Неужели немцы?

— Приготовить бутылки с зажигательной смесью! — приказал капитан Рыков.

На дороге показалась бронемашина. Она неторопливо приближалась к нам. Вот уже видны отличительные знаки. Наша.

Мы вышли из укрытий. Броневик остановился. Из него вылез генерал.

— Где штаб вашего полка? — спросил он.

— А вы кто будете? — осведомился Рыков.— Прошу предъявить документы.

— Я командир 6-го стрелкового корпуса генерал-майор Алексеев, мне нужно видеть майора Врублевского, командира погранполка.

Проверив у генерала документы, командир роты выделил ему сопровождающего. Бронемашина покатила дальше.

Пока мы окапывались, со стороны Пирятина к Лубнам подошел бронепоезд. Затем по дороге проследовали автомашины с прицепленными к ним орудиями. Капитан Рыков организовал службу охранения и разрешил людям отдыхать. Мы стали укладываться. В лесу и в селе было тихо. Однако где-то за Сулой то и дело взлетали ракеты, освещая сероватым светом низкие облака. Изредка там ухали взрывы и раздавался приглушенный треск пулеметных очередей.

На рассвете в Клепачи прибыл кавалерийский взвод полка.

— Где капитан Рыков? — спросил меня командир взвода.

— А зачем он тебе?

— Я должен передать пакет.

— Давай, я передам.

Не слезая с коня, Горбунов протянул конверт.

— Ну, будь здоров.

— А вы куда?

— Приказано находиться в Тишках, впереди вас.

Василий пришпорил коня, и взвод поскакал по дороге.

Я передал пакет капитану Рыкову.

— Поднимите роту и постройте людей,— приказал он, вскрыв конверт.

Рыков зачитал приказ. В приказе говорилось, что в соответствии с решением представителя командования 26-й армии генерала Алексеева 16 сентября полк в шесть часов утра переходит в наступление на город Лубны с задачей овладеть мостами через реку Сулу. Нас поддерживает артиллерийский зенитный дивизион и бронепоезд. В дальнейшем атаку развивают 186-й артполк и маршевый батальон из 26-й армии.

«Генерал (Алексеев.— *М. П.*) полагал, что сюда прорвались лишь слабые передовые части противника,— вспоминает о нашем бое в Лубнах в книге «Так начиналась война» Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян,— и поэтому решил атаковать первым. А перед его небольшим отрядом оказались крупные силы танковой армии Клейста. Враг, конечно, отбил ата-

ку, потом двинул танки. А в отряде Алексеева ни одного противотанкового орудия. Однако отряд не отступил. Бойцы и командиры дрались яростно...»

Так в который раз пограничникам 94-го отряда за первые девяносто дней войны пришлось встать на пути танков Клейста. Но в то утро, когда капитан Рыков зачитал приказ о наступлении, мы, не посвященные в замыслы высшего командования, не представляли всей стратегической обстановки, сложившейся на Юго-Западном фронте, а готовились лишь отбить мосты, занятые противником.

Еще плыл в лощинах туман, а артдивизион и бронепоезд начали артиллерийскую подготовку. Вслед за первыми залпами полк из четырехсот с небольшим бойцов перешел в наступление. Наш батальон, в котором оставалось примерно сто двадцать человек, под командованием представителя штаба полка капитана Михаила Мирзиашвили покинул опушку леса у села Клепачи и начал развивать атаку в направлении мостов через Сулу. Две роты батальона, с которыми непосредственно находился капитан Мирзиашвили, наступали по ржаному полю. Наша рота во главе с капитаном Рыковым продвигалась к селу Ольшанка.

Вначале лесной дорогой батальон быстро спустился под гору. Но как только лес кончился, капитан Мирзиашвили развернул пограничников в цепь. Это было примерно в километре от нас. Вскоре до нас донесся треск пулеметных очередей, винтовочные выстрелы, далекое урчание моторов, сухие резкие удары мин. Там начался бой.

Наша рота продвигалась по лощине вдоль мутноватой тихой речушки, поросшей густым пожелтевшим камышом. Потом лощина расширилась. Впереди показалось несколько приземистых хат, вытянувшихся по обрывистому берегу. Это была Ольшанка. Неожиданно дозорные подали сигнал остановиться. Ко мне подвели мужчину лет сорока пяти.

— Товарищ начальник, вот этот гражданин не советует нам идти дальше.

Я попросил мужчину предъявить документы, из которых узнал, что его зовут Савва Авраамович Ищенко, что он колхозник из села Ольшанка.

— Что же ты, отец, агитируешь не ходить в село?

— Да ведь в селе немцы, товарищ командир, у них танки, что вы можете сделать, если у вас только винтовки?

— Иди в лес, отец,— сказал я, возвращая Ищенко паспорт,— и не мешай нам. Мы получили приказ выбить немцев из села, и мы это обязаны сделать.

Я встретился с С. А. Ищенко в 1967 году, когда вновь побывал в Ольшанке. Во время митинга 9 Мая ко мне подошел видавший виды старик и сказал:

— Здравствуйте, товарищ командир. Помните, вон там, за селом на лугу, когда вы вышли из леса и развернулись, чтобы наступать на Ольшанку, я встретил вас и сказал: куда вы идете, там у немцев танки. Но вы пошли.

Мы обнялись и направились к тому месту, где произошла наша первая встреча столько лет назад. А тогда, миновав луг, мы оказались в заболоченной пойме реки. И тут от села ударил немецкий пулемет.

— Товарищ лейтенант, пулеметчики на колокольне,— тронул меня один из бойцов за рукав гимнастерки.

Подаю команду: всем сосредоточить огонь по вражескому пулемету. Но фашисты укрылись за каменной стеной, просто их не взять. И тут сержант Михайлов, пограничники Шляхтин, Волков и Макаров, прижимаясь к обрыву, поползли к церкви. Хочу крикнуть: «Назад!», но понимаю — иного выхода нет. Мы усиливаем обстрел колокольни. Михайлов с бойцами удачно выходит вражеским пулеметчикам в тыл. С обрыва пограничники метко разят гитлеровцев. Пулемет немцев больше нам не мешает. Рота выходит на линию подразделений батальона. Впереди уже видна Сула и заветная цель нашего наступления — мосты через реку. Над водой стелется туман, и мосты будто плывут: то появляются, то снова исчезают в молочной пелене.

В городе слышна пальба, взрывы. Это батальоны Бурцева и Татьянина пытаются выбить засевшего там противника. Капитан Мирзиашвили торопит нас:

— Вперед! Вперед!

Почему-то гитлеровцы на нашем участке не дают знать о себе, словно и нет их вовсе здесь, но мы чувствовали — они рядом, притаились, ждут, держат нас на прицеле. Разведдозор первым наткнулся на врага, и тотчас со всех сторон на нас обрушился неприятельский огонь. С противоположного берега Сулы ударили артиллерия и минометы, а от города, с высот,— вражеские бронемашины и крупнокалиберные пулеметы. В грохот выстрелов и взрывов устрашающе вплелся гул танковых моторов. Он слышался откуда-то сзади, с тылу.

— Все, у кого есть бутылки с горючей смесью, к дороге! — командует капитан Мирзиашвили.

Вижу, как и сам он с зажатой в руке бутылкой бежит туда, откуда вот-вот должны появиться немецкие танки. С ревом вырываются машины на поле. Маскируясь в траве, кустах, ис-

пользуя неровности местности, бойцы ждут, когда приблизятся к ним головные танки. Летят бутылки, вспыхивают десятки ползучих костров. Это на некоторое время задерживает вражеский натиск, но бутылок больше нет. И тут бьет по немцам наша пушка. Мы не знаем, где она находилась и почему мы ничего не слышали о ней, но эта поддержка как нельзя кстати. Доносится голос капитана Мирзиашвили:

— В атаку, вперед!

Это была отчаянная атака, которую трудно забыть даже через тридцать с лишним лет.

Бывший помощник командира взвода Василий Лебедев вспоминает об этом бое так:

— Я хорошо помню, как вражеский пулеметчик у церкви преградил нам путь. Мне было приказано с группой бойцов обойти огневую точку и уничтожить ее. Я, Сергеев, Федоров, Михайлов и еще несколько пограничников продвигались к цели сквозь заросли камыша. Но чем дальше мы шли по болоту, тем тяжелей становилось идти. Трясина, казалось, вот-вот поглотит нас. Чуть левее, где находился наш взвод, возник какой-то шум. Потом раздалась команда: «За Родину! Вперед!» И решительное «ура!». Послышалась частая стрельба. Затем она затихла и внезапно возобновилась с еще большей силой. А вслед за ней кто-то громко прокричал: «Бей гадов!» Мы только слышали шум боя, но не видели происходившего. Ни вперед, ни назад продвигаться нельзя. Из кустов с западного берега бьют крупнокалиберные пулеметы, они буквально косят сухой камыш. Хлопают, падают и рвутся мины. Чавкает, булькает болото. С шумом и лязгом в Ольшанку врываются фашистские танки. Грохот орудийных выстрелов, разрывы мин, пулеметные и автоматные очереди трясут речную пойму.

Однажды мне пришло письмо. Пионервожатая школы № 3 города Лубны Алла Григорьевна Михатилова писала: «Просим вас прибыть в Московский горком комсомола к десяти часам 28 марта 1970 года. Мы специально едем в Москву, чтобы участники обороны нашего города вручили учащимся 7-х классов комсомольские билеты». Накануне я приболел, самочувствие было прескверное. Но как не исполнить просьбу, не встретиться с детьми, прибывшими с Лубенщины, земля которой обильно полита кровью пограничников нашего отряда. Утром я принял солидную дозу лекарств и отправился в горком комсомола. Там спросил, где можно найти детей, прибывших из города Лубны. Подошел высокий, стройный мужчина и очень приятным голосом сказал: «Я тоже их ищу». Это был бывший командир взвода 125-го артиллерийского полка Федор

Леонтьевич Ненько, чья батарея 16 сентября 1941 года поддерживала нас в бою под Лубнами.

Потом в одном из залов Исторического музея лубненским школьникам были вручены комсомольские билеты. Они обещали, что с честью пронесут через всю свою жизнь заветы великого Ленина. Мы смотрели на радостные лица сидевших перед нами юношей и девушек и вспоминали, как тогда, в суровую годину в сентябре 1941 года, вот такие же комсомольцы, возможно только на год-два постарше, вели жестокий, неравный бой с немецко-фашистскими захватчиками у города Лубны.

Да, схватка была и жестокой, и неравной. Но ничто не могло сломить боевой дух бойцов, их порыв. Самоотверженно бились с врагом и пограничники десятой заставы, командиры отделений Михаил Егоренков, Алексей Сергеев, Капустин, рядовые Алексей Хретинин, Сергей Михайлов, Петр Елисеев и многие другие.

По заболоченной пойме речушки, впадающей в Сулу, мы снова выбрались на опушку леса, откуда начали свое наступление, и залегли, надеясь, что, возможно, еще кто-нибудь подойдет сюда. В городе по-прежнему громыхали выстрелы, рвались гранаты.

— Что дальше делать, комбат? — спросил Рыков капитана Мирзиашвили.

— Как что, разве приказ не слышал? Ясно сказано: пробиться к мостам. Вот подойдут артполк и маршевый батальон, и начнем снова.

Мы лежали на опушке леса в ожидании артиллерийского полка и маршевого батальона, не зная еще, что ни тот ни другой никогда уже не подойдут к нам. Лишь позднее стало известно, что полк и маршевый батальон были атакованы вражеской авиацией и понесли большие потери. На приведение в порядок этих частей ушло много времени. Момент внезапности был упущен.

Генерал Алексеев отдал полку приказ вернуться на исходный рубеж — Василенково поле. Наша рота выдвигалась к селу Круглики и прикрывала дороги из Новаков, Ольшанки и Клепачей. Этот перекресток находился северо-восточнее села Круглики, в районе лесничества. При отходе полка противник пытался на плечах пограничников ворваться в район обороны, но огонь бронепоезда и артиллерийского дивизиона преградил гитлеровцам путь. К тому же Василенково поле охватывал противотанковый ров, а танки врага могли двигаться только по дорогам.

Гитлеровцы стали сосредоточиваться для атаки в районе монастыря. Полуразрушенный монастырь стоял на возвышенности неподалеку от города за Ольшанкой. Вот там и скопилось несколько десятков танков. Развернувшись в боевой порядок, они медленно поползли к позициям полка. Все поле покрылось разрывами. На огонь танков ответили наши артиллерийские батареи и орудия бронепоезда. 16 сентября гитлеровцы неоднократно атаковали оборону полка, но каждый раз, наталкиваясь на стойкость пограничников, сильный огонь бронепоезда и артдивизиона, откатывались назад.

Ночью поддерживавшие полк бронепоезд и артиллерийский дивизион отошли к Пирятину, к штабу Юго-Западного фронта. Теперь оставалось рассчитывать только на себя, на гранаты да на бутылки с горючей смесью. Всю ночь пограничники готовились к схватке с врагом: укрепляли блиндажи, рыли ходы сообщения, оборудовали наблюдательные пункты. Был строго учтен весь боезапас. Командиры и политработники все время находились среди воинов, поддерживая в них высокий боевой дух, стремление во что бы то ни стало остановить и уничтожить врага.

Утро 17 сентября выдалось теплое и безветренное. Как только порозовел горизонт, от монастыря вновь двинулась армада бронированных машин. Утренний воздух потрясли артиллерийские залпы. Это откуда-то ударили по позициям полка немецкие гаубицы. Приблизившись к блиндажам и траншеям, открыли огонь вражеские танки. Со стороны сел Клепачи и Новаки послышалась ружейно-пулеметная стрельба. Трудно было понять, что там происходило. Но вот из леса выскочило несколько всадников из кавалерийского взвода лейтенанта Горбунова. Они что-то кричали на ходу, из чего можно было разобрать, что позади них немцы. Пришпорив коней, кавалеристы поскакали в район командного пункта полка. Вскоре показались и остальные. Среди них — кавалерист нашей заставы Сергей Цыпин. Левая рука его была забинтована и висела на поясном ремне.

Оказалось, что с рассветом немцы форсировали реку Удай и атаковали каввзвод лейтенанта Горбунова. Кавалеристы отбили автоматчиков и в конном строю стали преследовать их. Но на опушке леса кавалеристов встретила танковая засада. Немецкие танкисты в упор ударили из пушек по каввзводу.

— Вашего Залетного, товарищ начальник, снарядом прямо наповал, а меня вот в руку,— сказал Цыпин, словно извиняясь за то, что не уберег моего коня, которого я отдал ему, когда он уходил в кавэскадрон.— Разрешите теперь остаться у вас?

В создавшейся обстановке каждый боец был на счету. Цыпин остался.

«Утром 17 сентября немцы заняли село Новаки и обошли оборону полка с трех сторон,— вспоминал о последнем бое Ф. И. Врублевский.— Мы были отрезаны от своих тылов, которые вместе с моим заместителем майором Козодоевым находились в селе Хитцы. Пограничникам неоткуда было пополнять боезапас, нам не хватало воды. Единственный колодец на Василенковом поле немцы держали под обстрелом. Атаку на позиции полка противник вновь начал от монастыря. Танки приняли на свою броню десант автоматчиков, и десятки машин пошли на нас с трех сторон. Воспрепятствовать их подходу к траншеям мы не могли: немецкие саперы сделали проходы через противотанковый ров. Пограничникам пришлось отбиваться бутылками с горючей смесью. Чад и дым плотной завесой стоял у наших траншей. Бой развернулся на многокилометровом участке, поэтому трудно восстановить полностью всю картину происшедшего под Лубнами сражения. Но и сегодня, вспоминая о том дне, я, как бывший командир полка, с гордостью могу сказать, что бойцы и командиры проявили массовый героизм, показали такое бесстрашие и мужество, какие только и мог в той обстановке проявить советский человек. Помню, как три пограничника, когда вражеский танк прошел через их окоп, взобрались на него и начали стрелять в смотровые щели. Им нечем было поджечь танк, и они стреляли в щели из винтовок. Танк долго возил их на своей броне. Это один из многих эпизодов, свидетелем которых я был лично».

Нас оставалось все меньше. Под натиском противника участок, обороняемый полком, все больше и больше сужался. Бойцы еще сдерживали гитлеровцев, однако уходили последние силы. Врублевский хорошо понимал: пограничники совершили почти невозможное, но дальше оставаться на высоте бессмысленно. Это значило отдать на расправу врагу оставшихся людей. Большего бойцы и командиры полка сделать не могли. Они и так на трое суток приковали к себе целое вражеское соединение.

Оставалась узкая полоса не занятой противником земли, по которой можно было отойти в Лубненский лес. Необходимо только оторваться от фашистских танков и автоматчиков. А для этого надо хотя бы частью сил контратаковать врага, отвлечь его внимание. Все хорошо представляли судьбу контратакующих групп, но выбора не было. Контратакующих возглавили начальник штаба полка майор Дейнего и военком полка батальонный комиссар Авдюхин.

— Последний день под Лубнами,— вспоминает еще один из участников боя — пограничник Герасим Костюков,— для пограничников отряда сложился тяжело. Нам почти нечем было бить немцев, а они лезли и лезли. Нашей заставе в числе других подразделений было приказано контратаковать немцев и тем самым дать возможность выйти из-под огня основным силам полка. Перед началом контратаки в траншее появились несколько командиров из штаба. Среди них были майор Дейнего и капитан, по национальности грузин. Перед нашим участком находился глубокий овраг и противотанковый ров, и фашистские танки обходили нас стороной. Зато немецкие автоматчики продвинулись почти до самых траншей. По команде мы выпрыгнули из окопов и со штыками наперевес побежали по склону высоты. Гитлеровцы не ожидали этого и отступили.

Пограничники под командованием майора Дейнего нанесли удар по северо-восточной окраине города Лубны. Они отбросили врага к кладбищу и закрепились на прилегающих улицах. Во время прорыва майор Дейнего пал смертью храбрых.

Командование пограничниками принял капитан Мирзиашвили. Противник не сумел правильно оценить обстановку и решил, что к Лубнам прорываются все обороняющиеся. Танки и пехота гитлеровцев устремились к городу. В этот момент врага контратаковала группа под командованием батальонного комиссара Авдюхина. Посеяв в рядах фашистов панику, она пробила кольцо окружения и благополучно ушла в лес.

Майор Врублевский вывел из боя остатки полка.

О том, как закончился бой для пограничников, которыми командовал капитан Мирзиашвили, вспоминает бывший пограничник капитан запаса Иван Иванович Комаров: «Когда наше отделение под командованием сержанта Балакирева достигло крайнего дома, нам передали, чтобы мы окопались. Вскоре подошли другие подразделения, участвовавшие в контратаке, они тоже стали окапываться. Стрельба почти стихла. И тут со стороны, где полк занимал оборону, двинулись танки. Поначалу мы подумали, что это идет к нам поддержка. Но танки развернулись и начали утюжить наши окопы. За этими танками шли другие. А дальше плотной цепью двигались немецкие автоматчики. Секретарь комсомольской организации роты рядовой Бирюков крикнул: «Будем драться до последней капли крови. По врагу — огонь!» Двое пограничников, находившихся неподалеку от нашего отделения, встав во весь рост, забросали один из танков бутылками с зажигательной смесью. В этой последней схватке с врагом героически дрались пулеметчики Алек-

сандр Иванов и Алексей Першин, старшина роты Егор Храмов, пограничник Иван Мороз и многие другие».

В бою пал смертью храбрых капитан М. Д. Мирзиашвили, возглавивший после гибели майора Дейнего контратакующие подразделения. По рассказам очевидцев, он вел бойцов в атаку на белом коне и был сражен очередью из пулемета немецкого танка. Родом капитан Михаил Мирзиашвили был из Грузии, из села Аши Душетского района. С двадцати двух лет находился в армии, окончил Высшую пограничную школу. В 94-м отряде служил с 1940 года в должности помощника начальника отделения штаба. Жена и сын капитана Мирзиашвили с началом войны были эвакуированы с границы и сейчас проживают в Тбилиси. Они посетили места, где воевал Михаил Дмитриевич, награжденный посмертно за бой в Лубнах орденом Красного Знамени.

Много лет спустя во время поездки по местам былых боев я познакомился в городе Лубны с майором запаса Филиппом Никитовичем Выграненко. Он поселился в этих местах после окончания воинской службы. Его заинтересовало, почему в городе, который так далеко отстоит от границы, жители часто вспоминают о бойцах в зеленых фуражках. Так бывший офицер начал поиск участников сентябрьских боев за Лубны и, когда мы встретились, поведал о двух эпизодах. Не упомянуть о них нельзя.

Может, назовут еще имя лейтенанта-пограничника, отстреливавшегося от врагов на окраине города. Смертельно раненный, он стал по лестнице взбираться на второй этаж дома. Тут его окружили фашисты. Последний выстрел лейтенант произвел по ним. Но и сам был убит. Однако с лестницы не упал. Так и остался стоять мертвый с зажатым в руке пистолетом.

Другой случай тоже произошел на окраине города. Трое пограничников с ручным пулеметом сдерживали наступавших на них фашистов. Вокруг уже не было своих. Бойцы засели на чердаке дома. Неравный бой длился долго. Наконец в живых остался один боец. Но пулемет не умолкал. Лишь с наступлением темноты огонь с чердака прекратился. Ночью гитлеровцы проникли в дом и гранатами забросали смельчака. Но подойти к нему, даже мертвому, фашисты не решились. Утром тело пограничника было опущено на землю. Немецкий офицер приказал построить солдат и, скомандовав: «Каски долой перед храбрецом!», сказал: «Сражаться надо так, как этот русский солдат!»

В этих рассказах, может быть, не все точно. Переданные из уст в уста, они наверняка чем-то отличаются от того, что про-

изошло в действительности. Но в них верно отражен боевой дух, с которым сражались в том последнем бою пограничники 94-го отряда.

— Несмотря на то что силы были неравны,— рассказывает помощник военкома отряда по комсомольской работе П. Латышев,— пограничники не падали духом, не робели, напротив, были полны оптимизма и стремления выполнить поставленный им приказ во что бы то ни стало. Все, кого я видел в этом бою, стояли насмерть, сражались до конца.

Жители Лубен не забыли этого героического подвига. При Лубненском горисполкоме создана комиссия, которая занимается увековечением памяти воинов-пограничников, с таким мужеством защищавших от врагов советскую землю. Учащиеся и учителя школы № 7 составили подробную историю сентябрьских военных событий, ищут и находят на местах былых боев предметы военного снаряжения. В школьном уголке боевой славы хранятся каска, фляга и котелок с надписью «Липак В. М.».

Юные следопыты города нашли в районе лесничества колодец, о котором ходят легенды. Колодец находился почти в центре нашей обороны. Жители сел Новаки, Круглики и Клепачи рассказывают, что, когда у пограничников были исчерпаны все возможности к сопротивлению и они стали уходить в Лубненский лес, у колодца осталась группа бойцов, окруженная немецкими танками и автоматчиками. Не пожелав сдаться врагу, воины подходили к колодцу, делали последние выстрелы по фашистам и с оружием бросались вниз.

Тайна колодца не раскрыта. В мае 1975 года, в канун 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, у колодца воздвигнут Курган славы. На мемориальной плите написано: «Остановись, товарищ, друг и брат! Здесь вечным сном воины-герои спят. Почти их память, сердцем отзовись, могиле братской поклонись!» К Кургану ведет каштановая аллея. У начала ее каменная глыба с надписью: «Воинам 94-го погранполка, павшим смертью храбрых в 1941 году. Вечная слава!» Неизвестны и имена многих из тех, кто ценой своей жизни несколько суток держал у города превосходящие силы гитлеровцев.

В мае 1968 года, ко дню 50-летия пограничных войск, во многих городских, областных и республиканских газетах был опубликован распространенный ТАСС материал о боевом пути 94-го пограничного отряда. На него откликнулось немало участников и очевидцев боев у города Лубны. В некоторых письмах назывались новые имена героев.

«Мне, бывшему пограничнику 94-го погранотряда,— писал из Минска И. А. Тетерев,— хорошо помнится каждый бой, описанный в статье, особенно под г. Лубнами. Оставшись без артиллерийской поддержки, пограничники гранатами и бутылками с зажигательной смесью уничтожали фашистские танки и бронемашины. Много раз нам приходилось с криком «ура» вступать в рукопашную схватку. Особенно мне запомнился младший сержант Капустин, который бесстрашно сражался вместе с бойцами своего отделения». О мужестве младшего сержанта Ерина, пограничников Лихачева и Субботина, бившихся с врагом до последнего патрона, написал бывший пограничник П. А. Никулин, проживающий в деревне Кузнецово Чернушинского района Пермской области. А вот что сообщил житель города Лубны А. И. Кочерга: «Хорошо помню бой у нашего города. Выйдя из леса, пограничники с возгласами «ура» заняли всю окраину города. Вооружены они были плохо: кто с винтовкой, кто с гранатой, кто с бутылкой с горючей смесью, но настроены были по-боевому, горели желанием выбить гитлеровцев из города. Пограничники захватили немецкий штаб и, забрав оружие и боеприпасы бежавших оттуда гитлеровцев, двинулись в центр города. Там они атаковали стоявшие на улицах танки. До сих пор не могу забыть этой, теперь кажущейся почти безрассудной, отчаянной храбрости».

С беспримерным мужеством дрались с ненавистным врагом на полях Лубненщины пограничники 94-го погранотряда старшина Мозговой Борис Филиппович, сержанты Русанов Сергей Михайлович, Никитин Михаил Алексеевич, Крюков Николай Павлович, Сергеев Алексей Иванович, Капустин, Дернин, пограничники Черных Григорий Федорович, Воробьев Алексей, Макогон Михаил, Потапов, Золотарев, Тимонов. Все они пали смертью героев.

28 мая 1968 года, в день 50-летия пограничных войск, на месте героического боя — Василенковом поле по решению Лубненского районного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся воздвигнут монумент, на открытие которого пришли тысячи жителей города и окрестных сел. На гранитном постаменте написано: «Героическим воинам 94-го пограничного полка, павшим смертью храбрых в боях за Советскую Родину с немецко-фашистскими захватчиками 17.9.1941 г. Здесь похоронены: капитан Мирзиашвили Михаил Дмитриевич, командир взвода Белоцерковский Михаил Сергеевич, младший лейтенант Щур Николай Павлович, сержант Воробьев Александр Иванович, младший сержант Егоренков Михаил Яковлевич, рядовой Иваненко Иван Васильевич, рядовой Ива-

нов Александр Александрович, рядовой Круглов Федор Алексеевич, рядовой Лихачев Алексей Константинович, рядовой Мухин Александр Александрович, рядовой Смирнов и 9 неизвестных воинов-пограничников». Около памятника установлена плита: «Дорогие друзья г. Лубны! Выражаем Вам глубокую благодарность и искреннее признание за сохранение могилы капитана Михаила Дмитриевича Мирзиашвили, погибшего в борьбе с немецкими захватчиками 17 сентября 1941 года. Семья Мирзиашвили».

В ознаменование подвига воинов 94-го пограничного полка улица Ломаная переименована в улицу Пограничников. Воздвигнут обелиск в селе Круглики, где покоится прах пятидесяти восьми бойцов вместе с начальником штаба полка майором Дейнего Поликарпом Филипповичем. Есть братская могила и в селе Ольшанке, где спят вечным сном геройски павшие в неравном, жестоком бою с фашистскими танками восемь пограничников 94-го отряда, в том числе пять бойцов десятой заставы: сержант Михайлов Александр Михайлович, младший сержант Богатырев Митрофан Васильевич, пограничники Михайлов Сергей Михайлович, Сычев Михаил Федорович, Хретинин Алексей Данилович.

В декабре 1968 года я получил из Киева письмо от начальника политотдела Западного пограничного округа генерал-майора Козлова. Он писал: «Как вы уже знаете, 4 сентября с. г. в селе Ольшанке произведено перезахоронение останков воинов 94-го пограничного полка, погибших в бою с немецкими захватчиками в сентябре 1941 года. При вскрытии могилы найдено несколько медальонов. На бумажном вкладыше одного из медальонов нам удалось прочесть следующий текст: «Трищенюк (возможно, Трищенко) Николай Федорович, 1921 года рождения, уроженец Смоленской области». В связи с этим убедительно прошу вас и ваших сослуживцев сообщить нам, проходил ли службу в 94-м погранполку, и в частности на вашей заставе, Трищенюк или Трищенко Николай Федорович».

Работники Центрального архива Советской Армии в письме за № 2236/4 от 23 января 1969 года сообщили: «Стрелок 8 заставы 94 пограничного отряда Трищенков Николай Федорович, рождения 1921 года, уроженец Смоленской области, числится в списках пропавших без вести в сентябре 1941 года».

При вскрытии могилы также была найдена полуистлевшая корочка от удостоверения личности. На рассыпавшемся от прикосновения кусочке картона можно было разобрать окончание лишь одного слова «...сов». Сличение с удостоверением личности того периода показало, что прочитанный слог есть не что

иное, как окончание фамилии человека, которому принадлежало удостоверение. В штатно-должностной книге, хранящейся в Центральном архиве погранвойск, значилось: «Лейтенант Фурсов, начальник связи батальона 94-го пограничного отряда». Нашлось и личное дело лейтенанта Виктора Семеновича Фурсова. Там было сказано, что родился он в 1920 году в городе Курске. Пограничное училище окончил в 1941 году. Была на последней странице и такая справка: «В боях в сентябре 1941 года пропал без вести». Почти нет сомнений в том, что найденная корочка от удостоверения личности принадлежала лейтенанту Фурсову, ибо в 94-м погранотряде не было другого командира, фамилия которого оканчивалась бы на «сов». Видимо, Фурсов погиб на Василенковом поле, находясь в составе ячейки управления командира батальона капитана Мирзиашвили.

В Лубнах открыта еще одна страница боевого подвига пограничников нашего отряда. Такелажник с завода «Коммунар» Николай Кривобок узнал о том, что в саду у местного жителя Г. П. Кулича есть могила, в которой похоронены неизвестные герои, погибшие в боях при обороне Лубен в сентябре 1941 года. Он разыскал людей, хоронивших отважных воинов. Галина Мироновна Савченко и Галина Константиновна Безуглая все это время ухаживают за могилой.

Вот что рассказала Г. М. Савченко про безымянных героев:

— В тот день я сидела в окопе за нашим домом. Фашисты уже заняли город, но на окраине его все еще шла стрельба. Потом послышались крики «ура». Я выскочила из окопа и увидела, как из Шепелевского леса теснят гитлеровцев наши воины. Прямо у нас в саду началась рукопашная схватка. Фашистов побили много. А наших пограничников мы вместе с Безуглой похоронили в саду.

28 мая 1969 года по решению исполкома горсовета комиссия произвела перезахоронение павших воинов. Останки их были перенесены в братскую могилу на Василенково поле. При вскрытии были обнаружены поржавевшие винтовки с примкнутыми штыками, истлевшие подсумки с патронами. Под куском шинельного сукна комсомольский билет, красноармейская книжка, «Блокнот агитатора», на первой странице которого еще можно было прочесть слова призыва: «Бейте фашистского зверя!» Найден был также медальон. На бумажном вкладыше удалось прочитать: «Рябков Иван Иванович. Пограничник, 1919 года рождения, уроженец Ленинградской области».

Так было установлено еще одно имя героя, павшего в жестоком неравном бою.

Вместе с Федором Ивановичем Врублевским, Петром Андреевичем Латышевым, Василием Александровичем Лебедевым, Василием Васильевичем Борисовым мы побывали в селе Новаки, где осенью 1941 года был командный пункт нашего полка. Сколько здесь теперь новых домов, какие прекрасные хозяйственные и административные здания! Зеленеют колхозные поля, цветут сады. Даже овраги с пожелтевшей осенней травой, у которых пограничники отряда сдерживали натиск фашистских танков, мы узнавали с трудом.

Изменился облик и села Ольшанка. Нет более церкви с колокольней, с которой фашистские пулеметчики прижимали нас к земле. На том месте теперь клуб. А на площади стоит памятник павшим воинам-пограничникам 94-го отряда, пришедшим сюда с Карпатских гор.

Как-то я получил письмо от А. Н. Зайцева из Закарпатья: «Не удивляйтесь, что пишет вам незнакомый человек. В 1968 году в лубненской газете была напечатана заметка о мальчике по имени Витя, который помогал пограничникам в сентябре 1941 года. Эту заметку прочитала моя мать и сообщила в редакцию, что, по всей вероятности, речь идет обо мне, ее сыне Саше. Редакция попросила меня написать о тех событиях, невольным участником которых я стал. Хочу и вам поведать кое-что как человеку, который собирает материал о воинах 94-го пограничного отряда.

В то время мне шел 14-й год. С приближением фронта к Лубнам моя мать со мной и младшим братишкой решила уйти из города. Наш отец был политруком, и мать опасалась за нашу судьбу. Тогда много семей военнослужащих, партийных и советских работников уходили из города. Но эвакуироваться нам не удалось, поезда уже не ходили. Тогда мы отправились в село Круглики, где встретили пограничников.

Я сразу помчался к бойцам, стал просить, чтобы они взяли меня к себе. Мне стали давать различные мелкие поручения: то что-нибудь отнести, то принести, то еще сделать что-либо. Но однажды их командир, капитан, подозвал меня и представил майору. Они меня спросили, не побоюсь ли я пойти на разведку в город Лубны. Я ответил, что не боюсь. Тогда они объяснили, что̀ нужно узнать. Особенно их интересовали мосты через Сулу. Не буду рассказывать, как ходил по городу, как получил пару раз по шее от гитлеровцев за то, что близко подходил к танкам, орудиям. Все обошлось благополучно. Капитан очень обрадовался, когда увидел меня целым и невредимым. Мы сели на траву, и я рассказал о том, что видел, и нарисовал схему. Капитан подсказывал, какими условными знаками обо-

значать те или иные объекты. Потом все это спрятал в полевую сумку, обнял меня и куда-то ушел. Последний раз я виделся с капитаном в селе Новаки. Мы вместе искали ящик бутылок с горючей жидкостью, который куда-то запропастился. Не помню уже, нашли мы его или нет. После жестоких боев, свидетелем которых я стал, пограничники уходили в лес. Я просился с ними, но мне отказали. Капитан сказал, чтобы я пока побыл в Новаках и направлял в лес отставших пограничников. Я дежурил до рассвета, встретил только троих бойцов.

Мы пробыли в селе еще несколько дней и решили снова идти домой. По дороге чуть не пропали из-за пустяка. Впопыхах мама захватила танкистский френч отца с кубиками на петлицах. Вещи проверял немец. Увидев френч, он начал кричать: «Комиссар, комендатур!» Мама ему объяснила по-немецки, что она швея и просто нечаянно положила в чемодан френч, который шила по заказу. На счастье, немец поверил, а то трудно сказать, чем бы это все кончилось. Ведь у меня за пазухой был револьвер и граната. Не знаю, как бы я воспользовался этим, но настроение у меня было воинственное.

Потом началась кошмарная двухлетняя оккупация. Об этом тоже можно многое рассказать. Было всякое. Даже угон в Германию и побег на ходу поезда. Солил врагу, как мог. Вот пока все. Жаль, что до сих пор судьба того капитана мне неизвестна».

Хочу ответить Александру Николаевичу Зайцеву — нашему разведчику Саше: в районе МТС, где он был, оборону занимал батальон капитана Бурцева. Видимо, это он посылал Сашу в разведку. Капитан Бурцев благополучно вышел со своими бойцами из вражеского окружения и еще сражался с немецко-фашистскими захватчиками.

Как заметили читатели, в рассказе о бое в городе Лубны то и дело упоминается о бутылках с зажигательной смесью, с помощью которых пограничники боролись с фашистскими танками. Может показаться, не увлекся ли автор этим? Откуда у бойцов 94-го отряда появилось столько бутылок, что их пускают в ход то тут, то там? Не присочинено ли о бутылках для красного словца, чтобы как-то сделать борьбу с танками врага правдоподобной?

Бутылки с зажигательной смесью были, их изготовляли в городе, но кто этим занимался, мы не знали. Ясность внесло вот это письмо: «Глубокоуважаемый Михаил Григорьевич! Когда вы писали свою книгу, у вас не возникал вопрос: откуда в Лубнах взялись тысячи противотанковых зажигательных бу-

тылок? Так вот, эти бутылки изготовляли мы своими руками. Их изготовлением занималась наша воинская часть». Письмо было от подполковника-инженера запаса Валерия Михайловича Галлака, который в сентябре 1941 года оказался в Лубнах, куда перебазировался химический полигон Юго-Западного фронта. В. М. Галлак был начальником химической лаборатории полигона. Изготавливались бутылки с зажигательной смесью им вместе с профессором В. С. Кобзаренко по приказу начальника химотдела фронта генерал-майора технических войск Д. Е. Пастухова на местном ликеро-водочном заводе. Лубны были третьим местом, где производились эти бутылки. В начале войны их делали в Киеве, а затем в Золотоноше. Позже в Воронеже и Сталинграде.

К письму была приложена статья В. М. Галлака «Горят фашистские танки», опубликованная в газете Краснознаменного Киевского военного округа «Ленинское знамя». В ней рассказывается о тех, кто занимался массовым производством бутылок с горючей смесью для фронта. Это были героические советские женщины с Киевского, Золотоношского и Лубненского ликеро-водочных заводов. «Труд на этих предприятиях был поистине героическим,— вспоминает В. М. Галлак.— Разливщицы и комлектовщицы фосфоросодержащей жидкости в знойный июль и август 1941 года работали в резиновых костюмах по 10—12 часов. Если кому-либо из тружениц было невмоготу, она просила облить ее холодной водой из шланга и снова становилась к аппарату... Для производства некоторых видов запалов использовалась серная кислота. Как-то разливщица Анастасия Одарченко несла со склада в цех большой открытый стеклянный сосуд, до краев наполненный серной кислотой. По пути кислота стала расплескиваться и течь по щеке, шее, груди и спине. Кислота была остро дефицитным продуктом. Несмотря на адскую боль, Одарченко донесла сосуд до цеха, дала снять его с плеча и только тогда ей смогли оказать первую помощь. С сильными ожогами ее отправили в госпиталь».

В. М. Галлак сообщил имена некоторых женщин-патриоток, которые изготовляли для нас противотанковые зажигательные бутылки на Лубненском заводе. Это Мария Стриха, Галина Демченко, Мария Коваленко, Екатерина Конькова (теперь Тараненко), сестры Варвара и Галина Кущенко, Мария и Евдокия Бурдым. Мария Никитична Стриха, всеми уважаемая, работает на заводе и сейчас. Галина Кущенко расстреляна фашистами как коммунистка.

Спасибо вам, дорогие женщины из города Лубны, кто в суровую годину помогал нам.

По тылам врага

Шли последние минуты боя под Лубнами. Контратакующие группы, приняв на себя удар, отвлекли внимание немцев от основных сил полка, что позволило майору Врублевскому отдать приказ пограничникам об отходе в Лубненский лес. Не дошло это распоряжение только до нашей роты. Посланный из штаба полка связной пограничник Иван Иваненко не смог передать приказ. На его пути оказались фашистские автоматчики и танки. Иван Иваненко геройски погиб.

Наш участок обороны от села Круглики до дома лесничего растянулся почти на четыре километра. Считалось, что мы находились в резерве командира полка. Но в сложившейся ситуации это определение оказалось неточным. Фронт был повсюду. Мы бились в окружении. Где-то к середине дня, когда часть пограничников уже отошла в лес, над Василенковым полем появилась немецкая авиация. Заглушая артиллерийскую канонаду, орудийный огонь танков, на поле и вблизи наших окопов стали рваться бомбы. Дымовая завеса от бомбовых разрывов плотной пеленой окутала позиции полка. Фашистские танки прорвались к селу Круглики. Отчетливо слышен стук пулеметов. Прямой наводкой бьют танки. Несколько машин обходят глубокий овраг и стремительно приближаются к нам. На дороге и от села Клепачи появились черно-желтые коробки с белыми крестами. С трех сторон танки обходят опорный пункт роты.

Кругом уже никого. Наша оборона молчит. Простая мысль, что мы остались одни, доходит до меня не сразу. Со мной лишь пограничники Макаров, Ердаков, Волков, Цыпин, Дмитриев, Колесников, Шляхтин. Нужно отходить. Передаю по цепи: «Все в овраг!»

Неожиданно в овраге сталкиваемся с женщиной.

— Ваши пошли туда! — показывает она в сторону леса.

С трудом взобрались почти по отвесной стене. Вдогонку слышна отчаянная пулеметная стрельба. Проносятся снаряды. Они рвутся позади и впереди нас. Немцы бьют беспорядочно. Прячась в посевах, попавшихся на нашем пути, мы достигли леса. Здесь на опушке встретили группу пограничников из 9-й роты — десять бойцов во главе с политруком Константином Кузенковым. Все пограничники были ранены, в том числе и Кузенков. Правая рука политрука висела на окровавленном бинте.

На опушке стали рваться снаряды, и мы поспешили укрыться в лесу. Сильный обстрел вынудил нас разойтись в разные стороны.

Здесь, в лесу, нам в руки попала немецкая листовка, на которой изображался участок карты в полосе Юго-Западного фронта с нанесенной на ней окруженной группировкой наших войск. Текст был написан по-русски. В листовке предлагалось сдаваться в плен, выдавать сотрудников НКВД, комиссаров и евреев. Сдавшимся в плен немецкое командование гарантировало жизнь. Любопытно, что в листовке упоминалось о разгроме «сталинской гвардии — 20, 91, 93 и 94-го пограничных отрядов». Я разорвал листовку, а про себя подумал: видно, здорово мы насолили немцам, коль фашистские пропагандисты вспомнили о нас, пограничниках, даже здесь, за Днепром, за тысячу километров от границы.

К вечеру мы набрели на своих. Вместе с майором Врублевским и батальонным комиссаром Авдюхиным в лесу собралось человек сто двадцать — сто пятьдесят.

Задерживаться, однако, здесь мы не могли: не было продовольствия и боеприпасов. У семерых бойцов нашей заставы осталась всего одна граната. Три патрона сохранилось в обойме моего пистолета и по нескольку патронов у бойцов. Мы не имели связи, не знали, каково теперь положение на фронте, где свои.

Когда совсем стемнело, командир полка и комиссар собрали командиров и довели до нашего сведения принятое ими решение. Суть его состояла в том, чтобы двигаться на север, в направлении села Хитцы, где должны были находиться тылы полка и где можно рассчитывать на пополнение боезапаса и продовольствия. Если в Хитцах наших тылов не окажется, то следует пробиваться еще дальше на север, к армейским тылам в Городище. В случае, если и тут нас постигнет неудача, необходимо форсировать Сулу и идти к Поповскому лесу, раскинувшемуся по берегу реки Хорол. А там, если нужно, форсировать Хорол. Сборный пункт намечался в районе города Ахтырки.

Всю ночь мы шли по лесу и только под утро оказались на его окраине. Сквозь пелену предутреннего тумана просматривалась поляна, на которой отдыхало огромное стадо коров, примерно в километре виднелось село. Подул ветерок, туман расползся. Мы увидели, что село забито немецкими танками, машинами и артиллерией. Гитлеровцы расположились беспечно, никакого охранения, кроме нескольких часовых у дороги.

Впереди ясно вырисовывался лес. Туда и нужно было попасть. Но как незамеченными пересечь поляну? Кто-то из пограничников удивленно спросил:

— Откуда столько коров?

Поразмыслив, пограничник Шляхтин заметил:

— Видно, гнали эвакуированный скот, да немцы отсекли. Майор Врублевский приказал построить людей в колонну по одному и, пригнувшись, без шума пройти мимо стада. Так наши буренушки сослужили нам добрую службу. Мы проскочили почти открытое место под носом у немцев.

Однако не успели мы углубиться в окруживший нас дубняк, как услышали шум моторов. Без команды все залегли по обе стороны дороги. Показалась немецкая танкетка. За ней, метрах в пятидесяти, следовала автомашина с крытым кузовом. У кого-то оказалась связка гранат. Как только танкетка подошла к небольшому мостику, проложенному через лесной ручей, связка полетела под гусеницу. Раздался взрыв, танкетка остановилась. Дружным залпом мы ударили из винтовок по автомашине. Она сползла в кювет. Загорелся брезент и мотор. Из машины стали выпрыгивать немецкие солдаты. Но не успевали они отбежать от машины, как их настигали наши пули.

В этой короткой схватке было уничтожено более двух десятков фашистских вояк. В селе зарычали танки. Пришлось сойти с дороги и углубиться в заросли. Тут и повстречалась нам группа полтавских и лубненских коммунистов — будущих партизан. Они снабдили нас продуктами.

Во второй половине дня 18 сентября мы вышли к Хитцам, но наших тылов там не оказалось. Двинулись в Городище, не зная, сколь драматически складывалась в это время обстановка для всего Юго-Западного фронта. Именно 18 сентября по решению Ставки начался отвод войск 37-й армии из Киевского укрепрайона. Командующий фронтом генерал Кирпонос решил выводить из окружения основные силы фронта. В ночь на 19 сентября двинулся из Пирятина в Городище вместе с Военным советом и штабом Юго-Западного фронта и генерал Кирпонос. Начались бои, когда в схватку с врагом генералы нередко вступали как солдаты. Осколком мины в роще Шумайково, что у хутора Дрюковщина, был убит командующий фронтом М. П. Кирпонос. Но и в этих невероятно трудных условиях много смелых, инициативных командиров во главе значительных сил частей и соединений сумели пробиться сквозь огромную толщу немецких войск и выйти к своим.

В 1968 году был издан сборник документов «Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны». В этом сборнике есть докладная записка начальника войск по охране тыла Юго-Западного фронта полковника Рогатина. Он писал, как выходили из окружения пограничники, оказавшиеся в непосредственной близости от штаба ЮЗФ.

«Прорыв немецкого окружения у с. Городище и успешное контрнаступление у с. Лучки,— сообщал полковник Рогатин,— главные и основные операции, обеспечившие выход и вывод большого количества личного состава различных частей Юго-Западного фронта... В боях у с. Городище, Сенча и Лучки было разбито до батальона пехоты немцев, подбито четыре средних танка, взято и уничтожено два противотанковых орудия, взято два миномета и 80 штук мин, сожжены две грузовые машины, захвачено и уничтожено два склада боеприпасов к автоматам, захвачено четыре мотоцикла и 17 человек немецких солдат и офицеров...»

Не ведая о том, какие события происходили на Юго-Западном фронте, в частности в селе Городище, мы шли туда, надеясь пополнить свой боезапас, а потом продолжать действовать, исходя из обстановки. К полудню встретили наши части, двигавшиеся из Городища. В колонне войск следовали две бронемашины и «эмка», в которой ехал генерал-майор авиации. Врублевский и Авдюхин доложили генералу, и он приказал примкнуть к колонне.

Вскоре гитлеровцы обнаружили нас. Появилась авиация. С разных сторон стали подходить танки и мотопехота врага. Вместе с красноармейцами пограничники полка вступили в бой. Мы били немцев из балок, кустарников, прибрежных камышей. Но силы были слишком неравны. Пришлось рассредоточиться, действовать самостоятельно.

К вечеру небольшая группа пограничников, в которой оказались и бойцы нашей роты, собралась в плавнях на островке при слиянии рек Удая и Сулы. Немецкие моторизованные части двигались по дорогам, обстреливая поля, кустарники и камыши. Не успокоились гитлеровцы и ночью. Фашистские пулеметы не давали улечься тишине. То в одном, то в другом месте пронизывали темень трассирующие стрелы, взлетали в небо ракеты. Не умолкая ни на минуту, на дорогах рычали машины.

Мы лежали в мокрой траве и думали, как пробиваться дальше. Рассвет подкрался незаметно. Гул на дорогах немного утих. Над Удаем и Сулой повис густой туман.

— Надо переправляться через реку,— сказал капитан Рыков и обратился ко мне: — Кто у вас хорошо плавает? Смотрите, в кустах на том берегу две лодки, пригоните их сюда.

— Разрешите самому?

— Давай плыви,— согласился Рыков.

С астраханским рыбаком Макаровым мы пошли к реке. Сула в этом месте неширокая, но глубокая, заросшая у бере-

гов водорослями. Как только мы оказались в воде, одежда на нас вздулась пузырем, а тело обожгли холодные струи. Плыть пришлось почти от самого берега. Водоросли опутывали руки и ноги, тянули ко дну. Мы с трудом одолевали быстрину и, едва волоча ноги, выбрались на противоположный берег.

Началась переправа. Лодки курсировали через реку, перевозя с островка людей. На том берегу сразу начинались огороды. Несколько поодаль стояла покосившаяся хатка, а за ней первые дома села Березоточья. Кое-где уже дымились трубы. Хозяйка старой хатки, пожилая женщина, как будто только и ждала нашего прихода. Она принесла весь свой скудный запас продовольствия и отдала его нам. Мы начали есть, но тут раздались пулеметные очереди. Через наши головы пули полетели на ту сторону реки. Видимо, гитлеровцы обнаружили нашу переправу.

Женщина сказала, что нужно уходить в поле, где росли кукуруза и подсолнух. Перебежав дорогу, мы устремились туда. Сбоку нас прикрывало несколько хат. Но немцы все же заметили движение. Длинная очередь из танкового пулемета врезалась в крышу ближайшего дома. Уходя от огня, мы заскочили в какой-то сад, а затем оказались в посевах подсолнечника и кукурузы. Березоточье осталось далеко позади.

Примерно так же выходили из окружения и пограничники, которых вели майор Врублевский и батальонный комиссар Авдюхин. Переправившись через Сулу, они с боями пробивались сквозь заградотряды противника, уничтожая боевую технику и живую силу врага. Большую помощь оказывали бойцам и командирам местные жители. Они помогали нам всем, чем могли: кормили, указывали броды, переправляли через реки на лодках, оставляли у себя тяжелораненых.

В один из дней мы оказались близ какого-то села. На дневку обосновались в посевах подсолнечника. И тут нас обнаружили женщины — принесли нам еду. От еды отказался только Сергей Цыпин, у которого к этому времени загноилась рана и поднялась высокая температура. Сергей настолько обессилел, что идти дальше самостоятельно не мог. Было опасение, что у него началось заражение крови, нести его дальше становилось рискованно. Нелегко было расставаться с Цыпиным, но женщины заверили, что они укроют и вылечат его. Сергей Цыпин остался в селе, название которого я не могу вспомнить. Дальнейшая судьба Цыпина неизвестна.

20 сентября, на третий день пути, мы перешли железную дорогу Ромодан — Миргород у станции Дубровка. Было уже

темно, однако впереди маячили силуэты домов. Пограничники давно ничего не ели, и капитан Рыков принял решение заглянуть в село. Мы добрались до окраины, в зарослях садов редко стояли хаты, на улицах — ни души. Постучались в крайний дом. Молчание. Пошли дальше: впереди Макаров и я, сзади бойцы нашего взвода, а дальше командир роты капитан Рыков, лейтенант Симонов и пограничники из взвода Белоцерковского со старшиной Парфеновым. Миновав несколько домов, мы оказались в маленьком проулке близ какой-то фермы. И тут, словно из-под земли, перед нами вырос человек. Одет он был в нашу генеральскую шинель, но пилотку опустил на уши. Немец. Он стоял как мумия: растерялся или дремал. Только когда мы, миновав его, удалились метров на сто, он крикнул:

— Хальт!

Старшина Парфенов на оклик дал очередь из автомата. В селе поднялась стрельба, в небо полетели осветительные ракеты, затрещали мотоциклы.

Вначале мы шли в гору, потом спустились в лощину, пока под ногами не захлюпала вода. Позади нас непрерывно стреляли, слышалось урчание машин, мелькал свет фар. Драться с немцами нечем: оружие есть, патронов нет. Единственная граната у меня, на всякий случай. А воды все прибывало, вот уже и идти нет никакой возможности, нас начала затягивать холодная топь. Мы остановились. Никто не мог вспомнить, куда мы двигались — на запад или на восток. Ночь темная, пасмурная, сориентироваться нет никакой возможности. Выход один: стоять в воде до утра.

Когда забрезжил рассвет, мы увидели заболоченную пойму реки. Выбравшись из воды, пошли по краю лощины вдоль дороги. Шли долго. Наконец показалась опушка большого леса. Поспешили к ней. К нашему удивлению, в лесу оказалось много людей — военных и гражданских. Выяснилось, что это и был Поповский лес.

К вечеру капитан Рыков приказал выделить людей и послать их в села за продуктами. От нашего взвода ходили Алексей Макаров и Александр Ердаков. Они принесли хлеба, вареной картошки, огурцов, а заодно разведали, где можно перейти Хорол вброд. Подкрепившись, мы стали пробираться к реке. Хорол дымился холодной испариной тумана. Один за другим пограничники вошли в воду. Вскоре она проникла в сапоги, потом дошла до колен. Выше не поднялась. Река тут и в самом деле оказалась неглубокой, но широкой. Поймы ее, заросшие камышом и осокой, тянулись бесконечно долго. Не помню уж, сколько времени мы шли, но в конце концов под ногами пере-

стало хлюпать. Еще немного, и мы сидели на сухой земле — выливали из сапог воду.

Это занятие нам пришлось неожиданно прервать. Тишину нарушили выстрелы, а над рекой повисли осветительные ракеты. Справа и слева застрочили автоматы. Натянув быстренько сапоги, мы уклонились в сторону. Теперь рядом со мной были только пограничники заставы: Макаров, Ердаков, Волков, Кузьмин, Колесников. Немного позже присоединился Дмитриев, зато где-то отстал Шляхтин. Остаток ночи мы блуждали по полям, пока не набрели на посевы подсолнуха. В них и остались дожидаться рассвета.

Долго тянулся этот сентябрьский день. Вокруг по дорогам двигались немцы, а неподалеку в селе слышен был плач детей. Изредка лаяли собаки, кричали петухи. Под вечер ко мне обратился Макаров:

— Товарищ лейтенант, разрешите в село за харчами?

Я колебался. Вдруг в селе немцы? Можно сутки и поголодать. Словно угадав мои мысли, Макаров сказал:

— Да вы не беспокойтесь, товарищ начальник, я между ног у фрицев пройду.

— Ну хорошо,— согласился я.— Только возьмите с собой Колесникова.

Пограничники растворились в вечерних сумерках, а мы остались лежать среди подсолнечника, настороженно прислушиваясь к каждому шороху. Почему-то, когда Макаров ушел, мне припомнился случай, связанный с этим пограничником и происшедший еще до войны. Характера Макаров был не очень строгого: остер на язык, насмешлив, но службу по охране государственной границы нес безупречно. Это и располагало к нему. Уже вскоре после моего прихода на заставу я стал посылать его старшим наряда. К концу 1940 года на заставу прибыло пополнение — бойцы из внутренних войск НКВД. Естественно, пограничной службы они не знали. И вот однажды, прибыв за получением боевого приказа на охрану границы, Макаров доложил:

— Товарищ начальник заставы, пограничный наряд в составе красноармейцев Шляхтина, Алексеенко и пограничника Макарова прибыл за получением боевой задачи.

Вначале показалось, что он просто оговорился. Но и на следующий день Макаров доложил, что Шляхтин и Алексеенко — красноармейцы, а он пограничник.

— Товарищ Макаров, а чем отличается военная форма на Шляхтине и Алексеенко от вашей?

— Ничем,— ответил он.

— А почему вы только себя называете пограничником? Ведь они тоже числятся в штате нашей заставы.

— Да, это так,— бойко ответил Макаров.— По форме вроде мы ничем не отличаемся, но до настоящих пограничников им еще далеко, товарищ начальник. Они каждый куст за нарушителя границы принимают. Привыкли за сто шагов кричать: «Стой, кто идет?» Никак от этого их не отучишь.

Вскоре Шляхтин, Алексеенко и другие, кто прибыл на заставу из внутренних войск, познали нашу суровую и тревожную пограничную службу, и Макаров перестал подчеркивать свое превосходство над ними. Но в памяти у меня навсегда остался этот эпизод как часть самого Макарова, бесстрашного воина, никогда не унывавшего, не падавшего духом, выполнившего за первые месяцы войны не одно мое поручение, умелого разведчика — настоящего пограничника.

Неожиданно наши посланцы появились с другой стороны.

— Товарищ начальник,— зашептал Макаров,— продукты принесли. Когда шли в село, в подсолнухах в полукилометре отсюда лежал человек.

— Живой или мертвый?

— Живой,— вставил Колесников,— шевелился.

Потихоньку мы прошли эти полкилометра. Макаров дал сигнал, все остановились. Я осторожно раздвинул стебли подсолнуха. Человек, одетый в черную куртку, какие тогда носили военнослужащие мехчастей, и армейскую фуражку, выхватил из кармана наган.

— Свои,— тихо сказал я ему.

— Пусть подойдет один,— отозвался лежащий.

Я подошел.

— Кто вы? — спросил он.

— Пограничники. Я их командир.

Тогда человек с большим трудом поднялся с земли. На его гимнастерке тускло поблескивали два ордена Красного Знамени. В петлицах незнакомца было по четыре шпалы. Он сказал:

— Давайте предъявим друг другу документы.

— Вы видите, я не один, со мной мои подчиненные,— возразил я, но потом решил: пусть и он посмотрит мои документы. Я показал мандат и кандидатскую карточку, он протянул свой партийный билет. Так мы встретились с полковым комиссаром Иваном Никифоровичем Богатиковым.

— Я получил назначение в политотдел 21-й армии,— сказал он.— Со мной туда шли майор и капитан. Но обстоятельства сложились так, что до места мы добраться не смогли. Три дня

я нахожусь у этого села. Майор и капитан пошли разведать обстановку и не вернулись.

Мы предложили полковому комиссару выходить из окружения вместе, но признались, что заплутали: прошлой ночью напоролись на немцев и теперь потеряли всякую ориентировку.

Полковой комиссар дал мне компас, и мы, взяв нужный азимут, двинулись на восток. В пути опять в каких-то посевах сделали привал. Макаров достал из наших запасов кусок хлеба и протянул его полковому комиссару. Кусок ли хлеба был тому виной или обстановка, в которой мы оказались, только, взяв хлеб, Богатиков сказал в сердцах:

— Эх, до чего ж ты довоевался, полковой комиссар! Крадешься по родной земле, словно вор.

Мы снова двинулись в путь и через некоторое время набрели на три большие скирды, стоявшие друг от друга на значительном расстоянии. Одну из них приспособили для ночлега. Проще, зарылись в солому и уснули.

Разбудил меня Макаров. Солнце было уже высоко. Впереди, метрах в пятистах, чернел лес, дальше виднелся большой населенный пункт.

— Товарищ начальник, на дальней скирде сидят два солдата.

Действительно, на скирде сидели два солдата, но чьи они, наши или противника, разобрать трудно. Разбудили полкового комиссара, доложили ему, что на дальней скирде замечены наблюдатели.

— Знаете что,— сказал Богатиков,— наши это или чужие, сейчас разбираться недосуг, давайте-ка лучше по одному быстро переберемся в лес, так будет надежнее.

Где ползком, а где бегом мы добрались до леса. Прямо у самой опушки стояли три орудия, рядом лежали ящики со снарядами, тут же паслись кони. Подумалось: орудия и кони брошены при отходе наших частей. Но, осмотрев пушки, мы убедились, что они исправны.

— Вот она, техника, стоит в лесу и бездействует,— возмутился кто-то из пограничников.

Но тут из-за кустов появились красноармейцы с котелками и, растерявшись, уставились на нас. Полковой комиссар Богатиков строго спросил:

— Кто такие? Почему орудия брошены?

Сержант бойко ответил:

— Товарищ полковой комиссар! Ходили получать завтрак на кухню.

— Почему орудия оставили без охраны?

— Да вон же впереди на скирде наши наблюдатели, а у реки кухня и КП командира батареи.

— Ну хорошо,— смягчился Богатиков,— как пройти к вашему командиру?

Лесной тропой мы спустились к реке. При появлении полкового комиссара комбат вскочил и охотно стал объяснять все, что нас интересовало.

— На том берегу Великие Сорочинцы, там штаб нашего кавалерийского корпуса,— закончил он свой рассказ.

Так 22 сентября 1941 года кончилось наше почти недельное скитание по вражеским тылам. В штабе корпуса нам сообщили, что сборный пункт всех выходящих из окружения находится в городе Ахтырке. Приведя себя в порядок и простившись с полковым комиссаром Богатиковым, мы покинули Великие Сорочинцы.

24 сентября я и шесть пограничников заставы прибыли в Ахтырку. Здесь уже собралось около полутораста бойцов и командиров различных отрядов. Нас посадили на поезд и направили в Белгород. Сборный пункт располагался во дворе школы. Пограничники, военнослужащие внутренних войск, осунувшиеся, давно не бритые, с обветренными лицами, в грязном обмундировании и разбитой обуви, ожидали новых назначений.

«Вспоминаю выход из окружения,— писал после войны мой бывший помощник командира взвода сержант В. А. Лебедев.— Я шел босиком, шел в больших галошах, обмотав тряпками ноги, шел снова босиком, укрывал ноги мешковиной, когда на землю выпадал снег... Сильно болели зубы. Были моменты, когда я был готов пустить себе пулю в лоб или лечь на собственную гранату. Но брал себя в руки и шел, понимая, что моя жизнь еще может пригодиться, что надо еще за многое рассчитаться с врагом...»

Спустя много лет после окончания войны мы встретились с бывшим секретарем парторганизации 94-го погранотряда политруком Кузенковым. Он рассказал, как пробивался к своим.

— После боя под Лубнами и нашей встречи на опушке леса,— рассказывал Кузенков,— я с десятью ранеными пограничниками направился на медицинский пункт полка. Однако медпункта мы уже не нашли. Зато повстречали в лесу группу лубненских женщин. Увидев наши раны и обмундирование, залитое кровью, они поснимали платки и косынки и, как могли, перевязали нас. Под вечер мы подошли к селу, сплошь забитому немецкими войсками. Убедившись за первые месяцы войны, что с наступлением темноты немцы из населенных пунктов не

выходят, мы незаметно обогнули село, заночевали в стогах сена. На наше счастье, на нас набрела группа мальчишек. Я попросил принести йоду и бинтов. Мальчишки быстро выполнили это поручение. Мы обработали друг другу раны и как следует перевязали их.

К утру пришли матери мальчишек и принесли продукты. Мы плотно позавтракали, но кое-что осталось. Тогда одна из женщин повынимала из противогазных сумок противогазы и наполнила их едой.

— Без этих железных коробок вы обойдетесь,— сказала она,— а продукты на дорогу будут не лишние.

— Видно, теперь всем нам крышка,— отозвалась другая.— Вон какая силища идет, вам их не одолеть.

— Рано, мамаша, хоронишь нас,— ответил Кузенков.— Вот подлечимся, соберемся с силами и с лихвой за все расквитаемся с фашистами; побегут они отсюда без оглядки. Ждите, мы обязательно придем.

— Дай-то бог.

Оставаться на день в такой близости от села, которое забито немецкими войсками, пограничники не решились. Простились с женщинами и часа через три оказались в небольшом лесу, где набрели на своих.

— На меня сильное впечатление произвело расположение пограничников,— рассказывал Кузенков.— Они лежали на земле, словно кто их специально уложил по шеренгам — голова к голове, как будто на койках в образцовой казарме. Четко несли службу часовые. Бодрствовали дневальные и командиры. Из них я хорошо помню Афанасия Норова. Посоветовавшись, решили, что моя группа, где все были ранены, пойдет первой. Свой маршрут мы будем отмечать сломанными ветками, клочками бумаги и другими знаками. За нами пойдут остальные.

К вечеру группа Кузенкова подошла к селу, залегла. Из села по полевой дороге выехал мотоциклист. Пограничники натянули через дорогу веревку — так еще в Лубнах мы охотились ночью за немецкими мотоциклистами,— и ничего не подозревавший гитлеровец, мчавшийся на большой скорости, оказался в кювете. Затем, сориентировавшись по звездам, группа пошла дальше.

Так шли и шли, как вдруг услышали лай собак. С рычанием собаки бросились на бойцов. К счастью, у большинства пограничников на плечах были плащ-палатки. Собаки зубами хватали за край палаток, а бойцы отбивались от них сапогами и штыками. Почему-то немецкие солдаты, спустившие овчарок, близко не подошли, видимо, боялись, а постреливали из авто-

матов издалека. Около часа продолжался этот поединок, пока пограничники не оторвались от преследования.

С рассветом вошли в Поповский лес. Там провели день. От местных жителей узнали, что немцы намереваются прочесать лес. Поспешили к реке. Здесь к ним присоединились старший сержант-авиатор и раненый интендант второго ранга — начальник топографического отдела одной из армий.

Реку Хорол группа Кузенкова форсировала удачно. Ночь оказалась темной. В районе Александровского конезавода перешли железную дорогу, заглянули в находившееся поблизости село. В крайней хате дверь открыл старичок. В доме больше никого не было. Старик нарезал хлеба, поставил стаканы, кувшин с молоком и сказал: «Кушайте побыстрей, неровен час, немцы заглянут». И действительно, только успели перекусить, как появились гитлеровцы. Едва сумели выскочить из дома. Обосновались в стогах соломы. И тут на дорогу выползли немецкие танки. Неожиданно появились наши самолеты. На колонну немецких войск посыпались бомбы. Не выдержав, пограничники закричали «ура!». Бомбы точно настигали цели, и танки буквально разламывались на глазах. Бойцы ликовали.

Ночью группа продолжила свой путь на восток. Форсировали еще какую-то реку и оказались в селе Савенцы. Политрука Кузенкова и интенданта второго ранга доставили к генералу Плиеву. Он попросил подробно рассказать, где шли, что видели. А потом поблагодарил за информацию, приказал накормить бойцов и оказать им необходимую медицинскую помощь.

Хочется отметить исключительную преданность пограничников нашего отряда Родине, их глубокую веру в правоту нашего дела и безусловную победу над врагом. Даже находясь в окружении вражеских войск на временно оккупированной гитлеровцами территории, бойцы и командиры отряда не вешали головы, сохраняли спокойствие, были уверены в силе советского народа, в его огромных возможностях к сопротивлению наглым захватчикам. Вот какую оценку нам дал представитель штаба Юго-Западного фронта генерал-майор Ильин-Мицкевич: «При выходе из вражеского окружения я видел много групп и отрядов, но этот 94-й отряд пограничников оказался исключительно организованным и боевым».

В пермской областной газете «Звезда» 31 октября 1969 года была напечатана статья «Гимн героизму» журналиста АПН Александра Ландышева, в которой рассказывалось о подвиге пограничников 94-го погранотряда. На статью откликнулся бывший пограничник отряда П. В. Мосин: «Непродолжительной была моя служба на заставе в Карпатах. Таким же недолгим

был и боевой путь от Карпат до Лубен. После ранения воевал в пехоте, потом был танкистом, десантником, разведчиком, войну закончил артиллеристом на Дальнем Востоке. Пять раз испытал госпитальную койку. Где бы ни воевал, всюду были надежные боевые товарищи. Но никогда не забыть бои в составе нашего погранотряда. Навсегда останутся в памяти и дни, когда небольшая группа пограничников, в которой был и я, охраняла штаб 26-й армии. Вместе со штабом армии мы выходили из окружения. После нескольких атак у местечка Оржицы нам удалось пробить брешь, через которую прошел штаб 26-й армии. В этом бою геройски погибли мои земляки — пограничники Алексей Казанцев и Василий Юдин. Не многие тогда вышли из вражеского кольца. Но и враг платил дорогой ценой».

В сводке политуправления войск НКВД о боевой деятельности и политико-моральном состоянии войск по охране тыла Юго-Западного фронта, находившихся во вражеском окружении в сентябре 1941 года, говорилось: «Выполняя приказ № 270 народного комиссара обороны, бойцы, командиры и политработники частей вели упорную борьбу в тылу противника и нанесли ему значительный урон. Личный состав войск НКВД, находясь в окружении, все время выполнял самые ответственные задачи. В борьбе с превосходящими силами врага многие бойцы, командиры и политработники проявили героизм, мужество и отвагу... Действуя небольшими группами, пограничники смело пробивались вперед, нанося врагу урон в живой силе и в материальной части. Политаппарат, партийные и комсомольские организации частей и подразделений, находясь в окружении, вели большую работу по укреплению политико-морального состояния, сплочению личного состава и мобилизации бойцов и командиров на выполнение поставленной задачи. В группе политрука Семашко и капитана Татьянина были созданы партийная и комсомольская организации. Непрерывно велась партийно-политическая работа. Батальонные комиссары Авдюхин, Ильин и Леонов, старшие политруки Тараканов, Дорошенко и другие со своими бойцами смело и неустанно дрались с противником. В результате каждый из них вывел из окружения группу пограничников с оружием и боеприпасами».

Пробился с группой бойцов и командир полка майор Ф. И. Врублевский. Через много лет он написал, оценивая все, что пришлось пережить, выдержать бойцам и командирам 94-го погранотряда за первые девяносто дней Великой Отечественной войны: «Я думаю, это был настоящий массовый подвиг двух с половиной тысяч людей. Мне не было известно ни об одном факте трусости, малодушия, ни один из пограничников не

сдался добровольно в плен врагу, не поднял рук, не капитулировал, в какой бы сложной обстановке ему ни довелось быть. Пусть же не забудется этот подвиг в сердцах людей...»

За линию фронта

В приказе НКВД Союза ССР от 25 сентября 1941 года говорится: «Ввиду тяжелых потерь с сего числа 94-й пограничный отряд прекратил свое существование». Да, так перестал существовать в сентябре 1941 года как самостоятельная боевая единица наш погранотряд. Но на этом не закончился его боевой путь и боевая история. Из оставшихся в живых и вышедших из окружения бойцов и командиров нашего отряда был сформирован 92-й пограничный полк. Командиром его был назначен майор Ф. И. Врублевский, комиссаром — батальонный комиссар Н. А. Авдюхин, начальником штаба — майор М. К. Кудряшов. Командирами батальонов также стали воины 94-го погранотряда капитан И. В. Бурцев и капитан А. К. Татьянин.

С несколькими бойцами своей заставы я тоже ожидал назначения. Жили в одной из школ Белгорода. Это было большое трехэтажное здание, расположенное в центре города. За несколько дней, что мы провели здесь после выхода из окружения, нас переодели в новое обмундирование, подкормили. Пополнили и боезапас. Спали в классах на полу, положив под голову вещмешок, укрывшись шинелью. Тут же в школе была столовая. Раза два или три я ходил обедать в городскую столовую, которая была поблизости, в нескольких кварталах от нас. Однажды встретил там комиссара Богатикова.

— Тебя не узнать,— сказал Богатиков, оглядев меня.— Ну, как дела?

Я объяснил, что жду назначения.

— Давай ко мне в 21-ю армию,— предложил он.

Я покачал головой:

— Нет, я пограничник и из своего полка никуда не пойду.

Это была последняя встреча с Иваном Никифоровичем, заместителем начальника политотдела 21-й армии. С тех пор наши пути не пересекались. После войны я узнал, что он погиб в конце 1942 года под Сталинградом. В Москве живут двое его сыновей.

Несколько раз в те дни довелось пройтись по улицам Белгорода. Город эвакуировался, но все было спокойно, не видно ни

суеты, ни паники. В магазинах шла нормальная торговля. Работала электростанция. В городских репродукторах гремели марши. Была радиоточка и у нас в школе. Мы слушали последние известия, обсуждали положение на фронте. На нашем участке было затишье. И это обнадеживало. Поговаривали, что, возможно, скоро начнется контрнаступление.

В конце сентября меня наконец вызвали в штаб полка. Явился туда, как говорят, в полной боевой готовности: с оружием, планшетом, в теплой куртке, с фляжкой на ремне.

— Как самочувствие? — спросил Врублевский.

— Все в порядке, надоело отлеживаться.

— Сколько с вами вышло из окружения?

— Семеро,— ответил я.

— Вот вам предписание. Своих людей возьмите с собой. Направляетесь в первый батальон к капитану Татьянину.

Выйдя от командира полка, я зашел в комнату, где меня ожидали мои подчиненные — пограничники Макаров, Ердаков, Волков, Колесников и остальные.

— Ну, хлопцы,— сказал я,— собирайтесь, пошли.

Бойцы быстро надели шинели, взяли винтовки, перекинули через плечо патронташи, подцепили к ремням подсумки и гранаты и вслед за мной покинули школу.

На выходе из города в районе Микояновки стоял небольшой заводишко, в котором размещалась одна из рот нашего батальона. Разыскали командира лейтенанта Гаврикова и уточнили, как добраться до села Томаровки, где находился штаб батальона.

Было погожее осеннее утро. На небе ни облачка. Небольшая рощица, что встретилась на пути, стояла притихшая в нежно-золотом убранстве. На дороге не видно ни машин, ни боевой техники. Только изредка попадались подводы, на которых колхозники везли картофель, зерно или ехали на них по какой-то иной надобности. Время от времени с обочин взлетали жаворонки. Вид беззаботных пичуг навевал мирные, спокойные мысли.

Мы бодро шагали вдоль убранных полей, радуясь, что наконец снова будем при деле, что продолжает существовать наш пограничный отряд, только переименованный в пограничный полк, что в общем-то хоть и потеснили нас немцы, однако их «блицкриговские» планы, несмотря на кажущуюся значительность первых успехов, терпели провал.

Давно минул август — последний месяц войны по гитлеровским прогнозам, а не пали ни Москва, ни Ленинград. Бои приобретали для немецких захватчиков невыгодный, затяжной ха-

рактер. Вот уже два месяца оборонялась Одесса. Враг безуспешно штурмовал Крымский перешеек. Полтора месяца он не мог прорваться на Лужском направлении. Был остановлен на Крайнем Севере, на реках Свирь и Волхов. Чувствовалось — напор гитлеровских войск слабеет. Враг явно выдыхался, хотя и был еще силен.

К вечеру мы остановились в одном из сел на пути к Томаровке. В доме, где жили одинокие старик со старухой, устроились ночевать. Оказалось, что два сына у них на фронте и дочь. А писем нет. В общем, разговорились. Мы рассказали, как идем от самой границы, в каких боях участвовали.

— И ведь живы, соколики, остались,— причитала старая женщина.— Может, и наши живы?

Старик достал фотографии:

— Посмотри, командир, не встречал где этих?

Я взглянул на снимки и покачал головой.

Утром мы продолжали свой путь и во второй половине дня пришли в Томаровку. У входа в село нас встретили патрульные пограничники и придирчиво проверили документы у каждого. Приятно было наблюдать это. Никакой беспечности. Все строго, по-фронтовому, по-пограничному.

У штаба батальона стоял часовой. Снова пришлось доставать и показывать удостоверение личности и предписание.

Капитана Татьянина я видел впервые. Когда вошел в дом, он что-то обсуждал с другими штабными работниками. Прочитав предписание, комбат прищурился и, хитровато улыбнувшись, заметил:

— Видно, вышло недоразумение, у меня все командиры рот есть.

— Но ведь...— я показал на предписание.

Командир батальона еще раз перечитал бумагу и пожал плечами:

— Что-нибудь они там напутали.— И вдруг неожиданно сказал: — А вот командир взвода мне пригодился бы, в первой роте не хватает одного взводного.

Я стоял, раздумывая над создавшимся вдруг положением. Конечно, не очень-то радовала перспектива получить вместо роты взвод. Все-таки я был начальником заставы, а это, если перевести на армейские ранги, командир роты. К тому же участвовал в боях. Видимо, из этого и исходили в штабе полка, вручая предписание. Да вышла какая-то неувязка. Что ж теперь делать? Не спорить же с капитаном Татьяниным, который был тут ни при чем и не шагать обратно полсотни верст в

штаб полка. Взвод так взвод. И махнув рукой, я сказал комбату полушутя-полусерьезно:

— Не важно, в каком ранге быть, лишь бы немцев бить.

Татьянин улыбнулся и сказал, чтобы я нашел младшего лейтенанта Василия Горбунова и доложил ему, что поступаю в его распоряжение. Он был командиром первой роты.

С Василием Горбуновым мы были знакомы по совместной службе сначала в 20-м Славутском, а потом в 94-м Сколенском пограничных отрядах. Родом он был из Куйбышева и до призыва в пограничные войска работал учителем в школе. Буквально перед самой войной закончил трехмесячные курсы младших лейтенантов и уже вскоре стал начальником заставы. Теперь в ходе боевых действий его выдвинули командиром роты.

Я представился Горбунову. Но он махнул рукой: какие уж тут формальности. Почти сразу признался, что командовать ротой и руководить оперативно-служебной деятельностью ему трудновато, и попросил помогать ему. Работали мы дружно. Горбунов был командиром боевым, энергичным, смелым, и это в известной мере возмещало нехватку знаний и опыта.

Политруком в роте был старший политрук Лавренов, спокойный, уравновешенный человек, служивший раньше в 20-м Славутском пограничном отряде секретарем партбюро, а затем в 94-м политруком одной из застав. С ним мы тоже были знакомы. В первых боях Лавренов показал себя с самой лучшей стороны, проявил мужество и храбрость. И заместителем командира роты был также наш однополчанин, человек большой сметки и богатырской силы лейтенант Илья Васильченко, бывший в 94-м погранотряде помощником начальника оперативного поста. Он тоже побывал в боях под Попельней, Елисаветовкой и Лубнами. Командиры взводов были незнакомы мне. Лейтенанта Осаулова призвали из запаса, а лейтенант Рябцев раньше служил во внутренних войсках НКВД.

Я был очень рад, что со мной во взводе продолжали находиться мои подчиненные, пограничники десятой заставы, другие бойцы нашего и соседних погранотрядов, прошедшие, как говорится, сквозь огонь и воду. Моим помощником во взводе был Константин Ильин — бывший старшина одной из застав 92-го Перемышльского отряда, сражавшийся в Перемышле, под Рогами, не раз поднимавшийся в контратаки на врага. Во взвод зачислили Макарова, Колесникова, Волкова, Ердакова. Этих людей я хорошо знал, испытал их в бою, верил в них безгранично. Верил в их бесстрашие, исключительную дисциплинированность, готовность выполнить любой приказ. Ведь все

это время они выполняли самые трудные задачи. И в новой обстановке можно было положиться на них.

И в других подразделениях полка продолжали служить бывшие пограничники десятой заставы — старшина Михаил Вершинин, сержант Василий Борисов, Петр Дмитриев и другие. Ни разу не пришлось краснеть за них. Все они самоотверженно выполняли возложенные на них обязанности, проявляли беззаветную преданность делу, а когда наступал трудный час, насмерть бились с врагом и погибали как герои.

В конце сентября обстановка на фронте продолжала оставаться напряженной. Буквально вскоре после того, как мы оказались в Томаровке, стало известно о новом наступлении гитлеровцев, предпринятом на Москву. Оно началось 30 сентября 1941 года. Враг стремился любой ценой окружить и уничтожить наши войска, прикрывавшие столицу. 3 октября 1941 года в речи по радио Гитлер заявил: «48 часов тому назад начались операции гигантских размеров. Они будут способствовать уничтожению врага на востоке. Враг уже разбит и никогда больше не восстановит своих сил». Это хвастливое заявление не учитывало ни возможностей нашего государства, ни возможностей Красной Армии, которая, несмотря на потери, делала свое дело мужественно и стойко.

Мы оказались в стороне от главного удара немецко-фашистских войск. После сформирования 92-й пограничный полк вошел во вновь созданный Юго-Западный фронт. В начале октября немцы в районе Томаровка—Грунь, который прикрывала 9-я кавалерийская дивизия, а ее тыловые рубежи — наш батальон, вели себя тихо. Эту передышку бойцы и командиры дивизии использовали для совершенствования обороны. Им уже пришлось побывать в боях. Именно эта кавалерийская дивизия обеспечивала выход из окружения наших войск в районе Сорочинцев и Савенцев. Она действовала и у Каневских переправ на Днепре, отличилась и в других боях.

Обычно для поиска диверсантов, шпионов, агентов посылалось отделение, с которым шел я или мой помкомвзвода. Мы прочесывали местность, обыскивали леса и рощи, овраги и ложбины, заходили в села. Шли по определенному маршруту, намеченному в штабе батальона или командиром роты. Ночевали в сараях, пустующих домах: таких было немало, люди эвакуировались, уходили в тыл страны.

Пока было все спокойно, мы пользовались телефонной и радиосетью гражданских узлов связи. С помощью этой сети роты и взводы поддерживали связь со своими штабами при выполнении боевых задач. По этим каналам мы слушали и го-

лос столицы нашей Родины Москвы, который вселял в наши сердца уверенность в мощи нашей страны, непобедимости Красной Армии. Последних известий все ждали с нетерпением. Каждое новое сообщение о том, что происходит под Москвой, тотчас доводилось политработниками до бойцов. Тут же доставали географическую карту с передвижными красными бумажными флажками, отмечали линию фронта. Мы, кто первыми принял страшной силы удар врага, хорошо видели, что хотя противник и теснит наши войска, но слабеет с каждым днем.

Однако враг все еще обладал достаточными силами, чтобы вести бои не только под Москвой, но и в других местах огромного советско-германского фронта. В конце октября гитлеровцы потеснили советские войска и на нашем участке. Части 21-й армии, тыл которой мы охраняли, ведя тяжелые кровопролитные бои, также отошли и закрепились западнее Белгорода.

Стояла холодная дождливая погода. Дороги разбухли. 9-я кавалерийская дивизия совершала переход на новый оборонительный рубеж. Взаимодействуя с ней, прикрывая ее арьергарды, мы тоже снялись с места. Шли полями и перелесками. Размягченный чернозем прилипал к сапогам, кони едва волочили ноги по этой разжиженной земле.

В один из вечеров наша рота оказалась в селе Сабынине. Нас поразил цвет воды в Северном Донце. Она была какой-то серо-белой. Только приглядевшись, мы увидели на реке утиные и гусиные стаи, а потом услышали их могучий крик. Кто-то спросил политрука Лавренова, откуда в таком маленьком селе столько птицы.

— Видно, это то, что эвакуируют колхозы,— высказал предположение старший политрук и с несколькими бойцами стал спускаться к реке.

Так оно и оказалось. В Сабынине сосредоточились птицеводческие хозяйства из многих эвакуировавшихся колхозов. Колхозники угоняли птицу от врага.

Как только мы оказались в селе, командир роты приказал мне разыскать представителей местных властей. Взяв с собой командира отделения сержанта Кишеневского, я направился в правление колхоза. Оно располагалось в небольшом доме на центральной площади. Когда мы зашли туда, то увидели много людей, что-то оживленно обсуждавших.

— Здравствуйте, где тут найти председателя колхоза или сельского Совета? — спросил я.

Человек, сидевший за столом, ответил:

— Я председатель колхоза, а вот он,— мужчина показал на своего соседа,— председатель сельского Совета.

Я подошел ближе.

— А, пограничнички пришли, значит, завтра здесь будут немцы,— заметил сидевший рядом с председателями невысокий человек.

— Ну, это не обязательно,— попробовал возразить я.

Но мужчина добродушно улыбнулся и продолжал:

— Не обижайтесь, поверьте, я-то знаю. От самой почти границы иду. Так что не в первый раз встречаюсь с пограничниками. За вами уж никого не бывает. Вон вчера днем конники через село проскакали, ушли за Северный Донец. Сегодня вы пришли, значит, завтра жди немца.

В словах незнакомца была правда. Пограничники, как правило, отходили последними. Это видели жители многих городов и сел, руководители партийных и государственных органов. Видимо, мужчина, заговоривший со мной, был из западных районов страны, потому таким образом воспринял наше появление.

Как бы подводя итог нашему разговору, я сказал:

— Товарищи председатели колхоза и сельского Совета, вас просит подойти наше командование.

Командир роты Горбунов и политрук Лавренов довели до сведения местных руководителей действительную обстановку и посоветовали все, что можно, эвакуировать за Северный Донец.

— У нас в ставка́х много рыбы, как с ней быть? — спросил председатель колхоза.

— Ночью спустите воду, а утром раздайте все колхозникам,— порекомендовал политрук Лавренов.

На рассвете рота оставила село. По крутому западному берегу мы спустились к реке. И тут кто-то удивленно спросил:

— Товарищи, а куда же делась река?

Вместо широких плесов, что вчера еще были здесь, шелестели под ногами камыш и осока. Только чуть впереди среди множества небольших квадратных котлованов, как ниточка, вился шириной не более полуметра ручей. Кое-где на илистом дне в темных лужицах прыгали золотистые карпы. Это все, что осталось от рыбного хозяйства колхоза.

Политрук Лавренов объяснил пограничникам, что произошло. А потом, обращаясь к командиру роты, заметил:

— А председатель — молодец. Ни птицы, ни рыбы не оставил немцам.

— Да, крепко поработал,— отозвался лейтенант Горбунов,— да так, что и мы не слышали. Действительно молодец.

— На что ж рассчитывает Гитлер? — неожиданно сказал Лавренов.— Разве может он сломить такой народ? — И сам себе ответил: — Нет, не сможет.

Командир роты согласно кивнул головой.

Мы перешагнули через обмелевший Донец и вступили на разбитую, разбухшую от дождя, который шел и сейчас, полевую дорогу. Часа через два она затерялась среди полей, а потом и вовсе кончилась у почерневших стогов соломы. Дальше пошли полем. Размокший чернозем так лип к ногам, что казалось, к сапогам были подвешены свинцовые пластины. Промокшие до последней нитки и обессиленные, мы заночевали к вечеру в каком-то селе.

К исходу следующего дня рота достигла реки Корочи. Однако и тут мы долго не задержались, поступил приказ отойти к реке Оскол. Где-то впереди нас следовали две роты и штаб нашего батальона. Все чаще на нашем пути встречались свежеотрытые окопы, траншеи, противотанковые рвы, во многих местах наполовину залитые водой. Чувствовалось, что все было подготовлено к обороне, но, видимо, в сложившейся обстановке занимать этот рубеж было невыгодно.

Наш полк снова выходил на охрану тыла 21-й армии. Эта армия была сформирована в апреле 1941 года в Приволжском военном округе. За неделю до вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз войска ее стали передислоцироваться на территорию Западного особого военного округа. Война застала большую часть соединений в эшелонах, растянувшихся по железным дорогам от Волги до Днепра. 1 июля 1941 года армия развернулась вдоль Днепра от Могилева до Речицы. А 13 июля начала наступление в направлении Бобруйска. Гитлеровский генерал А. Филиппи в книге «Припятская проблема» писал: «Правое крыло группы армий «Центр» сильно отставало. Оно еще в середине июля задержалось на рубеже Кричев — Рогачев, не будучи в состоянии сломить усиливающееся сопротивление 21-й армии русских севернее Гомеля...» Теперь 21-я армия закреплялась на берегах Северного Донца.

Штаб батальона и наша рота обосновались в райцентре Чернянка Курской области. Это был большой поселок городского типа с одноэтажными деревянными домами. В нем находились руководство Чернянского района, два правления колхозов и два сельских Совета. Приближались дни праздника 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Жители Чернянки готовились встретить праздник. Они приводили в порядок дома, белили их, подметали дворы, улицы.

Для нас эти дни были наполнены заботами. Только что в штаб батальона поступили данные о том, что в селе Гнилуши появилась группа подозрительных людей. Наш взвод подняли по тревоге. Мы поспешили в указанное село. Опросили местных жителей, беседовали с председателем колхоза, все заявляли: да, были, забрали продукты и ушли, а куда — никто не знает.

Четыре дня мотались мы по округе, пока наконец не напали на след этой группы. Диверсанты отстреливались, но в конце концов были вынуждены сдаться.

Мы вернулись в Чернянку 6 ноября во второй половине дня. На многих домах висели красные флаги, а в центре города, на площади, виднелись лозунги. Бойцы и командиры роты располагались в здании одной из школ. Там остановились и мы. С нетерпением все ждали вечера. Взоры пограничников были устремлены на стену, где висел громоздкий черный репродуктор. Вот-вот местный радиоузел должен был начать трансляцию. Что-то скажет Москва? Наконец в громкоговорителе раздался легкий треск, а затем голос диктора объявил:

— Внимание, говорит Москва.

Все затаили дыхание. Начиналось торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями Москвы. Еще несколько мгновений, и из динамика послышался знакомый глуховатый голос. Чеканя каждое слово, Сталин говорил об итогах первых четырех месяцев войны, о провале гитлеровского плана «молниеносной» победы, причинах временных военных неудач Красной Армии, задачах, которые встают перед армией и советским народом.

«Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР,— говорил Сталин.— Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат...

В отличие от гитлеровской Германии Советский Союз и его союзники ведут войну освободительную, справедливую, рассчитанную на освобождение порабощенных народов Европы и СССР от гитлеровской тирании... Но чтобы осуществить эти цели, нужно сокрушить военную мощь немецких захватчиков... необходимо, чтобы наша армия и наш флот имели деятельную и активную поддержку со стороны всей нашей страны... чтобы вся наша страна и все народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с нашей армией и флотом великую освободительную войну за честь и свободу нашей Родины, за разгром немецких армий.

В этом теперь задача.

Мы можем и мы должны выполнить эту задачу...»

Свой доклад Сталин закончил словами:

— Наше дело правое, победа будет за нами!

Мы аплодировали, кричали «ура!», чувствовали себя так, словно бы находились там, на торжественном заседании в Москве. Весь вечер были под впечатлением прослушанной речи. И кто-то вслух обронил мысль, которая потом долго обсуждалась между бойцами и командирами,— будет ли завтра традиционный парад войск на Красной площади? Большинство сходилось на том, что ввиду исключительности сложившейся под Москвой ситуации парада не будет, не до парадов, мол, сейчас, надо бить немцев.

Каково же было наше удивление наутро, когда мы услышали потрясающую новость: парад войск на Красной площади состоялся! В полной боевой готовности проходили через Красную площадь мимо Мавзолея В. И. Ленина части и подразделения, чтобы отсюда сразу направиться на фронт. Мы слышали в репродукторе, у которого опять собрались все, мерную поступь полков, могучий рокот танковых моторов и внимали тому, что происходило в родной Москве, как предвестию грядущих побед.

В Чернянке на площади тоже состоялся митинг, на котором выступил представитель райкома партии и кто-то из колхозников. На митинг собрались и все свободные от службы бойцы нашего батальона. На трибуне стоял капитан Татьянин. Настроение у нас было праздничное, приподнятое. Долго в этот день на центральной площади Чернянки играла музыка.

В первых числах ноября наступление противника под Москвой было остановлено почти на всех направлениях, что заставило гитлеровцев вновь подтягивать резервы и готовить новый бросок к столице нашей Родины. Он начался в середине ноября и продолжался до первых чисел декабря. Стала окончательно очевидной безнадежность всех попыток врага овладеть советской столицей. Наступление на Московском направлении разбилось о неприступную стойкость советских воинов. Противник понес огромные потери.

Части 21-й армии на берегах Северного Донца приостановили наступление противника. Фронт на этом участке стабилизировался. 1 декабря 1941 года командующий 21-й армией генерал-лейтенант В. Н. Гордов приказал командиру 92-го погранполка майору Ф. И. Врублевскому сформировать из бойцов и командиров полка истребительный отряд для действий в тылу врага. Командиром этого отряда был назначен капитан Татьянин, военкомом — старший политрук Тарасенков. Отряд состо-

ял из 116 человек. В нем было 11 коммунистов и 71 комсомолец. Парторгом отряда назначили младшего сержанта Слейчукова. В каждом взводе находился комсомольский организатор. Командирами взводов стали старший лейтенант Чашкин, лейтенант Фоменко и лейтенант Горбунов. Из нашего взвода в истребительный отряд ушли два пограничника: пулеметчик Пятунин и его второй номер.

4 декабря 1941 года в 4 часа отряд на автомашинах выехал в город Корочу, где дислоцировался штаб 21-й армии. В восемнадцать часов была получена задача от командарма: пройти незаметно в тыл врага, в Кисловский лес около села Гостищева, и устроить засаду на вероятных путях передвижения немецких войск. Срок операции — трое суток.

Стояли тридцатиградусные морозы. Мела пурга. Чтобы автоматы и пулеметы не отказали в бою при таком холоде, бойцы наполнили фляги спиртом для промывки затворов и подвижных частей пулеметов. Ночью выпал густой снег. Истребительный отряд благополучно перешел через линию фронта и достиг Кисловского леса, где повзводно окопался на опушке в снегу. В одном из донесений командира полка говорится: «В 14.30 из села Гостищево показалась небольшая группа бойцов и командиров Красной Армии, выходившая из окружения. Эта группа с боем отошла в лес, где находился отряд пограничников. Горстку бойцов численностью в 20 человек преследовало около двух батальонов немцев. Противник прижал их к лесу, а затем окружил».

Немцы были уверены, что в лесу находятся только эти бойцы. О том, что здесь сосредоточился истребительный отряд, гитлеровцы не подозревали. Когда окружение отходивших красноармейцев они посчитали законченным, один из немецких офицеров, приблизившись к лесу, крикнул: «Рус, сдавайся! Вы окружены. Комиссары и коммунисты, выходи вперед и вправо, остальные влево...» Первым же выстрелом незадачливый фашистский оратор был убит.

Истребительный отряд, занимавший круговую оборону, стойко отразил шесть атак, предпринятых противником. Каждый раз пограничники встречали врага дружным прицельным огнем. Все попытки гитлеровцев сжать кольцо окружения и уничтожить находившихся в нем бойцов не удались. Личный состав истребительного отряда сражался отважно и умело. А затем капитан Татьянин и старший политрук Тарасенков подняли бойцов в атаку. Вражеское кольцо было прорвано. Противник в панике бежал. На поле боя осталось более 200 убитых и раненых фашистов. Истребительный отряд потерял

пятерых бойцов, четверо были ранены. Всех раненых эвакуировали и направили в госпиталь.

Обо всем этом я узнал от своего подчиненного Пятунина, благополучно вернувшегося во взвод. Отыскав меня, он доложил, что прибыл после выполнения специального задания в тылу врага. Я попросил Пятунина рассказать о действиях истребительного отряда всему взводу. Бойцы с интересом слушали его и высказывали пожелание в следующий раз тоже пойти во вражеский тыл в составе истребительного отряда.

Высокую оценку действиям пограничников дал командующий 21-й армией. Он приказал всех участников боя представить к награде. Был награжден и пулеметчик Пятунин и его второй номер. В конце декабря всех представленных к награде вызвали в штаб полка. Из Корочи два наших пограничника вернулись с медалями «За отвагу».

В начале декабря мы узнали о контрнаступлении под Москвой, а к середине месяца — о первых его итогах. Войска Калининского, Брянского, Западного и Юго-Западного фронтов успешно осуществляли первую в ходе Великой Отечественной войны крупную наступательную операцию, имевшую стратегическое значение и исторические последствия. В результате упорных боев советские войска освободили от немецко-фашистских захватчиков 11 тысяч населенных пунктов, в том числе города Калинин и Калугу, ликвидировали опасность окружения Тулы. Враг был отброшен от Москвы на 100—250 километров. Отпала непосредственная угроза столице нашей Родины. Гитлер потерпел первое крупное поражение во второй мировой войне. Миф о непобедимости немецких армий был окончательно развеян.

В конце декабря 1941 года Военный совет 21-й армии решил послать в тыл врага еще один, более многочисленный истребительный отряд. В него вошло свыше ста пограничников и более двухсот бойцов Красной Армии во главе с капитаном Закатовым. Окрыленные победами под Москвой, бойцы с большим воодушевлением отправлялись на выполнение ответственного задания. Возглавил истребительный отряд капитан Николай Викторович Бурцев, о котором, как помнит читатель, упоминал в своем письме Саша Зайцев, юный разведчик, которого капитан Бурцев посылал в город Лубны.

Н. В. Бурцев, уроженец города Коврова, был призван в армию в 1932 году. Окончил пограничное училище. Служил начальником заставы. В 94-й пограничный отряд Николай Викторович прибыл в марте 1940 года после окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе. Грамотный, смелый, хорошо

ориентирующийся в сложной обстановке, он быстро принимал продуманные, правильные решения. К началу войны Бурцев был комендантом второй комендатуры, которая дислоцировалась на станции Сянки. Он только вступил в должность, а через несколько дней в лесу у села Россохач появилась банда из 27 человек, пытавшаяся прорваться за границу. Капитан Бурцев принял непосредственное участие в операции. Банду окружили и ликвидировали. Исключительное мужество, выдержку и отвагу, умение в руководстве комендатурой проявил капитан Бурцев в Галиче и под Попельней. Особенно отличился его батальон при обороне города Лубны. Столь же мужественно вел он себя и при выходе из вражеского окружения, пробившись с пограничниками к Белгороду. Вот этому человеку и поручили возглавить новый рейд в тыл врага.

В донесении штаба полка в управление охраны тыла Юго-Западного фронта говорится: «27 декабря 1941 года в 15.30 командующий 21-й армией отдал приказ истребительному отряду в ночь с 28 на 29 декабря просочиться через линию фронта, выйти в район урочища Становое, оседлать шоссе Харьков — Белгород — Курск, уничтожать проходящие резервы противника на этой дороге. Срок операции в тылу врага — трое суток. По выполнении задачи истребительный отряд сосредоточивается в местечке Короча. Готовность отряда к 18 часам 28 декабря».

Майор запаса Заварзин, проживающий в городе Ижевске, написал мне: «В то время я служил в третьем батальоне 92-го полка. Наш батальон и штаб полка располагались в Короче. Помню, шло формирование истребительного отряда. Я тоже вызвался добровольцем. Командовал нашим батальоном капитан Бурцев, военкомом был старший политрук Постников, парторгом — политрук Терехов, а командирами взводов: автоматчиков — старший лейтенант Шумаков, станковых пулеметов — лейтенант Филоненко, стрелкового — лейтенант Шаманский.

Нам выдали белые маскировочные халаты. Командиры и бойцы готовили оружие. Было очень холодно. Затворы и все подвижные части автоматов, винтовок и пулеметов протирали спиртом.

28 декабря командование отряда поставило нам задачу. Вечером мы направились в штаб армии. Там нас объединили с батальоном Красной Армии.

Линию фронта мы миновали спокойно. Сказывался опыт, который был приобретен во время боевых действий в окружении. Все пограничники горели желанием быстрее встретиться с фашистами и дать им по зубам.

Немцы в то время в основном держались сел и деревень, превратив их в свои опорные пункты. А промежутки прикрывали заграждениями, минировали или держали под огнем артиллерии, минометов и пулеметов. Но к моменту нашего перехода выпал большой снег. Особенно много его намело в балки и овраги. Заграждения потеряли свое значение. Разведка, высланная в места, через которые пролегал путь истребительного отряда, обнаружила «бреши» во вражеской обороне. Всю ночь отряд шел оврагами и перелесками».

В шесть часов 29 декабря пограничники и бойцы Красной Армии вошли в хутор Калинин. Хуторяне были удивлены, откуда в тылу у немцев появилось столько наших бойцов. Они охотно угощали пограничников всем, что имели. И как бы невзначай спрашивали: «Что, наши выгнали немцев из Белгорода, теперь они больше не придут сюда?» И рассказывали о своей тяжелой доле. Особенно жаловались на старосту, который, по их словам, был предателем и активным пособником немцев: забирал скот, выдавал советских активистов. При Советской власти он был судим, а вот теперь работал на врага.

Капитан Бурцев поручил старшему лейтенанту Коваленко проверить эти данные. Все подтвердилось. С великим усердием и злорадством староста отбирал у своих односельчан скот, хлеб, шубы, валенки — словом, все, что мог, и передавал это немецкому командованию. Предателя тут же судили. Покидая гостеприимный хутор Калинин, пограничники взяли с собой и кровопийцу старосту. В нескольких километрах от села ему был зачитан приговор — расстрел. Приговор, объявленный старшим лейтенантом Коваленко, был тут же приведен в исполнение.

В заданный район истребительный отряд пришел уже засветло. Остановились в лесу недалеко от шоссе. Выслали дозоры, разведку. Командиры решали, как лучше выполнить боевую задачу и парализовать движение немецких войск на важной магистрали Харьков — Белгород — Курск. К 8 часам утра 30 декабря пограничники и бойцы Красной Армии заняли позицию на опушке большого леса у хутора Берегового в тридцати километрах севернее Белгорода. Ближе всего к дороге расположился взвод автоматчиков, которым командовал старший лейтенант Шумаков. Шумаков приказал вырезать несколько пролетов телефонной линии, соединявшей Белгород с Обоянью.

Участник этого рейда сержант Бондаренко, продолжавший потом службу в подразделении, которым я командовал, рассказывал:

— В истребительном отряде я находился во взводе Шумакова. Мы занимали круговую оборону в лесу. Старший лейте-

нант расположил на опушке наблюдателей, остальные бойцы окопались. В центре обороны был командный пункт отряда. Мы не знали точно, откуда ждать противника — от Белгорода или от Обояни, но понимали, что гитлеровцы обязательно появятся на дороге, так как поля и леса были заметены снегом. Не помню, сколько пролежали, как наши наблюдатели доложили:

— По дороге из Обояни приближается автомашина.

— Огня без команды не открывать! — приказал старший лейтенант Шумаков.

Расстояние между машиной и взводом быстро сокращалось. Сто, пятьдесят метров. Пора! Шумаков дает сигнал — огонь!

В упор ударили автоматчики и пулеметчики. Двенадцати гитлеровских захватчиков не стало. И снова наступила морозная тишина. Бойцы переговаривались:

— Эх, маловато мы их рубанули.

В 15 часов теперь уже от Белгорода к лесу приблизились две вражеские автомашины. У разрушенной линии связи немцы остановились, сошли с машин, стали выяснять, почему порваны провода.

— Огонь! — скомандовал своим станковым пулеметчикам лейтенант Филоненко.

Одна за другой падали серые фигурки фашистов на заснеженную курскую землю. Факелами вспыхнули автомашины. Застыла невдалеке и легковушка: опустил голову на «баранку» шофер, вывалился из дверцы немецкий офицер. И опять все затихло. Бойцы притащили мешок со служебной почтой и письмами гитлеровских вояк.

В донесении штаба полка говорится: «16.00. От Белгорода на дороге обнаружена вражеская колонна: броневик и семь автомашин с пехотой. Колонна остановилась в четырехстах метрах от залегших пограничников. Броневик открыл огонь. До двух рот вражеских солдат развернулись в цепь и атаковали юго-западную опушку леса. В ожесточенном бою противник был деморализован и в панике бежал к селу Пеньки, оставив более 140 убитых и раненых».

Истребительный отряд капитана Бурцева поставленную командованием задачу выполнил. Пограничники и бойцы Красной Армии сосредоточились в урочище Становом. Ночью отошли на восток. Отряд вновь оказался в хуторе Калинине, расположенном вдали от проезжих дорог. После бессонных ночей и напряженного боя люди устали, промерзли. Было решено дать личному составу отдохнуть и ближайшей ночью выйти к своим.

Выставив боевое охранение, капитан Бурцев остальным разрешил расположиться в домах.

Мела вьюга. Стоял лютый мороз. Трудно было предположить, что в такой глуши противник нападет на след отряда. Но это случилось. Усиленный пехотный батальон гитлеровцев скрытно подошел к хутору. Фашисты ворвались на юго-восточную окраину села, где располагались красноармейцы. Завязался ожесточенный уличный бой. Пограничники под командованием капитана Бурцева поспешили на помощь бойцам капитана Закатова. Смелой и решительной контратакой немцы были выбиты из хутора. Тогда фашисты, блокировав выходы из населенного пункта, стали методически обстреливать его из минометов.

Капитаны Бурцев и Закатов решили прорвать кольцо окружения. Они подняли бойцов в атаку. В нескольких местах заслоны были смяты. Отряд с боем вышел к станции Тетервино и там пробился через вражескую оборону к боевым порядкам 84-й стрелковой дивизии. В донесении о результатах этой операции сказано: «Истребительный отряд двое суток удерживал магистральное шоссе Белгород — Курск. В бою уничтожено более трехсот гитлеровцев, сожжено тринадцать автомашин, захвачен мешок с важными служебными документами. В бою отличились капитан Бурцев, старший лейтенант Филоненко, сержанты Бондаренко, Сергеев, бойцы Филиппов, Морозов, Воробьев, Маликин, заместитель политрука Слепчиков и оружейный мастер сержант Астахов. Все они командующим 21-й армией представлены к правительственным наградам.

Начальник охраны тыла Юго-Западного фронта генерал-майор Рогатин».

При выполнении этой боевой операции в тылу врага геройски пали командир отряда капитан Бурцев, политрук Терехов, лейтенант Шаманский и еще восемь бойцов, имена которых установить не удалось.

Осенью и зимой 1941 года в тылу немецких войск действовало большое количество истребительных отрядов, батальонов и даже полков. Одним из таких полков, сформированным в октябре 1941 года, командовал полковник А. Я. Махоньков, бывший до войны начальником 94-го пограничного отряда. 7 ноября 1941 года полк участвовал в параде на Красной площади в Москве, а 9 ноября первые группы истребителей были направлены в тыл врага. Первым перешел линию фронта истребительный отряд капитана Моисеева, перерезавший Минское шоссе. Затем такие же отряды начали действовать в районах Рузы, Дорохова, Рогачева, Наро-Фоминска. Только в район

Можайска с 6 декабря 1941 года по 4 января 1942 года было послано более тридцати истребительных отрядов. Истребители уничтожили здесь триста тринадцать гитлеровцев, одно тяжелое орудие, шестнадцать грузовых и пять легковых машин, перерезали более чем в двухстах пятидесяти местах телефонную связь и не раз захватывали важные документы противника. Пограничники выполняли в этот период и еще одну важную боевую задачу. Речь идет о наших снайперах, которые находились непосредственно в боевых порядках частей Красной Армии, нанося врагу ощутимый урон.

Так в боевых порядках 21-й армии два месяца лежали на заснеженных полях Белгородчины наши пограничные снайперы, выслеживая гитлеровцев. Каждый день они увеличивали счет уничтоженных фашистов. За убитых наших товарищей, за разрушенные города и села, за кровь и слезы матерей мстили они врагу, внося свою лепту в разгром немецко-фашистских захватчиков. Всего снайперы нашего 92-го полка уничтожили более трех тысяч солдат и офицеров противника.

Пограничные снайперы успешно действовали и на других участках огромного советско-германского фронта, истребив за короткое время десятки тысяч фашистских солдат и офицеров. Пограничники-снайперы были отмечены специальными приказами командующих армиями, многие из них награждены орденами и медалями.

На новых рубежах

Еще 29 июня 1941 года Совет Народных Комиссаров СССР и Центральный Комитет ВКП(б) заявляли, что в навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о «жизни и смерти Советского государства, о том, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение». В этом письме Центральный Комитет партии и Советское правительство предостерегали партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации и их руководителей от благодушия и беспечности, требовали быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад. Особое внимание уделялось укреплению тыла Красной Армии. Предлагалось подчинить интересам фронта всю деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, органи-

зовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, вести «борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов...».

Почему так остро встал вопрос во время Великой Отечественной войны об укреплении тыла, наведении в нем порядка, мобилизации всех сил народа на разгром врага? Потому, что от состояния советского тыла целиком теперь зависели успехи Красной Армии. Начиная войну против нас, главари гитлеровской Германии делали ставку не только на танки, самолеты и пушки. Они надеялись подорвать наше государство и изнутри, дезорганизовать советский тыл, лишить фронт самого необходимого. В дезорганизации тыла Красной Армии особая роль отводилась разведывательным и контрразведывательным органам.

Накануне войны деятельность разведки врага была направлена на сбор разнообразных данных о военных возможностях Советского Союза, на создание «пятой колонны», обеспечение внезапного нападения на СССР.

В ходе войны разведывательно-подрывная деятельность на нашей территории и в тылу действующих армий приобрела еще больший размах. Агентам врага удалось добыть для немецкого командования кое-какие сведения о советских войсках на фронте, их ближайшем тыле и осуществить ряд диверсионных акций. Так в первые недели августа 1941 года на Кировской и Октябрьской железных дорогах было совершено несколько диверсий.

В основном в прифронтовой полосе действовала военная разведка гитлеровцев — абвер. Абвером была создана на советско-германском фронте довольно широкая сеть разведывательных органов. К ним относились главный штаб «Валли» с подчиненными ему многочисленными разведывательными, диверсионно-террористическими и контрразведывательными абверкомандами. Специальный штаб — «зондерштаб «Россия»» для координации деятельности различных ведомств по экономическому шпионажу и проведению карательных мероприятий. Разведывательно-диверсионные школы, специальные лагеря, в которых подбиралась и вербовалась агентура. Особую роль выполняли войсковые части абвера — дивизия «Бранденбург-800», полк «Курфюрст», батальоны «Бергман» и «Нахтигаль», солдаты которых были переодеты в форму советских военнослужащих, сотрудников органов государственной безопасности и милиции. Отрядам и группам этих частей ставилась

задача проникать в ближайшие тылы действующей Советской Армии, захватывать переправы и важные военные объекты, взрывать коммуникации, сеять панику.

В 1971 году в журнале «Москва» был опубликован дневник С. Владимирова — одного из тех, кто пошел в услужение к фашистам. В своих записках бывший следователь гестапо рассказал и о деятельности «зондерштаба «Россия»», с отдельными сотрудниками которого ему пришлось близко столкнуться. После войны С. Владимиров, попросивший редакцию не называть его настоящей фамилии, скрылся в Южной Америке. Все это время он хранил записные книжки, которые вел, работая в гестапо. Теперь он решил предать их гласности. Редакция предпослала «Запискам» свой комментарий, в котором говорится, почему появилась эта публикация: «Но главное не в личности С. Владимирова и не в том, что его побудило на склоне лет нарушить обет молчания, а в содержании «Записок». Они проливают свет на одну из самых грязных страниц в истории НТС...»

Около пятисот человек служили целям «зондерштаба «Россия»». Они занимались разведкой и карательной деятельностью на оккупированной территории Советского Союза. Это был подсобный аппарат немецкой военной машины, опасный своей озлобленностью и чрезмерным усердием. Во главе «зондерштаба» стоял полковник Регенау-Смысловский, бывший начальник контрразведки врангелевской армии. Начальниками отделов были полковник Шаповалов, член руководства так называемой организации «Народно-трудовой союз» (НТС) Вюрглер, бывший царский поручик Бондаревский.

Один из них — Вюрглер, рассказывая автору дневника о своей жизни, говорил, что в июньские дни 1941 года главное управление имперской безопасности Германии провело переговоры с НТС об участии в войне против Советского Союза.

— С той поры каждый из нас и вся организация идем в ногу с гестапо.

Войдя в состав «зондерштаба «Россия»», эта организация верой и правдой служила фашистам.

«Бранденбург-800» было специальным диверсионным подразделением, сформированным в 1940 году в Бранденбурге. В нем было несколько рот, предназначавшихся для разных стран, с которыми гитлеровская Германия намеревалась вступить в войну. Но особое место отводилось роте, которой предстояло действовать на территории Советского Союза. Через некоторое время батальон «Бранденбург-800» был преобразован в полк, а затем стал дивизией. На советскую территорию

вступил полк особого назначения, который непосредственно подчинялся начальнику одного из управлений гитлеровской разведки. К числу задач, стоявших перед этим формированием,— показал Международному военному трибуналу в Нюрнберге один из агентов гитлеровской тайной службы Э. Штольц,— относились захват важных объектов, в основном военных, и их удержание до подхода передовых частей немецких войск. В ходе подготовки нападения Германии на Россию командование полка «Бранденбург» также занималось предметами обмундирования и оружием Красной Армии и формировало отдельные подразделения из немцев, владеющих русским языком.

В первые недели и месяцы войны диверсанты из «Бранденбурга» и других подобных диверсионно-разведывательных организаций, взаимодействуя со своими наступающими войсками, проникли в наш тыл. Они воспользовались тем, что, когда части Красной Армии отходили с боями, вместе с ними нередко уходили и жители многих городов и сел. Вот этот поток беженцев, эвакуацию раненых советских бойцов с фронта и использовала гитлеровская разведка для засылки своих агентов, шпионов, подрывников в тыл действующих армий. Гитлеровской разведке, как известно, не удалось выполнить поставленные задачи полностью. Заправилы фашистской Германии не учли ни силы, ни возможности советских органов государственной безопасности, ни морально-политическое единство советского народа, ни прочность нашего тыла. Они просчитались. С началом войны Коммунистическая партия и Советское правительство приняли ряд эффективных мер по перестройке органов государственной безопасности, внутренних войск НКВД, милиции применительно к условиям военного времени. Многое было сделано и для того, чтобы мобилизовать советских людей на борьбу с вражескими агентами, диверсантами и парашютистами. В местностях, объявленных на военном положении, вводился строгий порядок. Верные своему патриотическому долгу, советские люди проявляли высокую бдительность, разоблачали и уничтожали вражеских шпионов и их пособников всех мастей, как бы хитро они ни маскировались.

Огромную работу в этом направлении в тылу действующей армии проделывали пограничные батальоны и полки, а также войска НКВД.

В положении от 13 марта 1942 года «О пограничных войсках СССР, охраняющих тыл действующей Красной Армии» говорится: «Охрана тыла фронтов организуется распоряжением Военных советов фронтов и выполняется войсковыми частями

и тыловыми учреждениями НКО и специально выделенными для этой цели пограничными частями войск НКВД СССР. На пограничные войска НКВД, охраняющие тыл действующей Красной Армии, возлагается:

Борьба с диверсиями, шпионажем и бандитизмом, с мелкими отрядами и группами противника, проникающими для забрасывания в тыл (автоматчиками, парашютистами, сигнальщиками и пр.). В особых случаях по решению Военного совета фронта на пограничные войска НКВД может возлагаться охрана коммуникаций на определенных участках. Состав пограничных войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии по каждому фронту в отдельности определяется Генеральным штабом Красной Армии и НКВД СССР».

Такова вкратце история создания пограничных войск по охране тыла фронта, которые, по сути дела, охраняли подвижную границу от Заполярья до берегов Черного моря. По приказу Военных советов фронтов пограничным частям определялись полосы для несения службы. Как правило, заставы первого эшелона располагались на тыловых рубежах дивизий, штабы батальонов, полков и заставы второй линии — на тыловых рубежах армий. Как и на границе в мирное время, подразделения пограничных войск по охране тыла выставляли в указанных им районах все виды пограничных нарядов. Охрана тыла фронта была непрерывна как по времени, так и по пространству. В зоне действия пограничных частей все местные органы НКВД и милиция переходили в оперативное подчинение командования этих частей. В городах и селах вводился прифронтовой режим, который устанавливал Военный совет фронта. Все это было подчинено одной цели — борьбе с вражескими разведчиками, разгрому гитлеровских войск.

Однажды, побывав в Центральном государственном архиве Советской Армии, я нашел донесение штаба нашего 92-го погранполка от 11 декабря 1941 года: «Стало известно, что в районе села Плющиха, в 60 километрах от населенного пункта Чернянка скрывается группа неизвестных — 11 человек. Наряд под командованием лейтенанта Паджева в специальном тайнике под стогом соломы задержал эту группу».

Донесение напомнило об одном эпизоде, о котором хочется рассказать. При отходе советских войск из района Волчанска и Белгорода между нашей и немецкой обороной, проходившей по западному берегу Северного Донца, образовалась ничейная полоса от тридцати до пятидесяти километров шириной. Во многих селах, оказавшихся в этой полосе между реками Оскол и Северный Донец, наступило так называемое «безвластие».

Большинство советских и партийных органов эвакуировалось из этого района. Однако к декабрю 1941 года фронт на Юго-Западном направлении стабилизировался и части 21-й армии продвинулись на запад и заняли оборону по восточному берегу реки Северный Донец. Таким образом, «ничейная» земля опять стала нашей, и подразделения 92-го пограничного полка, охранявшие тыл 21-й армии, продвинулись вперед. В один из дней мы получили от местных жителей сообщение о том, что в период «безвластия» по селам ходила группа, одетая в форму красноармейцев. Возглавлял ее человек в форме советского старшины. Силой оружия они отбирали у местных жителей продукты. Мы стали разыскивать неизвестных. В одной из деревень председатели сельского Совета и колхоза показали любопытный «приказ», расклеенный в ближайших селах. В «приказе» говорилось, что за сопротивление в снабжении продовольствием оба председателя приговариваются к смертной казни через повешение, а их дома и имущество предаются сожжению. Однако привести приговор в исполнение помешали части Красной Армии, выдвинувшиеся к берегам Северного Донца.

— Обычно эти странные люди останавливались в соседнем селе, в доме двух женщин, где устраивали кутежи,— сказал председатель сельского Совета.— Там их и ищите.

Ночью мы появились в названном селе. В доме, что стоял на окраине, женщины подтвердили, что действительно к ним приходили какие-то неизвестные, одетые в красноармейскую форму. Говорят то по-немецки, то по-русски. Главный одет в форму советского старшины. Ни о чем женщин не просили, только приказывали готовить им еду.

— Придут, а потом на несколько дней исчезнут. Снова придут и снова исчезнут. Вот и теперь уже не были несколько дней.

Сразу за домом, где жили две одинокие женщины, начинался небольшой перелесок, дальше шло поле. Мы рассудили: если те, кто выдает себя за красноармейцев, не смогли уйти за линию фронта или метнуться в наш глубокий тыл, то рано или поздно они объявятся, так как голод заставит их заглянуть сюда.

Предупредив женщин, чтобы они вели себя и делали все так, как и до нашего прихода, мы выставили засады и стали ждать. Ночью пограничники Покуса и Машкин доставили в дом неизвестного. Женщины опознали в нем одного из тех, кто посещал их. После непродолжительного запирательства задержанный рассказал, где укрываются остальные. Пограничники окружили стога сена и предложили группе гитлеровских аген-

тов сдаться. Однако на наш ультиматум они ответили яростным огнем. Когда стрельба немного поутихла, в отверстие бункера, где прятались диверсанты, мы выпустили с десяток дымных ракет из ракетницы. Вскоре из-под земли донеслись голоса: «Не стреляйте, сдаемся».

На предварительном расследовании было установлено, что группу сформировал и забросил со специальным заданием на нейтральную полосу один из разведывательных центров абвера, действовавший на советско-германском фронте. Обстоятельства заброски и суть задания задержанные рассказали сотруднику соответствующих органов.

В памяти сохранился еще один подобный случай. В село, где располагался наш взвод, прибежала учительница и сообщила, что в деревне Коломейцево появились и исчезли куда-то пятеро неизвестных в военной форме. Тотчас выслали в село группу пограничников. Ночь выдалась темной, снежной, дорогу заметало сугробами. Когда бойцы прибыли на место, им подтвердили, что неизвестных видели, но, куда они ушли, не знают. Старший группы ефрейтор Покуса решил обойти село, поискать следы ушедших. За околицей пограничник Матулинский обнаружил глубокие вмятины. Преодолевая снежные заносы, то теряя, то снова обнаруживая чьи-то следы, Покуса, Матулинский, Михайленко и Остренко у соседнего села задержали тех, о ком говорила женщина. Неизвестные были отконвоированы в штаб батальона, а затем в штаб полка, где сознались в преступных целях, с которыми их забросила в наш тыл гитлеровская разведка.

Под какими «легендами» в основном посылалась вражеская агентура в прифронтовой тыл? «Легенды» были просты и удобны. Отстал от своей части. Вышел из окружения. После излечения в госпитале возвращается в подразделение. Дезертировал с передовой или из маршевого батальона. Конкретный способ заброски зависел от характера задания, продолжительности пребывания в советском тылу. Шефы немецкой разведки считали подобные методы надежными, тем более что соответствующие документы подчас изготавливались почти безукоризненно, так как нередко использовались истинные бланки, удостоверения, справки: их собирали у убитых, забирали у попавших в плен. Однако все это помогало вражеским шпионам и диверсантам плохо. Они вылавливались или уничтожались, как правило, не успев выполнить заданий своих хозяев. Только в течение трех месяцев подразделениями нашего полка в тылу 21-й армии было обезврежено несколько десятков агентов гитлеровской разведки.

Перед новым, 1942 годом можно было подвести некоторые итоги деятельности пограничников в прифронтовой полосе. С хорошим настроением и с еще большими надеждами встречали мы Новый год. В специальном приказе командир полка майор Врублевский благодарил и воинов нашего взвода за самоотверженную службу по охране тыла 21-й армии. Ночь с 31 декабря 1941 года на 1 января 1942 года застала нас в селе Купине. В одном из пустующих домов, где мы устроились, я поздравил бойцов и командиров с наступающим Новым годом.

— За победу, друзья!

Этот тост был поддержан всеми. По существовавшему в тот период положению на праздник бойцам выдавалось по сто фронтовых граммов. Тот, кто не заступал в наряд и мог отдыхать, чокнулись железными кружками.

В начале 1942 года структуру пограничных полков несколько видоизменили с учетом специфики нашей службы. Роты были преобразованы в заставы. Стала более тесной связь с гражданами прифронтовых сел, местными, партийными и государственными органами. Усилились контакты с нашей войсковой разведкой и контрразведкой. Это повысило эффективность борьбы с гитлеровскими шпионами и диверсантами в тылу Красной Армии.

В январе 1942 года я был назначен начальником одной из застав. Политруком ее стал двадцатидвухлетний младший политрук Иван Иванович Гончаров, бывший шахтер из Подмосковного угольного бассейна, служивший в пограничных войсках с 1938 года. Война застала его на одной из застав 92-го пограничного отряда. Гончаров участвовал в боях у Перемышля и под Уманью. Был энергичен, смел. К тому же, как говорится, еще и мастер на все руки: пел, плясал, играл на гармошке. Иван Иванович оказался вдумчивым и умелым политработником, вселявшим в бойцов оптимизм и веру в победу над гитлеровской нечистью.

Другим моим помощником был лейтенант Гариф Садыкович Джамолдинов родом из Казани. Он являлся заместителем начальника заставы. Прибыл Джамолдинов к нам из внутренних войск НКВД. Человеком он был порывистым, горячим, исключительно честным и храбрым. На него можно было во всем положиться, доверить самое серьезное и опасное дело. Он был со мной почти до конца войны. Потом демобилизовался и уехал к себе в Татарию.

Примерно в это же время к нам поступило распоряжение передать кадровых пограничников в 70-ю армию, которая ком-

плектовалась из бойцов и командиров пограничных войск и войск НКВД. Эта армия потом храбро дралась на Курской дуге в оборонительных и наступательных боях. В 70-ю армию убыли в начале 1942 года и несколько пограничников десятой заставы, с которыми я столько испытал и в которых был уверен как в самом себе. Перед расставанием мы посидели вместе, вспоминая о нашей довоенной службе на заставе, первых боях, помянули павших товарищей, пожелали друг другу увидеть светлый день победы над фашизмом. Жаль было расставаться с бывалыми бойцами, да что поделаешь.

— До свиданья, товарищ начальник,— говорили пограничники.— Может, еще свидимся?

Вместо убывших во взвод приходили люди, призванные из запаса или ограниченно годные к военной службе фронтовики. С теми, кто уже побывал в боях, было легче. Они умели владеть оружием, знали требования воинских уставов, дисциплины. Грудь некоторых украшали боевые ордена и медали. Эти бойцы, как говорится, уже нюхали порох. Тех же, кто призывался из запаса, а это были люди разных возрастов и профессий, как правило, приходилось учить уму-разуму. Не обходилось без казусов.

На вооружение мы тогда получили новые противотанковые гранаты. И вот однажды мы расположились в траншее и приступили к метанию гранат. Показав, как это нужно делать, я бросил гранату к цели. Казалось, все ясно. Новички понятливо кивали головами. Первым должен был выполнить упражнение правофланговый боец, которым оказался рядовой Малюк, пятидесятилетний колхозник из Винницкой области, выделявшийся среди других завидным ростом.

— По танку противника одной гранатой — огонь! — скомандовал я.

Но Малюк словно не слышал команды, стоял неподвижно с поднятой в руке гранатой. Я повторил команду. Малюк не шелохнулся. Тогда я выдернул предохранительную чеку и вновь скомандовал: «Огонь!» Однако боец словно оцепенел: сам бледный, а рука, сжавшая рукоятку гранаты, посинела. Знаком показываю, чтобы все легли на дно траншеи. Затем взял Малюка за руку и с силой толкнул вперед. Граната отлетела метров на шесть. Раздался сильный взрыв. Бруствер окопа пополз на нас.

Отряхнувшись, Малюк поднялся во весь свой гигантский рост и, смущаясь, попросил:

— Товарищ старший лейтенант, разрешите еще раз?

Но количество гранат выделялось точно по числу людей. И все же Малюку «повезло». Один из бывших фронтовиков попросил:

— Дайте мою гранату, товарищ старший лейтенант, Малюку. Я их уже накидался.

Я знал, что этот боец был в боях с первого дня войны. И разрешил Малюку повторить упражнение.

На этот раз Малюк бросил гранату, как говорят, дай бог каждому.

Прошло немного времени. Рядовой Малюк научился не только отлично метать гранаты, но и делать все, что от него требовала трудная и опасная наша служба. Можно было только радоваться, что мы заполучили такого бойца. Скоро и все остальные новобранцы вошли в строй.

До начала войны на карпатской границе наша застава находилась в центре отрядного участка. Теперь мы располагались на левом фланге, на значительном удалении от штаба батальона и штаба полка. Технических средств связи по-прежнему не было. Передача приказов и донесений осуществлялась пешими посыльными. Как и на границе, каждая застава имела свое небольшое хозяйство. В сущности, это была пароконная повозка, на которой перевозили боекомплект, продукты и котел для приготовления пищи. Обычно заставы находились по соседству с тыловыми органами дивизий, это облегчало снабжение. Для размещения людей подбирались пустующие здания. Помещение в вечернее время освещалось самодельными светильниками, изготовить которые не представляло труда. Артиллерийская гильза наполнялась соляркой, а в нее опускался лоскут шинельного сукна. Вот и готов был источник света. И хоть солярка коптила неимоверно и свет был слаб и тускл, все же это был надежный способ освещения.

Начавшаяся организационная перестройка внесла перемены и в командование полка. Убыл всеми нами любимый и уважаемый комиссар Николай Акимович Авдюхин. Его назначили комиссаром одной из стрелковых дивизий. С ней он и прошел всю войну, потом был секретарем партийной комиссии в Группе советских войск в Германии. Выйдя на пенсию, поселился в Подмосковье, где и жил до последнего своего часа. Вместо Авдюхина комиссаром стал бывший военком пограничной комендатуры 92-го погранотряда Николай Иванович Тараканов, человек боевой и храбрый, знающий свое дело. Сменился начальник штаба полка. Вместо майора Кудряшова пришел бывший комендант из 93-го погранотряда майор Зиновий Осипович Блюмин, хорошо знавший особенности службы наших войск. Май-

ор Блюмин прошел все должностные ступени. Был рядовым, старшиной, начальником заставы, заместителем коменданта и комендантом пограничного участка, командиром пограничного батальона. Зиновий Осипович участвовал во многих боях, в том числе и под Попельней и под Рогами.

3 марта 1942 года убыл и командир нашего полка майор Федор Иванович Врублевский. Его, как имевшего боевой опыт в руководстве пограничным отрядом в начальный период войны, в числе других командиров вызвали в Наркомат внутренних дел и назначили на Дальний Восток начальником пограничного отряда. В то время обстановка там была тревожной, не исключалась возможность нападения со стороны империалистической Японии. В 1944 году, после выхода наших войск на западную границу, Врублевский был назначен начальником Брестского пограничного отряда и в этой должности закончил службу в пограничных войсках.

Об убытии из полка майора Врублевского я узнал, получив доставленный связным заставы пакет. Это было в селе Купино. Я опрашивал задержанных, когда появился пограничник Путянин и доложил:

— Товарищ старший лейтенант, вам пакет.

В конверте оказалась партийно-боевая характеристика, написанная на меня командиром полка майором Ф. И. Врублевским. Документы, по которым накануне войны меня принимали из кандидатов в члены партии, пропали. Уезжая, Врублевский вспомнил об этом. Стало и тепло на душе, и грустно от того, что не пришлось проститься с этим чутким, душевным человеком, который был вместе с нами и у села Корыстышева, где состоялось наше боевое крещение, и в лесу у Галича во время стычки с вражеским десантом, и в Попельне, Елисаветовке, в Каневе, Лубнах. Всюду Федор Иванович находился там, где было наиболее тяжело и опасно.

Полк от Врублевского принял наш бывший начальник отряда майор Босый. В этой должности он находился недолго. Уже в конце апреля 1942 года он передал свои обязанности майору Блюмину.

После сокрушительного разгрома немецко-фашистских войск под Москвой и провала плана «молниеносной» войны против Советского Союза гитлеровское руководство не отказалось от своих целей в этой войне. Оно все еще надеялось одержать победу, поправить дела на советско-германском фронте. Для этого на восточный фронт подтягивались резервы, проводилась перегруппировка войск, усилилась деятельность фашистской разведки. Затяжная война, не входившая поначалу в

планы гитлеровского руководства, вызвала перестройку и в работе разведывательных органов. Теперь предполагалось вести активную подрывную работу не только в прифронтовых районах, но и в глубоком тылу нашей страны.

В феврале 1942 года для этих целей был создан специальный разведывательный орган «Цеппелин-VI», для которого директивой от 15 февраля 1942 года Гиммлер определил направление работы: произвести политико-моральную «расшифровку» СССР; сломить единство народов СССР путем пропаганды; ослабить экономические силы Советского Союза путем вредительства, саботажа, террора и других средств.

Усилила гитлеровская разведка свою подрывную деятельность и в прифронтовых районах. С помощью диверсий она пыталась во что бы то ни стало ослабить работу тыловых органов наших дивизий и армий, нарушить нормальную жизнь военных предприятий, работавших в непосредственной близости к фронту, навредить любыми путями, не гнушаясь ничем.

В 1967 году в одном из номеров «Недели» рассказывалось, как немцы выбросили большую группу детей на парашютах в тыл Красной Армии по линии фронта от Калинина до Харькова. Дети были одеты в старую одежду, в торбах у них лежали продукты и мины, замаскированные под куски каменного угля. Они должны были подбрасывать их в тендеры паровозов или склады угля на станциях. Однако вместо этого дети приходили с парашютами и взрывчаткой к командирам воинских частей, в милицию, органы государственной безопасности. В основном это были бывшие детдомовцы, которые еще в диверсионной школе договорились не вредить Красной Армии и сразу же после выброски сдаться своим. Вскоре советская контрразведка ликвидировала школу в Касселе. Все дети были переправлены в советский тыл.

О размахе, с каким гитлеровская разведка готовила свои кадры в этот период, могут свидетельствовать такие цифры. В 1942 году в специальных школах и на курсах одновременно готовилось до полутора тысяч человек. Эти школы и курсы за год выпускали около десяти тысяч шпионов и диверсантов.

Понятно, что вся эта огромная армия агентов и диверсантов рано или поздно приводилась в действие на тайном фронте войны. Однако осуществить свои коварные планы гитлеровской разведке не удалось не только в начальный период войны, но и в 1942, 1943 и последующих годах. Оценивая деятельность немецко-фашистской разведки в годы Великой Отечественной войны один из ее руководителей констатировал: «Надо заметить... что мы не выполнили поставленной перед нами за-

дачи. Это зависело не от плохой агентурной работы немцев, а от хорошо поставленной работы русских, от хорошей бдительности не только военнослужащих, но и гражданского населения».

Тыл действующей Красной Армии надежно охраняли пограничные войска, военная контрразведка, органы государственной безопасности, советские граждане. «Не найдя никакой опоры внутри СССР,— писала вскоре после войны газета «Правда»,— столкнувшись с единым, сплоченным советским народом и высоким мастерством советских разведчиков, фашистская агентура оказалась бессильной осуществить планы своих хозяев».

Весной 1942 года международное и внутреннее положение Советского Союза значительно улучшилось. Продолжал шириться и укрепляться фронт антифашистской борьбы. Была подписана декларация 26 стран, в которой выражалось согласие использовать все силы и средства для борьбы против агрессивных стран. США и Англия согласились открыть в 1942 году второй фронт в Европе. Значительно активизировались антифашистские силы во многих странах.

На советско-германском фронте наступило временное затишье. Обе стороны перешли к обороне, укрепляли свои позиции. Советский народ, воодушевленный первыми крупными победами Красной Армии, положившими начало повороту в войне, делал буквально все, чтобы больше выпускалось боевой техники и вооружения. В стране велась гигантская работа по вводу в строй эвакуированных и постройке новых промышленных предприятий. Создавались необходимые условия для перехода наших войск в контрнаступление.

В мае 1942 года активные военные действия развернулись в районе Харькова. 12 мая войска Юго-Западного фронта перешли в наступление в направлении Харькова и нанесли по врагу два удара — из района Волчанска и с Барвенковского выступа. Однако утром 17 мая гитлеровцы произвели ответный удар. Противник вышел во фланг левого крыла Юго-Западного фронта, положение наших войск резко ухудшилось. Немецкие войска заняли выгодные исходные позиции для наступления на Сталинградском направлении.

В итоговом отчете штаба охраны тыла Юго-Западного фронта того времени говорится: «Ввиду резко изменившейся обстановки на фронте и на участке 21-й армии по приказу Военного совета 92-й пограничный полк с рубежа Новоселовка — Никаноровка — Масловка — Вознесенское 26. 6. 42 г. отошел на рубеж Чернянка — Круглов. 3.7.42 года отошел на рубеж Истоб-

ное — Алексеевка. Штаб полка в селе Троицкое». И дальше на странице отчета следует такая запись: «3.7.42 г. ввиду внезапного подхода танков противника к хутору Матюшкин 1-я застава (которой я в то время командовал.— *М. П.*) самостоятельно отошла за Дон в район Архангельского, потом возвратилась обратно к Дону в район Давыдовки, где организовала службу заграждения».

Донесение напомнило о тех трудных днях, хотя в названный выше документ вкрались серьезные неточности. Село Архангельское, куда нас занесло по отчету штаба, находилось километрах в семидесяти от Дона, на восточном берегу, а хутор Матюшкин — километрах в пятнадцати на запад от реки. Если учесть, что в то время от Воронежа до Коротояка мостовых и паромных переправ не было, то никак не возможно было за два дня переправиться через реку в районе села Хорестевань, пройти семьдесят километров до Архангельского и вернуться в Давыдовку. А ведь именно об этом свидетельствовал документ.

В действительности правильно был указан в отчете штаба лишь рубеж, который занимали заставы нашего полка, и время происходивших событий. Мы располагались в тот период в селе Новоселовка на стыке 40-й и 21-й армий. Именно здесь немцы нанесли сильный удар, обошли оборону 8-й дивизии войск НКВД и развили наступление в направлении Тим — Синие Липяги — Воронеж.

1 июля 1942 года связные заставы Шишов и Пятунин доставили приказ из штаба батальона. В приказе доводилась обстановка, определялись полоса и рубежи для несения службы заставой, а также меры, которые надлежало принять в случае осложнения обстановки. Указывались населенные пункты, через которые необходимо проследовать в случае отхода. В приказе содержалось распоряжение о перемещении заставы сначала в село Кладово, а затем в Хорошевку. Этот приказ мы и выполняли.

Правее и левее нас шли бои. А в Хорошевке, куда пришла застава, было тихо. Мы выслали войсковые наряды, перекрыли все направления на указанном рубеже. А противник между тем начал развивать наступление на юг в направлении мостов в районе Коротояк — Лиски, куда отходили части 21-й армии и подразделения нашего полка. Часть войск оказалась между наступавшими клиньями противника, острием направленными и на северо-восток, к Воронежу, и на юго-восток, к Коротояку. В этом пространстве, заполненном вражескими войсками, очутились и мы, пограничники первой заставы. Посланные к ле-

вому соседу старшему лейтенанту Сиренко связные заставы его не нашли. Не удалось найти и штаб батальона. В селе, где он располагался, уже хозяйничали немцы.

В этот же день к нам присоединилась группа бойцов во главе с политруком Мальцевым из 91-го погранполка. Обрадовавшись встрече, он рассказал, как оказался здесь:

— Пока я собирал служебные наряды, противник занял село, где находился начальник заставы с остальными пограничниками.

Пятнадцать бойцов, с которыми пришел политрук Мальцев, в такой ситуации были не лишними. Я предложил:

— Коли так все вышло, давайте дальше действовать сообща.

— Согласен,— отозвался Мальцев.— К своим мне все равно уже не пробиться, а вместе действовать сподручнее.

Глянув на карту, мы пришли к мнению, что лучше всего держать курс на село Истобное. Оно стояло в стороне от больших дорог и, по нашему предположению, не было еще занято противником.

Мощными бомбовыми ударами на узком десятикилометровом участке враг прокладывал путь своим войскам на Воронеж. Это мы особенно почувствовали, миновав село Остерветянко по дороге в Истобное, когда отошли от него на несколько километров. В посевах ржи виднелись наши дзоты. Это был, очевидно, тыловой рубеж какого-то соединения Красной Армии, который не был занят в силу сложившейся обстановки. С земли дзоты были почти не видны и казались нам надежным убежищем. Зато с воздуха просматривались отлично. Не успели мы, как говорится появиться здесь, как налетела вражеская авиация. Мы устремились к дзотам, чтобы укрыться в них от гитлеровских самолетов. Но этого словно и ждали фашистские летчики. Они с ожесточением стали бомбить укрытия, делая на них заход за заходом. Пришлось разбивать людей на группы и выбираться из-под бомбежки.

Наконец мы оказались в безопасности. Темнело. Подошли к селу, казавшемуся безлюдным. В домах не светилось ни одного окна. На просторной площади, где скрещивалось несколько дорог, нас неожиданно окликнули:

— Стой! Кто идет?

— Свои,— ответил я.

Из темноты появился человек среднего роста с винтовкой без штыка.

— Что за село?

— Истобное,— ответил мужчина.

— Военные есть?

— Нет. Милиция нашего района да все районное руководство вон в том доме,— показал мужчина рукой.— А вы кто будете?

— Пограничники.

— Это хорошо,— сказал мужчина и повел нас к дому.

Расположив поблизости бойцов, я вместе с Гончаровым, Мальцевым и Джамолдиновым вошел в здание. В коридоре сквозь пелену табачного дыма тускло пробивался красноватый свет керосиновой лампы. Множество людей сидели на стульях, на столах, прямо на полу и разговаривали. Человек, стоявший у двери, спросил опять: «Кто такие?» И, узнав, что прибыли пограничники, скрылся в одной из комнат. Через минуту он пригласил нас войти. В комнате под потолком висела закопченная лампа, а за большим квадратным столом, облокотившись на него, сидел пожилой мужчина с загорелым мужественным лицом. Справа от него находился капитан милиции, по другую сторону — несколько человек в штатском. Я представился:

— Начальник пограничной заставы.

Человек с загорелым лицом протянул руку:

— Секретарь райкома.

Он предложил сесть и сразу спросил, откуда мы идем, что нам известно об обстановке. Как понял я, мы оказались в Истобнинском районе, который граничил с Сине-Липяговским. Помимо работников райкома и райисполкома здесь были руководители Сине-Липяговской МТС вместе с начальником политотдела. Мы объяснили, что точной обстановки на фронте не знаем, так как вот уже третьи сутки не имеем связи со своим штабом. Но, видимо, складывается она неважно. Наши части отходят.

Стали обсуждать создавшееся положение. Решили выслать разведку в села вокруг Истобного, с которыми не было телефонной связи. Секретарь райкома назвал фамилии присутствующих — человек шесть,— разбил их на пары и сказал:

— Берите лошадей, поезжайте в свои села, установите, что там, и быстро возвращайтесь сюда.

В Синие Липяги поехал милиционер и один из работников МТС. Синие Липяги нас больше всего интересовали. Отсюда шли хорошие грунтовые дороги на Воронеж и Коротояк.

Когда все вопросы были решены, мы вышли на улицу. Ночь выдалась темная, теплая. В домах по-прежнему не видно было огней. С одним из местных товарищей выставили при въезде в село часовых. Остальным пограничникам разрешил отды-

хать. В ожидании возвращения разведки с политруком Мальцевым, лейтенантами Гончаровым и Джамолдиновым уселись неподалеку от дома, где находилось районное руководство. Земля была так же тепла, как воздух. Пахло полынью. А кругом словно вымерло все — ни звука. Лишь сделает шаг-другой часовой, и снова тишина.

— Товарищ начальник! — неожиданно послышался чей-то голос из темноты.

— Кто там?

— Я, товарищ начальник, старшина Городнянский.

Это был новый старшина заставы, уже второй после Вершинина.

— Что случилось?

— Все в порядке. Только решил уточнить, где будем завтракать — здесь или где-нибудь на привале.

— А как думаете вы?

— Здесь лучше, товарищ начальник. Повару сподручнее готовить, колодец поблизости, дровишки найдутся да и кухню можно замаскировать.

— Хорошо, готовьте здесь,— согласился я.— Учтите только, что обедать, по-видимому, будет некогда, приготовьте завтрак поплотнее. К рассвету чтобы люди были накормлены и хозяйство ваше готово к маршу.

— Все понял, разрешите идти?

— Идите, да смотрите, чтобы повар был поосторожнее с огнем, не демаскировал нас.

Старшина ушел. Где-то в направлении Воронежа на темном небе потянулись светлые нити. Они то становились шире, то уже, то сходились углом, то расходились, то падали, то поднимались, освещая темный горизонт. Потом исчезли. Снова поднялись, перекрестились и опять упали на землю.

— Что-то ищут прожектористы,— подал голос политрук Гончаров.

— Немецких самолетов не слышно,— отозвался Джамолдинов.— Видно, свой не вернулся с задания.

Помолчали. Потом опять подал голос Гончаров:

— Что-то, друзья, насчет второго фронта ничего не слышно. Вроде обещали союзники, а не открывают.

— Думаете, не откроют второго фронта в этом году? — спросил политрук Мальцев.

— Пока окончательно не погоним фашистов на запад, не откроют,— убежденно сказал Джамолдинов.

— Пожалуй, прав ты, Гариф Садыкович,— согласился Гончаров.— Одним нам бить фашистского зверя.

Потом как-то незаметно разговорились о личном.

— Гончаров, а ты женатый? — спросил политрук Мальцев.

— Нет, не успел,— отозвался Иван Иванович.— Мать дома осталась и отец.

Выяснилось, что не женаты все: и Джамолдинов, и я, и Мальцев. Но у каждого кто-то остался дома. И мы вспоминали о доме, своих родных и близких с легкой грустью, не зная, когда доведется с ними увидеться, да и доведется ли вообще. Письма приходили на фронт нечасто. За все это время я получил лишь одно от старшей сестры, Полины, а сам послал единственное где-то сразу после боя у Корыстышева. Тогда об этом бое было написано в отрядной многотиражке. Я послал и газету. Полина сообщала, что младшая наша, Анна, ушла на фронт. Средняя, Мария, готовилась для работы в тылу врага. Сама же Полина, проводив мужа на войну, оставалась в Москве.

Стали мечтать.

— Вот кончится война,— задумчиво произнес Гончаров,— вернусь домой, вооружусь шахтерскими доспехами и буду снова рубать уголек.

— А кто же вас из армии отпустит,— вступил в разговор я,— вы же политработник.

— Во-первых, в мирное время численность армии будет гораздо меньше,— убежденно сказал Гончаров,— а следовательно, меньше будет потребность в командирах и политработниках. А во-вторых, я не кадровый военный. Если бы не Гитлер, может, и на действительную службу не призвали бы, выдавал бы себе уголек на-гора.

— Ну, не зарекайся, Иван Иванович. Вот кончится война, поступишь в академию и станешь видным военачальником или политработником крупного масштаба.

— Не-ет,— протянул Гончаров,— я горный мастер, понимаете, я шахтер, мое место там, на шахте угольной.

Мы продолжали мечтать о том, кто из нас где будет жить, работать, учиться после войны. Забегая вперед, скажу, что не сбылась мечта Ивана Гончарова, не вернулся он на шахту. Был тяжело ранен, попал в госпиталь. После выздоровления служил до 1949 года дежурным военного коменданта на одной из станций Московского железнодорожного узла.

За неторопливым разговором мы не заметили, как к дому подъехали двое. Привязав коней к изгороди, они вошли внутрь. Я, Гончаров, Джамолдинов и Мальцев последовали за ними. Это были разведчики, которых секретарь райкома партии посылал в Синие Липяги. В доме все спали. Люди лежали пря-

мо на полу или сидели за столами, положив головы на руки. Дремали секретарь райкома, капитан милиции и остальные.

Вошедшие назвали секретаря по имени-отчеству. Он поднял голову:

— Ну что?

— В Синих Липягах — немцы. На улицах полно танков, орудий, автомашин.

— Хорошо, присаживайтесь, товарищи, подождем остальных.

Немного погодя прибыли все, кого посылал секретарь райкома. Люди докладывали, что в ближайших селах наших войск нет.

— Да, недобрые вести,— словно про себя заметил секретарь и задумался.

Было о чем подумать и нам. Где сейчас штаб батальона или полка? Куда идти? Карта у нас кончалась на Истобном. Мы не могли прикинуть дальнейший маршрут движения или хотя бы представить, где могли быть в это время полковой или батальонный штабы. Как стало известно позже, на западной стороне Дона к этому моменту подразделений нашего полка уже не было. «18 июля 1942 года по приказу полк вышел на восточный берег Дона и нес службу заграждения на рубеже Хоростевань — Коротояк»,— говорится в донесении штаба 92-го погранполка тех дней.

Через шторы в комнату, где мы коротали время, пробился утренний свет. Кто-то погасил лампу, отдернул занавески. Проглянули очертания села. По черепичным и соломенным крышам домов скользнули лучи солнца. Замычала корова.

Старшина Городнянский пригласил нас завтракать. У сарая стояла наша повозка, а метрах в семидесяти от нее под раскидистой кроной тополей у походной кухни собрались бойцы. Чуть дальше, у колодца, умывались сержанты Пугачев и Векшин.

— После бессонной ночи неплохо освежиться и нам,— предложил Джамолдинов.

Холодная вода сняла сонливость. Потом старшина накормил нас пшенной кашей. Только мы позавтракали, как послышался гул мотора. Кто-то крикнул:

— «Рама» летит!

Разведывательный немецкий самолет прострочил по селу из пулемета, сделал круг и отвалил к Коротояку. Я дал команду старшине готовить людей к маршу, часовых с окраины села снять. За год войны мы хорошо изучили тактику врага: вслед за самолетом-разведчиком появлялись танки.

— Ну, что будем делать, старший лейтенант? — спросил секретарь райкома.

— Думаю, скоро надо ждать танки,— отозвался я.

— Как скоро? — переспросил секретарь райкома.

— Ну, в минутах не скажу, а скоро.

И действительно, не прошло и четверти часа, как за селом послышалась артиллерийская канонада, а затем окончательно стряхнул утреннюю тишину гул танковых моторов. Он приближался. Отчетливо стали слышны пулеметные очереди.

Наших войск западнее Истобного не было. Видимо, гитлеровцы устроили пальбу, завидев дзоты и траншеи, в которых не было ни одного человека. Такое случалось. Фашисты нередко бомбили или обстреливали пустые дороги, рощи, лощины, высоты. Как говорится, на всякий случай.

— Будем отходить,— сказал секретарь райкома.

При дневном свете его лицо казалось бледно-желтым, уставшим.

— К Воронежу нам не пробиться,— заметил я.— Лучше, наверно, на Коротояк. Там, говорят, есть мост через Дон.

— Пожалуй, удобнее идти к Дону через село Сторожевое,— посоветовал секретарь райкома.— Оно нашего района. В нем рыболовецкий колхоз. Можно переправиться через реку на лодках.

Вначале шли полевой дорогой. Справа и слева простирались поспевающие поля пшеницы. Она хорошо укрывала нас от взора врага. Потом двинулись по глубокой лощине, пока не дошли до небольшой высотки с лесной посадкой. Солнце поднялось в зенит, палило нещадно. Хоть бы маленькое дуновение ветерка! Все в природе застыло, вымерло. На высоте в редком лесочке сделали короткий привал. Было хорошо видно, как через Истобное, поднимая клубы пыли, непрерывным потоком двигались немецкие мотоциклисты, бронемашины, танки, автомашины с пехотой. Все это растекалось по дорогам на Воронеж и Коротояк.

Покинув лесные посадки, мы час или полтора шли под гору и оказались в довольно глубоком овраге, заросшем камышом и кустарником. Овраг привел нас к небольшому селу, дома которого прилепились к берегу мелководной речушки. Это был хутор Россошки. Наши попутчики разошлись по домам. А нам следовало пополнить продовольственные запасы.

Июльская ночь коротка. Не успел сомкнуть глаз, как уже засветало. Дежурный по заставе тихо подал команду: «Подымайсь!» Быстро встали командиры отделений, без суеты пост-

роили своих подчиненных. Вперед выехал на повозке старшина. Сноровисто собрались и наши попутчики.

Часа четыре шли по ровному полю. Потом впереди замаячил темный лесок. Кто-то сказал:

— Хутор Матюшкин.

Домов почти не видно. Их укрыли густые фруктовые сады.

Неподалеку от Матюшкина пролегал овраг, тянувшийся километров на двадцать, если не больше. Это была мощная естественная противотанковая преграда. Дальше виднелась густая роща. Туда мы и двинулись. С большим трудом нам удалось спустить по крутому склону оврага повозку. Выехать же было еще сложнее. Пришлось снять с повозки все, что на ней находилось, и на себе поднять наверх. Вытянули и саму повозку. Еще около часа шли мы по опушке рощи, пока наконец не оказались на окраине села Сторожевого, примостившегося на крутом берегу Дона.

Подойдя к селу, увидели такую картину. В садах, у домов, на улицах, прямо на берегу сидели, ходили, стояли женщины, старики, дети. Тут же располагались красноармейцы, в большинстве раненые. Рядом паслись коровы, лошади, овцы. Все это осело у Дона с намерением перебраться на другой берег. В распоряжении переправлявшихся было с десяток лодок. У них толпилось несколько сот людей — гражданских и военных. Мешая друг другу, они пытались сесть в лодки. Однако переправиться через реку никому не удавалось. Переполненные людьми лодки переворачивались, так и не отойдя от берега. Слышался шум, крики, плач детей. Появились вражеские самолеты. Они пронеслись над переправой на бреющем полете и из пулемета обстреляли собравшихся. Это усилило панику. Самолеты появились вновь. Люди заметались, ища спасения от пуль.

Видя это, секретарь райкома, начальник милиции и я приняли решение развернуть нашу группу в цепь, оттеснить толпу от берега и установить жесткий порядок переправы. Решили в первую очередь отправить за Дон женщин с детьми, затем раненых, потом остальных. Последними переправятся бойцы и командиры. Осуществить наше намерение, однако, было не так-то просто. Но постепенно страсти улеглись. Каждый стал терпеливо ждать своей очереди.

Оказавшись неожиданно «комендантом» переправы, я приказал собрать к причалу все лодки, на которых могло разместиться сразу не более шестидесяти человек, и, разбив местных рыбаков на бригады гребцов, назначил младшего политрука Гончарова старшим над ними. На каждую лодку посадил

еще по бойцу в помощь ему. Через коридор, образованный пограничниками, сержанты Пугачев и Векшин провели первую группу женщин и детей. Начались рейсы на восточный берег Дона.

Группу за группой отправляли мы стариков, женщин, детей и раненых бойцов. Потом остальных в порядке очередности. Так было перевезено около семисот человек. Когда люди оказались на том берегу и наступило относительное затишье, мы вместе с погонщиками скота из эвакуированных совхозов и колхозов с большим трудом загнали в воду несколько сот лошадей и коров, и те поплыли на восточный берег. Трудности возникли с переправой овец. Овцы никак не хотели «садиться» в лодки. Первый «овечий рейс» был не совсем удачным. Часть животных на середине реки выпрыгнула из лодок и затонула. Однако когда на другом берегу овец скопилось значительное количество, они охотно подходили к лодкам и переправа пошла быстрее. Так перевезли четыреста или пятьсот овец.

За ночь в селе снова скопилось немало граждан, бойцов и командиров. А на рассвете в районе хутора Матюшкин возникла ружейно-пулеметная стрельба, в которую постепенно вклинилась артиллерийская. Несколько снарядов разорвалось в селе и в Дону. Прибежал связной от Джамолдинова, который оставался в Матюшкине с группой бойцов для прикрытия.

— В хутор ворвались немецкие танки с десантом автоматчиков,— доложил боец.— После перестрелки мы отошли за овраг и окопались. Легко ранен пограничник Бондарь, а лейтенанту три пули прошили гимнастерку, но только спину обожгли. Он просил узнать, как быть дальше?

— Передайте Джамолдинову, чтобы продолжал наблюдение за хутором. При изменении обстановки немедленно доложить мне. По сигналу белой и красной ракет прибыть сюда, к переправе.

Пока шел этот разговор, к переправе подъехали десятка два конников. Многие из них сидели на своих скакунах прямо без седел. На плечах каждого была плащ-палатка, на груди — автомат. Всадники сразу направились к переправе. Сержанты Пугачев и Векшин с помощью других пограничников попытались остановить конников. Но те упрямо напирали на них. Тогда со старшиной Городнянским и остальными пограничниками заставы я поспешил на помощь. Дело едва не дошло до стычки. К счастью, в это время на дороге показалась легковая автомашина. Из нее вышли двое в темно-синих шоферских комбинезонах и генеральских фуражках. Мы находились внизу, у пере-

правы, а люди, поверх одежды которых были надеты комбинезоны, стояли наверху у обрыва. Такое расположение делало их рослыми и широкоплечими. Один из прибывших властным голосом скомандовал:

— Коменданта переправы ко мне!

Это охладило пыл конников.

Я доложил о том, что произошло. Подошел и старший группы кавалеристов. Под плащ-палаткой у него не было видно знаков различия.

— Я член Военного совета Мехлис,— произнес человек в шоферском комбинезоне.

До войны Мехлис был начальником Главного политического управления Красной Армии. Какими сейчас он располагал полномочиями, я не знал, но увидел, как побледнело лицо старшего группы конников. Он назвал свою фамилию. В памяти осталось, что он — полковник, командир одного из корпусов 40-й армии.

— Где ваши войска? Почему вы оказались здесь? — сурово спросил Мехлис.

— В Синих Липягах наш штаб неожиданно был атакован немецкими танками,— взволнованным голосом произнес полковник,— связь с войсками и штабом армии прервалась, мы вынуждены были отойти.

И он умолк.

— Заместителю немедленно принять командование корпусом, установить связь с войсками,— приказал Мехлис,— а вас от командования корпусом отстраняю.

Конники быстро покинули переправу и от села Сторожевого поспешно удалились по берегу на север. Машина Мехлиса тронулась к югу на Коротояк.

Еще двое суток перевозили мы в лодках раненых и беженцев на восточный берег. Немецкие автоматчики дважды пытались ворваться в хутор Матюшкин, но пограничники под командованием лейтенанта Джамолдинова встречали их дружным огнем. Немцы бежали под защиту своих танков.

В одну из пауз я передал Джамолдинову, чтобы он оставил занимаемый рубеж и присоединился к нам. Застава переправилась через Дон. Мы оказались в селе Анашкине, куда в скором времени прибыл усиленный стрелковый батальон одной из частей 6-й армии. Из-за незнания обстановки командир батальона разрешил людям разойтись по домам, а артиллерийскую батарею, минометы, станковые пулеметы оставил прямо на улице. Техника стояла в том порядке, как подразделения следовали на марше.

С младшим политруком Гончаровым я разыскал командира батальона, представился.

— Начальник заставы 92-го погранполка.

— А что, на Дону теперь граница? — иронически произнес комбат.

— Все движется, и граница тоже передвигается,— сказал я спокойно,— а вот беспечность — она в любом месте неоправданна. Ваши люди думают, что и войны уж больше нет. Побросали технику, сами разошлись по хатам, надеются, что впереди река. А она не так уж широка. Смотрите, чтобы немецкие пулеметчики вас не пощипали.

— Вы что, шутите? — спросил комбат.— Какие пулеметчики?

— На рассвете мы переправились сюда из Сторожевого,— пояснил я.— Наших войск на той стороне нет. В хуторе Матюшкине немцы. Есть ли наши войска правее или левее Сторожевого, не знаю.

Командир батальона правильно воспринял нашу информацию и немедленно приказал командирам подразделений приступить к оборудованию оборонительного района.

Мы вернулись к пограничникам заставы. Вечером комбат отыскал нас.

— Старший лейтенант, помоги. Организуй охранение по берегу реки, тогда я не буду снимать людей с оборонительных работ.

— Хорошо, это можно. Давайте установим пароль для опознания своих.

Потом определили участки, где необходимо было расположить боевое охранение.

Ночью я и Джамолдинов снова зашли в дом, где разместился штаб батальона. Комбат решил выслать резведку на тот берег и как раз проводил инструктаж разведчиков. Увидев нас, попросил:

— Старший лейтенант, ваши люди только что прибыли оттуда, они, наверное, хорошо знают местность на той стороне, выделите сопровождающего.

Я посмотрел на Гарифа Джамолдинова. Он понял мой взгляд.

— Что ж, это можно.

Вместе с разведчиками мы пошли к берегу. Шесть красноармейцев, лейтенант из батальона и Джамолдинов сели в лодку и отчалили. Минут через тридцать западный берег озарился светом трассирующих пуль и ракет. Раздались автоматные очереди. Разведка наткнулась на немцев. Лодка с Джамолдиновым и бойцами вернулась.

На рассвете застава переместилась из Анашкина на отдых в глубокий извилистый овраг, поросший густым кустарником. Предосторожность оказалась не лишней. С утра появилось десятка два вражеских самолетов. Развернувшись над рекой, они стали пикировать на село. С воем и визгом падали бомбы. Полетели вверх обломки домов. Столбы песка и воды, поднятые взрывами, поднимались над берегом и рекой. Стенки нашего оврага трясло, словно в лихорадке. Затем бомбежка переместилась к станции Давыдовка. Там загорелся элеватор и цистерны с горючим.

Подождав, пока улетят последние самолеты, мы с Гончаровым пошли на КП командира батальона в надежде через его штаб установить связь со своим командованием. Однако комбат сам связи ни с кем не имел. Он еще раз поблагодарил нас за предостережение, заметил, что потери от бомбежки невелики.

Вернувшись в овраг, мы собрались на «военный совет». Джамолдинов, политруки Гончаров, Мальцев и я обсудили создавшееся положение. Вот уже более двадцати дней мы не имели связи со штабом батальона и штабом полка. Место их пребывания тоже неизвестно. Продукты у нас на исходе, брать у населения неудобно. Решили переместиться в райцентр Давыдовку, что находился километрах в пяти. Возможно, там удастся через местные органы установить связь со своим командованием или узнать, где оно находится.

Когда вошли в Давыдовку, увидели на железнодорожной станции черные развороченные и еще дымившиеся цистерны. В разбитом элеваторе что-то горело. Повсюду тлели вороха пшеницы. Город словно вымер. Мы прошли по безлюдным улицам через центр к окраине и поднялись в гору. Чуть правее дороги был большой сад и несколько кирпичных зданий. Бросалось в глаза длинное двухэтажное белое здание, глухой стеной выходившее в сад. Здесь под раскидистыми грушами и расположилась застава. Поручив Джамолдинову организовать службу охранения и перекрыть дорогу в Давыдовку, мы с Гончаровым и Мальцевым отправились искать руководителей района.

Долго блуждали по незнакомым улицам, пока не набрели на здание районного отдела НКВД. Дежурный провел нас к начальнику. Проверив документы, начальник сказал:

— К сожалению, помочь связаться с вашим штабом не могу. Связи ни с кем нет. Видите, что творится в городе. А продуктов вам дадим.

В течение этого и следующего дня мы, организовав контрольно-пропускной пункт, собрали в Давыдовке около двухсот

бойцов и командиров, отставших от своих частей. Тут к нашему КПП подъехало несколько автомашин. В одной из них находился заместитель командующего 6-й армией, войска которой выходили к Дону. Доложили генералу, кто мы и чем занимаемся.

— А это что за войско? — подойдя к строю отставших от своих частей командиров и красноармейцев, спросил генерал.

— Да вот за двое суток набралось, товарищ генерал,— бойко доложил старшина Городнянский.

Генерал прошел вдоль строя. Некоторых военнослужащих спросил, из каких они полков и почему оказались здесь, потом, подойдя к лейтенанту, приказал:

— Вы, лейтенант, старший. Всех доставить на сборный пункт запасного полка.— Генерал назвал номер полка и село, где находился этот полк.

Лейтенант громко скомандовал: «Направо, шагом марш!» И строй двинулся по дороге.

Генерал, прибывшие с ним командиры и охрана расположились в кирпичных домах и в саду по соседству с нами. Вскоре меня, Джамолдинова, Гончарова и Мальцева пригласил адъютант генерала. Мы доложили заместителю командующего армией о прибытии. Он развернул карту и сказал:

— Записывайте села,— и назвал пять населенных пунктов. Затем обратился к Джамолдинову, Гончарову и Мальцеву: — В ваше распоряжение выделяется четыре грузовых автомашины. Поедете каждый по указанным селам. Соберите там всех отставших бойцов и командиров и перебросьте на сборный пункт. Если встретите подразделения с командирами, направляйте сюда, прямо ко мне.

Несколько дней мы собирали мелкие подразделения, формировали роты и направляли их в оборону, а также выполняли другие поручения заместителя командующего 6-й армией. Это продолжалось до тех пор, пока не подошла 25-я стрелковая дивизия, которая заняла оборону по берегу Дона. Дивизия находилась в этом районе в обороне до зимы. Она заняла в селе Сторожевом плацдарм, с которого 13 января 1943 года началось наступление наших войск на Харьков.

В один из дней генерал пригласил нас.

— Спасибо, пограничники, за помощь. Теперь можете идти в свою часть. Из штаба фронта мне передали, что ваш полк сосредоточился в Бударине.

Это сообщение обрадовало нас. В то же время, подумалось: «А кто поверит, что мы делали именно то, что делали?» Набравшись смелости, я попросил генерала дать необходимую

справку. Он открыл полевую сумку и размашистым почерком написал в блокноте: «Подразделение 92 пограничного полка после выполнения специального задания следует в свою часть».

Мы шли на юго-восток по пыльным степным дорогам, под палящими лучами солнца. А навстречу нам двигались танки, автомашины, артиллерия, шла пехота и конница. Где-то на полпути к Бударину сделали привал в небольшом селе. Колхозники встретили нас радушно. Пока мы стирали в речке портянки и пропитанное потом и пылью обмундирование, председатель колхоза организовал обед. Женщины потчевали нас отменным борщом и жареной картошкой со свининой, приговаривая:

— Кушайте, дорогие, набирайтесь сил, бейте их, супостатов.

Среди добрых, заботливых людей мы чувствовали себя словно дома. Настроение наше поднялось, сил прибавилось.

Ночью мы совершили последний переход и утром вышли к Бударину. Село лежало в глубокой круглой лощине. В центре дома располагались густо, а по краям стояли отдельные хаты. При въезде на пригорке, чуть в стороне от дороги, высился большой чистый сарай, рядом с которым росли огромные яблони. Тут и расположилась застава. Штаб батальона оказался неподалеку. Я встретил нескольких начальников застав, среди них старшего лейтенанта Сиренко. Мое появление, как мне показалось, вызвало недоумение. Сиренко с хитроватой улыбкой сказал:

— Слушай, а тебя тут со всей заставой уже списали по приказу как пропавших без вести.

— Ты, видно, в этом помог,— съязвил я.— Из села Хорошевка я послал к тебе связных, а твой и след простыл.

— Иди, иди,— добродушно отозвался Сиренко,— только не хнычь, когда с тебя стружку будут снимать.

Я доложил командиру батальона о прибытии.

— Хорошо,— сказал он,— где расположили заставу?

— Вот там, на бугре у сарая,— показал я.

— Оставьте связных и приводите людей в порядок,— суховато заметил он.

Часов в семнадцать пришли связные и передали, что коммунисты должны прибыть на собрание. Пока мы собирались и шли, собрание уже началось. Обсуждался мой вопрос. Доклад делал заместитель командира батальона по политчасти. Меня обвиняли в том, что я умышленно не искал связи с командованием батальона, предъявили ряд других необоснованных обвинений.

Было обидно и больно. Меня никто ни о чем не спросил, где я был, что делал. По какому-то недоразумению мне приписывали незаслуженное. Доклад закончился. Я встал и сказал:

— Это все неправда.

Вечером меня вызвали в штаб полка. Прихватив политрука заставы 91-го полка Мальцева, я с тяжелой думой шел на доклад. Командир полка Блюмин внимательно выслушал меня и, когда я закончил, заметил:

— Значит, не только сам пришел, но и других привел.

Потом объяснил политруку Мальцеву, где находится 91-й полк, а мне сказал:

— Идите к полковому комиссару Клюеву.

В соседней комнате за столом сидели полковой комиссар Клюев, которого я знал еще до войны по Киевскому пограничному округу, и наш батальонный комиссар Тараканов.

Полковой комиссар Клюев предложил сесть и попросил:

— Расскажите обо всем по порядку.

Пришлось перечислить, где и что делала застава, а в заключение предъявить справку заместителя командующего 6-й армией.

— Хорошо,— сказал Клюев,— идите к своим людям, работайте, вас обижать мы не позволим.

Пограничники заставы мирно спали. Бодрствовали политрук Гончаров и старшина Городнянский.

— Ну как, что там в штабе полка?

— Устал я, Иван, есть хочу, завтра все узнаешь, полковой комиссар Клюев здесь.

Мы поужинали и улеглись под яблоней. Гончаров и старшина быстро уснули. А я еще долго перебирал в памяти все, что за эти дни произошло с нами, думал о неприятном разговоре, получившемся на партийном собрании, вспоминал спокойные дружеские слова полкового комиссара Клюева.

Утром объявили построение полка. Полк выстроился на окраине Бударина в саду. Перед строем стоял представитель управления охраны тыла фронта полковой комиссар Клюев. Командир полка майор Блюмин подал команду: «Смирно! Слушай приказ!»

Полковой комиссар Клюев зачитал приказ, подписанный И. В. Сталиным. Этим приказом вводились жесткие меры борьбы с паникерами и нарушителями дисциплины, решительно осуждались «отступательные» настроения. В приказе говорилось, что железным законом для действующих войск должно быть требование «Ни шагу назад!» Потом меня и политрука Гончарова вызвали на середину строя. Полковой комиссар по-

благодарил нас за умелые действия на Дону, именно за то, что мы поступили так, как этого требует приказ Сталина. У меня отлегло от сердца. Мои переживания были напрасны. Затем меня снова вызвали в штаб. Полковой комиссар вручил мне партийный билет, который был выписан еще в марте 1942 года, после того как истек мой кандидатский стаж.

Войска 21-й армии отходили на юг. Наш полк перебрасывали на ее левый фланг. Начался очень тяжелый марш под палящим солнцем и непрерывными бомбежками к станции Тингута в 60 километрах юго-западнее Сталинграда. Однако оборонять город нам не пришлось. Юго-Западный фронт был расформирован. На базе его управления создали Сталинградский фронт. А нас «приписали» к Воронежскому. И пошел наш полк обратно на север по степям, пахнущим полынью, по утопавшим в зелени хуторам, станицам и селам. Наш 1260-километровый поход, как зафиксировано в отчете штаба полка, закончился у станции Таловая под Воронежем в начале сентября 1942 года. Мы выходили на охрану тыла 6-й армии, на рубеж Бобров — Батурлиновка.

Наша первая застава обосновалась в поселке Ильича. Обстановка на участке Воронежского фронта отличалась стабильностью. И мы простояли в поселке всю осень. Пограничники хорошо изучили местность, знали каждый овраг, перелесок. Тесная связь установилась у нас с руководством колхозов и поселковых Советов. Политрук Гончаров частенько выступал перед колхозниками, рассказывал о положении на фронте, о происках вражеской агентуры, призывал людей к бдительности.

Зато в междуречье Волги и Дона, на Сталинградском направлении, разворачивалось одно из самых решающих сражений минувшей войны. Стратегический замысел Гитлера заключался в том, чтобы во что бы то ни стало овладеть крупнейшим промышленным районом и важным стратегическим пунктом, каким являлся Сталинград. Как когда-то под Москвой, теперь, по замыслу гитлеровского командования, исход войны должен был решиться под Сталинградом. Для выполнения этой задачи была брошена одна из самых боеспособных армий Германии под командованием генерала фон Паулюса. Эта армия прошла длинный путь по Европе. Теперь она рвалась к Волге. Ей были приданы в помощь пять пехотных, три танковые и две моторизованные дивизии из группы армий «Центр», переброшенные с Воронежского направления. Сюда же подошла с Кавказа 4-я танковая армия. Из резерва — 8-я итальянская. Выдвигалась к Сталинграду и 3-я армия румын. В сентябре гитлеровцы бросились на штурм волжской твердыни.

Жители окрестных сел да и пограничники частенько спрашивали политрука Гончарова или меня: «А как там под Сталинградом?» Приходилось разъяснять воинам и сельчанам сообщения сводок Совинформбюро, рассказывать о том, как дерутся наши войска под Сталинградом. Нередко это были импровизированные выступления, без подготовки, с ходу. Мы видели работающих в поле женщин, подходили к ним, завязывался разговор. Они спрашивали, мы отвечали. Так возникала беседа, в ходе которой выяснялись разные вопросы, которые интересовали людей. Их порой было множество: и о последних постановлениях партии и правительства, и о помощи со стороны союзников, и о том, когда же наконец мы выгоним фашистов с нашей земли, и будем ли переходить свою границу, воевать в Германии. Нередко спрашивали о судьбе своих мужей, братьев, отцов, ушедших на фронт, от которых долго не было вестей. Мы пытались ответить на эти вопросы. Иногда брали газеты и читали людям интересные статьи. В села газеты приходили реже, чем к нам. А когда обстановка усложнялась, почтовая связь с районными центрами и другими населенными пунктами вовсе прекращалась.

Снова мы прочесывали поля и овраги, перекрывали дороги, проверяли проходивших и проезжавших по ним людей. Был установлен жесткий контроль в тылу наших войск. И опять, как на берегах Северного Донца и Оскола, в наши руки попадались вражеские шпионы и диверсанты.

Помнится, как в начале сентября 1942 года я выслал на службу пограничников Пятунина и Машкина в сторону хутора Вольного. В это время после штурмовки вражеских позиций возвращались на свои аэродромы наши самолеты. Неожиданно у одного отказал мотор. Самолет начал снижаться. Завидя это, Пятунин и Машкин устремились к нему. При посадке на картофельное поле самолет перевернулся. Машина лежала на плоскостях с вращающимися по инерции колесами.

— Эй, там, в самолете, есть кто? — спросил подбежавший Машкин.

— Есть,— послышался глуховатый голос,— помогите выбраться.

— А как это сделать? — спросил Пятунин.

— У вас какой инструмент имеется?

— Малые саперные лопаты.

— Попробуйте подкопать землю под колпаком,— ответил голос.

Пятунин и Машкин принялись за работу. Земля, к счастью, оказалась податливой, мягкой. Пограничники быстро выкопали

ямки с обеих сторон и освободили летчика из его вынужденного заточения. Им был заместитель командира авиационного полка.

— Ну спасибо, братцы, что помогли выбраться из этой западни.

Машкин и Пятунин доставили летчика в расположение заставы. Он попросил взять самолет под охрану до прибытия транспортных средств для отбуксировки. Мы выполнили просьбу летчика, и не зря. На следующий день под вечер ефрейтор Машкин и рядовой Заколодежный, следуя на смену часового, охранявшего самолет, неожиданно заметили в подсолнечнике притаившегося человека.

— Стой! — крикнул Машкин.

Неизвестный бросил в бойцов гранату, а сам побежал. К счастью, граната разорвалась в стороне и Машкина лишь слегка поцарапало мелкими осколками. Оправившись от неожиданности, пограничники помчались за тем, кто пытался от них уйти. Вот кончились посевы подсолнуха. Выскочив из них, бойцы увидели неизвестного. Ударила автоматная очередь. Человек залег на высоте и взял под обстрел пограничников. Завязался бой. Неожиданно неизвестный вскочил и скрылся за скатом высоты.

Машкин первым вбежал на холм. Человек уходил. Видя, что живым его не взять, пограничник стоя приложил винтовку к плечу и выстрелил. Убегавший взмахнул неуклюже руками и рухнул на землю. Пограничники подбежали к нему. Единственное, что он успел сказать,— это то, что их было трое и что они сброшены на парашютах.

Застава начала поиск. Мы призвали на помощь жителей ближайших сел, предупредив их, что парашютисты, по всей вероятности, так же, как и убитый, одеты в красноармейскую форму, при себе имеют автоматы.

За ночь и весь следующий день пограничники заставы буквально прощупали всю округу, но безуспешно. Войсковыми нарядами были перекрыты все направления. Вместе с прибывшим на помощь разведчиком лейтенантом Васильченко мы объезжали одно село за другим, беседовали с жителями. Наконец в деревне Икорец удалось получить данные: в нескольких километрах восточнее Дона, где-то между селами Анашкино и Хоростевань, есть полевой стан. Там проживает женщина с мальчиком пяти-шести лет. Дня три назад ночью к ней заходили двое одетых в красноармейскую форму и, сказав, что возвращаются из госпиталя, попросились переночевать.

Стали разыскивать женщину с ребенком. И в одном селе встретили старика, который пожаловался нам, что неделю

назад его сноха поссорилась с ним и вместе с внуком уехала из дома. Приметы совпадали. Нам помогли установить точное расположение полевого стана. Взятый в колхозе проводник вывел нас в нужное место. Действительно, в доме на полевом стане находилась женщина лет двадцати пяти, а с нею пятилетний мальчик. Женщина все подтвердила. Двое подозрительных людей, одетых в форму красноармейцев, заходили, переночевали и ушли, обещая заглянуть снова, так как скоро из госпиталя выписывается их друг и они идут встречать его.

Три дня и три ночи не спали бойцы во главе с сержантом Моисеенко, находясь в засаде на полевом стане. Но «гости» не объявлялись. На четвертый день рано утром сюда подъехал я с лейтенантом Васильченко и группой бойцов. Из трубы дома шел дым. Хозяйка топила печь. Моисеенко доложил, что ничего подозрительного за время службы не замечено. Решили засаду снять.

Мы с Васильченко присели на крыльцо. Взошло солнце. На улицу выбежал мальчишка в красной рубашке со взлохмаченными волосами, тараща на нас спросонья глазенки.

— Вот где-то так бегает и мой малыш,— с легкой грустью произнес Васильченко.— Как двадцать второго июня отправил жену с детьми, так больше ничего о них не слышал.

Он поманил мальчонку к себе, посадил его на колени. Я заметил, как задрожали руки и увлажнились глаза у бывалого солдата.

А мальчик неожиданно спросил:

— Дядя, а почему те двое не идут к нам в дом?

— Какие «двое»? — удивился Васильченко.

— А те, что приходили к нам и даже маме не велели говорить, куда они уходят.

— А где они, сынок? — погладил мальчишку Васильченко.

— Вон там,— показал мальчик ручонкой в поле,— пойдемте, дядя, покажу.

Мы взяли бойцов, и мальчик повел нас по подсолнечнику. Впереди шел сержант Моисеенко. У середины поля сержант поднял руку. Это означало: они здесь. К Моисеенко бесшумно подошли два бойца. «Гости» безмятежно спали, укрывшись плащ-палаткой. Моисеенко осторожно взял их автоматы и скомандовал: «Поднимайсь!»

Лежавшие моментально потянулись руками туда, где только что было их оружие. Но, увидев направленные на них дула винтовок и услышав властное «лежать», подняли руки вверх. Пограничники обыскали озлобленно глядевших на нас людей и изъяли у них по мешочку патронов к автомату ППШ,

красноармейские книжки и выписку полевого госпиталя, в которой говорилось, что такие-то после выздоровления следуют в свою часть. Экипировка их и того, кто оказался у самолета, была одинакова.

Женщина опознала «пришельцев», что и было зафиксировано в протоколе. На предварительном следствии задержанные сознались, что являются гитлеровскими агентами, подготовленными в специальной школе. Им необходимо было установить расположение штабов Красной Армии и наличие боевой техники в районе станции Хреновая и после выполнения задания переправиться обратно через Дон. Там их должны ждать. Поначалу все шло довольно гладко. Однако при возвращении, оказавшись у станции Хреновая, они потеряли в лесу своего старшего. Вот и ждали его в условленном месте. Но он не пришел.

Так пятилетний мальчуган, сам того не ведая, помог нам найти тех, кто был сброшен гитлеровцами в наш прифронтовой тыл для выполнения специального задания фашистской разведки. Где теперь этот мальчик из неизвестного села Воронежской области? Помнит ли он, как помог пограничникам?

Вскоре к самолету прибыли транспортные машины. Авиационные специалисты отделили крылья, подняли хвост штурмовика в кузов и увезли самолет на аэродром. Между пограничниками в связи с этим шел такой разговор:

— Ну вот и у нас появились самолеты не хуже немецких.

— Подождите, еще не то будет.

Особенно всех удивили подвески, на которых крепились реактивные снаряды. Это придавало особый «вес» новому самолету в глазах бойцов.

— Ишь ты,— говорили они,— «катюшу» на штурмовик уже приспособили.

В середине ноября пришли добрые вести из-под Сталинграда. После тяжелых, изнурительных летних и осенних боев на этом направлении, а также в предгорьях Кавказа напор наступавших фашистских войск ослабел.

Уже в начале ноября 1942 года началось планомерное передвижение войск нашего Воронежского фронта с севера на юг вдоль Дона. Советские войска готовились в районе Сталинграда нанести мощный контрудар. Вслед за 6-й армией перемещались и подразделения 92-го погранполка. Во второй половине ноября мы оказались в рабочем поселке Кисляе. Здесь и принесло нам радио радостную весть: наши войска 19 ноября перешли в решительное контрнаступление, взломали вражескую

оборону, окружили в районе Сталинграда 6-ю немецкую армию и успешно продвигаются на запад.

Мы знали, как и под Москвой, в составе действующих войск Красной Армии в обороне Сталинграда участвовали и пограничные полки. Они несли службу по охране тыла фронта, обороняли коммуникации, вступали в ожесточенные схватки с противником, наносили ему значительные потери.

В приказах, которые поступали к нам, говорилось, например, о 79-м пограничном полке, охранявшем тыл 62-й армии генерала В. И. Чуйкова. Полк обеспечивал нормальную работу переправы через Волгу у тракторного завода, которая играла для города такую же роль, как для Ленинграда знаменитая ледовая «дорога жизни».

Переправа беспрерывно обстреливалась артиллерийским и минометным огнем, подвергалась бомбардировке с воздуха. В этих условиях пограничники днем и ночью несли свою боевую вахту. Так, в бою с многократно превосходящими силами противника 3-й батальон 79-го погранполка под командованием военкома батальона Дукина отстоял переправу через Волгу, дав возможность перебросить в Сталинград 13-ю гвардейскую дивизию генерала А. И. Родимцева.

В сентябре 1942 года отдельные подразделения гитлеровцев прорвались в центр города. 79-й полк до подхода подкрепления двое суток сдерживал натиск численно превосходившего противника, не позволил ему выйти на берег Волги. В результате оперативно-служебной деятельности 79-го погранполка было также обезврежено 280 агентов вражеской разведки.

Пограничники 2-го и 98-го полков вылавливали, а при сопротивлении уничтожали одиночек и мелкие группы противника. Группой бойцов 98-го погранполка в районе населенного пункта Старый Рогачик были задержаны два немецких офицера, прорвавшихся из окружения. Один из них — заместитель командира 9-й зенитной дивизии Рихард Чайцман был назначен гитлеровским командованием комендантом еще не взятого Сталинграда.

В боях под Сталинградом отличилась 10-я дивизия войск НКВД под командованием генерал-майора А. А. Сараева и военкома полковника П. Н. Кузнецова. В составе дивизии было много пограничников. До октября 1942 года, то есть до подхода основных сил 62-й армии, дивизия сдерживала натиск врага на широком фронте. Ни ожесточенная бомбежка, ни ураганный обстрел и массированные атаки танков и пехоты не смогли сломить стойкость воинов-чекистов. «За Волгой для нас земли нет!» — провозгласили защитники города и стояли насмерть.

Наиболее ожесточенные бои дивизия вела в районе тракторного завода, на подступах к Мамаеву кургану и в центре города.

В боях за Сталинград 10-я дивизия войск НКВД нанесла противнику большие потери. Было уничтожено 113 танков, 189 минометов и пулеметов, свыше 15 тысяч вражеских солдат и офицеров. За мужество и отвагу, проявленные в дни обороны волжской твердыни, Президиум Верховного Совета СССР наградил дивизию орденом Ленина, а после завершения битвы на Волге дивизия получила почетное наименование Сталинградской. Многие ее офицеры и солдаты были отмечены орденами и медалями.

Под Сталинградом сражалась Волжская военная флотилия, в составе которой была 11-я бригада пограничных кораблей под командованием контр-адмирала С. М. Воробьева. Бронекатера офицеров-пограничников старших лейтенантов Поспелова, Карпухина, Щербакова, лейтенанта Борботько наносили мощные огневые удары по наступавшему противнику, совершали дерзкие рейды в тыл вышедших к Волге немецко-фашистских войск, высаживали десанты, обеспечивали переправу через Волгу войск, боевой техники, подвоз боеприпасов и продовольствия, эвакуацию раненых.

На Сталинградском направлении дралась и 21-я армия, тыл которой мы охраняли на Северном Донце и Осколе. Где-то был со своими войсками и полковой комиссар Богатиков. 21-я армия участвовала непосредственно в ликвидации окруженной группировки гитлеровских войск, в контрнаступлении. Именно воины этой армии совместно с 62-й армией генерала Чуйкова выбили гитлеровцев из самого Сталинграда.

После войны в руки мне попали воспоминания полковника немецкой армии Вильгельма Адама — одного из тех, кто оказался в сталинградском котле. Насколько мы стали сильнее к концу 1942 — началу 1943 года! Не без удовольствия прочитал признание о том, как наши войска громили окруженную группировку врага: «Вокруг все гремело, земля сотрясалась. Сталь градом сыпалась на «крепость Сталинград», кромсала людей и животных, разносила вдребезги укрытия, автомашины, оружие и рвала телефонные провода,— писал В. Адам.— Связь между командованием армии и штабами еще поддерживалась несколькими радиопередатчиками, уцелевшими от разрывов снарядов, мин и залпов реактивных минометов. Таков был ответ Красной Армии».

Вот как теперь обстояло дело. Не их, а наши танковые клинья взламывали оборону. Не гитлеровские, а лавины совет-

ских танков шли в наступление. Времена изменились. Стратегическая инициатива перешла к Красной Армии. Ход и исход войны был предрешен.

13 января 1943 года перешли в наступление и войска нашего Воронежского фронта с задачей разбить немецкие, итальянские и венгерские войска на Верхнем Дону, в районах Острогожска, Россоши и Воронежа. Это была так называемая Острогожско-Россошанская операция. Продвижение наших войск проходило успешно, несмотря на тяжелые погодные условия. Снег заметал дороги, но люди шли вперед, вытягивая технику, застрявшую в сугробах. В районе Белогорья и наш полк перешел Дон.

Потерявшие связь со своими штабами и спасаясь от морозов гитлеровцы забирали у жителей ближайших сел шубы, одеяла, перины, укутывались ими, стояли с поднятыми руками, кричали: «Гитлер, Муссолини капут! Русский, комендант, лагерь». Сопротивлявшиеся были зажаты в плотное кольцо наших войск и наголову разбиты. Остатки войск панически отходили, бросая технику и военное имущество.

Где-то между Валуйками и Россошью мы получили приказ: до подхода тыловых армейских органов взять под охрану брошенные противником склады продовольствия и обмундирования неподалеку от райцентра Алексеевка. Эти склады охранялись нами дня три-четыре. Потом прибыли армейские интенданты, а мы пошли дальше. Повсюду на дорогах валялась разбитая вражеская техника. По обочинам в снегу лежали трупы фашистских завоевателей.

Еще не завершилась Острогожско-Россошанская операция, как 24 января перешла в наступление ударная группировка войск Воронежского фронта во взаимодействии с левым крылом Брянского фронта в направлении Касторного. Преодолевая ожесточенное сопротивление врага, войска двух фронтов громили противника, продвигаясь к Курску и Харькову. Мы шли через те же города и села, которые оставили летом 1942 года. Где-то на подступах к местечку Короча было получено известие о том, что 2 февраля 1943 года советские войска принудили капитулировать окруженную под Сталинградом 6-ю немецкую армию. Пленен ее командующий фельдмаршал Паулюс.

На одном из привалов это сообщение было доведено до бойцов. Свое выступление политрук Гончаров закончил словами:

— Ну вот, товарищи, наступил и на нашей улице праздник!

Это была долгожданная и радостная победа всего советского народа. Это была радостная весть и для всех свободолюбивых народов мира, которым стало ясно, что отныне во всей второй

мировой войне наступает крутой поворот, который приведет к неизбежному краху гитлеровской Германии и ее союзников. 5 февраля 1943 года американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» поместила такое сообщение: «Разгром под Сталинградом напоминает о неизбежной гибели Гитлера и его армии, которая испытала под Сталинградом самую большую катастрофу, какая когда-либо обрушивалась на германскую армию с тех пор, как существует Германия. Эпическая битва за Сталинград закончилась. Она означает, что гитлеровцы уже перевалили за вершину своего могущества и отныне начинается их падение, на которое они обречены. Доблестный подвиг русской армии будет жить в веках».

Пограничники обсуждали катастрофу немецких армий под Сталинградом с нескрываемым восторгом.

— Ну, все,— авторитетно высказался всеми уважаемый на заставе пограничник Пятунин,— теперь немцам крышка.

— Да, главное нынче не останавливаться,— поддержали его,— гнать их к самой границе без отдыха. Бить фашистских гадов без передышки.

— А ведь дойдем, братцы, и до Берлина,— добавил рядовой Дорохов, до войны строивший метро в Киеве,— ей-ей, дойдем, помяните мое слово.

— Тоже пророк,— засмеялся пограничник Вакуленко,— Америку открыл. Ясное дело — дойдем. Я про это еще в июне сорок первого загадал, как только война началась. Ну, думаю, ни в жизнь бы мне не попасть в Берлин, а теперь попаду.

Хотя и были мы в тылу

Войска Воронежского фронта, развивая стремительно наступление, 13 февраля 1943 года освободили город Обоянь, а 16 февраля — Харьков. Части 6-й армии успешно продвигались на запад. Первая застава 92-го пограничного полка находилась на самом правом фланге армейской полосы. Неожиданно мы получили распоряжение срочно прибыть на командный пункт полка в село Черкесско-Лозовая, что в десяти километрах севернее Харькова.

Трудно сказать, чем вызывалось такое приближение первой заставы к штабу. Все это время мы, как правило, находились на значительном удалении даже от командования батальона. А тут вдруг вызов в штаб полка. Известно было, в период наступления объем выполняемых нами задач увеличивался.

В составе дивизий прорыва, например, начинали действовать оперативные группы полка. Они создавались для захвата документов разведывательных и контрразведывательных органов врага, личного состава разведшкол, выполнения других специальных заданий и входили в города с передовыми наступающими подразделениями. Не предстояло ли заставе стать подобной оперативной группой? Так, строя различные предположения, я шел вместе с бойцами через села и перелески теми же дорогами, по которым отходил в сентябре 1941 года.

В один из дней мы оказались в маленькой деревушке. Она мне запомнилась еще во время нашего отхода с границы. И тогда военный вихрь обошел деревню стороной, и сейчас село миновали бомбежки и артиллерийские обстрелы. Только вот новый оккупационный порядок не миновал. Около двух лет глумилась, лютовала фашистская администрация над селянами. Едва застава расположилась на привал, как бойцов тут же окружили люди. Они заглядывали солдатам в лица, словно не веря, что пришло освобождение. Стали рассказывать об угнанных в Германию, о том, как обирали их дочиста гитлеровские оккупанты. Оказалось, что все села были обложены налогами, нужно было сдать столько-то мяса, шерсти, яиц, хлеба. Налог был введен даже на кошек и собак.

— Хуже, чем при царе или при помещике было,— жаловались сельчане.— При помещике-то хоть не все отбирали, а тут как саранча: то́ дай, то́ положь, а нет — разговор короткий, изобьют или угонят на чужбину, а то и расстреляют.

Не было конца расспросам. Как-то живут сейчас люди на советской территории? Какие вышли новые законы да положения? Есть ли льготы или помощь тем семьям, у которых отцы или сыновья на фронте? Мы отвечали, что́ знали. И видели, как светлеют лица людей, как начинают они улыбаться, словно рождались заново. Приходила вера, что ненавистных захватчиков разобьют, а в их села вернется Советская власть. Своя, народная власть, которая уж никого не даст в обиду.

Жители села трогали руками полы наших добротных полушубков и с крестьянской обстоятельностью оценивали их, радуясь тому, что так тепло одеты советские бойцы.

— В такой-то шубе и валенках никакой мороз не страшен. А нам-то два года кричало фашистское радио, что Красная Армия раздета и разута да еще что остались в ней одни старики.

Бойцы отвечали:

— Сами видите, как мы одеты и обуты. «Старики», правда, среди нас есть. Однако молодых большинство.

Было замечено сельчанами, что в основном молоды призванные в армию бойцы и что выглядят они хорошо, здоровы, жизнерадостны, готовы бить «германцев» до конца.

В начале января 1943 года в Красной Армии произошел переход на новую форму одежды. Были введены новые знаки различия, погоны. Это было сделано в духе лучших традиций русской армии. Сельчане, помнившие старую форму, удивлялись и с любопытством смотрели на наши погоны. Один старичок, долго набиравшийся храбрости, подступил ко мне вплотную и, покашляв в кулак, спросил:

— А как же теперича вас величать? Ну, их-то,— он кивнул на бойцов,— видать, как было в старой армии, солдатами. А вас — господин поручик, что ли?

Я улыбнулся:

— Форма, отец, существа не изменила. Были товарищи и товарищами остались. Вот он,— я указал на Гончарова,— политрук заставы, лейтенант, а я, ее командир, старший лейтенант.

Провожали нас тепло. Горячо напутствовали не давать покою «супостатам», мстить им за поруганную землю, непременно дойти до Берлина и тогда только возвращаться домой.

Подобные встречи были у нас еще не раз. Но чаще вместо сел и деревень мы видели пепелища, скелеты печей или вызывавшие жуткую тоску торчавшие над землей трубы. По развалинам бродили одичавшие кошки и собаки. Иногда вдруг из заснеженных обломков в какой-нибудь деревне поднималась крышка и из чернеющей дыры показывалась голова человека — старика, ребенка или женщины. Бойцы развязывали вещевые мешки и отдавали свою пайку изголодавшимся людям. После таких встреч солдаты обычно становились хмурыми, неразговорчивыми. Ведь у многих из них по ту сторону Днепра где-то так же жили под фашистским сапогом семьи.

Помню, мы решили заночевать в одном селе. Посмотрел я на карту — 280 дворов. Пришли — три разрушенных дома. От остальных ничего не осталось. Спалили гитлеровцы деревню дотла. Ни одного человека не отыскали мы. Так и не узнали, какая трагедия случилась в селе.

Жгучую ненависть к врагу вызывали картины разрушений, рассказы о зверствах гитлеровцев, массовых расстрелах, поголовном уничтожении советских людей. Многое из того, о чем мы раньше читали в газетах, листовках или слышали по радио, теперь видели собственными глазами. Последствия фашистской оккупации, результаты «нового порядка» на временно захваченной врагом территории предстали перед нами наяву. Нас встречали осиротевшая земля, людское горе.

Это видели все советские воины, проходившие по освобожденной земле. Видели огромные масштабы разрушения и уничтожения. Сегодня известны точные цифры и факты. Только в Белоруссии оккупанты убили 2 миллиона 200 тысяч человек, уничтожили 430 000 домов, 7000 школ, библиотек, больниц. На Украине они убили 4 миллиона советских граждан. В Российской Федерации — 1 миллион 700 тысяч. Хотели убить больше, но не успели.

На освобожденной территории проходил набор в Красную Армию. С огромным желанием шли служить молодые люди, которые на собственном опыте убедились, что у них есть что и кого защищать. Политуправление нашего Воронежского фронта в те дни обратилось к молодым воинам со специальной листовкой. «Товарищи бойцы! — говорилось в ней.— Вы — очевидцы чудовищных зверств и насилия немецких палачей. Многие из вас сами пережили все ужасы фашистского ига. У одного немцы расстреляли отца, брата, близкого товарища. У другого гитлеровские бандиты убили родную мать, обесчестили любимую жену, а сестру увезли в проклятую Германию. У третьего сожгли дом, отняли скот, выгребли хлеб, обрекли семью и малых детей на голодную смерть.

Это они — фашистские грабители — разрушили и сожгли прекрасный старинный русский город Воронеж...

Это они — подлые разбойники — грабили и разорили население Советской Украины, Воронежской и Курской областей.

Это они убивали и насильничали в Харькове, Курске, Белгороде, Чугуеве, Льгове, расстреливали и вешали на столбах сотни и тысячи наших отцов и братьев.

У кого из вас не сжимались кулаки при виде этих гнусных злодеяний? У кого не обливалось кровью сердце? Кто из вас не говорил грозных слов мести: «Обождите, варвары! Придет время, и мы за все отомстим вам!»

— Это время пришло. Теперь вы в рядах Красной Армии. Родина дала вам в руки оружие. Теперь у вас есть чем мстить проклятым гитлеровцам, есть чем бить их.

Так обрушьте же всю силу этого оружия на головы презренных бандитов! Мстите им беспощадно. Бейте их без промаха. Излейте в бою всю силу своей ненависти. Отомстите за все муки и страдания ваших жен, матерей, детей.

Будьте храбры и дерзки в наступлении, стойки и упорны в обороне. Сражайтесь, не щадя своей крови, не щадя своей жизни. Пусть ни один гитлеровец не уйдет из-под вашего смертельного удара».

И советские воины показывали образцы храбрости и мужества, беззаветной преданности Родине, любви к своему народу. Они шли в бой, презирая смерть. Именно в те февральские дни 1943 года все мы узнали о героическом подвиге Александра Матросова, заслонившего амбразуру вражеского дзота своим телом в бою за деревню Чернушки. На его подвиге, на подвиге десятков и сотен других бойцов и командиров мы воспитывали пограничников.

Отходя, враг оставлял в нашем тылу свою резидентуру. Приходилось выявлять и ликвидировать ее. В соответствии с директивой главной квартиры командующего немецкими войсками на Восточном фронте гитлеровские оккупационные власти использовали в период оккупации в качестве ставленников и пособников немецкого фашизма бывших белогвардейцев, националистов, кулаков, изменников Родины, уголовников. Это отребье в той или иной мере помогало тайной полевой полиции, жандармам, местным комендантам получать разведывательные данные о прифронтовой полосе, изыскивать необходимые ресурсы для германской армии, выявлять коммунистов, партизан, семьи военнослужащих Красной Армии.

8 февраля 1943 года была задержана агент немецкой разведки «Б», работавшая при штабе немецкой дивизии. Она выявляла коммунистов, партизан, военнослужащих Красной Армии, лично выезжала на розыск советских летчиков, сделавших вынужденную посадку. Агент передала немецкой разведке список, в котором значились имена 28 партийных работников и партизан. При отходе немцев она была оставлена с целью шпионажа.

Но были и другие встречи. С нашими советскими людьми, что, оставаясь на временно оккупированной территории, не пошли в услужение к врагу, а действовали, как подсказывала им совесть, сердце советского патриота. Мы встречались с партизанами, подпольщиками, партийными и комсомольскими активистами, которые по своей доброй воле, как могли, боролись с врагом, не страшась смерти.

Однажды вечером мы оказались в саду дачного поселка в нескольких километрах от Харькова. Большинство дач пустовало. Только в нескольких домах в окнах мерцали огни. До Черкесско-Лозовой было еще далеко. Бойцы приустали, да и пора было подумать о ночлеге.

Подозвал Городнянского:

— Проверьте, товарищ старшина, что это за дома, можно ли в них расположиться на ночь.

Через десяток минут Городнянский вернулся и доложил:

— Есть один дом. Правда, будет тесновато. Но чисто. Да и жильцы приглашают, говорят — для всех места хватит.

Мы прошли в сад. Неподалеку от калитки виднелось большое одноэтажное деревянное почти квадратное здание с множеством дверей и сплошной террасой. Вошли в него. Разместились по комнатам. Вышло по два-три бойца на каждую комнату. В одной обосновались мы с политруком Гончаровым. Старшина Городнянский принес ужин. Вошла хозяйка, женщина лет сорока. Согрела чай. Мы сняли куртки, сели за стол. Женщина долго рассматривала нас, а потом спросила:

— Вы медики?

— Нет,— отозвался я.— Я командир, а он политрук. А у вас что, болен кто-нибудь?

— Да нет,— сказала женщина,— такие петлицы, как у вас, до войны носили пограничники. Но ведь пограничники служат на границе. А тут фронт. Вот я и подумала, что медики. У них тоже петлицы зеленые, только чуть темнее.

И она умолкла. На лицо ее легла печать раздумья.

Мы поняли, что женщина что-то хотела сказать, но не решилась. Я продолжил разговор:

— А у вас кто-то служил на границе?

— Нет,— ответила она и опять задумалась.

Я сказал, что мы с политруком войну встретили на западной границе. Отходили через эти места. Теперь идем снова к родным заставам.

— Вот как,— удивилась женщина. И призналась: — До войны я работала в Харьковском пограничном училище. Сколько мы провожали питомцев этого училища на границу...— И посмотрела на меня, потом на политрука: — Из вас случайно никто не учился в нашем училище?

— Нет,— ответил я,— Иван Иванович стал офицером в войну, а я кончал Саратовское пограничное училище.

Женщина присела и стала рассказывать о черных днях фашистской оккупации. Я понял, как у нее наболело на сердце. Потом спросил:

— Почему же вы не эвакуировались с училищем?

— О, это вопрос сложный,— произнесла женщина.— Можно ли об этом рассказывать? Да и кто мне поверит, кроме того человека.

— Кто этот человек?

— Он работал у нас в училище. Когда фронт приблизился к Харькову, он сказал мне: «Вы уроженка Белгорода, езжайте туда. Там к вам придет наш человек и скажет, что вам необходимо делать в тылу врага».— Она подлила нам чаю и продол-

жала: — Время шло, ко мне никто не приходил. Я решила вернуться в Харьков в надежде встретить знакомых людей. Но жить было не на что, и я устроилась работать в саду. Немцы открыли в этом здании «контору» по переработке фруктов. Они консервировали яблоки, груши, сливы. Рабочие, которые исполняли эту работу, через три-четыре месяца куда-то исчезали, а вместо них прибывали новые. Это показалось мне подозрительным. Тогда я познакомилась с одним из вновь прибывших. Он работал в канцелярии. Мой знакомый сказал, что это вовсе не контора по переработке фруктов, а филиал разведшколы немцев. Я собрала много материала об этой разведшколе и о тех людях, кто учился в ней. Посоветуйте, как мне найти того товарища, который оставил меня в тылу врага.

— Да,— заметил я,— это интересно. Но человека, что оставлял вас в тылу, найти в данной ситуации довольно сложно. Да и жив ли он? Вот что я вам посоветую. Нам надо уходить. Но вслед за нами сюда придут сотрудники территориальных органов государственной безопасности. Расскажите все им.

Женщина поблагодарила нас и ушла. А я лежал и думал об этой мужественной патриотке, которая сама себе поручила и выполнила сложное разведывательное задание, рискуя жизнью. Сведения, которые она собрала о гитлеровской разведшколе и о тех, кто учился в ней, пригодятся нашим чекистам. Не помню имени этой женщины. Но и сегодня вспоминаю о ней, советской гражданке, выполнившей свой долг в тылу врага.

Так неожиданно мы побывали на территории одной из разведывательных школ, готовившей агентов, с которыми нам все это время приходилось бороться, с кем еще предстояло бороться до конца войны и после нее.

Утром мы продолжали свой марш. Прошли Холодную гору и оказались на северной окраине Харькова. А во второй половине дня прибыли в село Черкесско-Лозовую. Оно лежало в глубокой лощине вдоль берега замерзшей реки. В центре на небольшой площади возвышалось здание школы. Тут размещался штаб полка. Я доложил командиру полка полковнику Блюмину о прибытии и о ночевке в бывшей немецкой разведшколе. Он сделал пометку об этом на листе бумаги, а потом спросил, как мы дошли, каково самочувствие людей, настроение. Затем показал телеграмму, в которой начальник войск охраны тыла Воронежского фронта предписывал нашему полку выйти на рубеж Нижняя Сыроватка — Новая Водяга. Командный пункт полка расположить в городе Красный Кут.

Помолчав, Блюмин добавил:

— Части Красной Армии подходят к Днепропетровску. С каждым днем увеличивается участок, охраняемый полком. Резервный батальон уже задействован. Теперь я вашу заставу вывел в резерв. Завтра утром к вам в подчинение перейдут саперный и учебный взводы, с которыми вы и должны убыть в Красный Кут. Подготовьте там место для расквартирования штаба полка. Мы тронемся вслед за вами.— Блюмин достал карту, показал ее мне: — Здесь расчет на марш, маршрут движения. Готовьте людей.

Выступили на рассвете. Исходный пункт — город Дергачи прошли в назначенное время. Потом выбрались на шоссе Харьков — Богодухов. На обочинах его валялась подбитая вражеская техника. Особенно ее было много в районе Ольховатки, где шли самые жаркие бои. Накренившиеся, с развороченными боками танки, разбитые орудия, обгоревшие машины всех марок Европы — все это теперь застыло, остановилось, бездействовало.

Ничто так не радует бойца на фронте, как поверженный враг. Только тот, кто пережил трудное лето сорок первого, кто стоял и выстоял против гитлеровских танковых лавин, мог по достоинству оценить все то, что теперь происходило на советско-германском фронте. И хотя нам приходилось не раз отступать и отходить, терять дорогих людей, драгоценную технику и сейчас, но уже ничто не могло изменить общего хода событий, заглушить победную песню, звучавшую в душе. Проходя мимо подбитых вражеских боевых машин, мы не без гордости смотрели на них. Взгляды бойцов словно бы говорили: «Ну что, не по зубам оказались просторы России? Не на тех напали...»

Слышались и реплики:

— А здорово им дали наши артиллеристы.

— Знай наших...

В середине дня мы сошли с шоссе на проселок и лесом напрямик двинулись к Красному Куту. Стемнело. Впереди послышался лай собак. Головной дозор доложил, что лес кончился, видны дома. По расчетному времени это и должен был быть Красный Кут. Расположив людей на опушке леса, я с дозорными прошел к домам начинавшейся здесь улицы. Сержант Шкуро постучал в окно крайнего дома. На стук никто не ответил. Тогда Шкуро настойчивей забарабанил по стеклу. Скрипнули половицы. Кто-то вышел в сени и, не открывая двери, спросил:

— Чего надо?

— Свои, не бойтесь.

Дверь приоткрылась. Я осветил фонарем стоявшего на пороге старика.

— Скажи-ка, отец, в городе наши есть?

— Нет,— отозвался старик хриплым голосом,— вы будете первыми.

И он пригласил нас в дом. Мы узнали, что немцев в городе нет, но есть местная полиция. Немецкий комендант находится на сахарном заводе.

— Далеко это отсюда?

— Да километров пятнадцать, пожалуй, будет.

— А солдат там много?

— Сказывали, с десяток, может, чуток больше.

— А знаете, где на вашей улице живет полицай?

— Знаю.

— Тогда вот что, отец, одевайся, пойдешь за ним и скажешь, что у вас в доме остановился немецкий офицер, пришла, мол, какая-то их часть, требуют полицая.

Старик ушел.

Мы расположили вокруг дома отделение сержанта Векшина, а старшину Городнянского с тремя бойцами оставили в сенях. Они пропустили, как было условлено, возвратившегося старика, а полицейского схватили и отобрали у него оружие.

Ни жив ни мертв стоял он посередине комнаты, не понимая, что произошло, но чувствуя, что случилось непоправимое.

— Ну что, господин полицейский, давайте будем знакомиться.

Он вытянулся, руки по швам. Мелкая испарина покрывала его лицо. Заниматься полемикой нам было некогда, сразу приступили к делу.

— Знаешь, где живет начальник полиции?

— Знаю.

— Хочешь искупить свою вину перед советским народом?

— Да,— заверил полицейский.

— Тогда слушай. Пойдешь сейчас к начальнику и скажешь, что на вашей улице расположилась прибывшая немецкая часть, ее командир остановился у тебя в доме, а его вызывает к себе. Веди начальника полиции в свой дом, да не вздумай шутить.

— Все сделаю так, как вы сказали,— залепетал полицай.

— Ну, тогда пошли.

Полицейский довел нас до своего дома, открыл дверь. В нескольких комнатах было чисто прибрано, но пусто. В кухне на столе стояла начатая бутылка водки и закуска.

— Где семья?

— Я не здешний, не краснокутский.

— Ну ладно, беги за своим начальником.

Полицейский убежал, а мы стали ждать его возвращения. Сдержит свое слово негодяй или поднимет шум? С улицы донесся приглушенный говор, заскрипел снег под ногами. Две тени приблизились к дому. Городнянский крикнул:

— Хальт!

Не успел начальник полиции опомниться, как его уложили на снег и обезоружили.

Так по одному мы собрали к полуночи всю немецкую администрацию города в управлении полиции. По сути, это был дом начальника полиции — какое-то административное здание, превращенное им в личный особняк и управление полиции одновременно. Добра в доме было много. Обосновывался начальник краснокутской полиции, чувствовалось, надолго. Грабил людей основательно. Тут было и пианино, и мебель красного дерева, и ковры, и посуда. Всего в избытке. Полицейские сидели съежившись, не смея открыть рта, как сидят преступники, пойманные с поличным. Пропитое, обрюзгшее лицо начальника полиции выражало растерянность. Заплывшие жиром глазки его бегали, в них отражался страх, растерянность, досада: как это его взяли, обхитрили, обвели вокруг пальца.

Пока Джамолдинов допрашивал этих мерзавцев, мы занялись немецким гарнизоном на сахарном заводе. От полицейских стало известно, что гарнизон состоит из двенадцати гитлеровцев. Посоветовавшись с Гончаровым, решили на ликвидацию послать старшину Городнянского. Такой выбор оказался не случайным. Старшина был опытным пограничником. Службу свою в погранвойсках начал в 92-м Перемышльском пограничном отряде. В первый же день войны вступил в бой, бил фашистов на Сане. Не раз прорывался из вражеского окружения. Был волевым, храбрым командиром, остроумным, смекалистым бойцом. Внешне Городнянский походил на чистокровного арийца, к тому же неплохо знал немецкий язык. Однажды политрук Гончаров рассказал мне, как при выходе из вражеского окружения в начале войны старшина Городнянский надел мундир немецкого ефрейтора, сел на мотоцикл, пристроился к колонне немцев и разведал маршрут для выхода комендатуры.

Не пришлось старшине Городнянскому увидеть день окончательного разгрома фашизма. В апреле 1945 года он был откомандирован в разведроту 24-й стрелковой дивизии и вскоре пал смертью храбрых буквально за несколько дней до конца войны. Было это в Чехословакии. Батальон, которым я к тому

времени командовал, совершал марш. У небольшого чехословацкого села мы сделали привал и тут увидели на пригорке наших солдат, устанавливавших четырехгранные столбики со звездами на свежевырытых могилах. Нас невольно потянуло туда. Как обидно погибнуть в самом конце войны! Хотелось отдать последние почести тем, кто пал в одном из завершающих боев при освобождении чехословацкой земли от коричневой гитлеровской чумы. Каково же было мое изумление, когда на одном из памятников я увидел фотографию старшины Городнянского. От волнения никак не мог прочитать под ней надпись. Спросил хоронивших:

— Это старшина Городнянский?

— Да,— ответил сержант из похоронной команды,— это командир взвода нашей разведроты. Наш взвод первым ворвался в это село. Вон там, на высоте, у фашистов был дзот и пулемет, они не давали полку продвигаться по дороге, а горы мешали обойти это место. Командир взвода повел нас в атаку. Мы уничтожили дзот, но гитлеровская пуля оборвала жизнь нашего командира...

Мы дали троекратный прощальный залп старшине первой заставы Городнянскому и павшим вместе с ним его боевым товарищам и пошли дальше на запад.

Вот кто в начале марта 1943 года был послан с отделением сержанта Пугачева на полицейских лошадях на сахарный завод, чтобы уничтожить немецкую комендатуру. Пограничники подъехали к заводу часа в четыре утра. Городнянский прихватил с собой отделение сержанта Пугачева и первого взятого нами полицейского. Расположив людей у проходной, сам с полицейским подошел к двери.

— Ну, полицай, стучи.

На стук ответили по-немецки заспанным голосом:

— Кто там есть?

— Господину коменданту срочный пакет от начальника полиции.

У двери послышались шаги. Потом открылся дверной волчок. Увидев лицо знакомого полицейского и пакет в его руке, немец открыл дверь. Через мгновение часовой неподвижно распластался на полу.

Отделение сержанта Пугачева вместе со старшиной Городнянским проникло на завод, окружило здание, где размещались гитлеровцы, и блокировало его. В окна полетели гранаты. Потом автоматным огнем бойцы прочесали комнаты. На все это ушло несколько минут. С немецким гарнизоном было покончено.

Утром к нам стали подходить граждане города. Узнав, что вся полиция арестована и начальник полиции в руках у пограничников, которые в Красный Кут как с неба свалились, люди стали рассказывать о том, что́ творили в городе прислужники фашистов. Особенно гневно они выговаривали главарю полицейских:

— Ну что, гад, запасся добром на всю жизнь? Ты же говорил, что немецкий порядок на советской земле установлен навечно. Что скажешь теперь? Что скажешь, когда тебя будут вешать на осине?

Прослышав, что в городе объявились советские бойцы, из леса пришли к нам несколько партизан. Вот их-то я и попросил отконвоировать немецких прислужников в Харьков, в военную контрразведку. Партизаны передали полицейских по месту назначения.

Два дня мы пробыли в Красном Куте, готовя помещение к приходу штаба полка, разбираясь с отдельными лицами, выполнявшими ту или иную работу у гитлеровцев, искали тайных агентов, беседовали с населением. Людям было возвращено отобранное у них имущество. Непривычным для них казалось, что наконец-то можно снова ходить по улицам не оглядываясь и говорить то, что у тебя на уме, без опаски. Город Красный Кут, стоявший посреди лесного массива в стороне от больших дорог, ожил.

А штаб полка не подходил. Зато справа и слева стала слышна артиллерийская канонада. Тогда этому трудно было дать объяснение. Лишь много лет спустя, перелистывая страницы одного архивного дела, я прочитал донесение командира батальона: «Командиру 92-го погранполка, 3.3.43 г. 20.00. Выйти на рубеж по приказу не могу, противник на некоторых участках перешел в контрнаступление. Командир 3-го батальона Пашков».

Мы были в первом батальоне, но нашелся именно этот документ. Суть же была одна. На фронте что-то произошло. А получилось тогда следующее. Гитлеровское командование, перегруппировав силы, создало юго-западнее Харькова мощный кулак, превосходивший наши наступавшие войска на этом направлении. Немецкие войска перешли в наступление. Если бы не были так растянуты тылы и коммуникации Воронежского фронта и не столь измотаны в непрерывных наступательных боях соединения и части, противник не имел бы здесь значительного успеха. Но в этой обстановке советские войска с большим трудом сдерживали бешеный натиск врага. 6-я армия, в тылу которой мы находились, вынуждена была отойти к Харькову.

Полковник Блюмин получил приказ от начальника войск по охране тыла фронта отвести батальоны полка на новый рубеж. 6 марта прибыл связной из штаба полка и к нам. Заставе предписывалось вернуться в село Черкесско-Лозовую. Прикинув на карте маршрут движения, который составлял добрую сотню километров, мы решили на основную магистраль Богодухов — Харьков не выходить, а идти проселками. Так было короче и безопаснее. Выступили сразу, рассчитывая к рассвету перейти мост через реку у села Ольховатки, так как немцы могли отрезать заставе и приданным ей саперному и учебному взводам пути отхода.

Только мы миновали Ольховатку и подошли к селу Пересечному, как у перекрестка дорог от Богодухова и Полтавы появилась колонна немецких войск. Мы свернули в лес в сторону Дергачей. Так и добрались до Черкесско-Лозовой. Штаб полка уже снимался.

Вот что говорится об этом в донесении штаба полка: «В ночь с 8 на 9 марта 1943 года через Черкесско-Лозовую стали отходить наши подразделения и части. Для наведения порядка в селе оставлена первая застава с заместителем командира полка майором Башмаковым. Штаб полка отошел в село Мянца».

Наша первая застава осталась в селе. Майор Башмаков и капитан Цыганков вскоре убыли в Харьков, в штаб 3-й танковой армии, для уточнения обстановки. Мы же, выполняя приказ, перекрыли все подходы к Черкесско-Лозовой. Чтобы не связывать действия заставы, отправили свои небольшие «тылы» со старшим лейтенантом Джамолдиновым вслед за штабом полка.

Около полуночи в дом, где мы расположились, вошел сержант Пугачев, а с ним высокий человек в папахе и черной казачьей бурке.

— Полковник Самохин,— представился он,— где тут на ночь можно расположиться?

— Верю, что вы полковник Самохин,— сказал я, поднимаясь,— но прошу вас все-таки предъявить документы.

Вошедший протянул удостоверение личности, которое свидетельствовало, что податель сего начальник особого отдела кавалерийского корпуса.

Я посоветовал полковнику Самохину разместиться в школе, где находился штаб полка. При этом добавил, что там наша полковая машина и в одном из классов отдыхают сержант и шофер.

— Хорошо,— согласился Самохин,— проводите, пожалуйста, нас туда.

Вслед за полковником к школе подъехало еще человек пятнадцать. Все они были одеты в такие же казачьи бурки, как и их начальник. Попросив у полковника разрешения, я вернулся к своим бойцам.

Часа в три ночи меня разбудил сержант Астахов, спавший с водителем машины в школе:

— Вас вызывает полковник Самохин.

В комнате, где находился Самохин, горела на столе свеча. Я доложил полковнику о прибытии.

— Сколько у вас людей? — спросил он.

— Двадцать со мной.

— Вот что, старший лейтенант, через час мы снимаемся. Там, впереди, находится наш эскадрон. С рассветом он немного пошумит и начнет отходить. В Дергачах много танков противника. Как видите, если мы ничего соединением сделать не можем, то вы со своими людьми нам не поможете. Доложите своему командиру полка, что я приказал вам отходить вместе с нашим прикрытием.

Вскоре полковник Самохин и сопровождавшие его всадники ускакали. Мы ожидали рассвета. Внезапно со стороны Дергачей донеслись громовые раскаты. Через секунду на площади с сухим треском стали рваться снаряды, а в саду затрещали автоматные очереди. Галопом через село пронеслись конники. Прибежал шофер, доложил: машина разбита, сержант Астахов убит. Накрыло школу сразу несколькими снарядами, так что хоронить некого. Опять через село проскакали кавалеристы, видимо последние. На скаты высоты выползли немецкие танки с десантом автоматчиков. По ним тотчас от Белгородского шоссе беглым огнем ударили наши пушки.

— Ну что, политрук,— обратился я к Гончарову,— и нам, наверно, пора?

— Да, задерживать здесь больше некого. Жалко Астахова,— с грустью сказал Гончаров.

— Да, Иван, вот она какая жизнь. А ведь с Астаховым я прошел от Карпат до этих мест. Как нелепа смерть!

Мы уже были в поле за селом, когда неожиданно появились вражеские самолеты и обстреляли нас из пулеметов. Вдогонку ударили танки. Они вырвались на шоссе Харьков — Белгород.

Часа три мы шли по лесу. Потом путь преградила глубокая и широкая лощина, вдоль которой на несколько километров растянулось огромное село. Появились наши машины, танки, повозки. Оказалось, что это Казачья Лопань, через которую проходили части Красной Армии. Мы присоединились к ним и до-

брались до села Мурома. Здесь догнали свой обоз и расположились на ночь.

Ночь прошла спокойно. Отдохнув, тронулись дальше. Где-то возле Волчанска застава переправилась через Северный Донец, а поздно вечером оказалась в Волчанских Хуторах. Заночевали в надежде утром установить связь со штабом полка. Не успели, однако, расположиться, как мне доложили, что в ближайшем селе Ефремовке появились какие-то военные: говорят не по-русски и одеты не так, как наши.

Хотя мы были за рекой, вроде в тылу, но на войне всякое бывает. Поэтому я приказал своему заместителю старшему лейтенанту Джамолдинову разузнать, кто объявился в селе. Вскоре он вернулся и доложил, что в селе чехи. О том, что на участке нашего фронта будет сражаться чехословацкий отдельный батальон, мы знали. В сообщении штаба фронта говорилось, что чехословацкие солдаты и офицеры одеты в шинели, брюки и гимнастерки из сукна цвета хаки английского покроя, головной убор — шапка-ушанка с кокардой, на которой изображен лев, оружие советское. Для опознания установлен пароль «свобода» — по имени их командира батальона подполковника Людвика Свободы.

Утром с политруком Гончаровым я решил заглянуть к чехам в Ефремовку. Разыскали дом, где находился штаб, или точнее батальонная канцелярия. Здесь были несколько капралов и два офицера. Встретили они нас приветливо. Некоторые хорошо говорили по-русски. Выяснилось, что батальон выходил из боя в районе Соколово — Мерефа; там состоялось боевое крещение первого чехословацкого подразделения на советско-германском фронте.

— Ну и как воевали?

— Добре, горячий был бой. Не пропустили фашистов через Мжу. Чехословаки выполнили приказ советского командования.

Мы узнали, что под Мерефой вместе с чехословацкими воинами дрался и батальон войск НКВД. Чехи рассказали о бое советских воинов в селе Тарановке, что лежало на пути к Соколово. Они не знали подробностей, но заметили, что наши воины первыми приняли удар гитлеровцев, чем дали возможность батальону вступить в бой не с ходу, а заранее подготовившись к обороне.

Только спустя некоторое время стали известны подробности боя в Тарановке. В марте 1943 года там был совершен подвиг, подобный подвигу 28 героев-панфиловцев. В Тарановке героически сражался взвод, которым командовал лейтенант П. Н. Ши-

ронин. Почти все воины взвода погибли, но не пропустили фашистские танки. Всем двадцати пяти бойцам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Геройски дрались и чехословацкие солдаты. Наносившие под Тарановкой, Соколово, Мерефой главный удар в направлении Харькова с юго-запада немецко-фашистские войска не сломили героического сопротивления чехословацких воинов. Бой под Соколово стал яркой страницей в боевой истории чехословацкой армии. «Надо сказать, что чехи в Соколово дрались так, как можно драться только за свою родину»,— писал бывший командир советской дивизии, на участке которой сражались чехословаки.

Узнав, что под Харьковом действует первое чехословацкое подразделение, гитлеровцы попытались сделать все, чтобы уничтожить его. Но это им не удалось. Однако в их руки попало несколько тяжело раненных чехословацких воинов. Фашисты подвергли их страшным пыткам: отрезали уши, носы, выкололи глаза.

— Мы видели наших замученных товарищей, привязанных к столбам и выставленных фашистами для устрашения,— сказал один из чехословацких офицеров, с которыми мы встретились в Ефремовке,— они хотели запугать нас, но мы не испугались, мы только больше теперь ненавидим фашистов.

Мы узнали, что основные силы батальона вместе с командиром Л. Свободой еще на подходе к Ефремовке, и распрощались со своими новыми знакомыми.

Было солнечное мартовское утро. Из домов на улицу высыпали чехословацкие солдаты. Они собирались группами, оживленно переговаривались, а потом запели какую-то чешскую песню. Слов песни мы не поняли, но мелодия была задушевная, сходная с напевом наших украинских песен. Узнали, что это песня об их родине. Пели ее чешские и словацкие воины вдохновенно.

Мы подошли к одной группе, поздоровались. Солдаты дружно ответили: «Наздар!» А в это время от другой группы отделились трое солдат и направились к нам.

Один из них, широко улыбаясь, подошел ко мне совсем близко и спросил:

— Господин надпоручик, а вы нас не познаете?

Я вглядывался в подошедших солдат, пытаясь вспомнить, где я их мог видеть.

— Нет,— признался я,— не узнаю.

Тогда, мешая чешские, словацкие, украинские и русские слова, солдаты наперебой стали объяснять, что знают меня. Это

было осенью 1940 года. Их задержали пограничники нашей заставы у села Кривки. И я вспомнил многоликие, пестро одетые группы людей, почти каждый день доставлявшиеся пограничными нарядами на заставу,— уходивших в СССР от фашистской неволи граждан Чехословакии. В одной из таких групп были и те, кто узнал меня сейчас в Ефремовке. Солдаты вспоминали подробности перехода границы и время, проведенное на нашей пограничной заставе.

— Господин надпоручик, а помните, как ваш капрал кормил нас прямо на улице? Много тогда нас было на вашей заставе. А тот капрал сейчас с вами?

— Нет,— ответил я,— старшина Вершинин погиб в 1942 году под Обоянью.

— Жалко,— сказал один из чехов,— добрый был человек.

Потом солдаты рассказали, как из Сколе, где находился штаб нашего отряда, они приехали во Львов, а потом в Казахстан. Работали в совхозе. А когда началась война, попросились в формируемую в Советском Союзе чехословацкую часть. Теперь чехи и словаки с оружием в руках сражаются за свой оставленный дом, за свою родину.

— Где происходило ваше формирование?

— О, далеко отсюда, на Урале, в Бузулуке.

— А под Харьков как попали?

— Хотели на фронт, драться с фашистами, вот нас и послали сюда.

Они тоже рассказали, как сражались с гитлеровцами и как не уступили им.

Чехословацкие воины были счастливы, что наконец били фашистов, с оружием в руках боролись и за свободу своей родины.

Неожиданная эта встреча тронула до глубины души. Словно встретился со старыми знакомыми. Было приятно сознавать, что молодые люди правильно поняли и оценили события в трудную минуту для своей и моей родины. Мы тепло распрощались, пожелали друг другу успехов и снова встретиться уже после войны. Не знаю, кто из этих чехословацких солдат дошел до своего дома. Больше наши пути не пересекались, хотя Чехословакию я увидел, когда попал в эту страну со своим батальоном с наступавшими частями Красной Армии.

Из Ефремовки мы отправились в город Волчанск. В Волчанске наших войск не было. Базировавшийся здесь до последнего момента авиационный истребительный полк сменил аэродром. Оставался лишь батальон аэродромного обслужива-

ния. Но и тот уходил. Зато в другом повезло. В горисполкоме нам помогли получить на одной из баз продукты.

Направились в обратный путь. Но неподалеку от Северного Донца к нам подъехал заместитель командира 3-го танкового Котельниковского корпуса, войска которого выходили в этот район.

— Есть ли в городе наши войска? — спросил генерал. И, услышав ответ, заметил: — Да, хотя река и бурлит, но без войск она не преграда. Скажите, а в селе Белый Колодезь находится застава вашего полка?

— Наверно, наша. На этом направлении несет службу наш батальон.

— Я уже отдал начальнику заставы необходимые распоряжения,— сказал генерал,— вы тоже пока будете у меня под рукой.

В селе Белый Колодезь действительно оказалась застава нашего полка, которой командовал старший лейтенант Василий Анисимов. Так мы попали в непосредственное подчинение к заместителю командира 3-го танкового корпуса. Потом стали прибывать передовые части корпуса, и генерал, сообщив, что наш полк сосредоточивается в Больше-Троицком, разрешил следовать в часть.

На второй день мы добрались до села Больше-Троицкого. Полк выходил на охрану тыла 7-й гвардейской армии, штаб которой дислоцировался недалеко от села Зимовеньки в лесу. Штаб нашего первого батальона располагался вместе со штабом полка в Больше-Троицком. Капитан Татьянин к этому времени получил повышение. Вместо него временно исполнять обязанности командира батальона назначили меня.

К концу марта 1943 года войска Воронежского фронта в упорных боях остановили контрнаступление противника и закрепились на рубеже Краснополье, севернее Белгорода, и далее по левому берегу Северного Донца. На этом участке фронта образовался южный фас так называемого Курского выступа, который сыграл важную роль в последующих боевых действиях. Таким образом, расчеты гитлеровского командования окружить и уничтожить крупную группировку советских войск в Донбассе и в районе юго-западнее Харькова, а затем под Курском были сорваны. Понеся большие потери, противник вынужден был перейти к обороне. После зимних наступательных боев, закончившихся победами Красной Армии, на фронте наступило относительное затишье.

Весна вступала в свои права. Ярко светило солнце. Забурлили, зашумели вешние воды. Вышел из берегов Северный До-

нец. Под горячими лучами солнца парилась черноземная курская земля. Потеплел воздух. Зазеленели луга и поляны. Покрылся бледной зеленью лес, забелели сады, неугомонно пели птицы.

Постепенно просыхали грунтовые дороги. Армейские саперы и местные жители, в основном подростки и женщины, приводили их в порядок. Ремонтировали мосты, засыпали колдобины, воронки. По дорогам потянулись вереницы повозок, колонны автомашин. К передовой везли боеприпасы, орудия, продовольствие, летнее обмундирование. В тыл — полушубки, валенки, ватные брюки и куртки, стреляные артиллерийские гильзы, тару, трофейную технику.

Все чаще на наших контрольно-пропускных пунктах можно было услышать:

— Гвардии рядовой такой-то, после излечения следую в свою часть.

Или:

— Гвардии сержант... Гвардии лейтенант, с пополнением направляюсь в Н-ск.

На груди у солдат и офицеров сиял знак «Гвардия».

Было приятно наблюдать за огромным потоком людей и техники. Все это свидетельствовало о нашей растущей мощи. К лету 1943 года советская промышленность производила только за один месяц около 3 тысяч самолетов и свыше 2 тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок. Резко увеличилось количество новых образцов оружия. Техническая оснащенность войск, изменившиеся условия ведения войны, рост боевого мастерства личного состава и командных кадров, выполнение все новых задач привели к дальнейшему совершенствованию организации Красной Армии. Был завершен в основном переход стрелковых войск на корпусную систему, что намного улучшало управление. Создавались крупные соединения артиллерии резерва Главного командования, формировались новые танковые части, соединения и армии, обладавшие высокой маневренностью и большой ударной силой.

Многое из того, что происходило вблизи линии фронта на южном фасе Курского выступа, в тылу 7-й гвардейской армии, мы видели собственными глазами. Только вот общение наших бойцов и сержантов с гвардейцами принесло нам, командирам, некоторые огорчения. Прибывавшие в полк из частей Красной Армии и из госпиталей на пополнение солдаты сетовали:

— Вот попал сам не знаю куда. Был вроде артиллеристом, а теперь кто? У себя бы в части я давно на грудь гвардейский знак надел, а тут не дождаться награды, как ни служи.

Были даже просьбы об откомандировании в свои полки и подразделения, хотя по состоянию здоровья бойцы не могли быть в действующей армии. Приходилось нам, командирам и политработникам, вместе с нашим активом прилагать немало усилий, чтобы привить людям любовь к своей части, службе. Мы рассказывали прибывавшим бойцам об истории нашего полка и пограничного отряда, о боевых делах его бойцов и командиров, обо всем увиденном и пережитом. Иногда кто-нибудь из бывших пограничников извлекал из вещмешка видавшую виды зеленую фуражку, надевал ее с гордостью и говорил:

— Ну что ты, друг любезный, приуныл? Знаешь, как мы охраняли границу еще до войны, как встречали врага в темные дождливые ночи? В этой зеленой фуражке мы первыми встретили огневое утро 22 июня 1941 года. Все, что Гитлер и его генералы сосредоточили для нападения на нашу Родину, в первый час войны обрушилось на пограничные заставы. Но разделаться с нами оказалось не так-то просто. Смотри, третий год идет война, а мы все воюем, сражаемся с врагом. Нет, зря ты, брат, сетуешь. Было время, мы без орудий и авиации стояли против танков. Отступали последними. Так что каждый из нас гвардейский значок давно заслужил, только тогда их не давали. Жалуешься на «тыловую» жизнь? А поразмысли. Не распознаешь того, кого послала гитлеровская разведка,— взлетят на воздух склады, воинские эшелоны, точно будет бить по целям вражеская авиация и артиллерия, будут разрушены мосты и переправы. Конечно, воевать в гвардейской части почетно. Но кто-то и здесь должен быть и закрыть дорогу тайному врагу в наш тыл.

Подобные беседы не пропадали напрасно. Настроение бывших фронтовиков постепенно менялось. Они, как говорят, почувствовали вкус службы и добросовестно выполняли возложенные на них задачи. В конце апреля или в начале мая 1943 года мы получили приказ, в котором командование поздравляло бойцов и командиров полка с высокой правительственной наградой. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 года наш 92-й пограничный полк за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронтах борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждался орденом Красного Знамени. Каждый боец, командир глубоко сознавал, что в этой высокой награде есть частица и его личного подвига. С объявлением приказа и вовсе прекратились ненужные разговоры.

Началась усиленная подготовка к летним боям. Войска Воронежского фронта, занимавшие оборону от Суджи до Волчан-

ска, создавали непреодолимый глубоко эшелонированный рубеж с хорошо развитой системой траншей и ходов сообщения, большим количеством всевозможных противотанковых и противопехотных заграждений. И на участке 7-й гвардейской армии от Белгорода до Шибекина усиленно велись оборонительные работы. В землю зарывались не только передовые части, но и тылы армии. Большую помощь войскам в создании оборонительных рубежей оказывали местные жители. К концу мая были полностью закончены работы в оборонительных районах. Почти прекратилось движение по фронтовым дорогам. Все дороги на ночь минировались, а проходы охранялись саперами и пограничниками. Находясь в боевых порядках второго эшелона армии, наш полк продолжал вести борьбу с разведкой противника, выкорчевывал ее агентуру и диверсионные группы, проводил ряд других мероприятий, связанных с поддержанием необходимого порядка в тылу армии.

В любой обстановке пограничники проявляли смелость, находчивость, вступая подчас в вооруженное столкновение с врагом. Вспоминается случай, происшедший в это время на одном из контрольно-пропускных пунктов батальона. Неподалеку от села Больше-Троицкого нес службу старшина Анисимов с четырьмя бойцами. Где-то под вечер на дороге среди машин и повозок появился всадник, одетый в военную форму. Заметив шлагбаум и пограничников, он повернул обратно. Это не ускользнуло от внимания старшины Анисимова.

— Стой! — крикнул Анисимов.

Неизвестный вскинул автомат и, дав по пограничникам очередь, попытался уйти, ранив одного бойца. Но ответным огнем был тоже ранен, упал с коня.

Задержанного отправили в госпиталь. Когда он подлечился, то был передан в органы контрразведки и разоблачен как крупный агент врага.

— Почему вы открыли огонь,— спросил его следователь,— а не попытались предъявить документы, положиться на случай?

Гитлеровский шпион безнадежно махнул рукой:

— Я потерял всю группу, выброшенную со мной на парашютах в тыл Красной Армии. Парашютисты наткнулись на пограничников и были задержаны. И я не надеялся, завидев пограничный наряд, удачно выбраться. Попробовал скрыться. Но меня остановили. Ничего не оставалось, как открыть огонь.

Случалось, мы занимались и такими делами, которые не входили в наши прямые обязанности. Как-то по соседству со штабом батальона в Больше-Троицком расположился армейс-

кий госпиталь. Командующий отдал приказ: весь автотранспорт, подвозящий боеприпасы с тыловой станции снабжения на передовую, при возвращении обязательно направлять в госпиталь для эвакуации раненых во фронтовой госпиталь. Поначалу некоторые шоферы, старшие автоколонн старались уклониться от этого. Приходилось на контрольно-пропускном пункте дополнительно выделять бойцов для сопровождения автомашин до госпиталя. В общем забот хватало. Когда требовалась помощь, многие шли за ней к пограничникам.

Между тем противник после поражения под Сталинградом готовился к новому наступлению на центральном направлении. Немецкий генеральный штаб разработал план наступательной операции, получившей название «Цитадель». После длительной и тщательной подготовки гитлеровские войска сосредоточились на исходных рубежах.

Но план немецкого командования был разгадан. В ночь на 5 июля 1943 года, незадолго до начала наступления немецко-фашистских войск, артиллерия наших армий и фронтов провела мощную огневую контрподготовку. В результате гитлеровцы понесли серьезные потери, нарушилось управление войсками. Однако от наступления враг не отказался. Утром этого же дня фашисты начали артиллерийскую и авиационную обработку нашей обороны. Затем атаковали ее. У нас они наступали на участке 69-й стрелковой дивизии севернее Шибекина. Завязались ожесточенные бои. В течение дня участок прорыва несколько раз переходил из рук в руки. Противник нес громадные потери, но стремился во что бы то ни стало прорвать нашу оборону.

Так продолжалось несколько дней. Сражение развернулось и на земле и в воздухе. Гитлеровское командование ввело в бой новые танки «тигры» и «пантеры» и самоходные артиллерийские установки «фердинанды», на которые возлагало особые надежды. Воины 7-й гвардейской армии отражали в отдельные дни по двенадцать атак. Появилось много раненых. Они шли по дорогам или ехали на машинах. Нам приходилось смотреть в оба. В один из дней старшина Анисимов остановил подошедшую автомашину с сидевшими в кузове ранеными. Старшина-санитар грубовато бросил:

— Что, не видишь, кого везу? Поднимай шлагбаум!

— Вижу, не торопи, проверим, тогда и поедешь,— спокойно ответил Анисимов.— Сколько у вас человек по списку?

— Со мной восемнадцать,— ответил санитар.

Анисимов встал на колесо, внимательно осмотрел сидящих. У противоположного борта притулился раненый с замотанной

кровавыми бинтами головой. Он показался старшине подозрительным.

— Ну-ка,— сказал он бойцу, — сойди с машины.

В адрес Анисимова посыпался град обидных слов. Один не в меру раскипятившийся раненый показал в сторону передовой и бросил:

— Эй ты, тыловая крыса, что придираешься? Вот туда иди, тогда будешь знать, как задерживать.

— Ты меня передовой не пугай, передовую мы видели еще в июне сорок первого, когда кое-кто из вас еще с бабой спал,— спокойно возразил Анисимов, переходя на колесо с другого борта.

Кто-то из сидящих в машине костылем ткнул Анисимова в грудь.

— А-ну не дури,— по-прежнему сдержанно бросил старшина,— а ты, замотанная голова, слезай!

Раненый упирался, остальные шумели.

— Издеваешься над человеком! — опять набросились на пограничника.

Старшина Анисимов скомандовал:

— Ковтун, Гичкин, ко мне! Старший машины тоже. Снять этого!

Приказание выполнили. «Раненный» в голову и ногу стоял на земле и разматывал окровавленные бинты на здоровом теле. В машине ахнули. Анисимов поднял шлагбаум:

— Теперь можете ехать.

— Извини, друг,— попросил прощения у старшины Анисимова не в меру разбушевавшийся раненый.

Другие делились между собой впечатлениями об этом инциденте.

— А старшина — молодец, как это он его распознал? — раздалось с отъезжавшей машины.

На допросе задержанный сначала сказал, что он струсил и бежал с поля боя, а чтобы не задержали, забинтовал себя подобранными бинтами, предварительно разрезав палец и измазав бинты и гимнастерку кровью. Но потом перестал вилять и сознался, что он агент абверовской разведки, получивший задание под видом раненого проникнуть в тыловые районы и установить расположение армейских резервов. Так, оберегая армейские тылы от вражеских лазутчиков в развернувшемся на широком фронте сражении, мы вносили свой скромный вклад в разгром фашистских войск на Курской дуге.

12 июля наступил перелом в битве под Курском. С 16 июля немецко-фашистское командование начало отводить свои вой-

ска, стоявшие против 7-й гвардейской и других армий. К 23 июля было восстановлено то положение, которое занимали войска обеих сторон к 4 июля.

Однако фашистскому командованию не удалось стабилизировать фронт, несмотря на то что оно требовало удерживать позиции до последнего человека. Советские войска нанесли мощный контрудар. 5 августа 1943 года они в один день освободили Орел и Белгород. Впервые за время Великой Отечественной войны в Москве был произведен салют. Столица нашей Родины салютовала войскам Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Степного фронтов, успешно наступавшим на запад. Это были первые двадцать артиллерийских залпов из ста двадцати орудий.

Узнав о салюте, пограничники так прокомментировали это событие:

— Вот как теперь мы зажили. Бывало, каждая пушка была на счету. Одно орудие подчас решало исход боя. А теперь только для салюта выделили сто двадцать стволов. Значит, есть нынче и чем бить фашистов, и чем салютовать в честь победных ударов наших войск.

Наступление на Белгородско-Харьковском направлении продолжалось. 6 августа войска Воронежского фронта ликвидировали Томаровский узел сопротивления противника и из района Красная Яруга двинулись на Ахтырку. Это была та Ахтырка, неподалеку от которой осенью 1941 года пограничники нашей и других застав выходили из вражеского тыла. Теперь мы диктовали врагу свои условия. Войска фронта охватили борисовскую группировку гитлеровцев с запада и востока. После ожесточенных боев эта группировка перестала существовать. 12 августа началась ликвидация харьковской группировки противника. К исходу 22 августа советские войска обошли Харьков. В ночь на 23 августа начался решительный штурм города. Он закончился освобождением крупнейшего промышленного центра на юге нашей страны.

26 августа 1943 года газета «Правда» писала о значении освобождения Харькова: «Немцы сами назвали Харьков восточными воротами на Украину, замком на двери Украины, ключом к Украине. Победа Красной Армии взломала немецкий замок, распахнула ворота и открыла просторы украинской земли перед советским освободительным оружием. Под Харьковом разгромлены отборные немецкие дивизии, потерпел крушение гитлеровский план использования всей Украины как базы для снабжения разбойничьей немецкой армии. Заря освобождения Украины ярко разгорается над Днепром».

Бесславно закончилось последнее летнее наступление немецко-фашистских войск. Попытка гитлеровского командования взять реванш за Сталинград провалилась. Следуя за наступающими частями, наш батальон едва успевал очищать леса и рощи от остававшихся там мелких групп противника. Однажды, прочесав очередную рощу, мы вышли к реке. На заливном лугу стояли копны свежескошенного сена. Был объявлен привал. Многие бойцы сняли вещевые мешки, снаряжение и побежали к воде. Вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите, копна колышется, словно при землетрясении!

— А ты ткни туда штыком, она и перестанет трястись,— посоветовали ему.

Боец со всей силой нанес удар штыком в сено. Кто-то вскрикнул. Верхушка копны отлетела в сторону. С поднятыми руками поднялись две фигуры в немецких мундирах. Пограничники забыли про купание. То в одной, то в другой копне находили худых, обросших, в потрепанном обмундировании гитлеровских солдат, твердивших:

— Гитлер капут, война некарашо.

Жалок был вид немецких вояк. Как они теперь не походили на тех самоуверенных завоевателей, что в июне 1941 года с засученными рукавами и расстегнутыми воротниками мундиров ворвались на нашу землю! Однако отходчива, добра душа русского человека. Мы накормили немцев, а затем передали их на пункт сбора военнопленных.

При подходе к Грайворону мы получили приказ перейти на участок 2-й ударной армии. Эта армия пока находилась в резерве, ее только готовили ввести в прорыв, и в Грайворон можно было не спешить. Под вечер остановились в одном селе. Колхозники попросили помочь убрать хлеб. Решили просьбу колхозников уважить. Бойцы и командиры восприняли это с большим подъемом. С колхозными стариками мы стали приводить в порядок уцелевший инвентарь, а рано утром вышли в поле. Соскучившись по мирному труду, пограничники с охотой убирали застоявшуюся пшеницу. Одни косили, другие вязали снопы, третьи укладывали их в копны. Зерно грузили в подводы и перевозили на ток. Работали полный день. С хорошим настроением мы покидали это село.

28 сентября войска Воронежского фронта очистили от гитлеровцев левый берег Днепра от Лютежа до Кременчуга и захватили плацдарм севернее Канева. Первому батальону было приказано взять под охрану две паромные и одну мостовую переправы через Днепр в районе Букринского плацдарма и вместе с армейскими саперами обеспечить бесперебойное движе-

ние войск и транспорта по ним. Одновременно нам предлагалось выделить одну заставу для охраны лагеря немецких военнопленных. Послал туда старшего лейтенанта Гарифа Джамолдинова, когда-то служившего во внутренних войсках НКВД и знавшего немного специфику этой работы.

В один из дней я поехал по заставам посмотреть, как они несут службу. В районе села Педсинье, что в пяти километрах юго-западнее города Переяслав-Хмельницкого, мост вместе с саперами охраняла наша первая застава, которую принял от меня старший лейтенант К. Г. Колодин, раньше служивший в 92-м Перемышльском пограничном отряде начальником заставы. Мы подъехали в то время, когда после попытки прорвать оборону противника на Букринском плацдарме происходила перегруппировка сил. Армии уходили с плацдарма, а вместо них на плацдарм вступал 59-й укрепрайон. Хорошо помню, у переправы скопилось большое количество техники и войск. В это время сюда прибыл командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин. Он вызвал командира саперного батальона и меня и приказал немедленно рассредоточить прибывающие и убывающие войска у переправы. Чтобы выполнить этот приказ, пришлось изрядно попотеть, так как батальоны укрепрайона не торопились переправляться на правый берег, а возвращавшиеся армейские части не уходили далеко от моста, тут же на опушке небольшого леса устраивали привал. Все же общими усилиями приказ командующего выполнили. Через два часа берега были очищены и войска с обеих сторон шли через мосты, не задерживаясь.

Лагерь немецких военнопленных находился в нескольких километрах от переправы, и переезд к нему не занял много времени. В большом лесу посреди поляны был обнесен одним рядом колючей проволоки участок, куда доставляли сдавшихся немцев. Это был один из пересыльных лагерей, которых теперь становилось все больше. Почти каждый день кто-нибудь прибывал сюда. Вот и сейчас близ лагеря я обогнал колонну человек в двести, которую конвоировали наши бойцы.

Пограничники несли внешнюю охрану лагеря. Внутренние дела решала лагерная администрация, помогали которой сами военнопленные, настроенные против войны и фашизма. Застава размещалась в нескольких палатках, стоявших в отдалении. В одной из них обосновался Джамолдинов с политруком и дежурным. Гариф Садыкович доложил, что никаких происшествий за время службы не было, и предложил осмотреть лагерь:

— Взгляни, Михаил Григорьевич, на этих завоевателей.

Тысячи полторы немецких пленных солдат и офицеров лежали, сидели, стояли за колючей проволокой. Они были грязны, небриты, оборваны. Те, кто находились поближе к изгороди, поднимались, когда мы подходили. Другие встречали и провожали взглядом. Разное было во взглядах: и любопытство, и страх, и злоба, и смирение. Больше смирения. Видимо, массе, одурманенной и околпаченной гитлеровской пропагандой, уже было окончательно ясно, что война проиграна и пора подумать над тем, что делать дальше.

От группы к группе немецких военнопленных переходил наш военный фельдшер — офицер, выявляя больных. Противоэпидемические мероприятия проводились в этих лагерях широко. Отношение к пленным было совершенно иным, чем в фашистских лагерях к советским пленным. Случалось, борясь с болезнями среди взятых в плен немцев, заболевали наши врачи и медицинские сестры, а иногда и умирали, заразившись от больных, которым они спасали жизнь.

До самых ноябрьских праздников простояли мы у Переяслав-Хмельницкого. Здесь и услышали об освобождении нашими войсками столицы Советской Украины Киева. Это был хороший подарок к 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Киев освободили 6 ноября 1943 года. Вместе с 38-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армиями с Лютежского плацдарма наступали на Киев и освобождали его воины 1-й чехословацкой бригады, с которыми свела нас судьба в Ефремовке после их первого боя у Соколова.

С удвоенной энергией пограничники батальона несли службу, выполняя помимо главных самые разнообразные задания в тылу действующей армии. Одним из них был сбор и охрана трофейного имущества и боевой техники. Эта работа казалась неприметной, в ней не было ничего героического. Но это была важная работа, если взглянуть на дело в масштабе всей армии, всех пограничных войск, действовавших в прифронтовой полосе. В справке Главного управления войск по охране тыла действующей Красной Армии по итогам службы за 1943 год говорится: «Попутно с выполнением своих прямых задач войска НКВД по очистке тыла фронтов (по неполным данным) собрали на полях сражений трофейного и отечественного оружия, боеприпасов и прочего военного имущества: самолетов — 85, танков — 659, бронемашин и бронетранспортеров — 8, орудий разных калибров — 230, минометов — 547, противотанковых ружей — 293, станковых и ручных пулеметов — 1190, автоматов — 2487, винтовок — 34 095, револьверов и пистолетов —

889, артснарядов разных калибров — 302 827, мин — 79 098, ручных гранат — 47 086, патронов разных — 5 467 411 и другое военное имущество.

Значительная часть этого вооружения и боеприпасов оставлена в частях и подразделениях для довооружения, остальная часть сдана на склады Красной Армии.

Кроме того, в тылу фронтов обнаружено 150 складов с отечественным вооружением и боеприпасами, оставленных без охраны, и 19 складов, брошенных противником при отходе.

Склады переданы командованию частей и соединений Красной Армии...»

К концу 1943 года войска 1-го Украинского фронта вышли на линию Овруч — Коростень — Житомир — Сквира и успешно продвигались на запад. Взаимодействуя с ними, выполняя свои задачи по охране фронтового тыла, шли по освобождаемой советской земле и подразделения нашего полка. Наступление продолжалось и зимой. Под Корсунь-Шевченковским была окружена крупная группировка немецко-фашистских войск. Ей было предложено капитулировать. В один из дней нам поступило распоряжение прибыть на командный пункт фронта в село Джурженцы в распоряжение особоуполномоченного генерал-майора Селивановского.

— Готовьтесь принимать пленных,— сказал генерал, когда я доложил о прибытии.

Но принимать пленных не пришлось. Гитлеровское командование, отклонив предложение о сдаче, попыталось вырваться из «котла». Весь следующий день мы подносили снаряды к «катюшам» от застрявшей в снегу колонны машин с боеприпасами.

— Если враг не сдается,— приговаривали артиллеристы,— его уничтожают.

А еще через некоторое время, когда наши войска двинулись дальше, пришла радиограмма: выделить одну из лучших застав батальона и наиболее опытного офицера для выполнения специального задания. Офицер и застава лейтенанта Морковкина поступили в распоряжение представителя штаба фронта — полковника. Через несколько дней мы подошли к Виннице. Город горел. На окраинах еще шел бой. Саперы наводили через реку штурмовые мостики. Появился командир дивизии, бравшей город.

— Опасно, товарищ генерал,— сказал кто-то из пограничников,— поберегли бы себя.

— На войне неопасно не бывает, сынок,— ласково ответил генерал и поторопил саперов.

В сопровождении нескольких автоматчиков и нашего штаба командир дивизии переправился на противоположный берег. Мы шли с ним, пока он не остановился у одного горящего дома. Генерал долго смотрел на выгоревшие глазницы окон, на языки пламени.

— Дом жалко, товарищ генерал?

Командир дивизии, не повернув головы, ответил:

— В этом доме до войны жила моя семья...

Генерал продолжал руководить боем. Представитель штаба фронта, офицер и застава Морковкина убыли в только им известном направлении. А мы двинулись дальше через город. На несколько дней штаб батальона задержался в городе Литине. Здесь мы задержали четырех важных агентов врага. Наконец вернулась с выполнения специального задания застава лейтенанта Морковкина. Морковкин доложил, что застава побывала в ставке Гитлера под Винницей и выполнила работу, которую возложил на пограничников представитель штаба фронта.

Бойцы шутили:

— Что ж Гитлера не поймали?

— Поймаем еще,— с улыбкой говорили пограничники,— теперь мы знаем его точный адрес...

Так пограничникам 94-го погранотряда довелось побывать в ставке Гитлера под Винницей.

Мы продолжали путь все ближе к тем местам, где нас застала война.

Под Заболутовом

В Центральном государственном архиве Советской Армии на страницах архивного дела № 82 покоится пожелтевший от времени небольшой блокнотный листок, на котором размашистым почерком написано:

«АКТ

1944 года, апреля месяца, 27 дня.

Мы, нижеподписавшиеся, командир 2 сб 92 пограничного Краснознаменного полка капитан Швидь, с одной стороны, и помощник начальника штаба 989 полка 22 СД старший лейтенант Иваненко, с другой стороны, составили настоящий акт на передачу рубежа обороны 2 сб 92 ПКП, 2/989 СП справа вклю-

чительно — железная дорога, слева — река Прут западнее м. Заболутова.

Сдал: командир 2 батальона 92 ПКП капитан Швидь.

Принял: пом. нач. штаба 989 стрелкового полка старший лейтенант Иваненко».

Этот лаконичный документ напоминает об одном не очень значительном событии минувшей войны, по сути частном боевом эпизоде, который не оказал сколь-нибудь серьезного влияния на ход сражения на огромном фронте большой войны. Но из таких боев местного значения складывались подчас значительные успехи. И такие пусть самые маленькие бои приближали час нашей окончательной победы над ненавистным врагом. И в этих боях наносился урон противнику и смертью героев погибали наши советские воины.

Продвигаясь дальше и дальше на запад за наступавшими войсками 1-го Украинского фронта, 92-й пограничный полк все ближе подходил к государственной границе Советского Союза. Вместе с войсками 27-й армии действовал и наш первый батальон. Была сильная распутица. Мы едва поспевали за частями армии, к тому времени уже в основном посаженной на колеса. Настроение у пограничников было приподнятое. Позади осталась самая тяжелая пора Великой Отечественной войны. Вот-вот врага должны были полностью изгнать с советской земли. Всем запала в память новогодняя речь главы Советского государства М. И. Калинина, который заявил, что в новом, 1944 году Красная Армия нанесет сокрушительные удары немецко-фашистским захватчикам и полностью очистит от них территорию Советской Родины.

К концу марта 1944 года наши войска, преследуя противника, вышли на реку Прут — границу Советского Союза и Румынии. «Вот она, долгожданная, трижды желанная государственная граница нашей Отчизны, тридцать три месяца назад попранная врагом»,— писала в те дни «Правда».

Весть о выходе наших войск к государственной границе была одной из самых радостных. Ну а для нас, пограничников, радостной вдвойне. Ведь это была наша родная граница, встречи с которой мы ждали вот уже около трех лет. Не терпелось поглядеть на нее, сказать: «Вот мы и вернулись!»

В эти дни и поступила из штаба полка телеграмма, в которой мне предписывалось сдать обязанности начальника штаба и командира батальона, исполняемые мною в одном лице, и прибыть в распоряжение командира полка. Всегда трудно расставаться с теми, с кем делишь невзгоды фронтовой жизни, ее радости и огорчения, победы и опасности. Так было и на этот

раз. Простившись с бойцами и сев на коня, я с сожалением уезжал в штаб полка.

Через полуразрушенные села, разбитые станции мы с ординарцем ехали к фронту, куда беспрерывным потоком шли, обгоняя нас, груженные снарядами машины, тягачи с пушками, колонны танков, вереницы подвод. Все это лязгало, гудело, урчало, радуя сердце и взгляд неодолимой мощью. Сворачивали с дороги, отходили в сторону, пропуская идущую к передовой боевую технику, встречные колонны пленных немцев. На них уже не обращали внимания, столь привычно было видеть взятых в полон гитлеровских вояк. Фронтовые дороги затихали только под вечер. Во всех близлежащих селах скапливалось на ночь такое огромное количество войск и техники, что приютиться там практически не было никакой возможности.

На второй или третий день между реками Южный Буг и Прут в небольшом селе, стоявшем в стороне от основных фронтовых магистралей, мы отыскали штаб полка. В доме размещались различные службы. Тут же стучали по клавишам машинистки, несколько офицеров, склонившись над столами, склеивали карты.

В маленькой комнате за столом сидел незнакомый майор, оказавшийся новым начальником штаба полка.

— Смирнов,— назвался он.— Подождите здесь.

Он вошел в соседнюю комнату. Минут пять спустя дверь отворилась.

— Входите,— пригласили меня.

В комнате находились командир полка полковник Блюмин, офицер штаба капитан Игнатов и заместитель командира полка по снабжению майор Рейтаров. Блюмин предложил сесть и, как всегда, справился о здоровье, поговорил о службе, поинтересовался настроением пограничников.

— Мы вот тут посоветовались и решили послать вас на усиление второго батальона,— сказал Блюмин.— Будете исполнять обязанности начальника штаба батальона. Это не повышение для вас. Но думаю, вы правильно воспримете наше решение. Нужен хороший, опытный, твердый начальник штаба во второй батальон. Выбор пал на вас.

Снова в путь. Предстояло разыскать штаб второго батальона, для чего нужно было перебраться с правого фланга 38-й армии на ее левый фланг. Карты у нас не было. Оперативные отделы армий выдавали нам, пограничникам, только карты в пределах своей полосы. Поэтому надо было как-то сориентироваться, так как уже наступали сумерки, а мы оказались в чистом поле. Оглядевшись, увидели впереди село.

Расспросив у местных жителей дорогу, решили заночевать тут, а утром поспешили в Снятин, где находился штаб второго батальона.

Это был чистый зеленый городок, ничем особенно не примечательный. Сотни таких городов разбросаны по украинской земле. Разве что стоял на берегу пограничной реки Прут. До войны в Снятине была пограничная застава, которую спалили немцы. Одна из улиц встретила нас сиротливым безлюдьем. В домах раскрыты настежь окна и двери, а на белых стенах чернели надписи «Еврейское гетто». Тут же валялись спирали колючей проволоки. Кучками была сложена детская обувь, одежда. Улица заканчивалась оврагом. На краю его особняком стояли три дома. Тут и обосновался штаб второго батальона.

Прочитав предписание, капитан Швидь заметил:

— Ну что ж, очень хорошо, устраивайтесь и принимайте дела у капитана Чернова.

Батальоном капитан Швидь командовал недавно, пришел на эту должность из политотдела полка.

Особенно близко мы познакомились с заместителем командира батальона по снабжению капитаном Иваном Федоровичем Чухановым, не по возрасту подвижным и расторопным. Не знаю, чем приглянулись мы друг другу, но уже не расставались до конца войны, прошли вместе от Снятина до Потсдама. Лучшего хозяйственника и не приходилось встречать за всю войну. В любых ситуациях личный состав батальона был обеспечен всем необходимым. Не хотелось расставаться с Иваном Федоровичем. Но в 1945 году он категорически заявил:

— Ну вот и кончилась война, отпустите меня домой, в Липецк. Я ведь по натуре человек гражданский. Вернусь в свой райпотребсоюз. Буду восстанавливать родной город.

Как ни уговаривали капитана Чуханова остаться в армии, он только улыбался и твердил свое:

— Отпустите, я человек гражданский...

Так в 1946 году и уехал.

Еще приглянулся мне командир одного из взводов резервной заставы, пожилой уже человек лейтенант Мамуков. Было в нем как-то все обстоятельно, прочно, хотя по характеру Мамуков был весельчаком, а по профессии — артистом. Выступал до войны в одном из театров Москвы. Мамуков воевал в гражданскую, после служил в частях особого назначения. Артистические наклонности не мешали лейтенанту Мамукову в совершенстве знать военное дело. Взвод был хорошо сколочен. А бойцы отличались такой же твердостью и таким же жизне-

любием, как и их командир. Помню, как, бывало, пели во взводе. Заходя в какое-либо село, взвод Мамукова всегда запевал. А на привалах чаще других звучало: «Ой, Дніпро, Дніпро...» И жители сел, высыпавшие встретить пограничников, нередко плакали, слушая эту песню.

Заставы приняли под охрану участок государственной границы на берегу реки Прут, и батальон представлял собой как бы довоенную комендатуру с центром в Снятине. Все мы в то время думали, что с выходом к государственной границе нам суждено теперь на ней и остаться. В общем, основания для таких предположений были. Из Военных советов фронтов поступило распоряжение о немедленной организации охраны государственной границы, хотя в то же время требовалось продолжать охранять и тыл фронтов и армий.

В те апрельские дни 1944 года мы все же склонны были больше считать, что останемся на этих рубежах. Многие подразделения расположились в уцелевших зданиях бывших пограничных застав, начали их благоустраивать. Обживались другие помещения. На границу высылались все виды пограничных нарядов. Такое происходило не только на участке нашего фронта, но и на участках других фронтов. «С момента форсирования частями Красной Армии р. Прут, т. е. 3 апреля 1944 г., части войск НКВД, охраняющие тыл 2-го Украинского фронта, немедленно приступили к организации охраны государственной границы,— говорится в одном из документов.— К охране государственной границы было привлечено по одному стрелковому батальону от 24, 123, 124, 128-го погранполков».

В книге «Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945» есть снимок, на котором запечатлены два пограничника с автоматами, в пограничных фуражках у широкой мутной реки. Ветви деревьев голы. Только сошел снег. На противоположной стороне реки — холмы. Под снимком подпись: «Снова на границе. Пограничный наряд на берегу р. Прут. Март 1944 г.»

Вот так же вышли на охрану государственной границы по реке Прут весной предпоследнего года войны и пограничники второго батальона. В один из дней я выехал на правый фланг участка, охраняемого батальоном, в село Борщув, где находилась застава, которой командовал лейтенант Иванов. Трепетное было это чувство — снова видеть государственную границу. Ощущение радости переполняло душу и сердце. Не лирик по натуре, я испытывал истинное волнение, передвигаясь вдоль государственного рубежа.

В селе Борщув легко отыскал дом, в котором обосновалась застава. Лейтенант Иванов доложил о результатах службы, рассказал, как организована охрана определенного заставе участка границы. Иванов был кадровым пограничником, поэтому все у него было тщательно продумано, верно распределены силы и средства. Хороший был у него и помощник — лейтенант Мальков, до войны служивший старшиной заставы в Перемышльском отряде. С ним и вышли мы на границу для проверки несения службы пограничными нарядами.

Темнело. Величаво нес вешние воды Прут. На границе было так тихо, как бывало на заставах до войны. Тогда мы еще не знали ни звука рвущихся бомб, ни лязга гусениц немецких танков, ни пронзительного воя мин, ни свиста пуль. Вот такая тишина стояла у Прута в те дни. Настоящая пограничная тишина.

Вернулись на заставу, когда совсем стемнело. И я двинулся на другую заставу. Так в течение нескольких дней объехал все. Граница по Пруту была заперта накрепко.

Постепенно в город Снятин стали прибывать партийные и советские руководители района. Повсеместно в селах создавались сельские Советы. Колхозники готовились к весенней посевной кампании. Цвели сады.

По соседству с нами располагался батальон 226-й стрелковой дивизии, который занимал оборону на высоте за рекой Прут, южнее города Коломыи. Сплошной линии наших войск там не было. Только основные перевалы заняты небольшими гарнизонами. Это вынуждало нас вести за рекой непрерывное наблюдение.

Вскоре в Снятине оказалось несколько офицеров из штаба 18-й армии во главе с начальником штаба генерал-лейтенантом Озеровым и членом Военного совета полковником Слонем. Полковник Слонь одновременно являлся и первым секретарем Станиславского обкома партии. Он был им еще до войны. Одна из комендатур 94-го пограничного отряда в то время дислоцировалась на территории Станиславской области. Во время выборов Слонь приезжал в комендатуру, встречался с пограничниками.

Войск у командования 18-й армии не было. Армия только выходила на новый оборонительный рубеж. Сейчас ей передавались 11-й и 17-й стрелковые корпуса из состава 38-й армии, которая в это время отбивала контратаки немцев юго-восточнее Станислава в районе Тлумача и Коломыи. Штаб 18-й армии сначала предполагалось разместить в тридцати километрах севернее Заболутова, в Гвоздеце, но до прихода частей

генерал Озеров и полковник Слонь решили оставаться в Снятине.

24 апреля 1944 года мы получили радиодонесение начальника заставы лейтенанта Иванова: «В 22.00 в тридцати километрах юго-западнее Заболутова разведывательная группа под командованием лейтенанта Чайки имела боевое столкновение с разведкой противника. Из захваченных документов установлено, что пограничники вели бой с разведгруппой 3-й горнострелковой дивизии и фронтовой школой немецких офицеров».

Командира батальона капитана Швидя в Снятине не было. Он находился в городке Кицмане, на левом фланге участка батальона. Поэтому мне пришлось составлять донесение и по рации сообщать обо всем в штаб полка. Из штаба полка пришел ответ: «Не создавайте паники. По данным штаба армии, противник далеко, впереди вас наши войска. Вероятно, лейтенант Чайка столкнулся с бандой».

Эта телеграмма заставила задуматься. Действительно, всего несколько дней назад в этом районе была ликвидирована банда, руководимая шпионом германской разведки Сикорой. Бандиты намеревались напасть на сборный пункт райвоенкомата и увести в лес призывников, которым вскоре предстояло идти в армию. Вместе с начальником районного отдела НКГБ майором Горшковым мы решили ликвидировать банду, воспользовавшись работой призывной комиссии. Назначили день явки молодежи в село Карлув на приписной пункт.

Ночью с группой оперативных работников в село прибыл майор Горшков. Вокруг села расположили бойцов резервной заставы. Командный пункт выдвинули в хутор Будылов. Утром в Карлув явились работники военкомата. Начала работать призывная комиссия. Из ближайших сел и хуторов одиночками и группами потянулись те, кому надлежало стать на военный учет. К вечеру в селе собралось порядочно людей. Работники райвоенкомата проводили беседу о положении на фронте и задачах, стоящих перед тружениками села.

Все было тихо, спокойно. Мы уже начали подумывать, что бандиты каким-то образом разузнали о наших планах, как наблюдатели доложили:

— Через лиман от реки Прут по кустарнику к селу пробирается группа вооруженных людей.

Бандиты шли прямо на засаду работников районной милиции. Когда они приблизились, из засады крикнули:

— Стой, что за люди?

В ответ бандиты открыли огонь. Им удалось сбить милицейский заслон. Они ринулись в село. Видимо, бандиты счита-

ли, что с небольшой группой милиционеров им удалось легко разделаться. Но тут банду встретили автоматным огнем пограничники взвода лейтенанта Иванищева. Оставляя убитых и раненых, бандиты побежали. Однако не тут-то было. С флангов по ним ударили пограничники под командованием политрука Сергеева. Бандиты заметались в огненном полукольце и стали отходить к плавням.

Пришлось принимать меры, чтобы никто не ускользнул от нас. Командный пункт батальона прикрывали наши пулеметчики во главе с начальником связи лейтенантом Буриновым. Вот им-то и приказали на мотоцикле преградить путь бандитам. Буринов с пограничниками успел по берегу реки выйти в тыл банде. И когда оставшимся в живых бандитам казалось, что они вот-вот окажутся в безопасности, пулеметчики Дроздов и Калмыков с лейтенантом Буриновым почти в упор ударили по ним.

Больше десятка бандитов было убито в этом бою. Около семидесяти сдались в плен. Только главарю банды Сикоре удалось скрыться. Но и его в конце концов поймали.

Это было всего несколько дней назад. Неужели опять банда? Пришлось связаться снова с разведывательной группой лейтенанта Чайки и попросить подробно доложить о случившемся. Чайка подтвердил, что бой разведгруппа вела с передовыми подразделениями регулярных войск.

Утром 25 апреля начальник другой заставы старший лейтенант Охремчук донес: «Колонна противника 300—400 человек с артиллерией и минометами подходит к селу Дебиславец». Снова информировали штаб полка о полученных сведениях. Опять последовал ответ: «Не паникуйте, проверьте данные».

Пока шел этот радиообмен, противник занял село Дебиславец и под прикрытием артиллерийско-минометного огня форсировал реку Прут. Затем перерезал армейские коммуникации, шоссейную и железную дороги от Снятина до Коломыи, оказался в селах Замулинцы и Борщув. Начальник связи батальона лейтенант Буринов доложил, что лейтенант Иванов по рации открытым текстом сообщил, что его застава и застава Охремчука закрепились у табачной фабрики и ведут бой с превосходящими силами противника. Гитлеровцы из артиллерии обстреливают город. На этом связь оборвалась.

— Донесите немедленно обо всем в полк,— приказал я лейтенанту Буринову, а сам поспешил в штаб 18-й армии.

Генерал-лейтенант Озеров и полковник Слонь выслушали мой доклад, при этом член Военного совета заметил:

— Нам тоже сейчас сообщили из Заболутова, что пограничники ведут бой с регулярными войсками противника.

Начальник штаба армии развернул карту и задумался. Потом как бы между прочим заметил:

— Да, обстановка такова, что противник может ударить в тыл нашим частям или двинуться к Снятину.

Полковник Слонь спросил меня:

— А что у вас есть в городе?

— Взвод автоматчиков, два станковых пулемета, взвод противотанковых ружей. За рекой — застава.

— Это все?

— Да.

— Жидковато,— резюмировал генерал Озеров, прислушивавшийся к нашему разговору, и добавил: — Заставу из села Ильинцы оттяните вот сюда, к мосту,— он указал точку на карте.— Поставьте командиру задачу прикрыть юго-западную окраину Снятина. Остальные подразделения, находящиеся в городе, подготовьте для выброски в район Заболутова. Автомашины сейчас будут.

Пока отдавались необходимые распоряжения командирам подразделений, из Кицманя вернулся командир батальона капитан Швидь, которому уже передали по радио, что заставы правого фланга вступили в бой с регулярными войсками гитлеровцев. Он уточнил обстановку и, узнав о приказе начальника штаба 18-й армии генерал-лейтенанта Озерова, сказал:

— Вы останетесь в Снятине, а я поеду в Заболутов.

Прибыли автомашины. К одной из них была прицеплена 76-миллиметровая пушка. Подошли еще два броневичка и расчет «катюш». Вместе с капитаном Швидем мы направились к генералу Озерову доложить о выполнении его приказа.

— Кто из вас поедет в Заболутов? — спросил генерал.

— Я, товарищ генерал,— ответил Швидь.

— Хорошо. Старшим группы подразделений охраны штаба армии будет заместитель начальника связи подполковник Фактор. Командиром сводной группы назначаю вас, капитан Швидь. Действуйте, исходя из обстановки.

Подполковник Фактор со своими бойцами уже ждал нас. Швидь и Фактор сели в броневики, и колонна переулками выехала на дорогу. К десяти часам утра она подошла к восточной окраине города. Бой шел на западной. Пограничники сошли с машин и развернулись в цепь. Неожиданно во фланг им из окна железнодорожной будки ударили вражеские пулеметы. По будке дали несколько очередей бронемашины. Но пулеметный огонь не причинил врагу вреда. От стен лишь летели

крошки кирпича. Пулеметы продолжали прижимать пограничников к земле. Видя, что, пока не будет подавлена эта огневая точка, не удастся без потерь продвинуться дальше, капитан Швидь решил обратиться к артиллеристам.

— Сержант Шкуро, передайте командиру орудия: два снаряда в окно будки.

— Есть передать командиру орудия дать два снаряда в окно будки.

Но выполнить приказ командира батальона не так просто. Вражеские пули буквально бороздят землю. Начали бить по пограничникам и минометы гитлеровцев. Однако Шкуро, резко вскакивая и отползая в сторону, меняя направление, добрался до артиллеристов.

— Кто у вас тут старший?

— Я,— отозвались из укрытия.

— Командир батальона приказал выкатить пушку на прямую наводку и дать два снаряда в окно будки.

— Это можно.

И бойцы покатили орудие вперед. На гребне небольшой возвышенности они быстро установили его. Тут же последовала команда:

— Прямой наводкой, в окно будки, двумя снарядами, огонь!

Один за другим прогремели орудийные выстрелы. Из окна рванулось пламя. Вражеские пулеметы замолчали.

Резервная застава во главе с политруком Сергеевым стремительно продвинулась к табачной фабрике, где оборонялись заставы лейтенантов Охремчука, Иванова и разведчики лейтенанта Чайки. С возгласами «ура!» бойцы бросились в контратаку. Противник поспешно отошел в село Борщув. Завязался уличный бой. Подоспели подразделения, которые возглавлял подполковник Фактор. Наступавшие достигли берега реки на юго-западной окраине села Борщув.

Но тут противник открыл сильный артиллерийско-минометный огонь. Атака захлебнулась. Тогда капитан Швидь приказал выдвинуть вперед бронемашины. Под их прикрытием продвинулись автоматчики лейтенанта Иванищева и пулеметчики лейтенанта Мамукова. Командир расчета гвардейских минометов дал два залпа по Дебиславцу. Застава старшего лейтенанта Охремчука очистила от врага остальную часть села Борщув. Вслед за нею ворвались в село остальные подразделения сводной группы. Противник отошел к селу Замулинцы.

В 18 часов капитан Швидь и подполковник Фактор перешли в решительную атаку и на село Замулинцы. В жестоком улич-

ном бою пограничники штыками и гранатами били врага. Спустя три часа сопротивление противника было окончательно сломлено. Оставив на улицах села 85 убитых, гитлеровцы поспешно отошли за Прут. Заставы, отправив в Снятин погибших в бою пограничников, заняли оборону по левому берегу реки.

Так закончился этот бой, в котором пограничники батальона проявили самоотверженность, храбрость и мужество, разбили численно превосходившего врага, отбросили его, чем дали возможность командованию 18-й армии подтянуть к Заболутову войска и окончательно закрыть брешь, образовавшуюся в результате неожиданного удара немцев в этом районе.

Рано утром 28 апреля по приказу генерала Озерова оборону у пограничников принял второй батальон 989-го стрелкового полка, о чем и был составлен упомянутый акт, обнаруженный мной в Центральном государственном архиве Советской Армии. К вечеру в район Заболутова подошли 7-я гвардейская казачья пластунская дивизия и танковая бригада, которые завершили разгром врага.

Капитан Швидь приказал захоронить павших в бою пограничников. Их было пятеро: сержанты Иван Петрович Кирсанов, Анатолий Иванович Боровский, Иван Захарович Мартыненко, рядовые Иван Иванович Петров и Василий Фомич Цацорин.

Похороны павших в бою под Заболутовом пограничников состоялись на городском кладбище. Пришли многие жители Снятина. Секретарь райкома партии Пятунин и командир батальона капитан Швидь выступили с прощальным словом. Под залпы ружейного салюта мы предали земле боевых товарищей, чей жизненный путь оборвался на государственной границе Родины в схватке с врагом. Мы прощались с боевыми товарищами, которые честно исполнили свой воинский долг и пали в бою как герои.

Спустя неделю после этих событий из полка пришла телеграмма, в которой говорилось, чтобы я принял батальон, а капитан Швидь убыл в штаб полка. В батальон прибыл новый заместитель — капитан Илья Васильченко. Помощником начальника штаба батальона назначили лейтенанта Павла Главизнина. Вторым помощником — старшего лейтенанта Василия Ханина.

Мы получили приказ оставить Снятин и перебраться в Ланченский район, на сотню километров северо-западнее. Границу принимали под охрану формируемые Украинский и Молдав-

ский пограничные округа. Нам же предстояло продолжать охранять тыл 38-й армии, готовившейся к новым боям.

Наступил июнь — месяц начала летнего наступления советских войск. Накануне его мы узнали, что во Франции высадились американцы и англичане, открыв в Европе второй фронт.

Известие это бойцы прокомментировали так:

— Поздно союзники спохватились. Теперь и дураку видно, что мы сами с Гитлером сладим.

Красная Армия наступала на широком фронте, нанося гитлеровцам удар за ударом. Сначала, 10 июня 1944 года, его нанесли на Карельском участке. Потом, 23 июня, в Белоруссии. 13 июля перешли в наступление войска нашего 1-го Украинского фронта на Рава-Русском направлении. 14 июля двинулась на Львов и 38-я армия.

Мы пошли за наступавшими войсками. Тут и услышали новость, которая вызвала всеобщее ликование: на Гитлера совершено покушение. Тогда мы не знали подробностей, но, что Гитлера чуть не убили, об этом услышать было приятно. С именем Гитлера связывались все злодеяния, совершенные фашистами, все беды, все горе, все слезы. Ненависть к нему была столь велика, что при одном упоминании его имени невольно сжимались кулаки.

Взрыв, произведенный 20 июля 1944 года в ставке Гитлера «Волчье логово», расположенной близ восточнопрусского города Растенбурга, был совершен, однако, не во имя свержения фашизма. Заговорщики были далеки от истинных интересов германского народа. Они лишь хотели заменить Гитлера другой фигурой, чтобы потом попытаться сговориться с нашими союзниками и продолжать войну только на одном фронте — восточном.

«Путч 20 июля служил интересам определенных кругов буржуазии, которая надеялась таким путем предотвратить народное восстание против гитлеровского правительства, как только советские войска и войска союзников перейдут границы Германии,— писал В. Ульбрихт.— Путч вызвал новую волну террора, что повлекло за собой ослабление антифашистско-демократического фронта. Поэтому в решающий момент — ко времени вступления советских войск на территорию Германии у антифашистов не оказалось достаточно сил для свержения гитлеровского правительства».

И все же покушение на Гитлера отразило глубочайший политический кризис, в который попала фашистская Германия в результате сокрушительных ударов Красной Армии. Очень скоро пограничникам нашего батальона предстояло побывать

в родовом замке одного из заговорщиков — бывшего посла Германии в Советском Союзе Вернера фон Шуленбурга. Мы разыскивали его. Но прежде чем оказаться в Германии между городами Кверфуртом и Фрайбергом на крутом берегу реки Унструд, где находился старинный замок Шуленбурга, нам предстояло пройти по дорогам войны еще сотни верст.

В начале августа войска левого крыла 1-го Украинского фронта, а вместе с ними и наш полк были перебазированы в полосу 4-го Украинского фронта, соединения которого 6 августа овладели городом Дрогобычем и вышли в предгорья Карпат.

Через Карпаты

Для понимания обстановки, сложившейся в тылу 1-го и 4-го Украинских фронтов с выходом в Западную Украину и Прикарпатье, необходимо обратиться к документам. Вот что говорится в докладе командования войск по охране тыла 1-го Украинского фронта: «Служебно-оперативная и боевая деятельность войск проходила в новой, более усложненной обстановке. Новое заключалось в том, что в связи с успешным продвижением Красной Армии на запад и освобождением от немецкой оккупации областей Западной Украины наши войска столкнулись с развитой бандитской сетью — украинско-немецкими националистами. Таким образом, наши войска наряду с выполнением основной задачи по охране тыла фронта должны были проводить значительными силами боевые операции по ликвидации крупных и мелких банд, действующих как вблизи, так и на отдаленном расстоянии от фронта».

В документе отмечалось, что при ликвидации банд пограничники встретились со многими трудностями. Бандиты пользовались гнусными террористическими приемами и ухищренными методами борьбы, разработанными националистическими центрами еще задолго до прихода Красной Армии. Банды имели также оборонительные сооружения — окопы, блиндажи, землянки, ходы сообщения в лесах, оврагах и в некоторых населенных пунктах с запасом продовольствия и боеприпасов, который пополнялся за счет местного населения как «в добровольном порядке, так и в порядке его ограбления, а также при нападении на подразделения и обозы Красной Армии».

За годы немецко-фашистской оккупации население западных областей Украины подвергалось усиленной обработке как со стороны гитлеровцев, так и со стороны националистов. Часть

людей поддалась враждебной пропаганде, была втянута в банды. Нередко родственники и знакомые бандитов оказывали им помощь. Они информировали их о мероприятиях, проводимых партийным и советским активом, сообщали о расположении мелких подразделений и гарнизонов Красной Армии, не поддерживали проводимой с этими бандами борьбы.

Перед политработниками пограничных войск, партийными и советскими органами стояла задача разъяснить местному населению освобожденных районов всю контрреволюционную сущность программы и действий украинских националистов как самых заядлых врагов украинского народа, как прямой агентуры и ставленников немецко-фашистских захватчиков. Надо было помочь населению разобраться во внутренней и внешней политике Коммунистической партии и Советского правительства в годы войны, рассказать людям о героизме и самоотверженности воинов Красной Армии на фронте и советского народа в тылу, мобилизовать жителей этих районов на активную помощь нашим войскам в проведении служебно-оперативных мероприятий и боевых операций.

Эту работу мы начали еще в Снятине и Снятинском районе. Но одними беседами нельзя было ограничиться. Бандиты активизировали свою деятельность, особенно в Вашковском, Путиловском, Кицманском, Хвамском и некоторых других районах. В Важницком районе они полностью уничтожили телефонную связь, спилили столбы, разрушили стратегически важный мост через реку Черемош. В самой Важнице сожгли три магазина с товарами и склады с запасами лесоматериалов на лесопильном и фанерном заводах. В селе Бергомет разгромили совхоз, учинили расправу над семьей председателя сельсовета, находившегося в рядах Красной Армии. В другом месте убили председателя колхоза, трех бойцов истребительного батальона, сторожа сельсовета и женщину. Нападали бандиты на отдельных бойцов и малочисленные группы красноармейцев, машины и повозки с боеприпасами и продовольствием, отставшие от колонн. Однажды захватили даже застрявшую 45-миллиметровую пушку одного из артподразделений 7-й гвардейской казачьей пластунской дивизии и вступили в открытое боевое столкновение с другим подразделением этой дивизии.

Для меня это было не первое знакомство с организацией украинских националистов, как, впрочем, и для тех, кто служил в этих местах еще до войны. Да и сама эта преступная организация имела давнюю «родословную». Она была создана еще в 1929 году с центром в Берлине. Одним из организаторов ОУН и первым ее руководителем был полковник петлюровской

армии, австрийский подданный, служивший в австро-германской армии, Е. Коновалец. Он отличился особой жестокостью в подавлении революционного восстания рабочих в Киеве в 1918 году. Потом Коновалец чем-то не угодил фашистам, начавшим активную подготовку к нападению на Советский Союз, и был ими убит. В 1938 году во главе ОУН стал другой бывший полковник петлюровской армии и агент немецкой разведки — А. Мельник, по кличке «Консул-1». В 1940 году в организации произошел раскол. В результате ОУН разделилась на мельниковцев во главе с Мельником и бандеровцев во главе с Бандерой. Обе эти группы преданно выполняли задания гитлеровской разведки по организации террористических, диверсионных актов и шпионажа против СССР.

В конце 1939 года я, будучи помощником начальника заставы, в одном из приграничных сел познакомился с девушкой-полькой, работавшей в местной школе уборщицей. Она поведала мне о трудной, безрадостной жизни при польском буржуазном правительстве, призналась, что впервые увидела кино, когда в их село пришла Красная Армия. Я поинтересовался, читает ли она газеты, книги. Девушка сказала, что читает книги учителя, у него много книг. И не только русских, но и украинских. Даже есть такие, за которые польские власти преследовали.

— Это очень интересно,— заметил я,— нельзя ли хотя бы взглянуть на них? Учитель навряд ли даст их мне.

— А вы, товарищ лейтенант, заходите к нам в школу.

Я доложил о моем разговоре начальнику заставы старшему лейтенанту Ковалю и на следующий день отправился в школу. Моя знакомая заканчивала уборку классов. Она повела меня в другую половину здания.

— Здесь живу я,— сказала она,— а туточки — пан учитель.

Она открыла дверь:

— Заходьте, товарищ лейтенант, пана учителя нема дома, вин поехал до району, а мне наказал убрать его квартиру.

Девушка открыла книжный шкаф.

— Вот и побачьте те книжки.

Среди школьных учебников и томиков русской литературы были и книги на украинском языке — Тарас Шевченко, Леся Украинка, Иван Франко. Между ними стояла толстая в хорошем переплете «История самостийной Украины» и разная другая националистическая литература. Девушка подала мне «Историю самостийной Украины». С первых страниц этого катехизиса на меня смотрели портреты идейных вдохновителей украинского национализма — Коновальца, Мельника, Бан-

деры, а также защитников его — батьки Махно, Скоропадского и прочих деятелей разного пошиба. В разделе «Вооруженные силы» описывались организационная структура, воинские звания командного состава, были даже красочные иллюстрации формы одежды националистических формирований.

В первые месяцы нашего пребывания в Прикарпатье мы не придавали особого значения такой литературе, считали, что украинцы, проживавшие длительное время под пятой польской буржуазии и подвергавшиеся жестокой эксплуатации, создавали эти организации как ответную реакцию на произвол. Но жизнь показала, что украинские националисты, деятельность которых финансировалась и направлялась империалистическими силами, прежде всего германским фашизмом, развернули активную подрывную деятельность против Советского государства.

Как выяснилось, школьный учитель оказался подрайонным «проводником» ОУН, «идейно» обрабатывавшим население. В начале февраля 1940 года пришлось познакомиться и с иной деятельностью этой бандитской организации. Областное управление НКВД совместно с командованием 94-го пограничного отряда проводило ряд чекистских войсковых операций по изъятию подпольных складов оружия и боеприпасов и задержанию оуновских нелегалов. Со взводом пограничников я принимал участие в такой операции в Стрыйском районе. В ходе ее был ранен начальник НКВД Дрогобычской области полковник Д. Медведев, который в годы Великой Отечественной войны стал командиром известного партизанского отряда на Ровенщине. В составе этого отряда действовал и легендарный советский разведчик Н. Кузнецов.

Хотя ОУН именовала себя политической организацией, на самом деле это была банда шпионов, диверсантов, грабителей и убийц. Еще до нападения Германии на нашу страну ОУН, опираясь на свою агентуру в западных областях Украины, создала широкую сеть подпольных районных и кустовых организаций во главе с так называемыми районными «проводами» — органами, непосредственно руководившими бандитскими формированиями на местах. Эти организации вели подрывную деятельность против Советской власти и государственных интересов СССР.

Приведу выдержку лишь из одного документа того времени, помещенного в сборнике материалов о деятельности пограничных войск в предвоенные годы:

«Основной опорой германской разведки в ее деятельности является ОУН, которая под непосредственным влиянием и ру-

ководством гестапо активно проводит свою контрреволюционную антисоветскую деятельность и поставляет кадры разведчиков, диверсантов и террористов. В течение всего 1940 года, особенно второго полугодия, гестапо и закордонный провод (центр) ОУНа, находящийся в Кракове, проводил интенсивную деятельность через своих эмиссаров и агентов, забрасываемых на нашу территорию, направленную на активизацию оставшихся в западных областях оуновских организаций, налаживание и создание связей, добывание разведывательных данных (особенно по вопросам военной разведки), проведение контрреволюционной агитации...»

С первыми выстрелами на советской границе эта так называемая «политическая» организация начала убивать партийных и советских работников, отдельных граждан, громить узлы связи, стрелять с чердаков и из подвалов, из лесов и оврагов в спину бойцам и командирам Красной Армии.

В годы оккупации бандеровцы вели борьбу с партизанами, ловили и убивали наших разведчиков, выдавали их гестапо, совершали диверсионные акты в тылу Красной Армии, вели шпионаж в пользу фашистов. В 1943 году на территории Советской Украины были созданы дополнительные националистические вооруженные банды, именовавшиеся «Украинской повстанческой армией» (УПА). Эти банды совершали террористические акты против трудящихся Украины в угоду гитлеровским оккупантам. Руководителями УПА были сначала Клячковский по кличке Клим Савур, а затем член центрального «провода» ОУН Шухевич.

С освобождением западных областей Украины от немецко-фашистских захватчиков многие участники УПА бежали на запад. Оставшаяся часть банд перешла на нелегальное положение и продолжала совершать террористические и диверсионные акты против наших войск и партийно-советского актива, всеми силами стремясь воспрепятствовать восстановлению Советской власти, продвижению Красной Армии. Наибольшую активность ОУН стала проявлять с момента объявления призыва в Красную Армию граждан освобожденных западных областей Украины в начале августа 1944 года. Поэтому начальнику войск охраны тыла 4-го Украинского фронта пришлось оставить по одному батальону для охраны тыла 18-й и 38-й армий, а остальные силы сосредоточить для уничтожения банд УПА.

92-й пограничный полк был введен в город Надвурный. Туда прибыл и наш батальон. Лейтенанты Палагин, Лобанов, Озорнов, Чайка, Застрожин, Ткаченко вместе с капитаном Васильченко принялись собирать сведения о бандах. Вскоре

удалось задержать двух связных, которые шли с донесением от районного «провода» к станичному.

В донесении сообщалось: «В Надвурный прибыл пограничный полк и расположился по всему городу небольшими подразделениями. Бойцы и командиры ведут себя в высшей степени бдительно. Службу несут так, что из города в город пройти нет никакой возможности. В каждой группе имеется радиостанция. Что намерен делать этот полк, пока неизвестно».

А намерен был этот полк вместе с привлекавшимися для операции в масштабе всего фронта частями Красной Армии ликвидировать в так называемом Черном лесу в 15 километрах северо-восточнее Станислава центр бандитских формирований ОУН.

Были также получены данные, что помимо Черного леса банда орудует в районе села Густов, выполняя роль как бы боевого охранения на пути к центру основного формирования.

По приказу штаба полка наш батальон выступил к Густову с задачей ликвидировать эту банду. Мы совершали марш. На привале к нам подошел молодой человек в потрепанной красноармейской форме с орденом Красного Знамени на груди. На правой руке у него виднелись следы тяжелого ранения. Молодой человек рассказал, что после ранения на фронте его признали негодным к военной службе. Спустя немного времени к нему пришли трое вооруженных людей и отвели в лес. Бандитский главарь сказал ему: «Ты воевал за Советы, так вот теперь будешь обучать наших бойцов тактике боя красных».

— Я понял, что могу вырваться от бандитов только хитростью. Для вида согласился и отпросился домой повидаться с родными. По пути узнал, что в Надвурный пришли пограничники, вот и направлялся туда, чтобы сообщить, где скрывается банда.

По словам встреченного нами местного жителя, в плавнях реки Стрый и ее притока Дубе базировалась школа младших командиров, о которой нам ничего не было известно. Верить назвавшемуся бывшим красноармейцем или нет? Красноармейская форма и орден не обо всем еще говорят. Было известно, что бандиты целые подразделения переодевали в красноармейскую форму. Если это неправда, то батальон не выйдет вовремя на исходный рубеж и сорвется операция по ликвидации банды у села Густов, куда следовали и другие подразделения полка. А если сообщение правдиво? Тогда в тылу у нас окажется бандитская школа, которая может ударить в спину. Раздумывать долго не позволяло время.

— Ночью поведете нас в плавни,— сказал я.

— Хорошо,— отозвался он.

О полученных данных сообщили командиру полка и попросили прикрыть опушку леса за рекой.

Стояла теплая августовская ночь. Наш добровольный помощник вел нас в плавни. Прошли село. Началось поле ржи. Батальон развернулся цепью. Неожиданно на левом фланге послышались выстрелы. Лейтенант Иванов доложил:

— Встретил боевое охранение бандитов, веду бой.

Прикрыв село взводом станковых пулеметов лейтенанта Мамукова, остальными подразделениями мы решили охватить плавни справа и слева. Кольцо вокруг бандитов сжималось. Они устремились к реке. Но из-за реки с опушки леса по ним ударили бойцы маневренной группы, которых предусмотрительно направил туда полковник Блюмин. Бандиты бросились в разные стороны. Неожиданно они навалились на пулеметчиков лейтенанта Мамукова. Положение тут создалось серьезное. Бандиты едва не прорвались в село. Мамукова выручили автоматчики лейтенанта Иванищева и старшего лейтенанта Охремчука, ударившие с флангов и с тыла. Сопротивление националистов было сломлено. Только где-то в центре плавней еще продолжали раздаваться одиночные выстрелы. Вскоре и там все стихло.

Решили провести контрольную проческу. Лейтенант Буринов, связист Кириллов и я верхом на лошадях продвигались за цепью бойцов. Мы приближались к берегу реки. И тут доложили, что нашли генеральский мундир и радиостанцию. Поспешили туда. Бойцы держали черный эсэсовский мундир, на рукаве которого виднелась надпись «Генерал-губернатор». Поодаль валялась радиостанция.

В этот момент лейтенант Буринов крикнул:

— Товарищ капитан, берегитесь!

Прямо на меня из кустов поднялся здоровенный детина. У него взъерошенные волосы, глаза горят ненавистью. Он целится в меня. Даю коню шпоры и сбиваю бандита с ног. Кто-то из бойцов стреляет. Бандит падает навзничь.

Подъехал старший лейтенант Главизнин, посмотрел на генеральский мундир.

— А где владелец?

Владелец пока не обнаружен. Зато нашлась генеральская фуражка. Вместо эсэсовской кокарды — черепа со скрещенными костями — на тулье трезубец — символ украинских националистов.

На берегу реки мы обнаружили девять трупов. Семь лежали рядком, а два — поодаль. Семеро убиты выстрелом в затылок,

двое — в висок. Похоже было, что командный состав школы был расстрелян, а какие-то руководители покончили жизнь самоубийством.

— Погибли, как погибают в банке скорпионы от укуса других скорпионов,— сказал кто-то.

Один из тех, кто лежал поодаль, был без мундира, в белой шелковой нательной рубахе и без головного убора. Привели нескольких задержанных. В трупе без мундира они опознали «генерал-губернатора», прибывшего в школу с инспекцией. Ни имени его, ни должности задержанные не знали. Доложили о результатах боя в штаб полка и получили указание отправить тело человека, которому принадлежал мундир, а также сам мундир и генеральскую фуражку под охраной в штаб фронта генералу Фадееву. Группу конвоя возглавил старший лейтенант Главизнин. Пограничники вернулись на следующее утро.

— Ну что,— спросил я Главизнина,— опознали «генерал-губернатора»?

— Не знаю,— ответил мой помощник,— сказали, чтобы возвращались обратно, а кто это и что — разберутся.

Не знаю до сих пор, что за «птица» попала нам тогда в руки, кто из руководителей ОУН или УПА предпочел умереть не в открытом бою, а покончить жизнь самоубийством.

С бандитской школой покончено.

Вскоре такая же участь постигла и банду, скрывавшуюся у села Густова. В донесении штаба полка на имя начальника войск по охране тыла 4-го Украинского фронта генерал-майора Фадеева говорилось: «Силами 2 и 3 сб и мангруппы при проведении операции у с. Густов уничтожена бандитская школа и ликвидирована банда «Лесовой». Убито 77 бандитов, подобрано пулеметов — 2, минометов — 1, винтовок — 18, автоматов — 7, патронов 5800».

Оставалась основная бандитская группировка, сосредоточенная в Черном лесу. По данным нашей разведки, бандиты имели все виды стрелкового оружия, а также минометы. В банде находилось значительное количество солдат и офицеров из разбитых немецких частей. Общая численность формирования достигала нескольких тысяч человек. В ликвидации банды помимо нашего полка участвовали 90-й пограничный полк, 112-я отдельная маневренная группа управления войск, а также приданные нам в помощь 318-я стрелковая дивизия и фронтовые курсы политсостава.

Полк выступил в район села Пацыкув, в сторону Станислава. Начальник войск охраны тыла генерал-майор Фадеев до-

носил: «Военному совету 4-го Украинского фронта. Во исполнение приказа от 17.8.44 г. для уточнения местоположения и ликвидации контрреволюционных групп ОУН, оперирующих в районе «Черного леса», отдал приказ 92-му Краснознаменному пограничному полку (без одного батальона) к 12.00. 18.8.44 г. сосредоточиться в с. Пацыкув и в 16.00 18.8.44 г. приступить к ликвидации бандитской группы. Результат операции донесу».

У села Майдан наш батальон занял исходный рубеж. Началась прочеська леса. Находившийся рядом со мной старший лейтенант Павел Главизнин заметил:

— Ну и лес. И впрямь черный. День солнечный, на небе ни облачка, а тут темно, точно в сумерках. А ели какие, как у нас в Сибири. И тишина, словно в тайге.

— Смотри, Павел, как бы эта таежная тишина боком нам не вышла,— отозвался капитан Илья Васильченко.

Впереди и правее послышался приглушенный стон. Что-то с шумом проскочило мимо по кустарнику. Начальник заставы Охремчук доложил:

— В густом ельнике коза ударила в живот рядового Цыпленкова.

И снова тихо, будто все вымерло.

Уже около двух часов батальон прочесывал лес, но, кроме нескольких спугнутых коз, мы ничего не обнаружили. Лес безмолвствовал. Вот и первый уравнительный рубеж — просека. Одна за другой на нее выходят заставы батальона. И тут лейтенант Губарь и сержант Шкуро привели двух задержанных. Они были одеты в галифе, гимнастерки грязно-зеленого цвета из самотканой материи, пилотки, за плечи закинуты самодельные рюкзаки.

— Товарищ капитан, задержали с ручным пулеметом.

— Как удалось это сделать?

— Видно, пригрелись на солнце, задремали, мы их и накрыли.

— Кто такие? — спросил я задержанных.— Почему в лесу? Откуда пулемет?

Молчат, словно воды в рот набрали. Допрашивать их некогда. Наше движение точно рассчитано по месту и времени. Доложил о задержанных в штаб полка и о том, что на вопросы они не отвечают. Но и так было ясно, что эти люди из сторожевого охранения. Надо ждать скорой встречи с основными силами. Так оно и случилось. Впереди послышалась стрельба. Потом застучали автоматы левее — на участке соседнего батальона. Лес наполнился треском очередей и винтовочных выстрелов.

Генерал Фадеев доносил в Военный совет 4-го Украинского фронта: «Проведенной разведкой 18.8.44 г. в районе Новая Гута, Рыбно, Майдан, Палочь, Завуй, Яворов выявлена бандгруппа численностью 250 человек. В ночь с 18 на 19 августа силами 100 человек курсантов политсостава фронтовых курсов выставлены заслоны на вероятных путях выхода бандитов из леса в села. Силами 92-го Краснознаменного пограничного полка произведена проческа, в результате которой задержано 187 бандитов, убито — 3, ранен — 1. Из числа задержанных два курьера от районного «провода» к станичному. Изъято 4 экземпляра приказов, напечатанных на машинке, и сведения разведывательного характера. Продолжая операцию по проческе «Черного леса», 92-й Краснознаменный пограничный полк и фронтовые курсы политсостава имели два боевых столкновения с бандитскими группами. В результате боя убито 27 бандитов, захвачено 77 бандитов, пулеметов — 2, винтовок — 2, пистолетов — 2, гранат — 7, патронов — 540. Наши потери: 92-й КПП — убит — 1, курсы политсостава убито — 2».

Операция продолжалась. Прочесывая Черный лес, мы наткнулись на лагерь оуновцев. Завязалась перестрелка. Впереди глухо били пулеметы и автоматы. Лесное эхо множило очереди, так что казалось — стреляет каждое дерево. Вначале трудно было установить, где огневые позиции националистов. Потом, присмотревшись, увидели, что они укрылись с немецкими пулеметами за толстыми стволами буков. Из-за таких укрытий выбить их непросто. Пришлось подтянуть взвод противотанковых ружей. Один за другим пулеметы замолчали.

Преодолев лесной завал, пограничники стремительно ворвались в бандитский лагерь. Завидев бойцов, это пестро одетое скопище людей, беспорядочно отстреливаясь, бросилось бежать. Среди бандитов мелькали фигуры, одетые в форму немецких солдат и офицеров, среди них кто-то в черной эсэсовской форме. В лесу догнать бандитов трудно. Банде удалось отойти. Мы вышли на опушку. В глаза ударили яркие лучи солнца. Здесь начиналось мелколесье, изрезанное лощинами, ручьями, оврагами. Старшие лейтенанты Охремчук и Дударенко со своими бойцами осматривали кустарник и овраги. Обнаружили большое количество немецких мин. Подходы к лагерю оказались минированными. Приходилось продвигаться с предосторожностями. Первым шел сержант Шкуро с четвероногими помощниками. Нет, это были не овчарки, столь привычные на границе. Мины отыскивали небольшие собачки-дворняжки, обученные этому делу.

Неожиданно сержант крикнул:

— Стой, стрелять буду!

Прогремел выстрел. Дударенко доложил, что задержали бандита, другого убили. Что они тут делали? Неожиданно один из песиков, маленький, желтенький, визжа, прыгнул к обрывистому берегу ручья и стал лапами царапать дерн. Шкуро поспешил собаке на помощь — отвернул пласт срезанной земли. Показалась деревянная дверь. Набросив «кошку» на нее, сержант рванул дверь на себя. Дворняжка стремглав бросилась в открывшийся ход. В схроне оказался бандитский склад.

Генерал Фадеев доносил в Военный совет фронта: «По состоянию на 24.00 26 августа 1944 г. 92-й КПП, продолжая проческу «Черного леса», обнаружил склад с оружием и боеприпасами. Охранявшие склад бандиты убит — 1, захвачен — 1. В складе обнаружено пулеметов — 5, запасных стволов — 2, магазинов с патронами — 19, винтовок — 7, гранат, патронов — 15 000. Операция по ликвидации банды «Гамалея» в «Черном лесу» продолжается».

28 августа поздним вечером наш батальон вышел на очередной рубеж в село Богородчаны. Было тихо, безветренно. Мы поднимались по проселку в гору. Потом подъем кончился. Батальон вышел на пологое плато. Взошла луна. Она осветила все вокруг зеленоватым призрачным светом. Впереди, где кончалось плато, виднелись огромные буки. От их густых крон падали сумрачные тени. Вдруг сержант Шкуро тронул меня за рукав и прошептал:

— Товарищ капитан, смотрите, вон у того крайнего бука что-то белеет.

Я присмотрелся и увидел у дороги, подле которой стояли буки, два белых пятна.

Подал сигнал батальону остановиться. Капитан Васильченко с группой бойцов незаметно приблизились к деревьям. Послышался легкий шум. Затем две зеленые вспышки электрического фонаря — сигнал «все в порядке».

На земле лежали двое связанных мужчин в постолах из сыромятной кожи. Сержант Шкуро держал в руках две винтовки немецкого образца. Оказалось, что бойцы прихватили неизвестных спящими.

— Из какого села? — спросил я задержанных.

— Из Богородчан,— ответили они.

— Что тут делали? Дома у вас нет, что спите в лесу под буками?

— Нет, товарищи, у нас ушла корова. Весь день шукали, заблудились, легли отдохнуть и заснули.

— А винтовки зачем, где их взяли?

— В лесу нашли. Боялись зверя, чтобы ночью на нас не напал.

— Да вы, оказывается, стрелять умеете?

— Нет, товарищ.

— А тогда винтовки зачем, если стрелять не умеете, выломали б дубины?

Они еще некоторое время морочили нам голову. Затем тот, что был постарше, признался, что они часовые от бандитского караула. Уточнив место расположения караула, мы решили обезоружить его. Группа пограничников во главе с сержантом Шкуро поползла к окопу, где отдыхали бандиты. Все прошло без сучка и задоринки. Караул из восьми человек был обезоружен.

Наутро мы оказались у высоты с отметкой «403». И тут нас обстреляли из села. Бандитские пулеметчики строчили с чердаков домов и с колокольни на церкви. Но это были их последние выстрелы. Итог этого боя хорошо изложен в донесении: «В дополнении к № 10/00384 от 29.8.44 г. 29 августа подразделения 92-го КПП и фронтовые курсы политсостава продолжали бой с окруженной бандой «Гамалея». К исходу дня банду полностью ликвидировали. В результате боя убито — 166 бандитов, из них немцев — 19; захвачено в плен — 88 бандитов. Изъято оружия: пулеметов — 2, минометов — 1, винтовок — 18, автоматов — 7, гранат — 77, патронов — 53 000. Кроме того, в ходе боя уничтожено: пулеметов — 6, винтовок — 37, автоматов —12. Наши потери: 92 КПП — убит — 1, ранено — 2.

Начальник охраны тыла 4-го Украинского фронта генерал-майор Фадеев».

Вот так действовали в Черном лесу наш батальон, другие подразделения 92-го полка, курсы политсостава. Подобное было и на других участках, где находились 90-й погранполк, 112-я маневренная группа и 318-я стрелковая дивизия. В это время операции по ликвидации националистических банд проводились также в тылу 1-го Украинского, 2-го Белорусского, 2-го Прибалтийского и ряда других фронтов. В них принимали участие пограничные части, охранявшие тыл действующих армий, и вышедшие к тому времени на охрану государственной границы пограничные отряды, им помогали части Красной Армии. В итоге бандитским формированиям в тылу фронтов был нанесен серьезный удар. Это заставило ОУН уйти в глубокое подполье и на некоторое время прекратить активные действия.

Проводимые мероприятия по очистке тыла фронтов от банд националистов и другого контрреволюционного сброда, усиление агитационной и пропагандистской работы среди населения

заметно изменили обстановку в освобожденных районах. «Молодежь русской и украинской национальностей с огромным подъемом и воодушевлением идет добровольно в ряды Красной Армии,— говорится в отчете о боевой деятельности войск по охране тыла 4-го Украинского фронта.— Так, за первые три дня записалось и принято в Красную Армию свыше 5 тыс. добровольцев, и к настоящему времени число добровольцев превышает 20 тыс. человек. Население сел оказывает большую помощь в приведении в порядок шоссейных дорог, строительстве мостов, восстановлении железной дороги, телеграфно-телефонной сети. Так, например, население дер. Поляна в одну ночь восстановило два моста, обеспечив этим самым своевременную переброску техники и боеприпасов для успешно наступающих частей Красной Армии».

Многие из тех, кто составлял бандитские формирования или поддерживал их, поняли бесполезность дальнейшей борьбы. В перехваченном отчете одного из оуновских руководителей под кличкой Бурьян говорилось: «Население целиком падает духом. Большинство не верит в нашу победу. Разговоры ходят среди людей, что раньше были кущи, сотни, а теперь все пропало, всех разбили. Так будет по всей Украине — ни сотен, ни кущей, а где мужчины остались, то соглашаются идти в Красную Армию, что вредит нашей работе. Отношение населения сильно изменилось по сравнению месяц тому назад. Теперь вообще не хотят принимать и на квартиры...»

Конечно, это была еще не полная победа. Но дышать в прифронтовом тылу стало легче.

Завершив операцию в Черном лесу, мы двинулись к линии фронта. Наш полк все ближе подходил к рубежу, на котором 22 июня 1941 года 94-й пограничный отряд встретил начало Великой Отечественной войны. Где-то в пути в один из сентябрьских дней в штаб батальона поступила ориентировка, в которой сообщалось об антифашистском восстании в Словакии. Как говорилось в поступившем документе, восставших поддерживают словацкие войска, советские и чехословацкие партизаны. А вскоре и 4-й Украинский фронт начал операцию по прорыву в Словакию, получившую наименование Карпатско-Дуклинской.

Заместитель командира батальона по политчасти капитан Евсеенко провел с пограничниками политинформацию, которую закончил словами:

— Германии нанесен еще один удар. Словаки восстали против фашизма и этим тоже приблизили его конец. Вместе с нашими славянскими братьями в рядах повстанцев — советские

партизаны, воины. На помощь словакам движутся советские войска. Мы тоже можем помочь восставшим. Для этого необходимо еще самоотверженнее выполнять возложенные на нас задачи по борьбе с агентурой и пособниками врага, вытаскивать врага из любых щелей, бить его всюду.

Никто из нас, конечно, не знал в ту пору, что в самом центре восстания бесстрашно действует под именем Белов начальник особого отдела 94-го погранотряда майор А. Д. Коваленко. Путь майора А. Д. Коваленко в Словакию был долог. С границы он отходил вместе с группой майора Ф. И. Врублевского. В Проскурове получил телеграмму с приказом прибыть в Киев и вскоре стал выполнять обязанности начальника особого отдела Украинского пограничного округа. Когда сдали Киев, выходил из окружения вместе со штабом Юго-Западного фронта. А потом стал готовиться к выброске в тыл врага. Действовал сначала под Ровно, в Сарненских лесах, поблизости от отряда полковника Медведева, а затем в Цуманских лесах Волынской области. Так до января 1944 года. Потом оказался в Польше. Оттуда попал в Словакию незадолго до начала Словацкого национального восстания.

«В ночь на 1 августа 1944 года,— написал мне после войны А. Д. Коваленко,— я с отрядом перешел чехословацкую границу и линию обороны Словацкой армии, проходившую по Бескидскому хребту Карпатских гор. Действовал в Словакии восемь месяцев. Кроме боевых и диверсионных операций против гитлеровских оккупантов помогал восставшим словацким войскам. Соединился с Красной Армией в конце февраля 1945 года».

В Москву А. Д. Коваленко возвратился в первых числах апреля 1945 года. За героизм, проявленный при выполнении задания, был награжден чехословацким правительством двумя орденами и двумя медалями, а также польским орденом. Жители поселка Лендак Попрадского района в Чехословакии избрали его почетным гражданином. В книге «Советские люди в европейском Сопротивлении» есть строки и об Анатолии Дмитриевиче Коваленко: «1 августа передовые группы отряда под командованием Анатолия Коваленко и Андрея Залка вышли на территорию Словакии и установили связь с командиром словацкого полка полковником Гусаром и секретарем местной организации КПЧ Иваном Гакушей. В первой половине августа 1944 г. партизаны и местные антифашисты совершили несколько диверсий на железных дорогах».

Много боевых подвигов совершил начальник особого отдела 94-го пограничного отряда в тылу врага во время Словацкого

национального восстания. Так что помощь этому восстанию со стороны пограничников нашего отряда была и непосредственной. Только об этом в то время никто из нас ничего не знал.

А шли мы почти теми же дорогами, что и наш боевой товарищ майор А. Д. Коваленко. Мы почти повторяли его маршрут. И это не было случайностью. Мы шли там же, где отходили летом 1941 года, потому что таков был приказ. Начальники пограничных застав западной границы, те из них, кто не погиб в боях, должны были пройти по пути отхода снова, чтобы встретиться с людьми, которых оставили для борьбы в тылу врага. Эти люди помогали и майору А. Д. Коваленко успешно выполнить задание. Они же помогали и нам бороться с осевшей в освобождаемых Красной Армией районах вражеской агентурой.

В один из дней батальон горными лесными тропами вышел на рокадную дорогу неподалеку от села Высоцко-Нижнего, находившегося на участке нашей довоенной третьей комендатуры. Еще раньше мне удалось связаться с Михаилом Осовским, о котором рассказано в начале книги. Так вот, получив известие, он разыскал меня, и мы теперь вместе шли через перевалы, которые Осовский знал как свои пять пальцев. Батальон двигался с тыловыми частями 24-й дивизии 18-й армии, которая наступала на этом направлении.

Любопытное это было зрелище. В условиях Карпатских гор тылы наших армий использовали для транспортировки продовольствия и боеприпасов не только лошадей, но и верблюдов и ишаков. Ишаки обычно несли на себе термосы с пищей и водой, а верблюды — стволы и опорные плиты тяжелых минометов, ящики с минами, патронами и гранатами. Многие гуцулы впервые видели представителей южной фауны и с любопытством рассматривали диковинных животных. А те, выгнув дугой длинные шеи, легко неся огромные вьюки, спокойно взирали на окружающее.

Вначале и Осовский с нескрываемым любопытством разглядывал это словно со сказочной картины сошедшее войско. А потом сказал в шутку:

— Видно, немцы потому тикают так швидко, что боятся этих длинноногих горбатых великанов!

Мы посмеялись. Конечно, верблюды были тут ни при чем. Животные всего-навсего облегчали солдатский труд. Гитлеровцы улепетывали по другим причинам. Мы были не те, что в июне 1941 года. И они были не те. Сила теперь была на нашей стороне. И эта сила несла справедливое возмездие фашистскому чудовищу. Казалось, не будет конца колоннам наших

танков, самоходных орудий, тягачей, тянувших пушки, расчетам «катюш», тысячам автоматчиков, стрелков, бронебойщиков, заполнявших окрестные лощины, рощи, ближайшие села.

С волнением подходил я со своим батальоном к местечку Сможе, где раньше находился штаб нашей третьей комендатуры. Вот и сосновая роща. Но здания комендатуры нет. Сожжено. А домики резервной заставы, которой командовал лейтенант Титков, остались. Я приглядывался к знакомым домам, улицам. Изменилось село Сможе за эти три года. Печать запустения лежала на всем. Дворы заросли бурьяном. Булыжная мостовая выщерблена, разбита. Многочисленные мостки через речку Сможанку раздавлены, смяты. Прежде это было очень веселое село. А теперь оно встречало нас настороженно. Во взглядах людей затаился страх. Не прошло бесследно время фашистской оккупации. Да и террор бандитов останавливал кое-кого от естественного желания улыбнуться, порадоваться приходу частей Красной Армии.

И все же нашим врагам не удалось сломить, уничтожить все те добрые ростки, что появились в жизни гуцульского крестьянина с приходом в Прикарпатье Советской власти. Не успели мы расположиться в Сможе на привал, как весть о том, что в село вернулись советские пограничники, разнеслась по окрестным селам. В Сможе потянулись люди. Многие узнавали меня. Ведь в штаб комендатуры по разным делам приходилось приезжать нередко. Разговорам, расспросам не было конца: а где нынче комендант Щербаков? Что стало с капитаном Гладких? Где такой-то? А сами как воевали, насовсем ли пришли?

Потом рассказывали, как жили в оккупации, кто как вел себя, что мешает сейчас наладить нормальную жизнь.

Помогли сможане установить и месторасположение одной банды. О ней мы сообщили в штаб полка. Банда была ликвидирована.

Противник изо всех сил пытался сдержать натиск советских частей. Приходилось выбивать его из последних приграничных сел. Ареной боя стал и участок бывшей десятой заставы. Здесь действовал 168-й стрелковый полк 24-й стрелковой дивизии. Пригодился наш оборонительный район, который был создан на участке заставы перед самой войной. 30 сентября один из батальонов 168-го полка, занимавший его, отбил шесть контратак врага из района села Латорки.

Дни пребывания гитлеровцев на нашей земле в Прикарпатье были сочтены. Как сейчас помню утро перехода нашими войсками линии бывшей государственной границы. «Катюши» ра-

звернули свои направляющие на запад. Туда же смотрели стволы сотен орудий и минометов, стоявших вдоль рокадной дороги. Заалел небосвод. Розовые блики легли на вершину горы Пикуй. Вышли из домов гуцулы. Они с интересом наблюдали за сноровистыми и слаженными действиями наших артиллерийских и минометных расчетов. Потом полезли на крыши домов, чтобы получше увидеть артиллерийскую подготовку.

И вот рявкнули пушки. Рванулись в языках пламени реактивные снаряды.

— Ратуйте! Спасайтесь! Небо горит! — испуганно кричали гуцулы, спеша укрыться в домах.

После мощной артиллерийской подготовки советские войска перешли границу. Наш батальон вступил на участок десятой заставы. Сколько мы ждали этой минуты! Через сколько испытаний прошел каждый из нас, пограничников, чтобы снова увидеть государственный рубеж, оставленный летом 1941 года! Чувство, с каким я вступил на участок своей заставы, ни с чем не сравнимо. Я, бывший начальник десятой заставы, был единственным, кто вернулся сюда в сентябре 1944 года. Война разбросала, раскидала бойцов заставы. А многих уж не было в живых. Шестьдесят три человека отходили со мной с границы. Вернулся я один. Конечно, многие сражались на других участках огромного советско-германского фронта и вступали на государственную границу в других местах. Но на свою заставу из бывших ее бойцов и командиров попал только я.

Когда батальон оказался в Кривке, бойцов тотчас окружили жители. Несмотря на ранний час, на улицу высыпало все село. Завидев пограничные фуражки, сельчане спрашивали, нет ли кого из их старых друзей, что до войны служили на десятой заставе. И вдруг увидели меня.

— Живой, товарищ начальник!

Сам собой получился митинг. Парторг батальона лейтенант Николай Ивлев, поднявшись на крыльцо бывшего сельского Совета, рассказал, как сражались пограничники десятой заставы и батальона с немецко-фашистскими захватчиками, попросил собравшихся помочь быстрее восстановить разрушенные врагом мосты и дороги, чтобы успешнее громила врага Красная Армия.

Выступил и житель села Иван Мельничин, с которым мы хорошо работали до войны, кто оставался патриотом в тяжелые для Родины дни.

— Дорогие граждане села,— сказал он,— Помните, все эти черные годы гитлеровской оккупации я постоянно твердил

вам: «Не верьте немцам, не слушайте оуновцев, все равно победят товарищи, они разобьют фашистов и вернутся в наше село. Придут сюда и товарищи с заставы». Видите, так оно и вышло.

Пришлось и мне сказать несколько слов.

После митинга никто не хотел расходиться. Жители обступили бойцов, расспрашивали, интересовались, пойдем ли дальше или останемся на границе.

— Нам надо добить фашистов,— говорили бойцы,— дойти до Берлина. А сюда, на границу, придут другие.

Незаметно подступили сумерки. Покрылись черной мглой горы и леса. Привыкшие за многие годы жизни у границы к соблюдению пограничного режима, кривчане расходились по домам. Мы узнали, что здание десятой заставы разбито во время боев артиллерийским и минометным огнем. Бойцы расположились в пустующей школе, а штаб батальона — по соседству в доме, принадлежавшем кривскому священнику, который по каким-то причинам прятался от немцев, а до нас еще не дошел.

Трое жителей Кривки, три Ивана — Иван Мельничин, Иван Хлипнич и Иван Полупан, мои довоенные знакомые, пришли, чтобы поговорить со мной, вспомнить о предвоенных годах, обо всем, что нас крепко связывало.

— А помните,— говорили они,— как мы рубили просеку в лесу, как устанавливали проволочные заграждения, как боронили контрольно-следовую полосу, подвозили телефонные столбы?

Потом стали расспрашивать о бойцах заставы, тех, кого особенно хорошо знали, об их судьбе.

Я рассказал, как погибли политрук Скляр, старшина Вершинин, сержант Беляев и многие другие.

— Да, добрые были хлопцы,— вздохнул Иван Хлипнич,— когда мы ходили в школу смотреть кино, сержант Беляев всегда играл на гармошке. Помню, в марте 1941 года ночью меня подняли Вершинин и Беляев. «Быстрей,— говорят,— запрягайте коней, поедем к границе». Потом с политруком Скляром везли на санях раненого нарушителя. Дюже он, ваш политрук, пришелся по сердцу людям нашего села. Как хорошо он тогда нам рассказывал о жизни в Советском Союзе, о том, что делалось в других странах!

Хлипнич вспомнил и двух братьев, служивших на заставе и часто выступавших перед селянами.

— Братья Хретинины,— подсказал я.

— Да, Хретинины,— подтвердил Хлипнич.

Постепенно наш разговор перешел к тому, как жилось кривчанам при немцах, кто боролся с ними, а кто прислуживал им. Оказалось — все жители Кривки стойко перенесли гитлеровскую оккупацию. Никто из них не поддался на враждебную агитацию, не пополнил ряды фашистских прихлебателей или бандитов. А двое — Змиевский и Бурмило даже поплатились жизнью за то, что отказались сотрудничать с бандеровцами, не пошли в банду. Многие кривчане помогали партизанам, особенно тогда, когда совершал рейд по Карпатам Ковпак, оказывали содействие советским парашютистам, разведчикам.

— Как-то в нашем районе объявились парашютисты,— сказал Иван Полупан,— так мы их снабдили продуктами и дали им проводника. Одного я узнал. На вашей заставе служил.

— Когда это было?

— Да году в сорок третьем.

— А кто, фамилию не помните?

— Не, фамилии я его не знал.

Как я ни напрягал память, но вспомнить бойца по приметам, о которых говорил Иван Полупан, не мог.

Еще не раз выбрасывались в этот район наши парашютисты. И каждый раз находили приют у жителей села.

— А вот в Битле,— заметил Иван Мельничин,— немцы построили одному дом.

— Кому?

— Вы знали Резака?

— Что ты, Иван, виткиля товарищу начальнику знать о Резаке? — вмешался Хлипнич.— Резак ушел за кордон еще в 1939 году, как прибыли на границу пограничники с лейтенантом Пожарских.

Я только улыбнулся. Об этом матером шпионе, не раз пытавшемся прорваться через границу, хорошо было мне известно. Это он проводил оуновцев за границу в апреле 1941 года на формирование первого батальона дивизии СС — «Галиция», приходил на связь к бандитским главарям. Но я не стал разубеждать моих собеседников, а спросил:

— И как же Резаку живется в доме, который ему построили немцы?

— Дом ему, товарищ начальник, немцы построили еще в 1942 году. Да редко он бывал в нем. Постоянно куда-то пропадал. А когда объявлялся, то ненадолго.

— А где он сейчас?

— Когда Красная Армия заняла Бориню,— отозвался Мельничин,— Резак снова исчез.

— Может, он подался в банды? — уточнил я.

— Нет, с бандитами он вроде бы не якшался. Бандитские главари его почему-то боялись.

Далеко за полночь я простился со своими довоенными товарищами. Только они ушли, как часовой у штаба задержал человека, который настоятельно просил встречи с командиром. Его пропустили ко мне. В комнату вошел парень лет двадцати четырех, одетый, как и все гуцулы, в самотканые штаны, шляпу, деревянные колодки-башмаки. Вошедший робко сел на предложенный стул и, сняв шляпу, сказал:

— Я узнал, что в селе Кривке появились пограничники, и пришел пожаловаться вам.

— На кого и по какому поводу вы хотите пожаловаться?

Парень покрутил свой широкополый головной убор, посмотрел на потертые башмаки, на меня и не очень решительно заговорил:

— Дело вот в чем. Я знаком с одной девушкой, которую очень люблю. Но в 1942 году вернулся из-за кордона человек по фамилии Резак и просто-напросто отбил у меня девушку, пригрозив ей. Он сказал, что если она не будет с ним встречаться, то он убьет ее родителей и меня. В своем доме Резак почти не живет. Однако как только появляется, сразу присылает дружков за ней. Вот и сегодня они увели ее.

— Так,— сказал я,— это интересно. А не знаете, куда ушла ваша девушка?

— Точно не знаю. Но направились они к хутору, что находится между селами Хусней и Высоцким. Есть там несколько домов в лощине, а рядом небольшой лесок.

— Так в хуторе или в лесу искать вашу девушку?

— Этого не знаю,— пожал плечами парень, с надеждой глядя на меня.

Я вызвал дежурного и попросил показать нежданному гостю, где можно ему обождать, а к себе пригласил заместителя капитана Васильченко и обо всем рассказал ему.

— Надо проверить сведения парня. С лейтенантами Застрожиным и Чайкой и пятью автоматчиками пройдите вместе с ним к матери девушки и выясните, дома дочь или нет. Может, мать знает и о Резаке. Потом попросите парня провести вас к хутору. Тем временем мы прочешем лес и блокируем хутор.

Со своей группой капитан Васильченко направился в дом девушки, а я незаметно вывел две заставы в намеченный район. Ночь была холодной, туманной, как обычно бывает в Карпатах в октябре. В низинах в трех шагах ничего не видно. Но по знакомым тропинкам мы вышли к хутору точно. Началь-

ник одной из застав старший лейтенант Охремчук выставил заслоны на опушке рощи. Хутор оцепила застава лейтенанта Ларченко. Стали ожидать, когда забрезжит рассвет.

Как только на востоке зарозовело небо и стала видна в низинах белая пелена тумана, мы прочесали рощу. Никого и ничего не нашли в ней. Потом туман рассеялся, и в глубокой горной лощине проглянули несколько хат. Это и был хутор, о котором говорил ночной гость. Оставив на месте заслоны, я приказал осмотреть первые два дома. Неожиданно на улице появилась девушка, но никто не заметил, откуда она вышла. Она походила на ту, что описал нам молодой человек. Незнакомку задержали. Я спросил ее:

— Куда вы так рано спешите?

— Была у подруги,— ответила девушка,— долго задержалась и заночевала у нее. Дома одна мама, беспокоится за меня, вот я и бегу пораньше.

— А в каком доме вы ночевали?

Она показала.

Хозяин дома и его дочь подтвердили, что девушка действительно ночевала у них. В это время появился со своей группой капитан Васильченко, и молодой человек, сообщивший нам о Резаке, подтвердил, что это она, его коханая.

Дом за домом обходили пограничники хутор, но ничего не находили. Уже проверили шестой дом. Последний осматривали сержант Кузнецов и рядовой Мурашкин. Хозяин уверял, что у него в доме никого нет и в хуторе он тоже посторонних не видел. Закралось сомнение в правдивости сведений, полученных от неудачливого влюбленного, и мы уже намеревались снять засады вокруг хутора, как с чердака последнего дома донесся голос одного из пограничников:

— А ну выходи, а то стрелять будем!

Через специально сделанные бойницы в крыше дома бандиты открыли сильный огонь. Забухали винтовочные выстрелы. Мурашкина ранило. Кузнецов осторожно спустил его с чердака, и пограничники прижались к стене. Появился сержант-санинструктор Стаценко. Бандиты ранили и его. Шальная пуля ударила в грудь моего коня. Пришлось залечь. Перестрелка продолжалась. На предложение сдаться бандиты отвечали огнем. Стало ясно: живыми их не взять.

Тут загорелась соломенная крыша дома. Бандиты спустились в комнаты. Потом они бросили за дверь дымовую шашку и несколько гранат. Под прикрытием дымовой завесы трое из них выскочили на улицу, остальные продолжали отстрели-

ваться. Эти трое бежали прямо на нас с сержантом Александровым.

Стрелять нам по бандитам мешал выступ обрыва берега. Все же Александров дал автоматную очередь. Бандиты бросили в ответ гранату. Мелкими осколками сержанту рассекло в нескольких местах кожу на лбу, а землей запорошило глаза. Я выхватил у него автомат. В это время послышалась команда лейтенанта Губаря:

— По бандитам огонь!

Двоих скосили сразу, а третий перепрыгнул через нас с Александровым на противоположный берег ручья и упал. Оборачиваюсь. Бандит лежа стреляет в меня. Чувствую, как пуля проходит между шинелью и кителем. Нажимаю на спусковой крючок. Стучит очередь. Стрелявший в меня лежит неподвижно. Поднимаюсь. Иду к нему. Рослый детина в полувоенной форме зажал в руке винтовку немецкого образца. Подошел капитан Васильченко, посмотрел на убитого.

— Это Резак.

Я ответил:

— Да, судя по описанию, это действительно Резак, но для уверенности пусть его опознают и другие.

Резака узнали молодой человек и девушка. Подтвердили и хуторяне, знавшие бандита.

Мы составили акт. Потом я распорядился вырыть могилу. Кривчане зарывали этих и тех бандитов, которых мы уничтожили в доме, приговаривая: «Собаке собачья смерть».

Рассказ о бесславном конце того, кто еще до войны орудовал на советской границе, выполняя задание гитлеровской разведки, и теперь продолжал служить ей, можно закончить выдержкой из архивного дела: «15.10.1944 года 6 и 7 заставы 2 батальона в районе хутора у села Высоцкое ликвидировали разведывательно-диверсионную группу в количестве 12 человек, руководимую довоенным немецким агентом Резаком».

В эти же дни в наши руки попал еще один довоенный шпион — Бугайчик. С приходом пограничников в Кривку Бугайчик пытался скрыться в селе Битля, где размещался 293-й запасной полк. В этот полк приписывали местных гуцулов. Вот шпион и изъявил желание «добровольно» пойти служить в Красную Армию. Любопытно было взглянуть на Бугайчика, когда лейтенант Палагин с двумя автоматчиками доставил его ко мне.

— Все расскажу вам, гражданин начальник,— сразу начал он.

История Бугайчика, как он ее рассказал, была такова. Осенью 1939 года во время поездки в село Высоцко-Верхнее Бугайчик зашел к своему знакомому Михаилу Ляху. Они разговорились. Бугайчик спросил:

— Как-то оно теперь будет при Советской власти?

Лях ответил, что Советы здесь долго не продержатся.

— А я собирался уйти в Польшу, к немцам,— признался в своих намерениях Бугайчик.

Лях стал более откровенен.

— А зачем идти тебе из дома на чужбину, немцам и здесь помогать можно. Твое село у самой границы. Немцы придут — они тебя не забудут.

Бугайчик согласился. Лях дал ему кличку Голубчик и задание оставаться по-прежнему в селе Битле. К Бугайчику от Ляха будет приходить связной по кличке Калиныч с пакетами, за которыми потом явится человек и назовет условный пароль: «У вас нет продажного клевера?», на что Бугайчик ответит: «Уже продал». Пакеты он должен отдавать пришедшему, а те, что принесет тот, передавать Калинычу. Во время войны Бугайчик выполнял задания фашистов. Но справедливо говорят: сколько веревочка ни вьется, а конец найдется. Пришел конец и деятельности Бугайчика в пользу гитлеровской разведки.

Однажды капитан Васильченко привез в Кривку еврейскую семью — мужа с женой и двоих детей.

— Вот,— сказал он,— какой произошел случай.

Оказалось, что глава семьи до войны учительствовал в селе Битле. Там была и пограничная застава нашей комендатуры. На этой заставе некоторое время служил Илья Васильченко политруком. Со школьным учителем они были хорошо знакомы. Когда началась война, семья учителя не смогла эвакуироваться. И вот почти три года пряталась в лесах. Ей помогали две гуцульские семьи из Битли и Хусни. Поддерживали, снабжали одеждой, продуктами, а на зиму укрывали у себя дома. Так и перенесла еврейская семья время фашистской оккупации.

Мне не удалось увидеться с семьями патриотов, кто, рискуя своей жизнью и жизнью своих детей, спас жизнь еврейским детям, их отцу и матери. А так хотелось отблагодарить их за патриотизм и мужество!

Семью учителя мы отправили в тыл. А сами, попрощавшись с жителями Кривки, пошли дальше.

Войска нашего фронта успешно продвигались на запад, освобождая города и села Закарпатья. Батальон перешел речку Кривчанку и оказался перед вершиной горы Пикуй.

— Видно, здорово придется попотеть, чтобы перевалить через эту горку,— заметил старший лейтенант Ханин.

— Что, пугает высота? — спросил я и улыбнулся, вспомнив, как в 1940—1941 годах мы днем и ночью бегали по тревоге по этим скатам. И успокоил Ханина: — Преодолевать вершину не будем. Чуть поднимемся и по плато дойдем до самой границы.

Все было тут почти таким, как прежде. Горы. Ельник. Каменные столбцы, что обозначали линию государственной границы. Остановив батальон, я сказал:

— Товарищи, вот здесь кончается наша советская земля. Это бывшая граница. На высоте с просекой, которую вы видите отсюда, стояла застава, на которой я был начальником. Теперь заставы нет. Она разрушена. Но я и мои товарищи по заставе всегда помнили и будем помнить о ней. Здесь мы встретили первое военное утро. Отсюда уходили в глубь страны. Сюда вернулись вновь.

— А как называется высота, на которой стояла ваша застава? — спросил кто-то из бойцов.

— Названия эта высота не имеет, но отметка ее — 902 метра над уровнем моря.

Внизу лежала земля сопредельного государства. Виднелось село Латорка. Перейдя линию границы, батальон спустился в лощину. Здание бывшей вражеской стражницы пустовало. Окна и двери раскрыты. Вокруг битое стекло, обрывки бумаги, воронки от разрывов снарядов. Как все знакомо здесь! Все выглядело именно так, как описывали наши наблюдатели.

Перейдя речку Латорицу, мы пошли дальше на запад.

Партия и правительство высоко оценили героизм советских воинов, действовавших в Закарпатье. 18 октября столица нашей Родины Москва салютовала войскам 4-го Украинского фронта, преодолевшим Карпатский хребет на протяжении 275 километров. Приказом Верховного Главнокомандующего сорок соединений и частей 4-го Украинского фронта получили почетное наименование Карпатских. В конце октября 1944 года мы узнали, что и наш 92-й пограничный Краснознаменный полк получил почетное наименование Карпатского.

18-я армия продвигалась вперед и к исходу 25 октября овладела городами Перечином и Мукачевом. Перечин запомнился особенно хорошо, потому что у меня тут произошла неожиданная встреча с бывшим пограничником десятой заставы Макаровым. На подходе к Перечину батальон выставил контрольно-пропускной пункт. Сюда и подъехал с каким-то грузом Макаров, служивший в 24-й дивизии. Увидев пограничников, он спросил на всякий случай у старшего наряда:

— А у вас кто командир батальона?

— Капитан Паджев,— ответил старший.

— Какой Паджев? Не тот, что был начальником заставы в Кривке?

— Тот самый.

Макаров помчался разыскивать меня. Мы встретились. Хотелось оставить боевого солдата в батальоне, да дело у Макарова было срочное. А потом наши дороги разошлись и больше не сходились. Где сейчас Макаров, как сложилась его жизнь, не знаю. От Макарова я узнал о судьбе еще одного пограничника десятой заставы — Борисова, с которым довелось увидеться после войны. Макаров подтвердил, что видел, как убило в бою под Обоянью старшину Вершинина.

Несколько дней мы пробыли в Перечине и Мукачеве. В Мукачеве побывали в зданиях гестапо и одной из разведшкол.

Больше нет тени гестапо над Мукачевом, над другими городами и селами Закарпатья. Темная ночь фашистской неволи позади. Стали явью слова национального героя Закарпатья, Героя Советского Союза Олексы Борканюка, чья жизнь оборвалась в венгерской тюрьме Маргит-Керун: «Я иду на смерть смело, мужественно, так, как положено людям нашего склада. Прожил я 41 год, из которых 20 посвятил делу бедного народа. Всю жизнь был честным, преданным, неутомимым борцом без личной корысти. И таким умираю, ибо знаю, что наше дело справедливое и победа будет наша».

Совсем другая жизнь пришла в Закарпатье с Советской властью. Лет двадцать спустя я вновь побывал в этих местах. Как же тут изменилось все! Снова заехал в свою Кривку. Была уже ночь. Но село встретило морем электрического огня. Светом был озарен каждый дом. А утром я не поверил своим глазам: ни одноглазых, убогих, покосившихся хат, ни лоскутных наделов земли. Опять встретился со своим старым знакомым Иваном Полупаном. Он рассказал, что в Кривке теперь богатый скотоводческий колхоз. Счастливо и зажиточно живут люди.

Мы поднялись с Иваном на высоту с отметкой 902 метра. Время сделало свое дело. Заросло травой и ельником место, где когда-то была наша застава и шли жестокие бои. Изменилось и село Латорка. Новенькие дома, яркие крыши. Только вот вершины гор Великий Верх, Пикуй, Яборник, Ближнец, Магура не тронуло время. Они были такими же, как и в 1941 году, как и в ноябре 1944 года, когда мы вышли к ним, чтобы обеспечить перевалы нашим наступавшим войскам.

В Чехословакии

Перед советскими войсками лежала Европа, которая ждала своего освобождения. После войны писатели и поэты всех народов освобожденных Красной Армией европейских стран написали о советском воине много волнующих, благодарных слов, выразили великую признательность советскому воину за его бескорыстный интернациональный подвиг. И для них не было важным, танкистом был советский солдат или пехотинцем, артиллеристом или сапером, связистом или летчиком. Советские воины разных видов и родов войск были для освобожденных народов все едины.

Но для нас это все же имеет некоторое значение. «Никто не забыт и ничто не забыто» — это не общие, а очень конкретные слова. Значит, не забыт ни один подвиг, ни одно событие минувшей войны. Но я еще не встречал книги, в которой бы рассказывалось об участии пограничников в освободительной миссии в странах Европы. Вот только сборник документов «Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945», выпущенный в 1968 году, несколько восполняет этот пробел. Там есть документы, рассказывающие об участии воинов пограничных войск в освобождении Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии. Правда, в книге нет сведений об участии пограничников в освобождении Чехословакии. Не все документы, видно, еще найдены. Но сказано первое слово.

Сказано о том, что пограничники брали город Аккерман, участвовали в штурме Берлина, в ликвидации окруженной фашистской группировки в Будапеште и даже пленили командующего будапештской группировкой генерал - полковника П. Вильденбруха. Рассказывается о пограничниках, которые сражались в рядах европейского движения Сопротивления. Ну и, конечно, говорится о том, как боролись бойцы в зеленых фуражках с различными антинародными фашистскими организациями и вооруженными формированиями, вражеской агентурой, различными бандами.

С чем же столкнулись в освобождаемых странах пограничники, шедшие с наступающими частями Красной Армии? «В результате длительного нахождения под оккупацией на этой территории,— говорится в документе о боевых действиях пограничных частей при освобождении Польши,— осталась широко развитая сеть агентуры разведорганов противника, ставленников, пособников врага и прочего враждебного элемента. Кроме

того, с выходом на территорию Польши в тылу фронта проявляли свою нелегальную деятельность польские националисты — сторонники эмигрантского польского «правительства». Помимо этого, разведорганами противника забрасывалась своя агентура в тыл нашего фронта путем выброски их с самолетов на парашютах... Характерным явлением на участке 2-го Белорусского фронта было и то, что в тылу передовых частей Красной Армии находилось значительное количество окруженных солдат и офицеров противника. Нашим войскам приходилось вести борьбу с разрозненными мелкими группами...»

Вот выдержка из документа о боевой деятельности пограничных частей в Венгрии: «С момента перенесения военных действий на территорию Венгрии в тылу фронта начала проводить активную деятельность венгерская фашистская партия «Нилош-Керестеш», которая приступила к сколачиванию диверсионно-террористических групп из числа бывших солдат и офицеров венгерской армии и других фашистских элементов. Оставляемые в тылу фронта диверсионно-террористические группы снабжались немецким командованием оружием, боеприпасами, взрыввеществами и скрывались в глубоких лесных массивах. После непродолжительной учебной подготовки эти диверсионные группы должны были развернуть свою деятельность на коммуникациях частей Красной Армии...»

Нечто подобное было и на территории Чехословакии, куда в ноябре 1944 года вступили войска 18-й армии 4-го Украинского фронта. В связи с быстрым продвижением частей армии в горах и лесах оставались многочисленные мелкие группы солдат и офицеров противника, которые приходилось вылавливать, нередко вступая с ними в бой. Выявляли мы и диверсионные группы врага, обезвреживали гитлеровских агентов, власовцев и бандитов Каминского.

Фашистская разведка бросала в дело свои последние кадры. Она распускала разведывательные школы, создавая из слушателей диверсионные группы, оседавшие на территории Чехословакии и в других странах, освобождаемых Красной Армией от фашистского ига.

В начале ноября 1944 года наряд в составе старшины Каплина, рядовых Пенчука, Шилова и Гафарова в селе Малая Березна задержал человека, одетого в форму младшего лейтенанта Красной Армии, у которого в оформлении одного из документов были неточности. На предварительном расследовании задержанный показал, что в чехословацком городе Кошице он был завербован гитлеровской разведкой и теперь пробирается через линию фронта. Шпиону была поставлена задача

выйти на фронтовые коммуникации в районе села Малая Березна, обосноваться там, установить наблюдение за передвижением штабов наших частей и после выполнения задания вернуться.

Допрашивал гитлеровского агента заместитель командира 92-го пограничного полка капитан Игнатов. Сохранился протокол этого допроса. Как ни пытался выгородить себя задержанный, но был изобличен не в одном преступлении. Выяснилось, что он находился в отряде головорезов, которыми командовал изменник Родины Каминский, произведенный гитлеровцами в генералы СС.

В конце 1942 или начале 1943 года в городе Локоть Орловской области, который являлся центром созданного оккупантами административного округа, обосновался гитлеровский разведывательный орган «Абверштелле-107» — филиал шпионского центра в Орле. Бургомистром Локотского административного округа стал бывший инженер-строитель Бронислав Каминский. По указке немцев Каминский организовал «Русскую национальную трудовую партию», состоявшую из бывших уголовников, полицаев, старост и другого отребья. Эта партия ставила целью свержение с помощью немцев Советской власти и установление «самостоятельной национальной России». Одновременно Каминский участвовал в формировании и так называемой «Русской освободительной армии». Руки этого врага Советской Родины были обагрены кровью сотен и тысяч патриотов. Брянские леса, в которых укрывалось множество партизанских отрядов, были главным объектом карательных экспедиций Каминского.

Начальник войск по охране тыла 2-го Прибалтийского фронта генерал-майор Абызов, командовавший сводным отрядом пограничников под Попельней, писал в донесении в 1943 году: «Помимо заброшенной и оставленной на оседание в тылу фронта агентуры разведывательных органов противника освобожденная частями Красной Армии от оккупантов территория оказалась сильно засоренной агентурой контрразведывательных и полицейских органов противника. Особо сильному воздействию немецких разведывательных органов подвергся район Брянских лесов, являвшийся мощной базой партизанского движения. Помимо мероприятий агентурного характера в целях борьбы с партизанским движением оккупантами создавались специальные формирования подразделений РОА («Русской освободительной армии») и полицейских отрядов «Народной стражи». Наиболее крупным формированием РОА являлась бригада, возглавляемая обер-бургомистром Каминским, которая дис-

лоцировалась на территории Локотского административного округа Орловской области».

За Каминским давно охотились советские чекисты. Мы тоже получили соответствующее указание на этот счет. Поэтому Игнатов спросил задержанного нами агента:

— А где сейчас находится Каминский?

— Точно не знаю, но последнее время он был в Польше.

Это соответствовало действительности. Немцы вывели бригаду Каминского в Польшу и бросили наряду со своими частями на подавление варшавского восстания. Это они сделали в чисто провокационных целях. Гитлеровцам было выгодно использовать русских против поляков. Подразделения бригады не играли главной роли в усмирении варшавян, они выполняли свою провокаторскую задачу, участвуя в бойне.

Долго длился допрос. Мы получили немало ценных сведений о других агентах врага, которые обучались в Кошице вместе с задержанным, о месте их переброски, примерных заданиях. А вот местопребывание Каминского так и не выяснили. Лишь спустя некоторое время узнали, что немцы сами расстреляли Каминского. Так закончился путь бывшего обер-бургомистра, а точнее, обер-предателя и бандита.

К концу ноября 1944 года противник никак не ожидал, что широкая болотистая равнина к юго-западу от Ужгорода станет ареной ожесточенного боя. Сюда на правый берег реки Ондавы по железнодорожному мосту были переправлены передовые части 24-й стрелковой дивизии. Часть подразделений форсировала реку с помощью подручных средств. После захвата плацдарма на Ондаве дивизия во взаимодействии с другими соединениями 18-й армии начала развивать наступление на город Требишов. Враг оказывал слабое сопротивление и отходил в горы. Преследуя его, наши войска 26 ноября освободили чехословацкий город Требишов. Зато в горах завязались тяжелые бои. Наше наступление приостановилось. Войска 4-го Украинского фронта закрепились на достигнутых рубежах и стали готовиться к новым наступательным операциям.

В Требишов наш батальон вошел незадолго до нового года. Военный комендант города сообщил, когда мы разместились, что к нему обратились руководители Требишова с просьбой встретить Новый год с представителями частей Красной Армии, освободивших город.

Встреча Нового года проходила в самом большом здании. В просторном зале стояли столы, накрытые белыми скатертями. В центре была установлена украшенная игрушками елка. С потолка падал яркий свет электрических ламп. Звучала му-

зыка. Стрелка часов приблизилась к полуночи. Секретарь райкома КПЧ — женщина пригласила всех занять места. Музыка стихла. Из приемника донесся голос родной Москвы. Ударили куранты, зазвучал гимн нашей Родины. Выступал М. И. Калинин. А потом слово взяла секретарь райкома КПЧ и председатель городского самоуправления — тоже женщина. Они произнесли здравицу в честь нашего Советского правительства, Коммунистической партии Советского Союза и советского народа, горячо поблагодарили представителей Советской Армии за освобождение от фашистских захватчиков. Сожалею, что не помню фамилии этих двух мужественных женщин. Знаю только, что обе они сражались в партизанских отрядах.

Разошлись на рассвете. Было тихое утро. Первый день января 1945 года — последнего года ожесточенной войны. В 6 часов заговорили наши орудия. Войска 18-й армии продолжали наступать в направлении города Кошице.

В первых числах января от командира полка по рации был получен приказ: «По решению Военного совета фронта вашему батальону в город Кошице приказано войти с передовыми частями армии и обеспечить надлежащий порядок. Свяжитесь с представителем штаба фронта полковником Вироном. До особого распоряжения поступаете в его подчинение».

Начало января 1945 года в Словакии было слякотным. Зато в горах мороз доходил до 25 градусов. На пути к Кошице нам предстояло преодолеть горный хребет Хедьял. Единственная дорога, по которой могли свободно продвигаться все рода войск, проходила по берегу реки Гренод. Сойти с нее было нельзя. Противник очень плотно минировал всю пойму реки. По дороге же соорудил множество завалов. Дорога все время находилась под обстрелом вражеской дальнобойной артиллерии.

Все же, следуя прямо за боевыми порядками наступающих войск, мы удачно проделали большую часть пути. Лишь на подступах к Кошице произошла заминка. Оказался взорванным мост. Стрелка указателя показывала обход вправо. Мы перешли реку вброд, с большим трудом перетянув через нее свои повозки и автомашины. Берега реки были буквально размяты гусеницами танков и превратились в глинистую жижу. Такой же была объездная дорога — сплошное земляное месиво, проложенное по целине вдоль реки. Только к вечеру мы выбрались на каменистое мелководье, снова перешли реку и оказались на шоссе.

Оно поднималось в гору. Это и был хребет Хедьял. Вначале подъем казался почти неощутимым. Потом идти стало тяжелей. Натруженно скрипели повозки. С надрывом гудели мо-

торы машин. Стало холодно. Дорога покрылась льдом. Машины начали буксовать. Казалось, что совсем немного остается до перевала, а его все не было.

Вдруг головная автомашина, на которой была установлена радиостанция, остановилась, хотя мотор ее работал на полную мощь, а затем медленно поползла назад. За ней поползла и другая. Люди сошли с дороги. С трепетом наблюдали мы, как наши водители проявляли выдержку и хладнокровие, находясь буквально на грани катастрофы. Каким-то чудом водители Новик и Антонов вырулили на площадку, выдолбленную в горе. Наткнувшись на кучи щебня и песка, машины остановились. Мы облегченно вздохнули.

Из кабин выскочили командир взвода связи батальона лейтенант Буринов и капитан Чуханов.

— Ну, я думал, нам крышка,— сознался Чуханов.— Смотрел, как Антонов крутил баранку, и не верил, что все обойдется. Мотор работает, скорость включена, а машина скользит, как сани.

Надо было что-то предпринимать. Чуханов предложил оставить машины, идти пешком, а с рассветом водители попробуют одолеть подъем. Но это нас не устраивало. Машины могли понадобиться в любую минуту. Да и лед под утро на дороге не стает, разве только будет его еще больше. Кто-то осветил фонариком кучи песка. А что, если дорогу посыпать песком? Пройдут, наверно, машины.

Освободили две повозки, загрузили их песком. Повозки выехали вперед. За ними тронулась батальонная колонна. Бойцы обильно посыпали песком обледеневшее шоссе. Так шли всю ночь. Мы буквально штурмовали перевал. Подвозили песок, посыпали шоссе, снова возвращались за песком, подкладывали под колеса машин бревна, опять тянули в гору груженные песком повозки вместе с выбившимися из сил лошадьми. Мытарства закончились только утром. Одолев перевал, батальон спустился на равнину.

19 января передовые части 18-й армии выбили противника из Кошице и продолжали теснить его на запад. Вместе с этими частями вошел в Кошице и наш батальон. С близлежащих высот фашисты еще обстреливали город. Горел вокзал. На путях стояли составы, до отказа забитые мебелью. Было такое впечатление, что гитлеровцы свезли сюда мебель из всех разграбленных ими городов Европы. Полковник Вирон, вошедший в город с одной из частей 18-й армии, показал мне пустовавший замок, принадлежавший венгерскому барону, и велел там разместить пограничников. В первый же час пребывания в Кошице

мы организовали комендантскую службу. Въезды в город и выезды из него закрыли контрольно-пропускными пунктами, на улицы выслали патрулей, прочесали ближайшие лощины и рощи.

На другой день после освобождения Кошице от гитлеровцев в городе нормально работали все учреждения местного самоуправления. Владельцы магазинов открыли торговлю. Улицы города приводились в порядок. Стало известно, что в Кошице должно прибыть чехословацкое правительство.

В день приезда правительства мы были на центральной площади. Начальник почетного караула капитан чехословацкой армии отдал рапорт прибывшим. Все поднялись на балкон одного из домов. Будущий председатель правительства, чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер обратился с краткой речью к собравшимся. Вечером торжественная встреча правительства продолжалась в городском театре.

Батальон получил приказ следовать на север в город Прешов и продолжать охрану тыла 18-й армии. Когда мы оказались в Прешове, я вспомнил большую группу беженцев из Прешова, тех самых студентов, кто в 1940 году, спасаясь от нового гитлеровского порядка, покинул родной город и, перейдя советскую границу, оказался на десятой заставе. По их рассказам я и запомнил город Прешов.

Командование фронтом производило перегруппировку войск. Части 18-й армии, а за ними и наш полк продвигались все дальше и дальше на северо-запад. В конце февраля или начале марта мы перешли чехословацкую границу в районе Новы-Тарга — Закопане и оказались на территории Польши. Вспоминая, как нас радушно встречали в Чехословакии, мы удивились, когда, вступив в Закопане, не увидели на улицах этого небольшого города ни одной живой души. Словно пронеслась эпидемия по городу и все вымерло.

Проверив одно из пустующих зданий и убедившись, что оно не минировано, мы расположились в нем. Для поддержания порядка в городе организовали патрульную службу. Бойцы и командиры Красной Армии, вступившие в Закопане, безукоризненно выполняли постановление Военного совета о нормах поведения наших воинов на территории иностранного государства.

Вечером в наше расположение пришли две женщины. Робко поздоровавшись, они рассказали, что раньше работали у владельца этого здания. Имен женщин не запомнил, одна из них была уроженкой польского города Гдыни. Я спросил, почему в городе не видно людей.

— Богачи бежали,— ответили женщины,— а рабочий люд есть, только попрятался.

— От кого же попрятался? — удивился я.— Ведь боев за ваш город не было. Кого ваши люди боятся?

— Знаете,— признались женщины,— фашистское радио днем и ночью кричало, что русские поголовно всех забирают и угоняют в Сибирь. Не отставали от немцев и наши польские коллаборационисты. Когда части Красной Армии приблизились, немцы стали ловить людей и уводить с собой. Вот народ и попрятался.

На следующий день городок постепенно ожил. Безупречное поведение наших бойцов воочию убеждало в лживости фашистской пропаганды. К пограничникам батальона пришла целая делегация. Несколько пожилых мужчин наперебой рассказывали о том, что в их городе и в соседнем Поронине жил Владимир Ильич Ленин. Все они охотно брались показать нам исторические места, проводить к ленинскому домику. Мы были тронуты тем, что поляки с такой любовью и уважением говорили о Ленине.

Конечно, очень хотелось пройти по тем местам, где когда-то был всем нам дорогой Владимир Ильич. Но войска фронта непрерывно наступали. Связанные с ними неразрывно, мы повернули на юго-запад. Вновь преодолели горный хребет и вступили на чехословацкую землю.

Вот тут мы впервые столкнулись с отрядом немецких «фольксштурмистов». Примерно с осени 1944 года фашистское руководство Германии стало принимать чрезвычайные меры, чтобы любой ценой увеличить численность немецко-фашистских вооруженных сил и расширить военное производство. 25 сентября 1944 года было опубликовано распоряжение о создании так называемого «фольксштурма». Указ требовал от «всех немецких мужчин, способных носить оружие, включиться в борьбу». В «фольксштурм» мобилизовывалось все мужское население страны в возрасте от 16 до 60 лет. Эти необученные и плохо вооруженные части направлялись на фронт. С февраля 1945 года в дополнение к «фольксштурму» стали создаваться так называемые «батальоны Гнейзенау» и части «Валькирия», предназначенные для «обороны» населенных пунктов.

С одним из таких «фольксштурмистских» формирований мы и столкнулись, когда снова оказались в Чехословакии, в районах, где проживали судетские немцы. Конечно, серьезного сопротивления «фольксштурмисты» не оказали нам, хотя пытались стрелять с чердаков домов и из подвалов. Пограничники

быстро выловили всех, обезоружили, собрали на городской площади. В основном это были мальчишки, которые с любопытством смотрели на нас, ожидая решения своей судьбы. Но были и такие, кто оказался раздосадованным неудачей. Эти посматривали зло, как молодые волчата,— укусил бы, да зубы слабоваты.

Проведя соответствующую беседу с молодыми немцами и предупредив их, что в случае повторения подобного они будут нести ответственность по законам военного времени, мы распустили их по домам. А руководителей отвели в пустовавший дом и допросили. Впервые тогда столкнувшись с «фольксштурмом», мы хотели узнать, что же это за формирование. Не бандиты ли, пришедшие откуда-нибудь? Командир батальона, немец лет тридцати, бывший эсэсовец, получивший ранение на Восточном фронте, заявил, что «фольксштурм» не банда, а «народное ополчение». Несмотря на то, что войско его оказалось небоеспособным, он говорил о том, что «народное ополчение» еще сыграет свою роль в войне. Думаю, он и сам плохо верил в это и говорил не столько для нас, сколько для тех, кто оказались под его началом, а теперь были нашими пленниками, дабы они не усомнились в его верности рейху.

Мы отправили командиров «фольксштурма» в лагерь военнопленных, а сами занялись другими делами. Вскоре перед нами сидел чешский гражданин, о котором рассказывали, что он то ли служил в гестапо, то ли был взят за что-то, а потом выпущен фашистами. Ему было лет сорок, он хорошо говорил по-русски, поэтому не понять или неправильно истолковать его мы не могли.

— В Советском Союзе готовится крупное убийство,— сказал он.

Сначала мы подумали, что он немножко не в себе. Но речь его была связной, мысли логичны. Он довольно подробно изложил план подготовки покушения на одного из представителей Ставки Верховного Главнокомандования.

О сообщении чешского гражданина мы немедленно доложили в штаб полка. Оттуда приехал капитан Игнатов. Поначалу он к нашему сообщению отнесся с недоверием, но, поговорив с задержанным, запротоколировал его показания и быстро уехал обратно. Кого потом проинформировал капитан Игнатов, мне неизвестно. Но после войны я прочитал, как советские контрразведчики предотвратили террористическую операцию фашистского органа «Цеппелин» по уничтожению руководителей Ставки Верховного Главнокомандования. Все детали операции, о которой мы сообщили по команде с рассказа чешского гражданина, совпадали.

Из города Спишска-Нова-Вес батальону приказали выйти в район села Смаковцы и до подхода наших войск обеспечить сохранность находившихся там чехословацких курортов, разбросанных по лесным склонам гор. Одновременно от заместителя начальника контрразведки фронта полковника Вирона мы получили данные о том, что немецкое командование через горные хребты Татр готовит на этом направлении заброску в наш тыл диверсионной группы в количестве 20—30 человек. Эта группа, по имевшимся сведениям, должна была воспользоваться пустовавшими зданиями курорта на одной из самых высоких гор.

В Смаковцы была послана седьмая застава лейтенанта Морковкина. Вместе с Морковкиным пошли также начальник штаба батальона капитан Василий Анисимов и парторг батальона Владимир Белов. Бойцы сноровисто преодолевали заснеженные кручи, отчаянно штурмовали двухкилометровую высоту, хотя ни у кого из них не было альпинистской практики. Пограничники изрядно выбились из сил, но вышли к курорту заблаговременно. Наутро они перехватили диверсантов и в завязавшемся бою полностью уничтожили их, сами не потеряв ни одного человека.

А несколькими днями позже мы передали здания курорта представителям штаба генерала Людвика Свободы. Этот эпизод запечатлели на пленку фронтовые кинооператоры.

Перемещаясь по чехословацкой земле за наступавшими войсками, мы ликвидировали вражескую агентуру, тем самым ослабляя деятельность антикоммунистического, контрреволюционного подполья, которое пытались создать в стране фашисты. По одному, по два, а то и группами вылавливали гитлеровских агентов, затаившихся в тылу советских войск. «Пограничники 7-й заставы задержали неизвестного в форме офицера Красной Армии, вооруженного двумя пистолетами чехословацкого образца,— говорится в одном из архивных документов.— На предварительном расследовании задержанный показал, что он учился в школе гитлеровской военной разведки «Абвер». В связи с успешным продвижением Красной Армии руководство школы из числа курсантов-разведчиков срочно создало диверсионные группы и стало забрасывать их в советский тыл или оставлять в селах и городах при отходе гитлеровских войск. Такие группы оставлены в районе Радова и Ново-Место».

Для поиска и задержания диверсантов в Ново-Месте мы выслали поисковую группу во главе с лейтенантом Чайкой, начальником заставы старшим лейтенантом Дударенко и его

помощником лейтенантом Вороненко. С помощью местных жителей лейтенант Чайка установил, где скрываются диверсанты Кравчек и Фридерих, и задержал их. Они рассказали, что учились в диверсионной школе, расположенной в туристическом доме «Тухубайде» в 10 километрах восточнее Зайтенберга, а потом были заброшены в тыл Красной Армии. Остальных членов этой группы выловили близ сел Яблуново и Древохостице.

Не могу не рассказать еще об одном задержании вражеского агента пограничниками нашего полка. Об этом я уже после войны узнал от капитана Игнатова. Дело было в Попраде. Наши войска только освободили город. Вслед за ними вошли и пограничники. Не успели, как говорится, прийти, как получили заявление от местной жительницы, что она встретила на улице женщину, которая работала в гестапо в Прешове.

— Как давно вы ее видели? — спросил Игнатов.

— Зараз, зараз,— ответила словачка.

Капитан Игнатов попросил как можно подробнее описать внешность и приметы сотрудницы гестапо. Пограничники быстро перекрыли все выходы из города. Начался поиск. На одной из окраин города старшим контрольного пункта был сержант Переводчиков. К нему подошла женщина и, улыбаясь, попросила:

— Мальчики, помогите мне сесть на попутную машину.

— А вам куда? — спросил сержант.

— В село Габи,— женщина держалась свободно, игриво улыбалась, но во взгляде, брошенном на безлюдное шоссе, сержант уловил беспокойство. Переводчикову показалось, что незнакомка похожа на ту, о которой ему сообщили на КПП. Он внимательно посмотрел на женщину.

— Что поглядываешь? Или нравлюсь? — незнакомка стала откровенно заигрывать.

— Пойдемте со мной,— сухо ответил сержант.

— Куда это еще? — встрепенулась женщина, сразу изменив тон.

— В нашу часть.

— Ты что, сдурел? Мне ехать надо, я и так опаздываю!

Переводчиков взял автомат на изготовку, приказал:

— Идите прямо.

В штабе отряда она предъявила справку на имя Гузеевой Зои Сергеевны, которая с 24 января по 5 февраля 1945 года находилась в партизанском отряде подполковника Величко.

— Это все? — спросил женщину капитан Игнатов.

— А что еще может быть у партизанки?

Действительно, что может иметь партизан или партизанка, отряд которых только что соединился с частями Красной Армии? Но Игнатов решил не торопиться. Была сделана очная ставка с женщиной, которая описала сотрудницу гестапо. Словачка подтвердила свое заявление. Выдававшая себя за Гузееву пыталась даже наступать:

— Эта женщина меня с кем-то путает. Я никогда не встречалась с ней. Это провокация!

Нашлись еще люди, подтвердившие заявление местной жительницы, и задержанной пришлось назвать себя. Оказалось, что еще с апреля 1943 года она была причастна к разведотделу одной из немецких армий. Вначале служила переводчицей в тюрьме СД в Дрогобыче и Львове, а затем оказалась в Катовице и в Прешове, где с декабря 1944 года выполняла задание начальника СД по установлению дислокации партизанского отряда Ахматдулина. Она обошла много горных сел, но партизанского отряда не обнаружила. Зато нашла другой партизанский отряд, о чем и сообщила в СД.

— Что стало с этим партизанским отрядом? — спросил Игнатов.

— Это в мои функции не входило. Вероятно, в этот район были направлены войска СС.

— Что еще вы делали по заданию СД?

— По заданию начальника отдела я несколько раз посещала лагеря советских военнопленных, где агитировала пленных идти служить в так называемую «Русскую освободительную армию» Власова и в войска СС.

— Где в последний раз виделись с начальником отдела?

— В городе Жилине.

— Чем занимался отдел и лично вы в этом городе?

— Что делали сотрудники отдела и какова их дальнейшая судьба, мне неизвестно, так как я находилась в Жилине всего два дня. Меня вызвал начальник отдела, велел быстро собраться. Мы сели в машину и выехали из города. Он дал мне задание под видом советской парашютистки пробраться в отряд подполковника Величко и выяснить некоторые данные. Так как штаб партизанского отряда, где находилась Гузеева, по словам моего начальника, полностью уничтожен, мне не следовало опасаться свидетелей.

Гестаповка лишь частично выполнила задание, ей удалось разыскать партизанский отряд и даже получить справку о том, что она пробыла в нем десять дней, но все остальные замыслы остались неосуществленными. Пограничники с помощью словацких патриотов обезвредили вражеского агента.

Войска 4-го Украинского фронта, в составе которого сражались и воины 1-го Чехословацкого армейского корпуса, продолжали наступление. Успешно действовали и вошедшие в Чехословакию 1-й и 2-й Украинские фронты. К середине апреля после серьезных боев были освобождены важные промышленные центры страны — Острава и Брно. Своим наступлением 4-й и 2-й Украинские фронты сковали главные силы почти миллионной группировки немецких армий «Центр» и не позволили гитлеровскому командованию перебрасывать отсюда подкрепления в Германию, к Берлину. Это значительно облегчило борьбу наших войск против берлинской группировки врага.

Отходя все дальше на запад, противник продолжал подрывать мосты, виадуки, даже взрывал полотно шоссе. Нередко приходилось идти по бездорожью. Помню, однажды мы целый день продвигались по берегу горной реки, несколько раз переходя по мелководью то на один, то на другой берег. Стемнело, когда мы в последний раз перешли речку и оказались на небольшой равнине. Впереди виднелось несколько домишек. Решили сделать привал.

У крайнего строения остановилась головная застава. Кто-то из командиров постучал в дверь. Она чуточку приоткрылась. И нас спросили на непонятном языке. Пограничник-молдаванин перевел мне:

— Товарищ капитан, здесь цыгане.

Включили электрофонарь, вошли в дом. Желто-черные прокопченные стены от курной топки печи были сплошь покрыты капельками воды. На полу, застланном толстым слоем мятой соломы, плотно прижавшись друг к другу, лежали старики, женщины, дети, юноши, мужчины. С большим трудом нашли место, где бы можно было стать. Спросили, как называется эта деревня. Поднявшийся с пола широкоплечий, с густой бородой цыган ответил:

— Это не деревня.

— А что же?

— Зимний цыганский табор, таких кибиток здесь всего десять.

Его сообщение меня озадачило. Продолжать марш в кромешной темноте по бездорожью, не зная местности, когда вздулись от вешних вод горные реки... Да если и выберемся на хорошую дорогу, все равно остается опасность: ее могли минировать. По-видимому, цыган догадался, о чем я думаю. Он что-то громко сказал, на полу все пришло в движение, как в большом муравейнике. Бородатый цыган-великан шумно раскрыл дверь, и все куда-то ушли. Через несколько минут цыган вер-

нулся, подвел нас ко второй кибитке, потом к третьей, рукой показал: занимайте.

— А как же вы?

— Мы потеснились и разместились по остальным стоянкам.

— Ну спасибо вам.

Мы заняли «хаты», вокруг расположили обоз. Не очень уютны были наши «хоромы», но это все же не хлюпающая холодная вода под ногами. Бойцы и командиры немного отдохнули.

С рассветом мы покинули цыганский табор, приютивший нас. Несмотря на ранний час, цыгане все были на улице. Они весело о чем-то говорили, смеялись, пели. Когда мы миновали последнюю кибитку, они еще долго махали нам вслед руками.

Расставаясь с этой веселой, пестро одетой толпой, с босоногими малышами, я невольно вспомнил пушкинские строки: «Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочуют». Оказывается, они кочуют и здесь, в Чехословакии. Просохнет земля, и они оставят свое зимнее пристанище.

Нам не повезло. Протекавшая здесь река так разлилась, что вода поднялась выше моста сантиметров на тридцать. Пришлось идти через бурлящий поток. Мы почти благополучно преодолели его, да застряла одна из наших трофейных машин. Решили не купаться из-за нее в холодной воде — бросить. И тут словно из-под земли к нам на помощь прибыли на лошадях те же цыгане. Они привезли бревна, канаты и помогли вытащить из воды автомашину. Видно, и этим вечно кочующим людям была небезразлична судьба их родины. И они помогли нам ускорить день и час изгнания фашистских завоевателей из Чехословакии.

2 мая 1945 года пала столица фашистского рейха Берлин. Незадолго до этого командование войск по охране тыла 1-го Белорусского фронта обратилось к бойцам и командирам пограничных войск. В обращении говорилось:

«Настал великий час! Победоносные войска 1-го Белорусского фронта пошли на штурм Берлина. Врагу наносится последний смертельный удар. Исторические дни переживаем мы. Не о них ли мечтал каждый из нас в степях Сталинграда, на Курских полях, в лесах Белоруссии? Не их ли приближали мы честным солдатским трудом, бессонной чекистской службой? И вот эти дни пришли. Теперь мы окончательно рассчитаемся с врагом, сторицей отплатим ему за кровь и слезы советских людей, за руины и пепелища наших городов и сел. Враг старается любыми средствами, любыми способами оттянуть час своей гибели. Он еще больше, чем прежде, засылает к нам своих лазутчиков, он стреляет из-за угла, маскируется и хитрит.

Но ничто не поможет теперь немцам. Они будут разбиты до конца!

Боевые друзья! От нашего труда во многом зависит успех наступающих частей Красной Армии. Как бы ни маскировались вражеские лазутчики, мы обязаны их найти. Как бы ни были хитры и коварны диверсанты, мы должны их поймать. Ни один фашист не должен избежать суровой расплаты. Пусть зорким будет наш глаз, пусть не знает устали рука, пусть в сердце кипит неистребимая ненависть к врагу. Победа добывается в упорном труде и в суровых боях. Высокая организованность, дисциплина и порядок на службе, в походе, в быту решают успех дела. Наши полки славно поработали в дни зимнего наступления Красной Армии. Сейчас, накануне победы, все наши силы — на разгром врага!

Товарищи! На долю нашего фронта выпала великая честь — водрузить над Берлином знамя Победы. К нам обращены сейчас взоры Родины, весь свободолюбивый мир смотрит на нас. Будем достойны высокой чести!..

Вперед на Берлин!

Смерть немецким захватчикам!»

Вместе с частями Красной Армии пограничники штурмовали Берлин, брали рейхстаг и имперскую канцелярию, отличились во многих уличных боях и при выполнении специальных заданий. Берлин был взят. Гарнизон Берлина и берлинская группировка гитлеровских войск прекратили свое существование.

Об этой победе наших армий мы узнали на подступах к чехословацкому городу Оломоуцу. Батальон совершал марш. Вечером в небольшом селе сделали привал. Ко мне подбежал шифровальщик сержант Румянцев и подал телеграмму. На лице его была такая улыбка, что я невольно спросил:

— Чему вы так радуетесь, товарищ сержант?

— Как же не радоваться, товарищ комбат? Наши Берлин взяли! Теперь фашистам крышка.

— Откуда вам известно, что взяли Берлин?

— А вы, товарищ капитан, прочитайте телеграмму.

Я быстро пробежал строки телеграммы, в которой командование полка сообщало, что войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов разгромили берлинскую группировку врага и овладели столицей Германии Берлином.

Я приказал построить батальон и зачитал телеграмму. По горной долине прокатилось могучее «ура!». Люди обнимали друг друга. Сколько радостных мыслей родило это короткое сообщение у каждого из нас! Вот он, близкий час нашей окон-

чательной победы над фашизмом! Как ждали мы этого часа, сколько пережили, чтобы он наступил, сколько перенес наш народ в долгой кровопролитной войне, чтобы наконец услышать о близком ее конце! Вот завершение нашего возмездия за тысячи разрушенных городов и сел, за слезы и горе наших матерей, жен, детей.

Мы ликовали.

Оставалось всего несколько дней до безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. В один из майских дней мы расположились в селе Будислав близ Литомышля. Только остановились, как прибежали два чеха и сообщили, что неподалеку движется автоколонна с немцами. Батальон поднялся по тревоге. Вскарабкались на гору, а потом спустились на совершенно ровное место у железнодорожной станции. Здесь проходила дорога. Вот на ней-то и показалось с десяток транспортных машин.

Развернули батальон, дали в воздух несколько залпов из противотанковых ружей, а также открыли автоматную стрельбу. Колонна остановилась. Мы прекратили огонь, выслали к немцам парламентера — одного из наших добровольных помощников. Немецкому офицеру было объявлено, что они окружены. Советский офицер предлагает сложить оружие, людей построить у автомашин, оружие оставить в кузовах. Эти условия были приняты. Так мы обезоружили мотострелковый батальон 1-й танковой армии. Правда, это были эрзац-солдаты, призванные, видимо, по последней тотальной мобилизации. Но техника оказалась новой. Машины марок «хорьх» и «оппель-блиц» прошли всего по 500 километров.

Стало известно о восстании в Праге. Туда на помощь восставшим пражанам рванулись наши танковые армии. Они шли не только с востока, но и с севера — из Германии от Дрездена. Спеша на выручку, они преодолевали все на своем пути. К исходу 8 мая наши танкисты были всего в нескольких часах пути от Праги. А чуть восточнее чехословацкой столицы, в районе городов Пардубице, Градец-Кралов, Млада-Болеслав, попали в кольцо основные силы группы армий «Центр» — последняя надежда нового правительства Германии, которое возглавил после самоубийства Гитлера гросс-адмирал Дениц.

Во второй половине 8 мая наш батальон сосредоточился в местечке Скутеч, юго-восточнее Пардубице. Свой командный пункт — автомашину с радиостанцией — я расположил в саду. Разговорились с хозяином дома. Он оказался работником местного почтового отделения. У него была жена и дочь. С первых минут у нас установились самые теплые отношения. Хозяин

предложил нам занять второй этаж его особняка. Но день был теплым, в саду цвели яблони, уходить отсюда не хотелось.

Вечером вместе с чешской семьей мы ужинали прямо на улице, под одной из раскидистых яблонь. Наши новые знакомые рассказывали, как чехословацкий народ сопротивлялся оккупантам, как рады они, что Красная Армия их освободила. Потом они стали расспрашивать нас. Особенно разговорчивой оказалась дочь, которая интересовалась, как живут и учатся в Советском Союзе студенты.

— А сколько денег необходимо вносить за обучение в университете? — спрашивала она.— А могут ли быть приняты в институт дети рабочих и крестьян?

Нам нетрудно было ответить на эти и другие вопросы и вместе с тем убедиться, как мало знала девушка о нашей стране. Первый урок «политграмоты» состоялся. Он был не последним. Повсюду, где было можно, мы рассказывали чехословацким гражданам о Советском Союзе, нашей Родине.

Мы еще не знали, что в пригороде Берлина — Карлсхорсте, в здании военно-инженерного училища, уже заняли посты пограничники, охраняя место, где должно было свершиться историческое событие — подписание акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. С капитаном Анисимовым мы обходили ночью расположение подразделений, проверяли часовых охранения. Пограничники несли службу четко. Часам к двум вернулись на КП. Командир взвода связи лейтенант Буринов встретил нас новостью:

— Товарищ капитан, война кончилась!

— Кто вам об этом сказал?

— Сам слышал. Только что американцы передали по радио, что в Берлине состоялась капитуляция фашистских войск.

— А это точно? — усомнился я.

— Думаю, точно, товарищ капитан. По радио немецкое командование передает приказ о прекращении огня.

В это время западнее Пардубице послышалась мощная артиллерийская канонада.

— Что-то тут не так,— заметил я.— Вот что, лейтенант Буринов, вы об этом пока никому не сообщайте.

Но все же это оказалось так. Утром всюду началась стрельба. Вскоре этот произвольно начавшийся салют в честь нашей победы стих. Лейтенант Буринов вручил мне телеграмму командира полка:

«8 мая 1945 года представители поверженной гитлеровской Германии в Берлине подписали акт о безоговорочной капитуляции. Поздравляем личный состав с победой».

Как и по случаю взятия Берлина, я приказал построить батальон и объявил текст полученной телеграммы.

Нашей радости не было границ.

Вскоре об этом величайшем акте объявило чехословацкое радио. Пришла весть и о том, что 9 мая советскими войсками освобождена Прага. Жители города с цветами шли к нам. Мы поздравляли друг друга с победой. Потом состоялся массовый митинг. Народ ликовал. Допоздна играла музыка, люди пели, обнимали и целовали друг друга, шли к нам, советским бойцам, чтобы выразить свою признательность.

В ознаменование полной победы над Германией в Москве был произведен салют из тысячи орудий. К советскому народу обратился Сталин:

«Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! — сказал он.— Наступил великий день победы над Германией... Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться»... Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться,— ход войны развеял их в прах...

Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития».

Да, война закончилась. Войска 1, 2 и 4-го Украинских фронтов, окружив вражескую группировку армий «Центр», принудили немецко-фашистские войска к капитуляции. Было взято в плен около 900 тысяч солдат и офицеров противника. Однако и после окончания боевых действий в лесах, в горах осталось много мелких групп из разгромленных немецких частей и соединений. Прятались там и всевозможные ставленники и пособники фашистов. Они были уверены, что им удастся отсидеться в лесах, а потом перебраться в западные районы Германии.

В те дни часто можно было слышать в городах и местечках Чехословакии такие объявления по радио: «Увага, увага! В селе таком-то появились и ушли в лес три или пять эсэсманцев!» Дальше шел призыв к гражданам, жандармерии организовать их поиск, сообщить об этом командирам советских войск.

Решением Военного совета фронта нас обязали очистить леса Чехословакии от недобитых гитлеровцев. Так день за днем после 9 мая подразделения полка продолжали малые бои, ликвидируя различные группы противника, не пожелавшие сдаться в плен. Помню, в конце мая к нам поступили данные, что

в лесу близ горного хребта в туристических домиках скрываются немцы. В горах всегда много неожиданностей. Поэтому я решил в селе вместе с тылами батальона оставить бойцов и командиров пожилого возраста и тех, кто ранее имел тяжелые ранения. Более выносливых разбил на три группы. По карте наметил для каждой маршрут, чтобы легче было окружить этот район. Хотя все мы прошли хорошую школу действий в горно-лесистой местности и за войну преодолели не один горный хребет в Карпатах, в Низких и Высоких Татрах, но это наше восхождение показалось мне самым трудным.

Люди тяжело дышали, шум и звон стоял в ушах, сдавливало сердце, каждый думал: скоро ли будет конец этому восхождению? Наконец лес поредел. Мы вышли на плоскогорье. Впереди показалась просека. Среди елей и пихт стали видны разбросанные тут и там небольшие щитовые домики. Они пустовали. Однако сохранились следы пребывания людей. Даже трава на поляне не успела еще подняться.

Передохнув, мы продолжали поиск. К вечеру близ просеки обнаружили в лесу шалаши. Лейтенант Дударенко обошел их с одной стороны, старший лейтенант Колесников — с другой. Капитан Анисимов с группой бойцов направился прямо к шалашам. Завидев бойцов, обитатели их поспешно покидали свои укрытия, намереваясь скрыться в лесу. Но повсюду наталкивались на наши плотные заслоны. Убедившись, что из кольца им не вырваться, они собрались на просеке и сдались.

Среди пестро одетой толпы — сто семьдесят гитлеровских вояк, из них десять офицеров. Вид их жалок. Они грязны и оборваны, лица обросли щетиной. Чуть в стороне от немцев — группа людей, одетых по-иному. Один особенно выделялся своим нарядом. На нем были сапоги, брюки с красными широкими лампасами, фуражка, темно-синий китель. Он оказался представителем так называемого «Союза донского и кубанского казачества».

Мы собрали весь этот сброд, построили и повели на один из пунктов приема военнопленных.

В начале июня войска нашего фронта получили приказ оставить территорию Чехословакии и выйти в район польских городов Глейвица и Катовице. Прямо с марша войска грузились в эшелоны и убывали в места назначения. Наш полк выходил из Чехословакии последним. При каждом батальоне были представители штаба фронта, в обязанность им вменялось возмещать местному населению материальный ущерб, который могли по неосторожности или в силу других причин нанести выходившие из страны войска. Ведь война только что окончилась. На доро-

гах зачастую было много взорванных мостов и других препятствий, которые приходилось обходить. Случалось, танк задевал за угол забора или подминал дерево, в другом месте, сойдя с разрушенной дороги, войска следовали по засеянному полю. Вот за все это представитель штаба фронта расплачивался с владельцами заборов, поломанных деревьев, помятых посевов. Только тогда, когда наш представитель убеждался, что все претензии удовлетворены, он уходил из этих мест.

В один из дней мы тоже оказались в Глейвице — городе, в котором, по сути, началась вторая мировая война. Готовясь напасть на Польшу, гитлеровцы подготовили провокацию, которая получила наименование «операции Гиммлер». Несмотря на весь свой авантюризм, фашисты стремились оправдать свои действия как перед лицом немецкого народа, так и перед мировой общественностью. Для этого и было организовано провокационное нападение на немецкую радиостанцию в Глейвице. Ее осуществили эсэсовцы и уголовники, переодетые в форму польских военнослужащих. Все участники нападения по приказу Гиммлера потом были расстреляны. Но зато был «предлог» для захвата Польши. 1 сентября 1939 года немецко-фашистские войска вторглись в Польшу. Началась вторая мировая война.

Мы оказались в Глейвице спустя шесть лет, когда война в Европе закончилась. Советский Союз принес на алтарь победы огромные жертвы. Только в земле Чехословакии навечно осталось 140 тысяч советских воинов. Почти полмиллиона наших воинов получили ранения при освобождении этой страны. Остался навсегда в Чехословакии и пограничник старшина Городнянский, и другие бойцы в зеленых фуражках.

Не так давно мне показали письмо пионеров из словацкого села Люпче. Его передали воинам советской группы войск, находящейся в Чехословакии. Вот что писали словацкие пионеры: «Незнакомый советский герой! Четвертый отряд пионерской организации группы Юрия Маера при основной девятилетней школе в Словацкой Люпче поздравляет вас по случаю вашего праздника — Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота. Мы благодарны всем советским солдатам — героям войны за то, что вы воевали бесстрашно, не жалея жизни, чтобы мы могли свободно учиться и счастливо жить. Вы нас защищали, чтобы мы строили нашу прекрасную родину. Пусть ваши тяжелые воспоминания о войне утешит благодарность словацких пионеров и ребят. Вы знаете, за что вы воевали. И мы знаем. И будем всегда помнить о тех жертвах, которые вы принесли во имя всех нас.

За все спасибо вам.

Ваши благодарные пионеры группы Юрия Маера основной девятилетней школы в Словацкой Люпче».

Не помню, пришлось нам быть в Словацкой Люпче или нет. Не видел я и пионеров, написавших это письмо. Но знаю: искренняя любовь граждан Чехословакии к Советской Армии, освободившей их родину от гитлеровских захватчиков, живет и будет вечно жить в их сердцах. Как живет эта любовь и признательность у народов всех освобожденных нашей армией стран, среди представителей которых были и советские пограничники.

У меня хранится грамота, полученная мной и бойцами батальона в Чехословакии: «Приказами Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина № 260 от 27 января 1945 года; № 355 от 30 апреля 1945 года; № 365 от 8 мая 1945 года, за овладение городами Вадовице, Спишска Нова Вес, Спишска Стара Вес, Левоча, Моравская Острава и Оломоуц на территории Польши и Чехословацкой Республики всему личному составу, в том числе и вам, принимавшему участие в освобождении поименованных городов, объявлена благодарность».

Там, откуда пришла война

После окончания войны в Европе войска 4-го Украинского фронта убывали на Дальний Восток. В конце июня в эшелоны погрузился и наш полк. Однако на этот раз мы последовали не за войсками фронта. Нас перебрасывали в Германию. Мимо дверей теплушек проносились разрушенные города, сожженные села, искореженная вражеская военная техника. Поначалу мы не знали точного места назначения, но потом стало известно, что полк перебрасывается в Берлин.

Город встретил нас грудами битого кирпича, изуродованными каркасами вокзала, обломками стен, сожженными автомашинами, разбитыми танками и орудиями, полным безлюдьем улиц. Так вот какая ты столица фашистского рейха! Пограничники с любопытством разглядывали лежавший в развалинах поверженный город.

Кто-то спросил:

— А Гитлера, интересно, поймали?

— Если пока не поймали — так все равно поймают.

Мы тогда еще не знали, что Гитлер отравился, а труп его облит бензином и сожжен.

Непродолжительной оказалась наша стоянка в Берлине. Нас отправили в Потсдам. Потсдаму повезло больше. Разрушены были лишь кварталы, прилегавшие к вокзалу. Отсюда мы прибыли на аэродром. Там уже собрались пограничники из разных полков, высвободившихся с охраны тыла фронтов. Военные дороги разбросали бойцов и командиров 94-го погранотряда, а тут мы встретились снова. Я отыскал бывших начальников застав капитанов Савелия Сиренко, Василия Фомичева, Михаила Трушевского, Василия Горбунова, Михаила Гаврикова, командиров взводов Ивана Комарова, Николая Иванищева и многих других.

Никто не знал, зачем мы прибыли в Потсдам. Да это как-то нас и не очень интересовало. Готовы выполнить любую задачу. Выстояли, когда гитлеровские танковые лавины рвали наши фронты. Теперь-то уж как-нибудь с любым другим делом справимся.

К вечеру в расположение батальона прибыла целая делегация генералов, офицеров и гражданских лиц. Вид у нас был далеко не парадный. В батальоне собрались люди разных возрастов, обмундирование наше поизносилось, у некоторых были повязки после ранений. Однако грудь большинства украшали ордена. Провожали пограничники комиссию бравым взглядом. Помню, старший представитель, пройдя вдоль строя, сказал:

— Вот что, комбат, строевиков, конечно, из ваших бойцов не получится, но за эти дни научите их отдавать честь с оружием и без оружия.

Вскоре на аэродром приземлились транспортные самолеты. Они доставили нам новенькое обмундирование и оружие. Мы узнали, что на нас возложена охрана предстоящей здесь конференции, на которую прибудут представители держав антигитлеровской коалиции. Для начала следовало подготовить помещения. С утра и до позднего вечера бойцы протирали окна и двери во дворце германского кронпринца, выносили мусор из здания, расставляли мебель, прибирали территорию парка Сан-Суси. Начальник штаба пограничных войск, на которые была возложена охрана конференции, полковник А. М. Волков совместно с командованием частей разрабатывали систему охраны Потсдама.

14 июля наш полк перебросили на Потсдамский вокзал. Весь день и всю ночь до утра мы охраняли подступы к станции. 15 июля утром сюда прибыла колонна легковых автомашин.

Люди в штатском и военные проверяли состояние подъездных путей, то, как мы несем службу.

Но вот машины ушли. Вокзал затих. Еще одну ночь мы охраняли железнодорожные пути, платформы, подходы и подъезды к ним. Наступило утро 16 июля. Привокзальную площадь заполнили вереницы автомашин. Прибывшие вышли на перрон. Вскоре передали: «Прекратить движение. Стоять на своих местах». Все замерли в ожидании. Плавно подкатил поезд. На ступеньках вагона появился И. В. Сталин. К нему подошел Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Сталин поздоровался с Жуковым и неторопливо направился туда, где стояли встречавшие его лица. Поднятием руки Сталин поприветствовал всех.

Много лет спустя я узнал, как в начале октября 1941 года, когда из Москвы эвакуировалось правительство, в Рогожско-Симоновский тупик был подан спецпоезд для Сталина. Утром 19 октября Сталин прибыл туда. Два часа его невысокая фигура виднелась на перроне. Словно раздумывая, он ходил и ходил около поезда. Затем сел в машину и уехал. Три месяца наготове стоял спецпоезд, но Сталин больше к нему ни разу не приезжал. И вот теперь он шел по перрону Потсдамского вокзала, по германской земле, на которую его доставил другой спецпоезд, возможно вышедший из того же Рогожско-Симоновского тупика.

Конференция начала работать во второй половине дня. С чувством огромной ответственности и гордости мы охраняли участников Потсдамской конференции, которая выносила окончательный приговор фашизму. Служба наша шла без происшествий, хотя напряжение и нагрузка на бойцов и командиров были очень большими.

2 августа конференция закрылась. На ней были приняты важные решения и соглашения. В сообщении об итогах работы конференции говорилось: «Союзники не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ. Союзники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе. Если собственные усилия германского народа будут беспрестанно направлены к достижению этой цели, то для него будет возможно с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира».

Да, мы пришли в Германию не как завоеватели. Мы всячески помогали трудящимся строить новую жизнь, содействовали укреплению демократических сил. Советские воины, в том числе и пограничники, помогали немецкому народу восстанавли-

вать разрушенные города и села, поднимать из руин заводы и шахты. Приводились в порядок и культурные учреждения. Начали работать театры и кинотеатры, открылись концертные залы и музеи. Организовано было медицинское обслуживание населения. Делалось все, чтобы у немецкого народа началась нормальная жизнь, чтобы никогда вновь не возродился фашизм.

Еще когда шли бои на территории Германии, Военные советы фронтов писали в своих обращениях к войскам: «Настоящий воин Красной Армии никогда не уподобится фашистским людоедам, никогда не уронит достоинства советского гражданина. Он не может забыть главного — священной и благородной цели войны, ради которой наш народ взялся за оружие,— разгромить немецко-фашистскую армию и покарать фашистских преступников. Мы не мстим немецкому народу, а хотим помочь ему сбросить с себя это кровожадное чудовище — фашизм».

Правильное поведение наших воинов, их безупречное отношение к немецким гражданам сделало невозможным со стороны фашистских недобитков разжигание ненависти к Красной Армии, нашим солдатам и офицерам. Наоборот, они завоевывали все большие симпатии у населения.

Разбирая как-то старые газеты, я нашел в одной из них признание военнослужащего Национальной народной армии ГДР Мальте Зиберта. Вспоминая о годах войны, он писал, с каким страхом их семья ждала прихода Красной Армии. И вот появились советские солдаты. Маленький братишка Зиберта случайно подорвался на немецкой мине. И когда потребовалась мальчишке кровь, ее дал советский солдат Сергей.

«Неужели это те самые русские, о которых радио рассказывало ужасные вещи? Ответ на этот вопрос пришел сам собой. В нашем доме поселились несколько советских солдат. Они сразу же обратились к нам с просьбой позволить им варить обед в нашей кухне. Но где же это видано, чтобы победитель просил разрешения у побежденного? И лишь потом, когда они пригласили нас к столу, рассеялись последние страхи».

Этот эпизод напомнил мне и наше пребывание в небольшом немецком городке Кверфурте, где дислоцировался штаб батальона. Мы занимали какое-то административное здание, стоявшее на самой окраине города. К нему примыкало несколько двухэтажных особняков. Попросили владельцев разрешить жить у них. Они отвели для наших офицеров вторые этажи. Каждый из нас платил за занимаемые комнаты, а также за свет, газ, воду, амортизацию мебели по местным тарифам.

Отношение к офицерам батальона всюду, как правило, было доброжелательное. Я тоже сдружился с немецкой семьей, у которой жил. И расстались мы, когда настал срок, очень тепло.

Но борьба с теми, кто всячески препятствовал нормализации обстановки в Германии, продолжалась. И одной из организаций, с которыми нам пришлось столкнуться, были бандитские группы «Вервольф».

Что представляли собою банды «Вервольфа», действовавшие в конце войны и после нее на территории Германии? Почти одновременно с «фольксштурмом» родился и «Вервольф» («Оборотень»). По мнению гитлеровского руководства, эта подпольная организация должна была сделать то, что не удалось выполнить с помощью танковых дивизий. Банды «Вервольфа» готовились для продолжения борьбы после войны. Они должны были стать базой «движения сопротивления» в Германии. План организации подобного «сопротивления» предусматривал создание подпольных складов оружия и радиосвязи, боевых и террористических групп, подготовку диверсионных и шпионских кадров. «Вервольф» выступал прежде всего против Красной Армии и органов социалистической власти. Лозунгом этой организации было: «Убивай их, убивай их, убивай их всех». В составе «Вервольфа» было немало наиболее жестоких нацистов, в их числе до перехода на запад и командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Шёрнер, пользовавшийся у Гитлера особым доверием за нечеловеческую жестокость.

Пограничники начали борьбу с бандами «Вервольфа» еще когда шла война. Теперь эта борьба продолжалась. Когда-то земли вокруг Кверфурта принадлежали графу Вернеру фон Шуленбургу, германскому послу в Москве накануне войны. Близ Кверфурта находился родовой замок Шуленбургов. Однажды нам сообщили, что граф появился в замке. Повидать его было необходимо, так как он разыскивался в числе военных преступников. С капитаном Васильченко мы срочно выехали в замок; к этому времени здесь уже размещалась сельскохозяйственная школа, готовившая специалистов для кооперативных хозяйств. Нам сказали: «Да, граф был, искал свою няню, но, так как в замке ее не оказалось, выехал туда, где раньше проживали ее родители». Не теряя времени, мы поехали в указанное село. Нашли нужный дом. Дверь открыла невысокая женщина лет шестидесяти. Кроме нее в комнате находились молодая женщина и мужчина не старше тридцати. Хотя было уже за полночь, спать они, по всему видно, не собирались. Молодой возраст мужчины нас несколько обескуражил: не мог же бывший посол Шуленбург так помолодеть. Все же я спросил:

— Вы граф Шуленбург?

— О нет,— сказал мужчина.— Я не есть граф. Это мой отец граф. Я пианист Шуленбург, а это моя жена — певица. Мы приехали на родину и будем выступать с концертами. Но мне очень хотелось увидеть свою няню.

Мы узнали, что, когда фашисты стали истреблять евреев в Германии, молодой Шуленбург эмигрировал вместе с любимой девушкой-еврейкой и этим спас ее. А теперь вот снова вернулся на родину, где ни ему, ни ей ничто не угрожало. От сына бывшего посла мы узнали о причастности Вернера Шуленбурга, как и его брата Фрица Шуленбурга, к заговору 20 июля 1944 года. Вернер Шуленбург примкнул к заговорщикам сразу после разгрома гитлеровских войск под Сталинградом и должен был занять пост министра иностранных дел в новом правительстве. Где сейчас находился отец, молодой Шуленбург не знал. Мы тепло расстались с супругами Шуленбургами, пожелали им успехов в концертной деятельности.

Однако знакомство с родовым замком Шуленбургов не оказалось бесполезным. Поездка туда вывела нас на след одной из организаций «Вервольфа». Неподалеку от замка находилось пустовавшее здание бывшей школы гитлеровских гражданских летчиков. Иногда там собирались подростки пятнадцати — семнадцати лет, к ним частенько наведывалась женщина, выдававшая себя за учительницу. Установили, что в прошлом эта «фрау» руководила организацией гитлерюгенда. Бывал с ней и мужчина. У группы юнцов есть подпольный склад оружия. Это оружие и боеприпасы, едва поместившиеся на двух машинах, мы изъяли. Задержали и мужчину, оказавшегося бывшим гитлеровским полковником, а позднее — агентом так называемой «организации Гелена». Арестовали и «фрау». И ее изобличили в подрывной деятельности. Бургомистр округа пригласил родителей подростков и рассказал, чем занимаются их дети. Демократические организации попросили советское командование передать несовершеннолетних ребят в их руки.

Однажды в штабе у нас вышла из строя пишущая машинка. Стали выяснять через местных антифашистов, где можно отремонтировать ее или купить новую. Вскоре нам сообщили, что в начале 1945 года на завод шампанских вин, находившийся в городе Фрайберге, завезли несколько автомашин с ящиками канцелярских принадлежностей и пишущими машинками.

В один из дней мы решили посетить завод. У проходной нас встретил высокий сухощавый немец и назвался Иваном Ивановичем. Вскоре появился директор. Мы объяснили, что́ нам нужно, чему он очень удивился.

— У нас в заводоуправлении есть три машинки. Но больше нет.

Директор сожалел, что ничем не может нам помочь, и пригласил осмотреть завод, попросив Ивана Ивановича быть нашим гидом. Все это время Иван Иванович говорил с нами на безукоризненном русском языке. Мы спросили, где он изучал его.

— Я антифашист, читал русскую литературу. Всю войну вместе с советскими товарищами находился в фашистских лагерях. Я их учил немецкому, они меня — русскому. Красная Армия нас освободила, и я вернулся в свои родные края.

Осмотрев завод, мы простились с Иваном Ивановичем и выехали в Кверфурт.

— А вам не кажется, Илья Дмитриевич, что Иван Иванович не тот, за кого себя выдает? — спросил я Васильченко, с которым вместе ездили на завод.

— Да, мне тоже показалось это. Больно уж он вымуштрован, и взгляд профессионального разведчика.

— Ну, то, что вымуштрован, объяснимо: столько времени провел в фашистских застенках, невольно этому научишься. А вот взгляд его и в самом деле не очень добрый, настороженный, словно не антифашист, а фашист он. Попробуйте узнать, что это за птица.

Васильченко установил, что Иван Иванович никогда до этого не проживал в этих краях, которые назвал родными, и не уроженец здешних мест. Родился он в одном из северных районов страны. Правда, как говорили, был осужден как антифашист и за пять месяцев до разгрома гитлеровских войск переведен из тюрьмы в лагерь. Вместе с другими узниками фашистских концентрационных лагерей его освободила Красная Армия. Васильченко побывал там, где Иван Иванович жил в предвоенные годы, и узнал, что тот, кто именовал себя простым русским именем Иван, до 1941 года работал в Советском Союзе сотрудником германского посольства. Вскоре удалось установить и причину пребывания Ивана Ивановича в Фрайберге. В меловых штольнях под заводом шампанских вин мы обнаружили цех для изготовления легкого стрелкового оружия, склад продовольствия и другое имущество. Все это и было завезено на завод шампанских вин под видом пишущих машинок и канцпринадлежностей и предназначалось для подпольных фашистских организаций. На этом кончилась история с поиском пишущей машинки. Ее мы достали в другом месте.

Приходилось нам в ту пору сталкиваться не только с «Вервольфом», но и с отдельными агентами, связанными с разведы-

вательной службой Западной Германии, которую возглавлял Рейнгард Гелен, бывший во время войны в главном командовании сухопутных сил начальником отдела «Иностранные армии Востока». Теперь приходилось вылавливать шпионов Гелена, которых он засылал по новым адресам. Будущий руководитель разведывательной службы ФРГ накопил значительный опыт, находясь на посту начальника отдела «Иностранные армии Востока». Поэтому считался крупным специалистом по «тотальному шпионажу». Но все то, что он с таким трудом налаживал, сметалось Красной Армией, ликвидировалось пограничниками.

В одном из архивных дел хранится документ — отчет о результатах служебно-оперативной деятельности 2-го батальона 92-го пограничного полка за 1944 год. Вот строки отчета: «В Великой Отечественной войне советского народа против немецких захватчиков 2 батальон, выполняя задачи по охране тыла действующей Красной Армии, за 11,5 месяца текущего года преодолел путь от берегов Днепра до Чехословакии, совершив переход более 2000 *км*. Были пройдены: Киевская, Винницкая, Житомирская, Каменец-Подольская, Тернопольская, Черновицкая, Станиславская и Дрогобычская области, преодолены Карпатские горы по Верецкому перевалу, пройдена Закарпатская Русь и часть территории Чехословакии...

Непрерывно ведя войсковую разведку, постоянно изучая условия местности и все время меняющуюся обстановку, личный состав батальона: рядовые, сержанты и офицеры умело организовывали свою служебную и боевую деятельность, честно и самоотверженно выполняли любую поставленную задачу. В итоге служебно-оперативной деятельности подразделения батальона за 11,5 месяца имеют следующие результаты...»

Далее идут цифры. Как свидетельствует документ, мы задержали и разоблачили 825 агентов противника, ставленников и пособников врага, полицейских, карателей, жандармов, бандитов ОУН — УПА, с которыми Гелен держал самую тесную связь, вдохновлял и делал ставку на них.

Особенно серьезный удар был нанесен по бандам ОУН и УПА, в создание которых Гелен тоже вложил немало сил. Не потеряв ни одного человека, батальон уничтожил и выловил 427 бандитов.

Переживший войну генерал-лейтенант Гелен с новым азартом налаживал работу своей шпионской конторы. Он хотел взять реванш за поражение. Но это была бесперспективная затея. Пограничники бдительно охраняли границу в центре Европы.

Приближались первые после войны выборы в Верховный Совет СССР. Нас пригласили в политотдел 47-й армии. В помещении, где собирались председатели участковых избирательных комиссий, сидел полковник, лицо которого мне показалось знакомым. Вошел еще один полковник, поздоровался и назвал сидящего по фамилии — Толчинский.

Так это же бывший старший политрук Толчинский, что перед самой войной приехал к нам на десятую заставу и потом отходил вместе с нами от границы. Вот так нежданная встреча!

— Разрешите обратиться, товарищ полковник?

— Пожалуйста.

— Вы меня не узнаете?

Толчинский посмотрел на меня внимательно, а потом воскликнул:

— Паджев!

Мы обнялись.

Толчинский рассказал, что является заместителем командира по политической части той дивизии, которая вместе с подразделениями батальона охраняет зону и границу. Вот почему службу в подразделениях и частях дивизии несли по-пограничному.

В комнату вошел член Военного совета — начальник политотдела 47-й армии генерал-майор Котов. Совещание началось. После совещания мы простились с Толчинским. И как-то так получилось, что встретиться больше не удалось. Только спустя годы я получил от него очень теплое письмо, в котором он рассказал о своем фронтовом пути. После выхода бойцов и командиров 94-го погранотряда из окружения Толчинского назначили в мотострелковую дивизию войск НКВД заместителем военкома одного из полков. Он сражался под Сталинградом, на Курской дуге, форсировал Днепр, участвовал в освобождении Киева, Риги, Варшавы, дошел до Эльбы. После войны работал в Московском военном округе. Сейчас живет в Брянске.

Во второй половине ноября 1945 года мы узнали, что в старинном городе Германии Нюрнберге начал заседать Международный военный трибунал, на котором рассматривались дела главных военных преступников. На скамьях подсудимых сидели Геринг, Риббентроп, Гесс, Кальтенбруннер и другие руководители фашистской Германии, которые вместе с Гитлером ввергли мир в пучину самой кровопролитной войны в истории человечества. Результаты суда и его материалы широко известны. Я вспоминаю об этом лишь потому, что одним из свиде-

телей обвинения на этом процессе был и пограничник 94-го отряда Стенькин — связной майора Врублевского в бою под Попельней. Обвиняя главарей фашистской Германии в совершенных злодеяниях, пограничник Стенькин обвинял их и от имени всех пограничников отряда.

Прошло несколько лет. Настала пора уезжать на Родину. В связи с этим газета «Нойес Дойчланд» писала: «Очередное советское подразделение отбыло в понедельник с Нойештадтского дрезденского вокзала на родину. Население сердечно провожало этот известный 92-й полк, за героизм и подвиги награжденный орденом Красного Знамени».

Встреча с прошлым

Утром 12 сентября 1971 года из вагона поезда Москва — Киев сошли три человека. Это были бывшие пограничники 94-го погранотряда — подполковник запаса К. М. Кузенков, старший лейтенант запаса В. В. Раевский и автор этой книги. Мы, трое москвичей, разыскавшие друг друга после войны, приехали в Киев, чтобы встретиться с другими однополчанами, побывать на местах сентябрьских боев 1941 года, которые вели пограничники 94-го отряда на украинской земле. Встреча была приурочена к 30-летию боя под Лубнами, последнего нашего боя в составе 94-го отряда.

С вокзала мы поехали на Владимирскую улицу — место нашей встречи. Узнаем ли друг друга через тридцать лет? После войны отыскалось несколько десятков бывших бойцов и командиров отряда.

Инициатором встречи стал бывший секретарь партийного бюро 94-го отряда К. М. Кузенков.

Медленно прохаживались мы от гостиницы «Киев» до памятника Богдану Хмельницкому в ожидании боевых друзей. И вот они стали подходить. Появился бывший начальник заставы лейтенант запаса А. Дунаевский, приехавший из Одессы. Подошел богатырского сложения железнодорожник, а в ту далекую пору командир отделения Пантелей Криворотов. Появился помощник начальника отделения штаба отряда Герой Советского Союза генерал-майор запаса Михаил Наумов. Вслед за ним подошел бывший пограничник заставы лейтенанта Аникина Аркадий Углицких. Подходили и другие. Нас собралось одиннадцать человек. Лишь один из них, точнее,

одна из них не являлась бойцом отряда, но она была нашим товарищем и другом. Через двадцать лет отыскалась жена политрука Скляра, Альбертина Жанновна, и собралась в эту поездку. В специальном автобусе, который нам предоставил штаб Западного пограничного округа, мы все вместе отправились по местам, где когда-то гремели жестокие бои.

За окном автобуса мелькали знакомые и в то же время незнакомые места — так все изменилось за эти годы. Мы узнавали и не узнавали дороги, села, по которым и через которые шли тридцать лет назад, у которых и за которые бились насмерть с фашистами, вооруженными до зубов, закованными в броню. Было ли все это: разрывы снарядов, вой мин, лязг танковых гусениц, треск пулеметных и автоматных очередей? Мирный пейзаж за окном. Утопают в зелени садов украинские села. Пыхтят на полях тракторы. Как море колышется вызревшая пшеница. Легкий ветерок гонит по ней безмятежные волны. Да, было. Все было. Они хотели стереть нас с лица земли огнем, пытались раздавить гусеницами танков, жаждали смять, опрокинуть, заставить навсегда замолчать, признать их силу, превосходство. Но не они, а мы едем через тридцать лет по этим местам. Их нет. Не мы, а они были смяты, опрокинуты, раздавлены, стерты с лица земли. Пережив самые неимоверные испытания, мы дотла испепелили в справедливой борьбе фашистское чудовище.

Глядел я на эти поля и села, что остались в памяти, как осколки в земле, и думал. Думал о том, что как ни тяжела была война, как ни велики были страдания народа, как ни долог был наш путь к победе, как ни жива до сих пор в сердце боль о погибших, пропавших без вести, а вспоминается былое с гордостью. Тем, кто прошел по многотрудным фронтовым дорогам от первого дня войны до последнего, есть чем гордиться. Мы верили в нашу победу с первого дня. Верили тогда, когда в наших руках оставалась последняя граната, а в винтовке последний патрон.

Нет, не только горечь поражений вкусили мы. Мы познали и радость побед. И победы начались не только тогда, когда мы погнали гитлеровские войска от Москвы, от Сталинграда, от Курска, когда победно прошли через всю Европу. Победа рождалась с первого ответного выстрела на границе, с первого ответного броска гранаты, с первого свалившегося замертво от нашего огня фашиста, с первого подбитого танка врага.

Вот и на этих полях, в этих селах, на этих дорогах, по которым мы сейчас проезжали, бойцы и командиры нашего 94-го

пограничного отряда сделали все возможное и невозможное, чтобы остановить врага, задержать его, не дать пройти легким маршем к Москве, Сталинграду, Курску. Ни в тактическом, ни в техническом отношении мы не были готовы к тем боям. Мы были пограничниками. Мы не могли по всем общепринятым нормам отражать напор танковых и моторизованных лавин врага. Нашим уделом было бороться с одиночками и небольшими группами тайного и явного противника. Но потребовалось, и мы научились сражаться с регулярной армией противника, дотоле не знавшего поражения, покорившего без труда почти всю Европу.

Обгоняя большегрузые «МАЗы», наш автобус мчался по Бело-Церковскому шоссе. Я смотрел на спокойного водителя автобуса пограничника Виктора Брагина и вспоминал очень похожего на него девятнадцатилетнего паренька из Красной Вишеры Андрея Ермакова, который в июне 1941 года вот так же невозмутимо вел машину к месту нашего боевого крещения под Корыстышевом. И мы тогда вышвырнули фашистов за линию государственной границы. Мы в первом же бою увидели спину врага. Мы разгромили батальон, а сами потеряли лишь одного бойца — пулеметчика Ивана Фирсова. Да вот прильнувший к окну автобуса Аркадий Углицких был ранен.

О чем думает он сейчас? Ему не пришлось пройти по этим местам с отрядом, он был отправлен в госпиталь. Но он тоже прошел через всю войну. И ему было что вспомнить о ней.

— Смотрите, вот Гребенка! — воскликнул кто-то.

Да, это та самая Гребенка, где мы, выходя из Устиновского леса, форсировали болото. Это болото на всю жизнь запомнилось тем, кто здесь тогда оказался. Оно было хуже, чем немецкие танки. Где-то я читал: снаряд, ударивший в гранитную скалу, все же выбьет в ней если не трещину, то щербинку, непременно оставит след. Снаряд самого крупного калибра, ударив в болото, утонет в нем, но следа не оставит. Ударит, взметнет столб грязи — и все! Будто и не было его. Никакого следа. Все затянулось, все — такое же, как и было. Страшное то было болото. Но мы одолели и его.

В Попельне, на месте нашего боя с немецкими танками 14 июля 1941 года, мы встретились еще с одним пограничником нашего 94-го погранотряда — И. И. Ивановым, потерявшим в бою у Попельни обе ноги, и бывшим начальником заставы 95-го пограничного отряда майором в отставке И. Е. Качелубой, поселившимися после войны в этих местах. Мы встречались с рабочими и школьниками в Попельне, рассказывали о том, что

происходило на их земле тридцать лет назад. А дети дарили нам цветы. Но дороже цветов была их любовь к тем, кто пал смертью героев в 1941 году. Дети ухаживают за памятниками, поставленными на попельнянской земле, собирают все, что было связано с теми боями, в созданную ими комнату боевой славы нашего отряда. Во многом им помогает редактор местной газеты Ю. П. Тимченко, который несмотря на болезнь, взялся сопровождать нас в этой поездке.

Из Попельни мы двинулись в Елисаветовку, где в схватке с врагом дело дошло до рукопашной. Моросил дождь. И это только приблизило обстановку, в которой мы оказались тогда. Ведь и в тот июльский день также накрапывал дождик, только из густой пшеницы, где сейчас тянулись поля с сахарной свеклой, выползали бронированные немецкие машины. Сейчас по разбухшим полевым дорогам ехали колхозные машины к сахарному заводу в Кожанке.

Когда мы оказались в Елисаветовке, дождь усилился, словно оплакивая тех, кто пал в бою за это село. Мы вышли из автобуса. На площади, где когда-то рвались вражеские мины и снаряды, поднимались в небо столбы пыли и дыма, теперь разбит парк и среди деревьев стоит величественный гранитный обелиск с именами пограничников нашего отряда. Мы подошли к нему, положили цветы, стали в скорбном молчании. Ивы опустили ветви до самой земли. Вода попадала за воротник, текла по шее, по телу. Но нет сил пошевельнуться, стряхнуть оцепенение. Склонила голову, не шелохнется Альбертина Жанновна. Не думала и не гадала тридцать лет назад, уезжая с заставы, что вот такой будет ее встреча с мужем Максимом Скляром. В 1942 году у Альбертины родилась дочь. Но, не дожив и до двух лет, умерла. Это долгая история. В ней много горя. Но пережила его мужественная женщина, нашла силы не сдаться. Вот какая произошла встреча спустя тридцать лет после начала Великой Отечественной войны в Елисаветовке. На гранитной плите — имена шести начальников застав и двух политруков. Среди них и дорогое нам с Альбертиной имя Максима Скляра.

Мы всегда будем помнить тебя, Максим!

Дальше наш путь лежал в город, где 94-й пограничный отряд совершил свой последний подвиг на украинской земле, задержав здесь гитлеровскую дивизию, чем дал возможность выйти из окружения частям и соединениям 26-й армии Юго-Западного фронта. В Лубны приехали в час тридцать ночи и тепло простились с Альбертиной Жанновной. Она уезжала в Харьков, где жила последние годы.

Ночное прибытие в Лубны не обескуражило нас. Ведь тридцать лет назад я и многие товарищи, кто сейчас совершал поездку по местам былых боев, впервые оказались в этом городе тоже ночью. И это совпадение невольно оживляло прошлое, такое далекое теперь и по-прежнему близкое.

Утром 16 сентября, в день тридцатой годовщины нашего боя в Лубнах, нас принял первый секретарь Лубненского райкома партии В. Д. Опацкий. Василий Демьянович тепло говорил с нами, распорядился устроить наилучшим образом, организовал несколько встреч с молодежью города. Мы побывали в школе № 3, где директором бывший фронтовик капитан запаса А. С. Сирченко. Красные следопыты этой школы проделали огромную работу по описанию боевого пути 94-го пограничного отряда, а в канун 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции они приезжали в Москву, и мне и еще нескольким ветеранам отряда довелось вручать комсомольские билеты группе учащихся этой школы.

В школе № 7, куда нас также пригласили, действует пионерская пограничная застава, школьники ухаживают за памятником пограничникам отряда на Василенковом поле, переписываются с заставой имени нашего однополчанина Героя Советского Союза капитана Ивана Середы, павшего смертью храбрых в июле 1941 года близ села Голубятин. И этой школой руководит бывший фронтовик майор запаса И. Л. Устименко. Мы съездили в села Круглики и Ольшанка, где возложили цветы на могилы пограничников, павших в боях в 1941 году, беседовали с учащимися этих сел. Особенно памятной была встреча в средней школе-интернате, где учатся и воспитываются дети-сироты. Казалось бы, давным-давно загладились рубцы на опаленной огнем боев земле, запаханы воронки от бомб и снарядов, поднялись из руин и пепла города и села, а дети задают нам вопрос:

— Расскажите, пожалуйста, о войне.

Они задают его не только потому, что война запечатлелась в их детском воображении из рассказов старших, из книг и журналов, воссоздающих одну из самых драматических страниц в истории их страны, но и потому, что в том далеком прошлом они ищут пример для подражания. Ведь именно то героическое время родило истинных рыцарей войны, предпочитавших смерть жизни на коленях.

Вот и нас, бывших участников Великой Отечественной войны, пограничников 94-го отряда, сражавшихся на этих рубежах, дети попросили рассказать о войне. Их было восемьсот мальчиков и девочек, собравшихся на встречу с нами в акто-

вом зале школы, но, когда говорили мы, казалось, что зал не дышит, настолько внимательно слушали ребята рассказ о прошлом. Он трогал их до глубины души, он был близок им, ибо война прошла по их родной земле, опалила их Родину, унесла с собой многих близких и родных им людей.

Как-то на глаза мне попали записки двух советских журналистов, проехавших по Соединенным Штатам Америки маршрутом, по которому накануне второй мировой войны отправились по Америке И. Ильф и Е. Петров. Многое с тех пор изменилось в жизни крупнейшей капиталистической страны, но многое осталось по-прежнему. Колеся по американским дорогам, наши журналисты зорко примечали характерные черты американского образа жизни, американских взглядов, американского мышления. На одной из заправочных станций к ним в машину подсел молодой американец. Узнав, что перед ним советские люди, он сказал:

— А вы знаете, у нас дома есть русская военная медаль.

Оказалось, что во время войны его отец был моряком и три раза ходил в Мурманск. Сейчас отца уже нет. Мать хранит советскую медаль вместе с американскими орденами.

— Мама говорит, что отец называл русских героями. Рассказывал, что у вас были большие потери. Это правда?

— Правда,— ответили журналисты.

— Но ведь вы же вступили в войну позже нас.

— Кто это тебе сказал?

— Кажется, так говорили в школе,— смутился парень.— Впрочем, возможно, я слышал это по радио... Уже не помню, где я это слышал. Может быть, читал в газете... Вот так штука! Значит, на вас Германия напала раньше, чем на нас Япония! А я все думал, что вы присоединились к нам в конце войны. Какие же у вас были потери? Как у нас? Больше? Да ну! Больше трехсот тысяч? Больше полумиллиона? Перестаньте меня разыгрывать! Неужели больше миллиона?

Парень был потрясен, когда журналисты сказали ему, что за годы войны советский народ потерял двадцать миллионов человек.

— Какой ужас! — повторял он.— Какой ужас!

За время второй мировой войны на Америку упала всего одна неприятельская бомба. Ее запустили японцы с помощью воздушного шара. За все годы минувшей войны на американской земле взорвалось четыре вражеских снаряда. Их дождливой ночью выпалили украдкой подкравшиеся к западному побережью США японские миноносцы. Потери среди мирного населения Америки за войну составили... шесть человек.

Довелось прочитать и о впечатлениях одного советского историка, оказавшегося среди западногерманских школьников. Вот что они ответили ему на вопрос: «что вы знаете о Гитлере?»

— Он сделал для Германии много хорошего, и немецкий народ должен быть ему благодарен.

Мне, старому солдату, отшагавшему по военным дорогам тысячи верст и пробывшему на ней все тысяча четыреста восемнадцать дней, понятно, что тот парень, что повстречался советским журналистам на дорогах Америки, американские студенты, как и западногерманские школьники, не сами свои ответы придумали. Это результат пропаганды, буржуазных измышлений и фальшивок, которыми в изобилии снабжаются народы этих и некоторых других стран.

Когда мы прощались со школьниками из села Круглики и Ольшанка, у нас, ветеранов Великой Отечественной войны, было спокойно на душе. Наши советские дети знали правду о минувшей войне. Они знали, кто начал эту войну, кто виноват в ней. Они знали, почему мы одолели сильного, коварного, хорошо организованного и подготовленного к войне врага, какая была тут роль советского народа и нашей армии. На примере пограничников 94-го погранотряда они видели, как их деды и отцы отстаивали свободу и независимость Родины, социализм.

Прощаясь с ребятами, мы чувствовали, что боевая эстафета старшего поколения в надежных руках. Мы повстречались с юными, но истинными патриотами. Не хочу, чтобы они пережили все то, что пережили мы. Но если что-то случится, пусть они будут такими, как мы.

Вместо эпилога

Вот и подошел к концу мой рассказ о минувшей войне, о моих товарищах, живых и павших. Я ставил перед собой скромную задачу — на отдельных боевых и служебных эпизодах показать тот вклад, который внесли пограничники карпатской группы отрядов Украинского пограничного округа, прежде всего бойцы и командиры 94-го погранотряда, преобразованного в 92-й пограничный полк, в великое дело победы нашего народа над германским фашизмом.

Годы войны были насыщены событиями, обстановка зачастую менялась с такой молниеносной быстротой, что все я не

мог упомнить, рассказал лишь о том, что отложилось в памяти, что больше всего запомнилось, о чем нашел подтверждение в скупых записях архивных документов. Менялись в ходе боев бойцы и командиры. Поэтому не удалось рассказать обо всех, назвал только тех, с кем довелось быть рядом, кто помогал восстановить боевой путь отряда и полка, кто лучше запомнился в силу тех или иных обстоятельств.

Сейчас со многими однополчанами я переписываюсь, с другими время от времени встречаюсь. Идут письма и от незнакомых людей. Люди ищут родных и близких, боевых друзей и товарищей, вспоминают о былом. Отвечаю на эти письма, помогаю, чем могу.

«Извините, что беспокою Вас. Уверен, что Вы поймете мое волнение и ответите мне. В Вашей книге есть строки о полковом комиссаре Богатикове Иване Никифоровиче. Это мой отец. Он был комиссаром 42-й стрелковой дивизии, начал войну в Бресте, погиб при защите Сталинграда. Нет, ошибки быть не может, Вы встречались с моим отцом. Я Вас очень прошу встретиться с нами, его сыновьями. Владимир Богатиков».

«По профессии я врач и не так много читаю книг о войне. Случайно попалась Ваша. Часы, отданные ей, стали для меня часами глубоко проникающей гордости и благодарности людям, защищавшим в суровую пору Родину, всех нас, в том числе и меня, в то время несмышленого дошкольника. Книга так сильно подействовала на меня, что я зримо ощущал себя среди пограничников 94-го отряда, испытывал и переживал все, что испытывали и переживали они, касался плечами их плеч, негодовал вместе с ними и радовался. Разве мог враг покорить таких людей и такую страну, как наша!.. Вячеслав Михеев».

Хочется сказать немного о послевоенной судьбе командиров и бойцов 94-го отряда: где сейчас живут, что делают. Из города-героя Бреста приходят письма от начальника штаба отряда и командира полка полковника в отставке Ф. И. Врублевского. Дважды белорусский народ избирал Федора Ивановича в Верховный Совет республики. И после ухода на заслуженный отдых Ф. И. Врублевский, оставшись там, где прошли годы его тревожной молодости,— на границе, встречается с молодыми пограничниками, пионерами и школьниками, рассказывает им о былом, учит любить свое Отечество, свой народ, воспитывает в них готовность к подвигу.

Бывший комендант участка полковник запаса А. Л. Андрианов, комендатура которого насмерть билась с гитлеровцами у

Житомирского шоссе на подступах к Попельне, после войны работал в Главном управлении пограничных войск, командовал пограничным отрядом. Уволившись на пенсию, не остался сидеть дома. В Ленинградском морском пароходстве руководит партийной организацией.

Недавно в Киеве умер бывший начальник отряда генерал-майор в отставке П. И. Босый. В этом городе на одном из заводов работает старшим инженером и бывший комсомольский вожак отряда подполковник запаса П. А. Латышев. Бывший политрук заставы И. В. Сидоренко, кто с группой бойцов до последней возможности оборонял Лубненский мост, сейчас нормировщик в поселке Акбулак Оренбургской области. Старший лейтенант запаса В. В. Раевский — инженер научно-исследовательского института в Москве. В Министерстве внутренних дел СССР работает бывший помощник начальника отделения штаба нашего отряда, ныне генерал-майор Н. М. Буланов. В Махачкалу забросила судьба капитана запаса И. И. Комарова. В Новороссийске работает бывший начальник заставы майор запаса М. М. Трушевский. Окончил институт в Воронеже, стал юристом В. И. Тростянский. Руководит лабораторией Архангельского лесотехнического института бывший старший сержант запаса В. А. Лебедев. В Запорожье живет Н. Иванищев, в Киеве — полковник в отставке З. О. Блюмин, в деревне Андреевке Тульской области — бывший начальник штаба второго батальона капитан запаса В. А. Анисимов, которого вот уже восемнадцать лет подряд коммунисты колхоза избирают своим секретарем.

В одном из институтов города Донецка работает бывший начальник заставы капитан запаса В. М. Горбунов. В Красновишерском районе Пермской области поселились бывшие пограничники отряда М. В. Катин, П. П. Собянин, Г. П. Бычин, А. И. Ермаков, В. И. Собянин. Живут в разных концах страны И. И. Румянцев, П. С. Ведерников, М. А. Южанинов, П. Д. Овчинников, Ф. М. Антипин, П. Н. Криворотов, И. М. Заварзин, В. И. Скульский. Через всю войну прошли и сейчас добросовестно трудятся мои боевые товарищи по десятой заставе В. В. Борисов, П. Д. Дмитриев, А. М. Агафонов, П. Е. Елисеев. В Симферополе работает наш военный фельдшер К. Я. Осипов, с которым я прошел дорогами войны от начала до ее победного конца.

Накануне 30-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне стало известно о судьбе бывшего пограничника десятой заставы Г. Г. Вьюгова, который живет в Измаиле, нашелся в Полтаве майор запаса Н. И. Герасименко, из

Волгореченска откликнулся сержант запаса И. Н. Окольничников, в совхозе «Пролетарский» Омской области работает бывший командир отделения служебных собак одиннадцатой заставы А. А. Минин, в Архангельске живет сержант запаса И. П. Дерягин.

Прислал письмо из Рыбинска бывший артиллерист-наводчик 6-го полка войск НКВД Ф. М. Синев, который в бою под Попельней был в составе батареи капитана Юдина. Отозвались бывший начальник заставы А. В. Землянко из Лисичанска Ворошиловградской области, бывший политрук А. Ф. Чупахин из Смоленска, бывший начальник резервной заставы В. Я. Фомичев из Кривого Рога, бывший пограничник И. Д. Петров из Кудымкара.

Жив и тот, кто в один из самых тяжелых для всего Юго-Западного фронта дней — 14 июля 1941 года — возглавил сводный отряд пограничников на участке Фастов — Попельня — Казатин,— генерал-майор в отставке В. А. Абызов. Он работает в Липецке. Абызов прошел большой боевой путь. Был начальником войск по охране тыла 2-го Прибалтийского фронта, занимал другие ответственные посты.

Работая над этой книгой, я советовался со своими однополчанами. Огромную помощь мне оказали их письма, воспоминания. Показывал я свою рукопись и бывшему комиссару 94-го погранотряда полковнику в отставке Н. А. Авдюхину. К великому сожалению, наш боевой друг, наш комиссар не дожил до выхода книги, но читал рукопись и оставил такую запись на одной из страниц: «Боевой путь отряда в Великую Отечественную войну описан правдиво. Командование отряда еще в первом бою на государственной границе убедилось в том, что воины-пограничники обладают высоким боевым духом и подготовлены к выполнению боевых задач в самой трудной обстановке. Это подтвердилось в последующих боях с врагом — фашистскими войсками и убедительно описано... Свое желание дополнить некоторые моменты из боевой жизни отряда в силу тяжелой болезни не смог. Хочу отметить, что мои боевые товарищи по отряду, оставшиеся в живых, с гордостью вспоминают о том, как героически сражались за нашу Родину его бойцы и командиры. Эта книга посвящена светлой памяти тех, кто сделал все, чтобы приблизить День победы».

Содержание

Паджев М. Г.

П 12 Через всю войну. Изд. 2-е. М., Политиздат, 1976.

302 с.

Это суровый и правдивый рассказ о боевом пути одного из пограничных отрядов, охранявшего государственную границу в Карпатах. Бойцы и командиры его выполняли в годы войны самые разнообразные задания командования и встретили победу далеко за пределами Родины. Автор книги — бывший начальник заставы, затем командир пограничного батальона.

9(С)27

Паджев Михаил Григорьевич

ЧЕРЕЗ ВСЮ ВОЙНУ

Литературная запись *Ж. В. Таратуты*

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Л. Г. Беляева*

Младший редактор *А. С. Кочеткова*

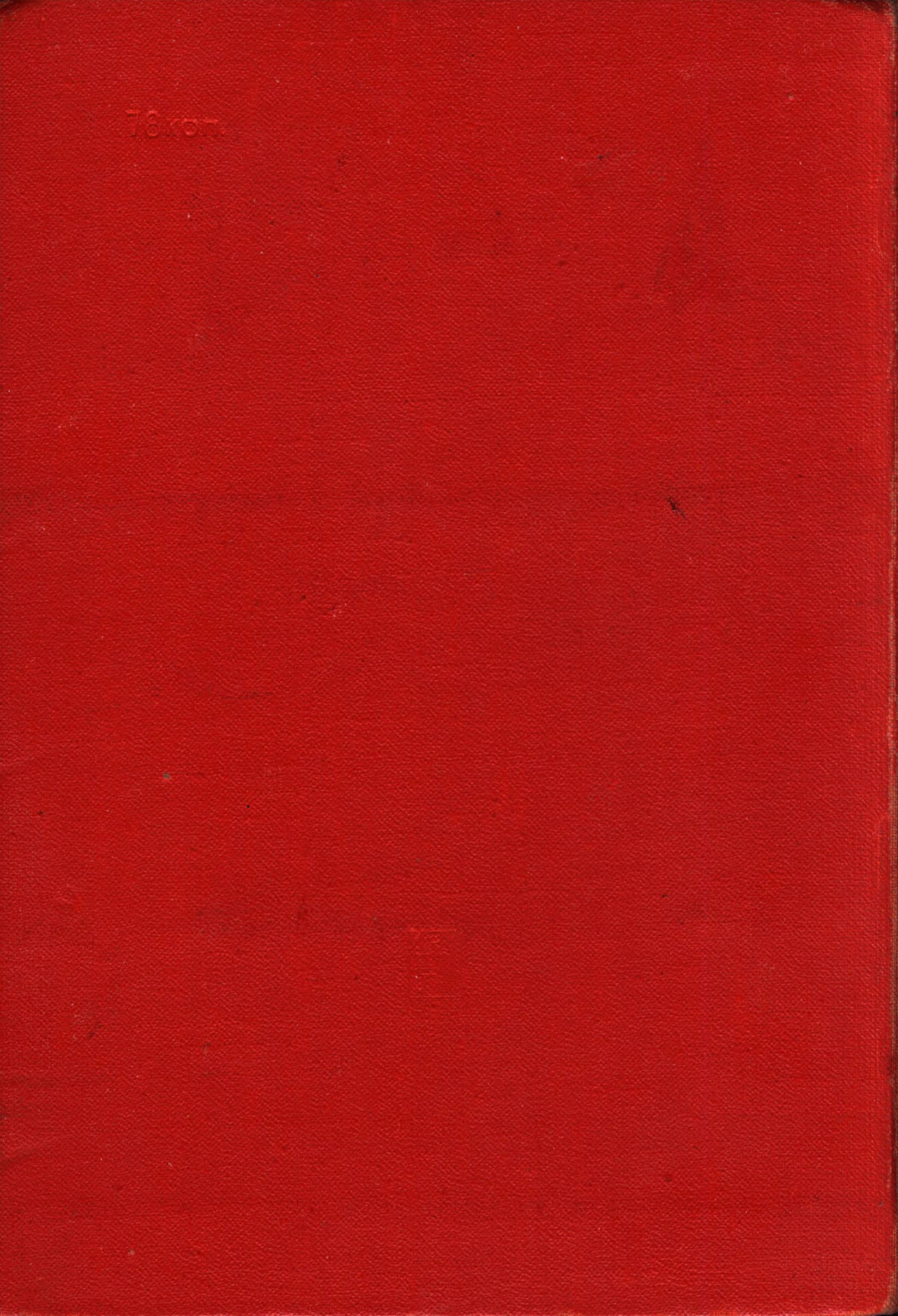
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Л. К. Уланова*

Сдано в набор 11 ноября 1975 г. Подписано в печать 13 февраля 1976 г. Формат $60 \times 84^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 17,67. Учетно-изд. л. 18,95. Тираж 200 тыс. экз. А 00026. Заказ № 182. Цена в подлакированном коленкоре 78 коп., в ледерине 79 коп.

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

78 коп.

М. Паджев
ЧЕРЕЗ ВСЮ ВОЙНУ